

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

24 эк

Борьба Советского Союза за мир и разрядку

**Борьба Коммунистической партии Японии
против великодержавного вмешательства Пекина**

Пекин: курсом нагнетания напряженности

**Об итогах III сессии Всекитайского собрания
народных представителей пятого созыва**

**Социально-экономическая политика китайского
руководства**

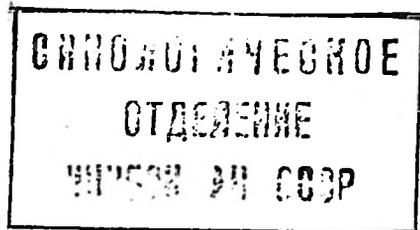
**Из истории образования Коммунистической
партии Китая**

**4
1980**

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 [36] 1980

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

2-й экз.

W

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Борьба Советского Союза за мир и разрядку
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- Борьба Коммунистической партии Японии против великодержавного вмешательства Пекина
- 14 *И. И. Коваленко*
- Относительно некоторых модификаций внутренней политики Пекина
- Л. М. Гудошников,*
28 *Р. М. Неронов*
- Пекин: курсом нагнетания напряженности
- 41 *В. К. Гришин*
- Решение социальных вопросов в Корейской Народно-Демократической Республике
- В. И. Андреев,*
55 *Н. М. Березкин*
- Об итогах III сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва
- Е. А. Коновалов,*
67 *Л. М. Моисеев,*
А. П. Морозов
- Маньчжурия после вывода советских войск (1946—1947 гг.) (Из записок советского дипломата)
- 80 *И. Н. Никитин*
- Характер изменений в системе управления народным хозяйством КНР
- 90 *В. Н. Ремыга*
- Некоторые тенденции в социально-экономической политике китайского руководства
- П. Б. Капралов,*
105 *А. М. Круглов,*
А. В. Островский
- Современная американская историография о китайско-американских отношениях в 1928—1937 гг.
- 117 *М. В. Коваль*
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Поражение маоизма в странах Восточной и Юго-Восточной Азии
- Р. М. Асламов,*
130 *Б. А. Болотин*

ИСТОРИЯ

- Из истории образования Коммунистической партии
Китая
143 *К. В. Шевелев*
К 25-летию гибели Гао Гана
155 *А. С. Титов*

КУЛЬТУРА

- Курахара Корэхито — исследователь русской литерату-
ры (Фрагмент японского пушкиноведения)
164 *А. И. Мамонов*

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- Э. Сноу и «китайская карта»
172 *Е. Г. Пащенко*

ВОСПОМИНАНИЯ

- Беседы о Лу Сине
(Из записок 30-х годов)
179 *В. Н. Рогов*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Политический портрет лидера антиимпериалистической
борьбы индонезийского народа
188 *Ю. Н. Гаврилов*
Монография о важном идейно-политическом течении
в Китае в конце XIX в.
190 *А. В. Меликсетов*
Южная Корея в планах империализма
194 *В. И. Андрианов*
Японские социаллисты о Советском Союзе
197 *Г. Д. Спекторов*
Экспансионизм Пекина на морских рубежах
199 *Г. А. Алексеев*
Из истории борьбы в руководстве КПК
200 *В. В. Арунов,
М. Ф. Юрьев*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Научный симпозиум по критике и разоблачению велико-
державной шовинистической политики пекинского руко-
водства в отношении МНР
203 *Р. М. Неронов*

- СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕ-
ГО ВОСТОКА» ЗА 1980 ГОД
206

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АС-
ТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ,
О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь),
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХ-
ВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕН-
КО

Борьба Советского Союза за мир и разрядку

В июле-августе 1980 г. состоялись ставшие традиционными встречи в Крыму Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с руководителями братских партий и государств — Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, ГДР, Лаоса, Монголии. Несколько ранее состоялись переговоры в Москве с партийно-правительственной делегацией социалистического Вьетнама. Крымские встречи 1980 г. явились продолжением и развитием результатов Варшавского совещания Политического Консультативного комитета стран — участниц Организации Варшавского Договора.

Среди важнейших процессов современного мирового развития перво-степенное место занимают крепнувшие сплоченность и единство социалистических государств, их всевозрастающее взаимодействие в осуществлении планов строительства нового общества, в борьбе за прочный мир на земле.

Продвинуть вперед разрядку напряженности, придать ей новое дыхание, обеспечить реальный поворот от гонки вооружений к разоружению, добиться справедливого политического урегулирования существующих конфликтных ситуаций — таковы главные задачи, на решение которых направлена внешняя политика стран социалистического содружества.

Крымские встречи 1980 г., несомненно, повысят уровень и расширят масштабы координации внешней политики социалистических государств. Они уточнили конкретные цели, к достижению которых будут направлены согласованные действия дружественных стран. Результаты этих встреч находят единодушное одобрение советских людей, трудящихся других братских стран, прогрессивной общественности всего мира.

Крымские встречи 1980 г. ознаменовали новый этап упрочения социалистического содружества, повышения эффективности экономических, политических и идеологических связей братских стран, возрастания роли специализации и кооперирования на основе согласованных долгосрочных программ. Растущие связи стран содружества будут стимулировать развитие национальных экономик, более полное использование внутренних ресурсов и преимуществ социалистических отношений.

Прогресс социалистического содружества, расширение его масштабов неизменно способствуют решению задач как внутреннего социально-экономического развития, строительства социализма и коммунизма, так и задач социалистической внешней политики в условиях сложной и напряженной международной обстановки.

В ходе бесед руководители братских партий подчеркнули, что причины усложнения международной обстановки заключаются в следующем:

— реакционные круги США и держав НАТО вознамерились нарушить сложившееся примерное равенство военных сил, обеспечить себе превосходство над социалистическим содружеством, пытаются даже возродить методы и аргументы эпохи «классического империализма»;

— негативное влияние на международные отношения оказывает партнерство империалистов и пекинских гегемонистов, которые ориентируются на дальнейшее нагнетание международной напряженности во имя осуществления своих великодержавных шовинистических замыслов.

Крутой поворот американской внешней политики в худшую сторону, к попыткам возрождения методов «холодной войны» и действий «с позиции силы», открытого подрыва дела разрядки, попрания суверенитета свободных народов — это не мимолетное поветрие, не предвыборный маневр. Это следствие целеустремленных усилий наиболее реакционных кругов американского империализма, стремящихся всеми силами воспрепятствовать процессу прогрессивных перемен в мире, повернуть этот процесс вспять. Потребуется немало усилий и времени, чтобы отстоять и упрочить разрядку, которая пустила глубокие корни в практику международных отношений и завоевала прочное место в сознании народов; она, несомненно, значительно окрепнет в результате этих новых испытаний. Залог тому — трудовой и политический подъем, неуклонный рост общественной активности советского народа в преддверии XXVI съезда партии, его непрестанные усилия по укреплению экономического и оборонного могущества нашей Родины.

Советские люди выражают единодушную поддержку внешней и внутренней политики партии. В ходе всенародного социалистического соревнования за достойную встречу XXVI съезда КПСС советский народ решает важные задачи борьбы за повышение эффективности производства и качества работы, ускорение роста производительности труда, строгое соблюдение режима экономии, укрепление трудовой и государственной дисциплины. Как свидетельствует проект «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г.», курс на повышение эффективности производства и качества продукции будет неуклонно проводиться и в предстоящие годы в интересах подъема благосостояния советского народа, усиления экономического обеспечения социальной политики КПСС, а также в целях укрепления материальной основы процесса разрядки и противодействия попыткам империалистической реакции отвлечь страны социализма от решения созидательных задач.

Люди доброй воли в различных странах обдумывают сейчас уроки истории, чтобы сделать из них выводы на будущее. Уроки эти многоплановы — они одновременно и трагические, и обнадеживающие. 35 лет тому назад на японские города Хиросиму и Нагасаки были сброшены американские атомные бомбы, уничтожившие более 300 тыс. человек. В борьбе за недопущение новых хиросимских и нагасакских трагедий, за оздоровление международной обстановки неутомимая деятельность Советского Союза и братских стран социализма постоянно находит сочувствие и поддержку широкой мировой общественности.

Сохранение мира на нашей планете — ключевая задача нашего времени. Советский Союз вместе с братскими странами продолжает активно действовать в этом направлении, и их усилия приносят благотворные плоды. В трезвомыслящих кругах капиталистических стран, в первую очередь в Западной Европе, крепнет убеждение в том, что сохранение разрядки жизненно важно для всего мира, и прежде всего для Европы.

Сейчас становится особенно очевидным, сколь дальновиден курс, ставший магистральным направлением согласованной внешней политики братских социалистических стран после Хельсинки: политическую разрядку дополнить разрядкой в военной области, снизить уровень военного противостояния, ограничить и прекратить гонку вооружений.

Огромный личный вклад в разработку и проведение этого курса вносит Леонид Ильич Брежнев. Его встречи с президентом Франции В. Жискаром д'Эстеном и канцлером ФРГ Г. Шмидтом убедительно про-

демонстрировали, что реализм и государственная мудрость, выдержка и стойкость, противопоставленные искусственно нагнетаемым эмоциям, приводят к благотворным результатам в деле достижения взаимопонимания между государствами с различным социальным строем.

Новые конструктивные предложения Советского Союза начать без промедления переговоры по ракетно-ядерному оружию средней дальности в Европе в органической увязке с вопросом об американских ядерных средствах передового базирования вновь продемонстрировали добрую волю и искреннее стремление сохранить и упрочить мир на планете. Последовательность и принципиальность, смелость в выдвижении инициатив и реализм в переговорах, готовность считаться с законными правами и интересами других — таковы характерные черты внешнеполитического курса Советского Союза, других социалистических государств. Советский Союз и братские социалистические страны выступают на международной арене в тесном взаимодействии друг с другом, и это взаимодействие придало принципиально новое направление развитию международных отношений. Именно социализму народы мира обязаны тем, что в 70-х годах было достигнуто оздоровление международной обстановки, определяющей тенденцией развития отношений в мире стала разрядка.

«Разрядка, — отмечается в постановлении июньского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС, — есть закономерный результат сложившегося в последние десятилетия соотношения сил на мировой арене. Достигнутое военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма — это завоевание принципиального, исторического значения... Расчеты поколебать это равновесие обречены на провал».

Новые мирные инициативы, выдвинутые странами — участницами Варшавского Договора, были встречены с огромным удовлетворением всеми, кому дороги мир и безопасность нашей планеты, потому что они полностью отвечают ленинской концепции мирного сосуществования государств различных социальных систем, берущей свое начало с Декрета о мире. Отвергая империалистическую политику силы, угнетение одних государств другими, советская внешняя политика исходит из уважения жизненных интересов всех народов, их священного права самим определить свою судьбу.

Живым воплощением великих идей марксизма-ленинизма, принципов пролетарского интернационализма стало сегодня могучее содружество социалистических государств. Коммунистические партии этих стран проявляют неустанную заботу об укреплении единства и о дальнейшем развитии сотрудничества братских стран, упрочении наших общих международных позиций. Участники встреч в Крыму подчеркнули, что сейчас, когда силы империализма и реакции пытаются открыто перейти в контрнаступление на разрядку, на мир, на права народов, единство действий социалистических стран в защите этих величайших ценностей важно, как никогда.

Опыт всей истории внешней политики Советского государства доказал, что такая политика выражает глубочайшие интересы широких народных масс. Товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал, что «сила нашей политики — в братском единстве наших стран, наших партий, наших народов, в нашей верности великим идеям марксизма-ленинизма, принципам социалистического интернационализма. Сила нашей политики в том, что она отвечает жизненным интересам сотен миллионов людей во всем мире, всех, кому нужен мир, а не война, кому дорого созидание, а не разрушение, кто хочет сотрудничества и взаимопонимания между народами, а не отчужденности и вражды». Всю планету облетели слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные в Алма-Ате: «Внешняя политика нашей страны — это ясная и честная политика мира, не направленная против кого-либо третьего. Мы не посягаем на

чьн-либо земли, не вмешиваемся ни в чьи внутренние дела. Но за свои права и законные интересы всегда сумеем постоять».

Советский Союз верен Программе мира, принятой XXIV и XXV съездами нашей партии. На этом пути в 70-х годах были достигнуты больше успехов. Расширились и окрепли позиции социализма, произошло оздоровление международной обстановки, был создан хороший задел для обеспечения надежной безопасности народов, продвижения вперед по пути обуздания гонки вооружения. Однако на рубеже нового десятилетия народы столкнулись с яростной контратакой сил реакции и империализма, которые не хотят признать необратимые исторические перемены, смириться с новым соотношением сил, сложившимся в мире.

Страны социалистического содружества, международное коммунистическое движение не могут упускать из виду то, что силы империализма и реакции продолжают форсировать материальную подготовку войны. Сегодня гонка вооружений достигла огромных масштабов — ежедневно в мире расходуется около полутора миллиардов долларов на вооружения. Советский Союз и другие страны социализма не считают войну неизбежной, но они не могут закрывать глаза на факт накопления и беспрестанного совершенствования и обновления оружия империалистическими государствами.

Империалистическая реакция во главе с правящими кругами США предпринимает все новые опасные шаги, пытается воскресить политику «с позиции силы», подменить дух Хельсинки духом «холодной войны». Чем объяснить милитаристский угар, царящий в Белом доме, какие пружины толкают президента Картера и его окружение на бесцеремонное попрание взятых Вашингтоном международных обязательств вопреки подлинным интересам самих Соединенных Штатов, на отказ от того хорошего, что было накоплено за годы разрядки усилиями многих народов и правительств? На этот вопрос дал ответ вышедший в отставку государственный секретарь С. Вэнс. Выступая 5 июня 1980 г. в Гарвардском университете, он отметил царящую среди американских правящих кругов ностальгию по «добрым старым временам», неприятие ими мира, который претерпевает быстрые изменения и в котором Вашингтон, увы, не обладает больше «абсолютной властью». Руководители военного блока НАТО, и прежде всего США, предпринимают активные шаги для того, чтобы взорвать стратегическое равновесие между Западом и Востоком к своей выгоде, в ущерб Советскому Союзу и всему социалистическому содружеству, в ущерб интересам разрядки и международной безопасности. Они хотят вернуть мир к временам политики «с позиции силы».

Как известно, в мае 1978 г. страны НАТО под нажимом США согласились на ежегодное автоматическое увеличение своих военных расходов до конца нынешнего столетия, а в декабре 1979 г. приняли решение о производстве и размещении в Западной Европе новых американских ракетно-ядерных средств средней дальности. Одновременно Вашингтон принял новую многомиллиардную программу ускоренного наращивания своих вооружений.

Яркое свидетельство милитаристской политики США — продолжающаяся затяжка ратификации Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Новая президентская директива номер 59 еще раз подтверждает, что Вашингтон не намерен отказываться от милитаристской политики, предусматривающей нанесение первым ядерного удара по Советскому Союзу. Эта директива вызвала бурные отклики как в Соединенных Штатах, так и западноевропейских странах, особенно в тех, которым планами Пентагона уготована роль ядерных заложников. Новые планы Вашингтона, как отметил западногерманский генерал Г. Бастиан, выступая на открытом диспуте, проводившемся совместно СДПГ и СвДПГ, по сути дела, ведут к перераспределению

«степени риска» внутри Атлантического союза. Соединенные Штаты, наращивая свои возможности ядерного удара по СССР, хотели бы все опасности, связанные с ядерной войной, переложить на Западную Европу, особенно на ФРГ, где предполагается сосредоточить главные силы нового ракетно-ядерного комплекса. Генерал Бастиан аргументированно опроверг ложный тезис о том, будто решение США является «ответной мерой» на действия Советского Союза, отметив, что размещение новых американских ракет средней дальности на территории ФРГ в действительности представляет собой новую опасную ступень эскалации гонки вооружений.

Не менее важным свидетельством возрастающей агрессивности политики Белого дома является создание «корпуса быстрого реагирования» — нового орудия империалистического диктата, провокационных акций в отношении Ирана и других стран, лихорадочный поиск мест для новых военных баз. Об этом говорит и откровенно империалистическое провозглашение Вашингтоном некоторых районов мира, главным образом тех, которые богаты нефтью, «сферами жизненно важных интересов США». Подобные действия, как подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, напоминают нравы американского «дикого Запада».

Таким образом, милитаристские круги Запада усиленно толкают свои правительства на дальнейшее форсирование гонки вооружений, на активное применение военной силы в международной политике. Так, в одном из докладов «Рэнд корпорэйшн», которая постоянно дает рекомендации военно-промышленным монополиям и Пентагону, говорится: «Как сверхдержава, которой история предопределила роль мирового руководителя, Соединенные Штаты, насколько можно ожидать, будут использовать свою военную силу, чтобы предотвратить крушение мирового порядка или по крайней мере защищать специфические интересы американских граждан, если их не обеспечит международное право». Отсюда делается вывод, что «все большее внимание должно уделяться развитию доктрины, планов вооружения и структуры вооруженных сил в ожидании возможного использования военной силы в каких-то критических ситуациях».

Нынешний курс США на мировой арене получил концентрированное выражение в так называемой «доктрине Картера», где определен поворот американской верхушки к агрессивной милитаристской политике, к возрождению «холодной войны». «Новая» военно-политическая доктрина означает очередную попытку Вашингтона решать свои внешнеполитические задачи преимущественно силовыми методами. В их арсенале — вмешательство во внутренние дела других государств, разжигание международных конфликтов и другие действия, обостряющие международную обстановку. Главным при этом остается ставка на военную силу во всем многообразии ее применения — от угроз и милитаристских демонстраций до прямых агрессивных действий.

Империалистическая пропаганда из кожи вон лезет, чтобы оправдать нынешний курс НАТО, пытаясь убедить широкую общественность, будто бы причиной обострения международной напряженности явились события в Афганистане. Но не с событий в Афганистане началось осложнение обстановки в мире, а с того поворота в политике Белого дома, который начался с новых планов вооружения НАТО, с наращивания военно-морских сил США в Индийском океане и Персидском заливе, с осуществления других мер, имеющих целью изменить сложившееся соотношение сил в мире, подавить нарастающую борьбу народов за освобождение от гнета империализма. Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что есть «глупые люди, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево.

пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком».

Но времена меняются, и сейчас на Западе все больше людей начинает понимать, где истинная причина афганских событий. Советский Союз ввел в Афганистан ограниченный воинский контингент после неоднократных просьб об этом законного правительства страны. Такая мера была продиктована тем, что со стороны некоторых соседних стран, и прежде всего Пакистана при поддержке США и Китая, осуществляются вооруженные действия против Демократической Республики Афганистан.

Империализм, прежде всего империализм США, стремится развернуть контрнаступление по широкому фронту. Звеньями одной цепи стали и лихорадочное вооружение государств — участников НАТО, и попытка различными методами удушить революции в Афганистане и Иране, и все более интенсивное военное проникновение США в Азию и в Африку, вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки и углубление политического и военного сотрудничества с Китаем.

Участники крымских встреч в 1980 г. подчеркнули насущную необходимость нормализации обстановки в Азии и отметили значительные достижения в укреплении позиции социализма и на этом континенте.

Характерной чертой политической жизни Азии является укрепление воли народов к миру и мирному сотрудничеству, социальному прогрессу, к защите национального суверенитета. Вместе с тем налицо опасная активность сил, враждебных делу свободы азиатских народов. Империалисты США и китайские гегемонисты, кажде на свой манер, серьезно отравляют международные отношения на Азиатском континенте, стремятся сохранять и обострять конфликтные ситуации — на Ближнем Востоке, вокруг Ирана, в связи с Апрельской революцией в Афганистане, прогрессивными переменами в Индокитае. Вызывает озабоченность обстановка в Юго-Восточной Азии, где гегемонизм Пекина, поддерживаемый США, препятствует созданию зоны мира и стабильности, установлению нормальных отношений между всеми странами этого региона. Большую роль в урегулировании отношений в ЮВА играет миролюбивый и принципиальный подход Вьетнама, Лаоса и Кампучии, отвечающий интересам всех стран Юго-Восточной Азии. Прочный мир в Азии может самым эффективным образом послужить оздоровлению мирового политического климата. Однако китайское руководство все более открыто демонстрирует переход к проимпериалистическому курсу во внешней политике, направленному (совместно или параллельно с империализмом) на обострение обстановки в мире, на подрыв разрядки международной напряженности — курсу, имеющему непосредственной целью создание глобального антисоветского альянса. Пекин превратился в главного организатора и вдохновителя контрреволюции, прислужника империализма, ударной силы мировой реакции в Азии, и прежде всего в ЮВА. В КНР объявили о подготовке к производству нейтронной бомбы, там, по существу, не скрывают шовинистического, великодержавного, милитаристского смысла «четырёх модернизаций». Находясь на сотом месте в мире по размерам национального дохода на душу населения, КНР вышла на третье место в мире по военным расходам.

В своих военно-политических целях империалистические круги Запада, особенно США, делают все больший упор на разыгрывание «китайской карты», на использование в своих интересах проникнутой великодержавными устремлениями, враждебной социалистическому содружеству политики китайского руководства, которое в немалой степени способствует нагнетанию международной напряженности.

Визит в КНР в сентябре этого года военно-политической делегации США во главе с заместителем министра обороны У. Перри рассматривался в Вашингтоне как «наиболее знаменательный» в истории разви-

вающихся американо-китайских отношений в военной области. На переговорах в Пекине, по сообщению агентства ЮПИ, разрабатывались планы модернизации огромной военной машины Китая, а также создания на китайской территории двух американских военных станций слежения, чтобы использовать их в целях военной разведки против Советского Союза. Это, как отмечает индийский еженедельник «Нью уэйв», является еще одним шагом на пути создания угрожающего военного альянса Вашингтон — Пекин.

Партнерство империализма и пекинского гегемонизма — это опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для народов США и Китая. Ярая враждебность пекинского руководства в отношении Советского Союза и других стран социалистического содружества воспринята правящими кругами Соединенных Штатов как крупный козырь в военно-политической игре.

Пекинское руководство уже давно пытается сколотить «широчайший единый фронт» с участием всех реакционных сил для борьбы против Советского Союза, против мирового социализма. Как известно, свою позицию Пекин пытается обосновать ссылками на мнимую «опасность Китая с Севера». О несостоятельности этой выдумки говорит тот факт, что со стороны СССР неоднократно предпринимались усилия для нормализации советско-китайских отношений на принципах мирного сосуществования. Не Советский Союз повинен в нынешнем состоянии отношений между нашими странами. СССР всегда с большим вниманием относился к китайской революции, оказывал народу Китая реальную помощь в борьбе против империализма, в строительстве новой жизни. Товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы хотели бы иметь нормальные, добрососедские отношения с этой страной. Об этом мы говорили раньше, и это повторяем теперь. Но отношения между любыми государствами строятся с двух сторон».

Не мнимая «угроза с Севера», но совсем другие причины, а именно шовинистический и великодержавный курс, привели Пекин к альянсу с врагами социализма и освободительного движения.

В результате возникают такие опасные вспышки международных конфликтов, как нападение Китая на Вьетнам, нынешняя подрывная деятельность вокруг Афганистана, Ирана и Кампучии, сосредоточение и растущая активность военно-морских и военно-воздушных сил США в зоне Персидского залива.

Советский Союз внимательно следит за развитием событий в Китае. В этой стране действительно происходят сейчас серьезные внутренние процессы. «Их, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — видно, как говорится, даже невооруженным глазом. Истинное их значение оценивать, наверное, еще рано. Ясно, однако, что уже сейчас некоторые маоистские концепции и в теории и в практике внутреннего развития страны, не имеющие ничего общего с социализмом, подвергаются в Китае открытой или негласной критике. Пресловутую «культурную революцию», например, там теперь открыто оценивают как величайшую катастрофу для китайского народа».

Но очевидно и другое. Все эти перемены не затронули главное — гегемонистский и агрессивный курс Китая на мировой арене. Более того, подкрепляемый политикой так называемых «четырёх модернизаций», а также оружием и кредитами буржуазных стран, этот курс становится еще более опасным.

Китайская политика решительно направлена против разрядки и широкого международного сотрудничества и, наоборот, способствует нагнетанию международной напряженности, саботирует практические меры по стабилизации обстановки в мире. Теперешние разглагольствования пекинских лидеров о пользе мира, об «отсрочке» мировой войны не

больше чем пропагандистский трюк, демагогия, рассчитанная на обман общественности. Маоистская стратегическая установка, преследующая цель обеспечить Китаю гегемонистское положение в мире, осталась неизменной. Именно об этом говорят итоги недавних визитов премьер-министра Госсовета КНР Хуа Гофэна в Японию, заместителя премьер-министра Госсовета КНР Гэн Бяо в США, поездки министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Западную Европу. Враждебность Китая в отношении Советского Союза и социалистического содружества рассматривается как крупный козырь в военно-политической игре Вашингтона. Есть сведения о намерении американских и японских монополий вложить в Китай десятки миллиардов долларов. Понятно, что при нынешней политике Пекина эти средства пойдут прежде всего на дальнейшую милитаризацию страны. Конечно, это еще не военный союз в буквальном понимании, но такого рода сближение Китая с империализмом в нынешней международной ситуации создает весьма опасное положение.

У миролюбивых народов не может не вызывать беспокойства дальнейшее развитие опасного альянса пекинского руководства с агрессивными кругами США, НАТО, Японии, расширение военных связей между империалистами и Пекином. Разглагольствуя о «советской военной угрозе», министр обороны США Г. Браун, по словам газеты «Джапан таймс», делает акцент на важность совместных усилий США, европейских стран НАТО, Японии и Китая в военной области. Такого рода альянс на антисоветской основе представляет собой, как известно, заветную мечту пекинских руководителей. Ведь Пекин в наши дни выступает в роли ревностного поборника «натоизации» Западной Европы, благославляет рост американского военного присутствия в Азии, поощряет перевооружение Японии и расширение ее роли в системе «договора безопасности».

«Угрозой с Севера» запугивают японцев и из Пекина, чтобы оправдать существование не мнимых, а подлинных очагов опасности — американских военных баз на японской земле, чтобы столкнуть Токио на антисоветские позиции. Но географическое положение Японии заставляет народ, переживший ужасы Хиросимы и Нагасаки, трезво смотреть на вещи. В век ядерного оружия Япония кровно заинтересована в том, чтобы Тихоокеанский бассейн представлял собой не узел глобальных противоречий, не очаг конфликтов или арену политических интриг, а зону мира и добрососедства.

Основной вопрос, который требует ответа в конце 70-х и начале 80-х годов, — это вопрос о судьбах и перспективах разрядки. Советский Союз исходит из того, что разрядка порождена глубинными объективными факторами, реально сложившимися на земном шаре соотношением экономических, политических и военных сил. Этот баланс сил не претерпел коренных изменений.

Сохраняются и важнейшие морально-психологические факторы. Идеи разрядки, мирного сосуществования укоренились в сознании сотен и сотен миллионов людей различных рас и наций, различного классового и социального положения, различных мировоззрений. Они уже глубоко вошли в современную международную жизнь, пустили корни достаточно основательно. И то, что разрядке нет разумной альтернативы, это не просто слова, а подтверждение реального положения в мире. Уже сейчас мы вправе сделать вывод, что политическая линия Вашингтона на срыв разрядки во многом не приносит и не может принести желаемых для ее инициаторов плодов. В странах Запада растет сопротивление общественности политике авантюризма и гонки вооружений, ширится требование сохранить и углубить разрядку. Все это серьезно ограничивает свободу действий агрессивных кругов США.

В последнее время на Западе становится заметным отрезвление, своего рода период раздумий, раздаются немало трезвых голосов в пра-

вающих кругах, которые ставят под сомнение политику США и считают, что только разрядка дает надежду на жизнь без военных конфликтов, на постепенное обуздание гонки вооружений. Свидетельством тому явился, в частности, уход из правительства США бывшего госсекретаря Вэнса, а также ряда чиновников госдепартамента.

Что касается Советского Союза, то он по-прежнему последовательно выступает за ослабление международной напряженности, в защиту разрядки, мира, добрососедства и сотрудничества между различными государствами. Хотя сейчас разрядка подвергается атакам с различных сторон, ее можно и должно отстоять. Мы за то, чтобы она носила универсальный характер, не ограничивалась рамками блоков, чтобы в ней равноправно участвовали все без исключения страны — большие и малые, чтобы она охватывала все районы мира и все области международных отношений.

Происки империализма и других врагов мира требуют постоянной бдительности и активности миролюбивых сил во всех странах, борьбы против планов империализма, направленных на достижение военного превосходства и осуществление мирового диктата.

В советских документах и предложениях, опубликованных в последнее время, содержится конкретная и конструктивная программа мер, необходимых для ликвидации очагов напряженности и опасных для всех народов тенденций в международном развитии. Они направлены на то, чтобы воздвигнуть непреодолимую преграду на пути возникновения новой войны, обеспечить торжество идей мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств с разным общественным строем. Эти меры предусматривают широкое развитие дипломатических контактов, проведение встреч, консультаций, сплочение вокруг дела мира всех демократических движений и организаций.

Важная новая мирная инициатива СССР содержится, в частности, в проекте резолюции «О некоторых неотложных мерах по уменьшению военной опасности», которую министр иностранных дел СССР А. А. Громыко предложил вынести на рассмотрение XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти предложения преследуют цель умножить усилия, направленные на сохранение и углубление разрядки международной напряженности и предотвращение войны, на создание эффективных преград безудержному взвинчиванию гонки вооружений и попыткам добиться односторонних военных преимуществ.

От имени Советского Союза А. А. Громыко представил также на сессии ГА ООН меморандум «За мир и разоружение, за гарантии международной безопасности». В нем Советский Союз обратился с призывом ко всем государствам отбросить всякие конъюнктурные соображения и расчеты, будь то внутреннего или внешнего порядка, отказаться от попыток достижения военно-стратегического превосходства, от стремления к гегемонии в глобальном или региональном масштабе, осознать, что жизненные интересы всех народов состоят в устранении угрозы ядерной катастрофы, в обеспечении мирного будущего.

В Меморандуме изложена широкая программа мер, осуществление которых необходимо для общего оздоровления международной обстановки. В нем рассматриваются такие проблемы, как прекращение гонки ядерных вооружений и необходимость отказа от применения силы в международных отношениях, ограничение и сокращение стратегических вооружений, предотвращение внезапного и несанкционированного нападения, нераспространение ядерного оружия, и другие важнейшие проблемы международной жизни.

Вступая в новое десятилетие, советские люди смотрят в будущее с оптимизмом. Как отметил А. А. Громыко: «Мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-

годы, добиться поворота к разоружению, поддержать право народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир».

Большинство стран Азии и Африки подвергают резкой критике военную активность Вашингтона и их союзников на этих континентах, предлагают конкретные меры по ликвидации военных баз, настаивают на прекращении западными державами политики вмешательства, диктата и шантажа. Решительный отпор гегемонистским притязаниям Вашингтона был дан в Специальном комитете ООН по вопросу об Индийском океане, практически все прибрежные и материковые государства потребовали ликвидации военных баз в этом регионе, они потребовали положить конец намерениям США утвердить себя в качестве мирового жандарма. Стремление прибрежных государств защитить свой суверенитет от посягательств империалистических держав, превратить Индийский океан в зону мира и сотрудничества находит широкую поддержку у Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Последовательную и принципиальную позицию занимает наша страна по вопросу об иностранных военных базах в этом районе. Она была предельно ясно сформулирована в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС. «За последнее время в ряде стран, — подчеркивал уже тогда Л. И. Брежнев, — множатся выступления за то, чтобы район Индийского океана не стал ареной создания военных баз тех или иных держав. Мы сочувствуем этим выступлениям. Что касается Советского Союза, то мы не имели и не имеем намерения строить военные базы в Индийском океане. И мы призываем Соединенные Штаты Америки занять такую же позицию». Разумеется, ликвидация военных баз создала бы качественно новую обстановку для положительного решения вопроса о превращении Индийского океана в зону мира и установлении прочного мира в этом районе.

* * *

Империалистическая политика, идущая вразрез с коренными интересами народов, бесперспективна. В остром противоборстве с милитаризмом борцы за мир и прогресс решительно отстаивают самое священное право человека — право на жизнь и в конечном счете, несомненно, одержат верх.

В сложившейся обстановке самая важная и неотложная задача — не допустить, чтобы империалистическая политика «с позиции силы» вытесняла разрядку, чтобы маховик гонки вооружений набрал новую грозную скорость. Задача эта реальная. Для ее решения есть объективные возможности и общественно-политические силы, сознающие свою ответственность за судьбы человечества. Попытки Вашингтона похоронить разрядку, опять бросить мир в объятия «холодной войны» отвергнуты народными массами. В самых разных кругах, в том числе и среди союзников США, понимают необходимость сохранения и углубления разрядки, мирного международного сотрудничества, необходимость обуздания гонки вооружений. Жизнь убеждает: ни одной серьезной проблемы в мире не решить бряцанием оружия. Единственный разумный путь — это путь переговоров, основанных на строгом соблюдении принципов равенства и одинаковой безопасности.

Ныне, как никогда, от народов требуются высокая бдительность, мобилизация всех сил на борьбу против авантюристических замыслов врагов мира, за сохранение и углубление разрядки, обеспечение мирного будущего человечества. Антивоенный день, проведенный по случаю 41-й годовщины развязывания второй мировой войны, показал, что в благородное движение борьбы за мир включаются все более широкие

общественные круги. В десятках стран прошли массовые демонстрации людей доброй воли под лозунгами обуздания гонки вооружений, разоблачения ее вашингтонских, натовских и пекинских подстрекателей, поддержки конструктивных миролюбивых инициатив социалистических стран. В современных условиях огромное значение приобретают сплоченность и активные действия международного коммунистического движения, сотрудничество братских партий в борьбе за мир и социальный прогресс, против империализма и его агрессивных антинародных планов.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества решительно противопоставляют империалистической доктрине гонки вооружений и военной истерии доктрину последовательной борьбы за мир и безопасность на земле. Наш народ полностью и единодушно одобряет ленинский миролюбивый курс КПСС и Советского государства. Этот курс Советский Союз будет проводить и впредь — целеустремленно, активно, неуклонно.

«Советские коммунисты горды тем, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — что они взяли на себя трудную, но благородную миссию быть в первых рядах борцов за то, чтобы отвести от народов опасности, связанные с продолжением гонки вооружений. Наша партия призывает все народы, все страны объединить свои усилия для того, чтобы положить конец этому пагубному процессу».

Испытанный путь к сбережению и упрочению разрядки — углубление и расширение политического диалога и контактов между странами с различными социальными системами. В канун XXVI съезда КПСС Советский Союз выступил с целым рядом новых инициатив, которые обеспечивают дальнейшее упрочение процесса разрядки, продолжают и развивают великую Программу мира, столь много сделавшую в борьбе за мир в 70-е годы нашего столетия, открывают перспективы преодоления сложности и напряженности в мировой обстановке 80-х годов.

Участники встреч в Крыму летом 1980 г. подчеркнули, что затруднения в процессе разрядки, вызванные сомнительным альянсом империализма и гегемонизма, вполне преодолимы. Нет таких проблем в Европе, Азии, в других частях мира, которые социалистические страны не были бы готовы урегулировать за столом переговоров. Нет сомнения, что XXVI съезд КПСС вновь ознаменует новый победоносный этап в борьбе за мир и социальный прогресс. Новые инициативы СССР отвечают жизненным интересам народов нашей планеты и опираются на решающие завоевания строителей нового мира, борцов за национальное и социальное освобождение. Миролюбивые государства располагают достаточными силами и влиянием, чтобы преодолеть опасное нагнетание напряженности и стабилизировать международную обстановку.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Борьба Коммунистической партии Японии против великодержавного вмешательства Пекина

---

*И. И. Коваленко,
доктор исторических наук*

Напряженная борьба, которую ведет сегодня КПЯ против великодержавной политики китайского руководства, не случайное явление. Начало ее относится еще к тем временам, когда пекинские лидеры навязали японской компартии левоэкстремистский курс, приведший партию к глубокому расколу в 1950 г. Восстановление единства рядов КПЯ потребовало почти десять лет напряженной работы здоровых сил партии, ее лучших теоретических кадров, чтобы правильно осмыслить накопленный опыт и выработать новый стратегический курс и тактическую линию, которые обеспечили демократическим силам Японии успешное продвижение по пути мира и социального прогресса.

Этот курс был выработан на VII съезде партии в 1958 г. и закреплён в программе КПЯ, одобренной на VIII съезде партии в 1961 г.

Программа партии исходила из того, что Япония была зависимой страной и что ее социально-экономическое развитие во многом определялось военно-политическим союзом с США, носившим неравноправный характер. В условиях небывалого социального потрясения, вызванного военным поражением и послевоенной разрухой, правящие круги Японии вынуждены были пойти на широкий военно-политический союз с США, видя в нем гарантию сохранения своих экономических привилегий и политической власти.

При этом руководство КПЯ неоднократно отмечало, что сложившийся после войны японо-американский союз был взаимно выгоден как японским, так и американским правящим кругам. Японский монополистический капитал стремился с помощью США восстановить свои пошатнувшиеся позиции во всех областях хозяйственной и политической жизни страны и с помощью американских штыков оградить себя от гнева народных масс, доведенных до крайней нищеты. Американский империализм со своей стороны получил в лице Японии мощную военно-стратегическую базу для подавления национально-освободительного движения, получившего столь широкий размах в этой части земного шара.

Японский народ оказался под двойным прессом угнетения — со стороны местного монополистического капитала и со стороны американского империализма. Поэтому решения VIII съезда ориентировали партию на необходимость развертывания борьбы против двух врагов — империализма Соединенных Штатов и японского монополистического капитала, которые тесно связаны между собой и подавляют и эксплуатируют рабочий класс и широкие массы трудового народа Японии.

Японо-американская реакция, получившая чувствительный удар в ходе борьбы против «договора безопасности», развернувшейся в 1959—1960 гг., вместе с правящими кругами Японии извлекла для себя необходимые уроки и направила свои усилия на разрушение единства демократических сил, на изоляцию КПЯ от ее союзников — СПЯ

и Сохё и других демократических сил. Американские и японские спецслужбы усилили подрывную деятельность в массовых организациях, направляя главный удар против КПЯ. В качестве главного орудия раскола они стали использовать Партию демократического социализма (ПДС) и Национальный совет профсоюзов (Дзэнро). С помощью этих правореформистских организаций американские политики и правящие круги Японии пытались создать новое антикоммунистическое течение внутри социалистической партии, Генерального совета профсоюзов, Совета связи независимых профсоюзов, среди деятелей науки и культуры, которые участвовали в борьбе против «договора безопасности».

Сомкнувшись с антипартийными элементами, исключенными из КПЯ, и используя их одностороннюю «теорию антимонополистической борьбы», недооценивавшую задачу борьбы против империализма, включая борьбу против «договора безопасности», правые социал-демократы пытались свести все демократическое движение к борьбе против монополистического капитала. Они взяли на вооружение «теорию структурных реформ», исключавшую прямую конфронтацию с американо-японскими реакционными силами, возлагая надежды на добровольные уступки правительству и монополистического капитала. Правые лидеры СПЯ стали внедрять этот реформистский курс в движение за мир, в демократическое и профсоюзное движение.

Усиление правого течения внутри СПЯ привело к фактическому развалу организации совместной борьбы против «договора безопасности». Возобновивший свою деятельность в марте 1961 г. Национальный совет борьбы против «договора безопасности», в защиту мира и демократии оказался в 1963 г. фактически парализованным. Этому в немалой степени способствовал раскол, происшедший в это время в движении за запрещение атомного и водородного оружия.

Новым фактором, осложнявшим обстановку в демократическом движении, явилось образование в 1961 г. на основе антикоммунизма политических партий среднего пути — Партии демократического социализма и партии Комэйто, взявших на себя неблагоприятную роль исполнителей планов японо-американской реакции по расколу левых сил.

С другой стороны, указание VIII съезда КПЯ о необходимости борьбы против двух врагов встретило сопротивление внешних сил, под влиянием которых левооппортунистические элементы, сохранившиеся в партии еще со времени ее раскола в 1950 г., стали толковать программу партии таким образом, что единственным врагом японского народа является американский империализм и что основная борьба революционных сил Японии должна быть направлена только против него. Что же касается второго врага — японского монополистического капитала, который выступал в роли главного эксплуататора японского рабочего класса и других трудовых слоев населения, а также осуществлял политику жестоких репрессий против прогрессивных сил страны, то японские сектанты и догматики, находившиеся под влиянием КПК, пытались доказать, что разжиревшие и разбогатевшие японские монополии якобы тоже являются жертвами американского империализма и могут служить «союзниками» рабочего класса в борьбе за свободу и национальную независимость японского народа.

Для подтверждения этого положения в Пекине была сконструирована концепция так называемых «промежуточных зон». С ее помощью делалась попытка подменить марксистско-ленинское учение о противоборстве двух систем, социализма и капитализма, националистической схемой, согласно которой между США и социалистическими странами лежат две промежуточные зоны. К первой, «главной зоне революционных бурь» маоисты отнесли страны Азии, Африки и Латинской Америки, ко второй — промышленно развитые капиталистические страны

Западной Европы, а также Японию, Австралию и Канаду, которые якобы «превратились в объект угнетения со стороны США» и в силу этого занимают антиамериканские, антиимпериалистические позиции.

Выдвигая эту «теорию», маоисты пытались добиться создания «антиамериканского патриотического единого фронта», в который допускались бы не только борющиеся народы, но и страны империалистического лагеря. Стремясь привлечь на свою сторону японский монополистический капитал, маоисты поставили перед собой задачу создать такой антиамериканский патриотический единый фронт прежде всего в Японии и стали усиленно навязывать эту концепцию японским демократическим силам. При этом маоисты имели в виду включить в этот фронт не только левые партии и массовые организации японских трудящихся, но и японские монополии, объединив, таким образом, в единой организации эксплуатируемых и эксплуататоров.

Включив в «промежуточную зону» не только Японию, но и страны Западной Европы на том основании, что на их территории находятся американские войска или они входят в военно-политический блок НАТО, Пекин пытался навязать колониальный или полуколониальный статут развитым капиталистическим странам, давно вступившим в стадию империалистического развития. Эта вредная антимарксистская концепция полностью опровергается обстановкой, сложившейся как в Западной Европе, так и в Японии. Если исходить из того, что все страны, на территории которых расположены американские войска, следует считать колониями или полуколониями, то можно легко прийти к опасному выводу об исчезновении мирового империализма.

Основной огонь критики руководство КПК направляло против общепринятых оценок мирового развития и задач международного коммунистического движения. Маоисты пытались навязать братским партиям свои антимарксистские взгляды по таким важным вопросам, как определение характера современной эпохи, основные ее противоречия и главные силы мирового революционного движения; война и мир; стратегия и тактика в мировом революционном процессе; формы и методы борьбы против империализма; мирные и немирные формы перехода от капитализма к социализму; сочетание национальных и интернациональных задач в деятельности коммунистических партий; абсолютизация опыта китайской революции и пр.

В конце 1962 г. китайское руководство начало публикацию целой серии статей против братских партий (итальянской, французской, американской, индийской и др.). Основные взгляды КПК были в конспективной форме изложены в письме ЦК КПК от 14 июля 1963 г. под претенциозным названием «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения», которое адресовалось ЦК КПСС. В ходе развернувшейся полемики руководство КПК опубликовало 9 статей, непосредственно направленных против КПСС. В этих статьях, хотя они и облекались в марксистскую оболочку, маоистское руководство показало, что оно порывает с марксизмом-ленинизмом и пытается подменить это великое и всепобеждающее учение мелкобуржуазными националистическими концепциями, именуемыми «идеями Мао Цзэдуна». Руководители КПК пытались представить маонизм в качестве марксизма-ленинизма современной эпохи, а КПК — в виде центра мирового коммунистического движения. Партии, которые в той или иной форме воспринимали маоистские концепции, объявлялись «подлинно марксистско-ленинскими», а те, которые твердо отстаивали чистоту марксизма-ленинизма, назывались «ревизионистскими», якобы капитулировавшими перед американским империализмом.

Затем лидеры КПК от чисто полемических приемов борьбы перешли к откровенно пропагандистским и наконец к чисто политическим формам борьбы против КПСС и других братских партий. Главным со-

держанием этой борьбы становится махровый антисоветизм во всех его формах и разновидностях. Наиболее характерными особенностями борьбы против КПСС стали требование о политическом и организационном размежевании с КПСС и другими коммунистическими партиями, как «изменившими делу революции»; отказ от какого-либо единства действий с КПСС в борьбе против империализма; открытое вмешательство во внутренние дела КПСС и Советского Союза; попытки дискредитировать КПСС и подорвать авторитет Советского Союза на международной арене; проведение провокационной политики, направленной на обострение международной обстановки; создание вооруженных конфликтов и попытка вызвать вооруженное столкновение между СССР и США. Впоследствии эти основные направления борьбы маоистов против КПСС и других братских партий дополнялись новыми пропагандистскими тезисами и формами политической борьбы.

Не ограничиваясь пропагандой своих псевдомарксистских, а по существу, великодержавных взглядов и отвергая все предложения братских партий по налаживанию единства действий против империализма, пекинские лидеры стали на путь открытого раскола коммунистических партий, инспирируя появление различных раскольнических, подрывных партий и групп. Однако жизнь полностью опровергла все маоистские концепции, а созданные с их помощью раскольнические группировки в разных странах впадают в жалкое существование и находятся на грани полного развала. Со временем сами маоисты убедились в несостоятельности своих концепций — от большинства из них они вынуждены были отказаться полностью, некоторые подверглись значительной модификации; многие положения, которые подвергались маоистами самой беспощадной критике, срочно китаизируются и вновь берутся на вооружение. То же самое происходит и в политике. Вчерашние заклятые враги становятся ближайшими друзьями, а бывших друзей зачислят в непримиримые враги.

КПЯ, ведя борьбу на два фронта — против правых социал-демократов и сомкнувшихся с ними левозкстремистских элементов маоистского толка, — проводила курс борьбы против двух врагов: американского империализма и японского монополистического капитала, — ориентировала массы на проведение антиимпериалистической, антимнополистической демократической революции, добиваясь единства действий всех освободительных сил, создания единого фронта.

Впервые позиция самостоятельности и независимости КПЯ была сформулирована на VII пленуме ЦК КПЯ в октябре 1963 г. На пленуме был рассмотрен вопрос о положении в международном коммунистическом движении и определено отношение КПЯ к проходившей в то время дискуссии между КПК, с одной стороны, и КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями — с другой.

В официальном издании КПЯ «50 лет Коммунистической партии Японии» дается следующая оценка позиции КПЯ в отношении существа возникших разногласий:

«Партия с самого начала международной дискуссии ясно выразила свою последовательную позицию борьбы против агрессии и войны американского империализма, твердо придерживалась независимой, самостоятельной позиции, которая не допускает ни следования за партией другой страны, ни вмешательства других партий в ее внутренние дела. Но в условиях усилившегося вмешательства VII пленум ЦК (VIII съезд), открывшийся в октябре 1963 г., глубоко изучил наряду с насущными политическими проблемами проблемы международного положения и международного коммунистического движения.

В принятой VII пленумом резолюции по проблемам международного коммунистического движения разъяснялось, что независимая, самостоятельная позиция КПЯ означает не нейтральную, пассивную

позицию по отношению к проблеме разногласий в международном коммунистическом движении, а активные поиски истины, борьбу с ошибочными тенденциями и является вкладом в истинное международное сплочение. Она явилась решительной позицией, не допускающей вмешательства никакой иностранной партии...

Позиция независимости и самостоятельности нашей партии исходит из партийной программы, основанной на принципах марксизма-ленинизма и указывающей генеральную линию революции в Японии, исходит из революционных принципов двух программных документов международного коммунистического движения, из принципиального самостоятельного изучения проблем, дискутируемых в международном коммунистическом движении, и правильного подхода к этим проблемам. Эта позиция означает стремление к достижению истины, к четкому определению правильных и ошибочных взглядов по каждой проблеме»¹.

На IX съезде КПЯ (ноябрь 1964 г.) был вновь подтвержден курс на самостоятельность и независимость. Съезд конкретизировал курс партии и в отношении всех демократических сил и одобрил линию на борьбу против «левых» и правых оппортунистов. Вместе с тем съезд указал на необходимость усиления борьбы за создание международного единого фронта против политики войны и агрессии американского империализма, высказался за сплочение международного коммунистического и демократического движения.

Съезд уточнил курс партии и сформулировал ближайшие задачи КПЯ под лозунгами «четырех знамен»: знамя антиимпериалистической, антимонополистической, демократической революции народа; знамя национально-демократического единого фронта; знамя строительства Коммунистической партии Японии, мощной и сплоченной в политическом, идеологическом и организационном отношениях; знамя международного единого фронта, выступающего за национальное освобождение и мир, против империализма во главе с американским империализмом.

На съезде были подвергнуты принципиальной критике современный догматизм и сектанство, проявление которых все еще имело место среди части членов партии.

В отчетном докладе ЦК КПЯ были осуждены «ревизионисты, избегающие борьбы с американским империализмом, считающие врагом народа только японский монополистический капитал и в конечном счете уклоняющиеся от борьбы с ним». В то же время было указано на ошибки тех, кто «пытается механически применять к условиям Японии требование создания международного единого фронта против американского империализма, односторонне проповедовать «антиамериканскую патриотическую борьбу» и практически уклоняться от борьбы с японским монополистическим капиталом»².

Одновременно руководство КПЯ выдвинуло идею создания единого антиимпериалистического фронта для усиления отпора американской агрессии во Вьетнаме. В качестве предпосылки создания такого фронта КПЯ выдвинула инициативу налаживания совместных действий СССР и КНР, имея в виду, что согласованные действия двух крупнейших социалистических государств и других миролюбивых сил заставят американских агрессоров отступить и прекратить военные действия против вьетнамского народа. Советский Союз, как известно, не раз предлагал китайскому руководству организовать совместные действия в поддержку героической борьбы вьетнамского народа, но всякий раз Пекин под разными предлогами уклонялся от принятия советского предложения.

¹ Нихон Кёсанто-но годзюэн. Токио, 1972, с. 29.

² «Дзэнэй», январь 1960, № 231, с. 21 (спецвыпуск).

Обстановка вокруг Вьетнама принимала все более серьезный характер, потому что группа Мао Цзэдуна в КПК провозгласила теорию «антиимпериалистического, антисоветского единого фронта», которая рассматривает КПСС и Советский Союз как общих врагов народов мира, и повела лобовую атаку против антиимпериалистического международного единого фронта, открыто призывая к расколу международного коммунистического движения. Группа Мао Цзэдуна требовала, чтобы коммунистические партии всего мира и антикоммунистические силы подчинились ее руководству под знаменем «идей Мао Цзэдуна» и приняли теорию антиимпериалистического, антисоветского единого фронта и теорию «народной войны», а против тех партий, которые отвергали это, повела нападки как на «ревизионистские» и «контрреволюционные»³.

Желая выяснить возможность координированных выступлений всех миролюбивых сил в поддержку Вьетнама, делегация КПЯ во главе с генеральным секретарем партии Кэндзи Миямото посетила в феврале — марте 1966 г. ДРВ, КНР и КНДР. Однако во время встречи в Пекине китайское руководство решительно отвергло предложение КПЯ о совместных действиях против американской агрессии во Вьетнаме. Вместо этого Мао Цзэдун поставил вопрос об организации совместных выступлений не против США, а против КПСС и Советского Союза, пытаясь убедить делегацию КПЯ, что именно СССР должен стать главным объектом борьбы, что КПСС якобы является особым отрядом американского империализма в рядах международного коммунистического движения.

Мао Цзэдун требовал «поставить КПСС в один ряд с американским империализмом и вести борьбу в антиамериканском и антисоветском едином фронте», как указывается в одном из документов КПЯ⁴. Руководство КПК настаивало на обожествлении Мао Цзэдуна и абсолютизации его «идей». Делегация КПЯ во главе с К. Миямото отвергла это ультимативное требование китайских лидеров как противоестественное и контрреволюционное по своему содержанию. Представители КПЯ не согласились также с китайской точкой зрения о необходимости развертывания в Японии «народной войны», то есть партизанского движения, и свертывания легальных форм борьбы, в частности прекращения парламентской деятельности КПЯ.

Делегация КПЯ отказалась подписать коммюнике с КПК на неприемлемых для нее условиях и вернулась на родину.

В брошюре «Подлинные факты истории КПЯ, искажаемые антипартийными элементами, порвавшими с партией» дается следующее изложение истории возникновения разногласий между КПЯ и КПК: «Еще в 1961 г. наша партия выразила свое несогласие с точкой зрения Китая на теорию неизбежности раскола в коммунистическом движении, а в 1963—1964 гг. наша партия выступила за созыв совещания с целью достижения единства действий против агрессии США во Вьетнаме и в других странах на основе полного согласия и единодушия всех заинтересованных стран. Однако КПК заявила, что подобное совещание «лучше не проводить, чем проводить». Что же касается международного демократического движения, то руководители КПК рассматривали его в основном как трибуну для разоблачения ревизионизма, в то время как наша партия придавала серьезное значение успеху единых действий против политики агрессии и войны, проводившейся американским империализмом. Это видно, если внимательно изучить документы и материалы двух партий того времени. Эти раз-

³ См.: Нихон Кёсанто-но годзюэнэн, с. 47.

⁴ Подробнее см. брошюру ЦК КПЯ «Нихон Кёсанто-но ёндзю го нэн» (45 лет Коммунистической партии Японии). Токно, 1967, с. 93.

личия во взглядах обсуждались также внутри каждой партии. В ноябре 1965 г. на страницах китайской печати появилась статья, в которой выдвигалась идея создания «единого антиамериканского и антисоветского фронта», исключая участие СССР в единых действиях. Причем все, кто не соглашался с этим китайским тезисом, обвинялись в отступничестве. Это еще более усилило разногласия между КПЯ и КПК»⁵.

В апреле был созван IV пленум ЦК КПЯ, который единодушно одобрил деятельность делегации на переговорах в Пекине, принял решение проводить революционную линию на основе самостоятельности и независимости. Газета «Акахата», излагая решение пленума, писала, что «все большую актуальность приобретает сочетание пролетарского интернационализма с патриотизмом и все более неотложной становится задача самостоятельности и независимости». Подводя итоги работы пленума, газета указывала, что КПЯ должна руководствоваться тремя принципами в международном коммунистическом движении: «1) защищать революционные принципы и нормы взаимоотношений между братскими партиями; 2) отстаивать самостоятельную и независимую позицию на основе марксизма-ленинизма; 3) вести последовательную борьбу против современного ревизионизма, догматизма и сектанства»⁶.

Однако не все члены партии правильно восприняли решения IV пленума КПЯ. Некоторая часть руководящих деятелей отошла от программных установок партии на создание единого антиимпериалистического, антимонополистического фронта, принятых на VIII съезде партии, и заняла, в частности, ошибочную позицию в отношении забастовки, которая готовилась профсоюзами в ходе весенней борьбы в 1964 г. Негативное отношение к одной из крупнейших забастовок, назначенной на 17 апреля 1964 г., объяснялось тем, что К. Миямото и другие члены Политбюро отсутствовали в стране, а часть руководящих деятелей (Кацуми Кикунами и др.) взяли односторонний курс на установление так называемого «единого антиамериканского патриотического фронта», который в то время Мао Цзэдун и КПК навязывали японскому народу в качестве главной задачи борьбы. В то время при проведении стачечной борьбы, как отмечается в упоминавшейся выше брошюре «Подлинные факты истории КПЯ, искажаемые антипартийными элементами, порвавшими с партией», имела место недооценка важности экономической борьбы рабочих против монополистического капитала и все рассматривалось с точки зрения борьбы против американского империализма. Дело дошло до того, что фактически основной целью считалось не допустить забастовки. В основе этой ошибки лежало «раблепное следование указаниям зарубежной партии»⁷.

Отпор, который получило маоистское руководство как в ходе переговоров в Пекине, так и на IV пленуме ЦК КПЯ по ряду важнейших проблем мирового развития и международного коммунистического движения, повлек за собой кампанию грубых нападок со стороны КПК на Коммунистическую партию Японии. Маоисты и их последователи в Японии стали возводить клеветнические обвинения на КПЯ и ее руководителей, обвинять их в «антимаоизме» и «антикитаизме», в «ревизионизме» и «предательстве дела революции». Они стали бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела КПЯ и массовых демократических организаций, встали на путь подстрекательства и подрывной деятельности.

⁵ Ханто тэнракуся га югамэру то-си но синдзичу (Подлинные факты истории КПЯ, искажаемые антипартийными элементами, порвавшими с партией). Токио, 1978, с. 29.

⁶ «Акахата», 11. V. 1966.

⁷ Ханто тэнракуся..., с. 34.

Летом 1966 г. они пригласили в Пекин представителей 15 стран, которые ушли с XII международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия, устроили в их честь митинг, на котором решения международной конференции, которую проводил Гэнсуйкэ, были объявлены «ревизионистскими» и якобы не имеющими законной силы.

Особые усилия маоисты направляли на овладение молодежным движением в Японии, пытаясь оторвать его от КПЯ и толкнуть на путь экстремистских провокационных выступлений. Под прицел маоистов была взята Лига демократической молодежи (Нихон минсю сэй-нэн домэй), которую они хотели превратить в орудие борьбы против Компартии Японии. Однако за китайскими раскольниками пошла лишь жалкая кучка отщепенцев. Лига демократической молодежи отказалась от проведения совместного фестиваля дружбы между японской и китайской молодежью и твердо стояла и стоит на стороне партии против всех провокационных вылазок маоистов и их последователей в Японии.

Не менее позорное поражение маоистские элементы потерпели и в борьбе за Общество японо-китайской дружбы. Раскольники вынуждены были уйти из Общества и создать новую организацию, полностью находящуюся на служении Пекину. Основная масса участников движения за японо-китайскую дружбу осталась на стороне КПЯ и выступает за политику дружбы с китайским народом на принципиальной основе.

Атакам маоистов подверглись также Японский комитет солидарности со странами Азии и Африки, Конгресс японских журналистов и другие организации, большинство членов которых решительно осудили действия маоистских элементов, направленные на подчинение деятельности массовых организаций Японии интересам Пекина.

Состоявшийся в октябре 1966 г. X съезд КПЯ развил дальше концепцию самостоятельности и независимости, подтвердил необходимость усиления борьбы против китайского вмешательства.

Выступая с заключительным словом на X съезде КПЯ, К. Миямото уточнил смысл самостоятельной и независимой позиции КПЯ следующим образом: «Независимость и самостоятельность нашей партии в самой основе предусматривает два момента: во-первых, то, что она, как партия, несущая ответственность за революцию в Японии, самостоятельно ведет работу, строя на этой основе отношения подлинной солидарности со всеми коммунистическими партиями; вместе с тем она состоит в том, что содержание курса партии, естественно, соответствует японской действительности»⁸. При этом X съезд КПЯ не выдвигал задачу развертывания прямой полемики с КПК, исходя из необходимости сплочения рядов международного коммунистического движения.

«Исходя из желания добиться решения проблемы в закрытом порядке, съезд не прибегал к критике и полемике, непосредственно направленной против китайского руководства, вмешавшегося во внутренние дела. X съезд партии, несмотря на то что существовали разногласия по вопросу об отношениях с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями и по некоторым другим важным проблемам, вновь подтвердил принципиальную позицию КПЯ. Эта позиция заключается в том, чтобы прилагать усилия к достижению по мере возможности единых действий в борьбе против общего врага, при условии что зарубежные партии не будут занимать позиции, направленные на осуществление вмешательства и разрушение компартии и демократического движения в Японии»⁹.

⁸ Заключительное слово К. Миямото на X съезде КПЯ. — «Дзэнэй», 1966, № 258, с. 94.

⁹ Нихон Кёсанто-но годзюэн, с. 196.

Несмотря на явно выраженное X съездом желание КПЯ восстановить нормальные отношения с КПК, пекинские раскольники продолжали расширять свое вмешательство в демократическое движение Японии. Маоистские элементы из числа экстремистски настроенных японских группировок и китайцы, проживающие в Японии, организовали в феврале 1967 г. нападение на центральное правление Общества японо-китайской дружбы, избили руководящих работников и активистов общества и совершили ряд других хулиганских действий.

Пекин продолжал вмешиваться во внутренние дела КПЯ, пригласив в качестве почетных гостей исключенных из КПЯ Рюдзи Нисидзавы и его сторонников, которые по указке КПК развернули бурную деятельность в Японии с целью подорвать влияние компартии среди японского народа. Они издавали на китайские деньги большое количество литературы, в которой превозносились «идеи» Мао Цзэдуна и содержались открытые призывы к борьбе с КПЯ. Каким оскорблением со стороны средств массовой информации Китая подвергалась тогда КПЯ, видно из следующих хулиганских высказываний китайской печати.

«Группа Миямото предпринимает преступные действия против председателя Мао, против идей Мао Цзэдуна... Разве это не доказывает, что сами вы — постыдные предатели марксизма-ленинизма, слепо следующие за американским империализмом и советским ревизионизмом?»¹⁰

«Сейчас ревизионистская группа Миямото в КПЯ провозглашает «парламентский путь» и... подрывает антиамериканскую патриотическую борьбу японского народа... превращается в соучастницу преступлений американско-японской реакции»¹¹.

В своей ненависти к КПЯ китайские хунвэйбины дошли до открытого насилия над представителями КПЯ в Пекине. Кандидат в члены Президиума ЦК КПЯ Итиро Сунама и специальный корреспондент газеты «Акахата», покидавшие Китай по указанию ЦК КПЯ в знак протеста против грубого вмешательства Пекина во внутренние дела демократического движения в Японии, были жестоко избиты в пекинском аэропорту.

В ответ на эти и другие акты насилия против Компартии Японии и ее представителей в партийной печати КПЯ было опубликовано большое число статей, в которых доводилось до сведения всего мира факты подобных действий маоистов в Японии, подвергались критике левые экстремистские, троцкистские по своему существу ошибки авантюристического курса руководства КПК¹².

Подвергая справедливой критике клику Мао Цзэдуна и антипартийные элементы, слепо следующие за установками Пекина, за их отрицательное отношение к использованию парламента как одной из форм борьбы за завоевание власти, X съезд КПЯ заявил, что эти люди «не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом, нападают на нашу партию, обвиняя ее в перерождении в «парламентскую партию». Но в нашей стране, где парламентская система и демократия, хотя они и имеют серьезные ограничения, приняли такие развитые формы, необходимо уделять еще большее внимание борьбе на выбо-

¹⁰ «Бэйдзин жибао», 1967, № 50.

¹¹ «Жэньминь жибао», 3. XII. 1968.

¹² См. статьи в газете «Акахата» «Наш решительный ответ тем, кто вносит смуту» (21. VIII. 1967); «Современный политический курс Мао Цзэдуна» (10. X. 1967); «Решительно разгромим раскольнические махинации элементов, слепо следующих за иностранными силами» (6. XII. 1966); «Осуждаем незаконные нападки и вмешательство «Жэньминь жибао» и других в дела нашей партии» (19. III. 1967); «Издавательство над борьбой японского народа» (5. XII. 1968); «Никсон и американский империализм» (21. VIII. 1971); «Нынешняя линия Мао Цзэдуна и международное коммунистическое движение» (10. X. 1967) и др.

рах и парламентской деятельности. Без создания сильной парламентской фракции нашей партии трудно защищать интересы рабочего класса и трудящихся, добиться изменения политики Японии»¹³.

Характеризуя подрывную деятельность сторонников Пекина против различных японских демократических организаций, находящихся под контролем КПЯ, «Акахата» в декабре 1966 г. писала: «Они (китайцы и их сторонники в Японии. — И. К.) без всяких на то оснований поливают грязью Общество японо-китайской дружбы, Японский комитет солидарности со странами Азии и Африки, Конгресс японских журналистов, организации, связанные с торговлей, издательство «Джапан пресс», книготорговую компанию «Кёкуто сётэн», Общество женщин новой Японии и другие демократические организации, ведут раскольническую подрывную деятельность под видом «выхода» из этих организаций»¹⁴.

Далее «Акахата» указывала, что общим для всех подрывных действий маоистских элементов являлась тактика их выхода из организаций, в которые они входили, и стремление создать свои собственные организации. «Забыв о реальной действительности, в которой находилась Япония, — подчеркивала газета, — они, прикрываясь красивыми словами о «международной дружбе и солидарности», на деле абсолютизировали курс и внешнюю политику «определенной социалистической страны», теорию и практику «определенного руководителя этой страны».

Всех, кто выступал за подлинную дружбу на основе равенства, независимости и невмешательства во внутренние дела друг друга, маоистские приспешники обвиняли в «современном ревизионизме» и наклеивали ярлык «антикитайского элемента». Подобные действия маоистов, по мнению газеты, являлись не чем иным, как «навязыванием политического курса иностранного государства японским демократическим силам»¹⁵.

Углубляющийся раскол между компартиями Японии и Китая непосредственно затронул сферу японо-китайских отношений, и прежде всего так называемую «торговлю дружественных фирм», на долю которой приходилось в то время около 60 % общего объема торговли между двумя странами.

5 сентября 1966 г. китайские власти предложили представителям трех японских фирм, «Хага», «Муцуми» и «Сансин», к 7 сентября покинуть КНР. Эти фирмы составляли костяк одной из крупнейших японских организаций, осуществляющих «дружественную торговлю», — Ассоциация содействия развитию торговли между Китаем и Японией, связанной с КПЯ. Непосредственным поводом для высылки из КНР представителей названных компаний послужила критика в их адрес со стороны китайских властей за «отсутствие стремления к сотрудничеству» в деле подготовки к открытию китайской выставки в японском городе Китаюсю. В дальнейшем процесс свертывания китайцами торговли распространился и на другие японские «дружественные фирмы», поддерживающие КПЯ. Одновременно с этим китайские торговые организации стали отдавать предпочтение тем японским фирмам, которые не поддерживали КПЯ и имели связи с новыми прокитайскими группами и организациями в Японии, расширяя торговлю с ними.

По сообщению буржуазной газеты «Санкэй симбун», председатель Общества китайско-японской дружбы Ляо Чэнчжи пригласил 29 сентября представителей «дружественных фирм» и заявил им: «Китай

¹³ «Дзэнэй», 1966, № 258, с. 74.

¹⁴ «Акахата», 6. XII. 1966.

¹⁵ Там же.

выступает за дальнейшее развитие дружественной торговли, однако в Японии имеются люди, мешающие этому. Они проникли в японо-китайскую торговлю, надев на себя маску. Теперь мы порываем все отношения с этой группой людей»¹⁶.

В связи с создавшейся обстановкой «Акахата» выступила с редакционной статьей «За правильное развитие движения содействия расширению торговли между Востоком и Западом». В ней, в частности, говорилось: «От некоторых торговцев нашей страны требуют ответа, согласны они или нет с определенными позициями и взглядами по вопросам антиимпериалистических международных единых действий и единого фронта, по вопросам, относящимся к тактике японской революции. Кроме того, возникло положение, когда идеи руководителей определенной партии возводятся в абсолют в международном масштабе с позиций, требующих класть в основу экономического обмена пропаганду этих идей. При этом игнорируется самостоятельность торгового партнера, которого силой принуждают присоединиться к подобной пропаганде, а тех, кто проявляет самостоятельность суждений по данному вопросу, объявляют «недружественными»¹⁷.

В ходе «культурной революции» из Пекина все громче стали раздаваться призывы свергнуть «ревизионистскую клику Миямото», которая якобы толкает партию на путь сотрудничества с американским империализмом. В Пекине вскоре зачислили КПЯ в число своих «четырёх врагов»¹⁸.

Маоистам удалось создать в Японии ряд небольших, но крикливых организаций, которые наносят определенный вред демократическому движению страны. Политической линии и тактическим установкам этих прокитайских организаций свойственны узколобое сектантство, догматизм и авантюризм.

Крупнейшими организациями маоистского толка, действующими в Японии, являются Центральный Комитет Компартии Японии (левой) (Нихон кёсанто саха) во главе с М. Фукуда, одним из наиболее рьяных последователей Пекина, руководившим в свое время партийной организацией КПЯ в префектуре Ямагути. Пекинские лидеры надеялись с помощью Фукуда и его приверженцев опрокинуть центральное руководство партии и навязать ей «идеи Мао Цзэдуна» в качестве мировоззрения КПЯ. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Партия сумела отбить наскоки маоистов во главе с Фукуда и нанести этой фракционной группировке сокрушительное поражение. Теперь она влачит жалкое существование и держится на поверхности лишь благодаря щедрой помощи из Пекина.

Другой, не менее злостной антипартийной группировкой является Национальный комитет Компартии Японии (марксистско-ленинской) (Нихон кёсанто эмэл сюги дзэнкоку иинкай) во главе с бывшим членом руководства ЦК КПЯ Курадзи Андзай. Будучи ставленником Пекина, К. Андзай пытался взорвать партию изнутри, толкнуть ее на путь слепого следования антиленинским, левозэкстремистским установкам маоистского руководства.

Еще одной антипартийной группировкой, находящейся на службе Пекина, является Компартия Японии (марксисты-ленинцы) (Нихон кёсанто марксу-рэнинсюгися), во главе которой стоят известные раскольники и провокаторы Т. Сумиока и Т. Харада.

В опубликованной 3 апреля с. г. статье в газете «Акахата» содержится суровая критика подрывной деятельности этой псевдокоммунистической партии. В статье, в частности, говорится, что со второй по-

¹⁶ «Санкэй симбун», 1. X. 1966.

¹⁷ «Акахата», 18. IX. 1966.

¹⁸ Тремя другими были объявлены американский империализм, «советский ревизионизм» и японский милитаризм.

ловины 60-х годов антипартийные элементы пытаются посеять ядовитые зерна слепого следования за Пекином. «Группировка, возглавляемая Т. Сумиока и Т. Харада, давно исключенными из КПЯ за антипартийную деятельность и выполнение функций агентов Китая, является собой образчик полнейшего отсутствия принципов, за исключением одного — беспрекословного выполнения воли и прихотей своих пекинских хозяев в деле подрыва КПЯ и японского прогрессивного движения».

На конкретных фактах газета разоблачает маневры китайских гегемонистов за последние 14 лет. Начав свою деятельность в пользу Пекина в 1966 г. с борьбы против так называемых «четырёх врагов», эта антипартийная группировка сосредоточила свои усилия на клевете на КПСС и КПЯ. В начале 70-х годов, после визита тогдашнего президента США Р. Никсона в Китай, провозглашением Пекином пресловутой «теории трех миров» и его поворота в сторону блокирования с Вашингтоном, указывает газета, китайские лакеи в Японии напрочь отбросили даже словесное осуждение американского империализма, стали восхвалять агрессивную стратегию США как «оборонительную». Вслед за Пекином эта группировка совершила поворот в своей политике на 180 градусов и докатилась до одобрения японо-американского «договора безопасности» и японских «сил самообороны».

«По существу, антипартийная группировка Сумиока — Харада является последовательной лишь в одном — в слепом следовании за великодержавным вмешательством китайских руководителей и подрывной деятельности в отношении КПЯ. Компартия Японии будет вести решительную борьбу вплоть до полного разгрома подобного великодержавного вмешательства и происков антипартийной группировки, являющейся продуктом этого великодержавного вмешательства», — подчеркивает в заключение газета¹⁹.

К трем вышеуказанным группировкам, именующим себя «коммунистическими», примыкает так называемая «рабочая партия», возглавляемая старым ренегатом Т. Окума. Претендуя на особую роль в рабочем движении, эта «партия» издает свой печатный орган «Родосья» («Рабочий»), который от начала до конца заполняется китайскими материалами, клеветующими на Советский Союз и Коммунистическую партию Японии.

Активными проводниками китайской политики в молодежном движении Японии, особенно среди студенчества, являются Фракция революционного марксизма революционного студенчества (Какумару ха), Фракция ядра революционного студенческого союза (Тюоаку ха), Фракция центрального секретариата 4-го Интернационала (Дай ён инта тую сёкикёку ха), Всеяпонский антиимпериалистический студенческий совет (Дзэнкоку хэнтэй гакусэй хёгикай), Союз коммунистов-бундовцев (Бундо), Фракция Красной Армии (Сэкигун ха) и некоторые другие.

Многие из этих организаций связаны с правым подпольем и японскими властями. Они нередко действуют как банды уголовных преступников: совершают политические убийства, взрывают различного рода правительственные объекты, совершают угон самолетов и т. д. При этом правительство не принимает решительных мер для пресечения провокационных актов этих ультралевых организаций, так как их преступные действия умело используются буржуазной пропагандой для дискредитации КПЯ и всего левого движения.

КПЯ мобилизует свои силы на борьбу против подрывной деятельности Пекина не только внутри Японии, но и последовательно разоблачает гегемонистские устремления великоханьских шовинистов на

¹⁹ «Акахата», 3. IV. 1980.

международной арене, их прямой сговор с американским империализмом на антисоветской основе.

Вот что пишет первый заместитель председателя Президиума ЦК КПЯ Тэцудзо Фува: «Китайская сторона на 180 градусов изменила свою внешнеполитическую линию: она стала считать главным врагом Советский Союз и на этой основе блокировалась с американским империализмом, начала одобрять японо-американский «договор безопасности» как военный союз, направленный против СССР; стала одобрительно относиться также к усилению японских войск самообороны. Продвигаясь вперед по этому пути, внешняя политика Китая к настоящему времени достигла следующей стадии своей эскалации. Сейчас на страницах «Жэньминь жибао» на все лады превозносятся система японо-американского «договора безопасности» и фашистский курс на укрепление военной мощи страны (такое отношение проявляется к самым различным мерам, начиная с выработки «Инструкции по проведению совместных японо-американских операций» и кончая подготовкой законодательства на случай чрезвычайных обстоятельств, пятого плана обороны и т. д.). Все это рассматривается как средство противостояния «угрозе» со стороны Советского Союза.

Дело дошло до того, что китайские газеты стали подстрекать к возрождению японского милитаризма и укреплению военного союза между Японией и США в таком тоне, как если бы это исходило по крайней мере от ястребов из либерально-демократической партии. В Европе «Жэньминь жибао» поддерживает НАТО, до небес превозносит предпринимаемые ФРГ и другими странами всевозможные усилия по наращиванию и укреплению вооруженных сил и вооружений. Во всех районах Азии и Африки, там, где США осуществляют свое вмешательство, Китай под предлогом борьбы против СССР фактически выступает пособником Соединенных Штатов в проведении империалистической политики. Таким образом, Китай встал на проимпериалистические, промилитаристские позиции»²⁰.

Руководство КПЯ решительно выступает против попыток Пекина и Вашингтона втянуть Японию в их опасные заговоры, направленные против дела мира и безопасности народов. КПЯ постоянно напоминает народу, что территория Японии может в любое время стать опорным пунктом агрессии, если широкие массы народа ослабят бдительность и прекратят борьбу против милитаризации Японии, против японо-американского «договора безопасности» и попыток Пекина втянуть страну в его антисоветскую стратегию.

Выступая на пленуме ЦК КПЯ (август 1979 г.), К. Миямото поставил вопрос о необходимости усиления борьбы против японо-американского военного союза еще и потому, что он становится основой укрепления союзнических отношений между США, Японией, Китаем и Южной Кореей. Одновременно К. Миямото указал на особую опасность китайского гегемонизма, проявлением которого явилась агрессия Пекина против Вьетнама, а также нагнетаемая маоистским руководством обстановка напряженности в районе Индокитая и всей Юго-Восточной Азии.

Наглые заявления Пекина о его намерении «преподать Вьетнаму еще один урок, — отмечалось в предвыборной программе КПЯ (август 1979), — лишь обостряют обстановку в районе Индокитая и направлены на подрыв мира в Азии и во всем мире... играют на руку империалистическим силам»²¹.

Последовательная борьба Коммунистической партии Японии против великодержавного вмешательства китайского руководства во внут-

²⁰ «Дзэнэй», 1979, № 441, с. 48.

²¹ Цит. по: «Правда», 22. X. 1979.

ренние дела демократического движения страны, против попыток Пекина навязать свою волю японскому народу, разоблачение агрессивных и великодержавных устремлений современных маоистов находят горячий отклик среди широких масс трудящихся.

В резолюции XV съезда и в последующих документах КПЯ подчеркивается, что партия до конца будет вести решительную борьбу против великодержавного вмешательства Китая и происков слепо следующих за Китаем антипартийных группировок.

Разоблачая маневры правящих кругов Японии, пытающихся вместе с США разыгрывать «китайскую карту» в борьбе против СССР и всех прогрессивных сил мира, XV съезд КПЯ подчеркнул: «Правительство ЛДП все больше укрепляет фактически союзнические отношения с Китаем и Южной Кореей, осью которых является японо-американский военный союз. Этот союз между Японией, США, Китаем и Кореей стал источником усиления напряженности в Азии... Союзнические отношения с Китаем приобретают ощутимые формы в результате взаимной поддержки, выражающейся в том, что Япония и США попустительствовали агрессии Китая против Вьетнама, а Китай поддерживает американско-японский военный союз и возрождение японского милитаризма, а также в результате совместной пропагандистской кампании по осуждению трех стран Индокитая»²².

Съезд поставил перед прогрессивными, демократическими силами задачу: продолжать борьбу против реакционной внешней политики ЛДП, направленной на сколачивание четырехстороннего союза на антисоветской, антикоммунистической основе, — и призвал коммунистов приложить все силы к тому, чтобы сделать 80-е годы десятилетием прогресса и реформ в стране, победы единого фронта, прогрессивных сил как в области демократического обновления японского общества, так и в области пересмотра внешнеполитического курса страны в интересах упрочения мира и международного сотрудничества.

²² «Акахата», 1. III. 1980.

Относительно некоторых модификаций внутренней политики Пекина

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук,
Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук*

Современное внутривластное развитие КНР представляет собой сложный и неоднозначный процесс, определяемый стремлением ее руководителей продолжать маоцзедуновский стратегический курс на создание мощной военно-промышленной державы модифицированными методами, включающими использование ряда рациональных установок и форм политического и хозяйственного руководства, которые направлены прежде всего на более эффективное проведение этого стратегического курса, связываемого сейчас с программой «четырёх модернизаций». Новым наглядным подтверждением этого процесса явились III сессия ВСНП и НПКСК пятого созыва, закончившая свою работу в сентябре 1980 г., и подготовка XII съезда КПК. Эти мероприятия являются свидетельством того, что модификации внутренней политики китайского руководства отражают его тактическое маневрирование в рамках единого стратегического курса в целях поиска более эффективных путей осуществления гегемонистских целей. Еще в конце 1978 г. оно резко изменило основную линию своей внутренней политики и пытается выработать компромиссный вариант «модернизированного» маоизма.

Как известно, XI съезд КПК, который закрепил в своих документах тезисы, провозглашенные на важных общекитайских совещаниях 1976—1977 гг., и I сессия ВСНП пятого созыва (февраль — март 1978 г.) практически подтвердили линию «ортодоксального» маоизма, направленную на искусственное сохранение и обострение так называемой «классовой борьбы» на «весь исторический период социализма». На I сессии ВСНП пятого созыва Хуа Гофэн подчеркивал: «Чтобы ускорить социалистическую модернизацию в четырех областях, нужно рассматривать классовую борьбу как решающее звено и твердо придерживаться курса на борьбу пролетариата против буржуазии, великой теории председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата»¹.

Однако начиная с III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) вместо лозунга «классовая борьба — решающее звено» была провозглашена новая «генеральная задача»: «своевременно и решительно закончить широкое общенациональное массовое движение за разоблачение и критику Линь Бяо и «четверки», перенести центр тяжести работы всей партии и переключить внимание всего народа страны на осуществление социалистической (в маоистском смысле. — Авт.) модернизации». В решении пленума с трафаретной ссылкой на выдвинутое якобы Мао Цзедуном в 1957 г. положение давалась установка на фактический отказ от «классовой борьбы», составлявшей при Мао главный метод реализации внутренней политики: «...у нас в основном уже закончилась широкая, подобно буре, массовая классовая борьба, и вопросы классовой борьбы... должны разрешаться в соответствии с курсом на строгое разграничение и правильное урегулирование двух типов неодинаковых по своему характеру противоречий»².

¹ «Жэньминь жибао», 7. III. 1978.

² Там же, 24. XII. 1978.

В коммюнике пленума было указано, что такой поворот является «широкой и глубокой революцией», и призывалось «развивать и дальше «стабильность и сплочение», совершить «новый великий поход» за превращение страны к концу века в «великий Китай».

В конце января 1979 г. ЦК КПК в развитие документов пленума принял решение о снятии ярлыков с «четырех черных категорий» населения города и деревни — помещиков, кулаков, контрреволюционеров и «плохих» элементов³. Ярлык принадлежности к «черной категории» снимался также с их детей и родственников. Провозглашается, что отныне дети и родственники указанных лиц не должны подвергаться какой-либо дискриминации при поступлении на учебу и работу, наборе в армию, приеме в КСМЖ и КПК.

После III пленума ЦК КПК активизировалась деятельность по восстановлению в правах репрессированных в конце 50-х годов «правых элементов». В ходе этой работы, которая велась во исполнение решения ЦК о снятии ярлыка «правый элемент»⁴, парткомами и местными властями пересматривались «дела о правых элементах», реабилитированным лицам предоставлялась соответствующая работа и сохранялась прежняя зарплата⁵.

Решения III пленума ЦК КПК открыли дорогу и к официальным изменениям статуса буржуазии в Китае, отнесенной теперь к «социалистическим труженикам» с одновременным возвращением ей конфискованных в ходе «культурной революции» банковских вкладов, материальных ценностей, высоких окладов, собственности на жилые строения⁶. На III сессии ВСНП пятого созыва официально поставлен вопрос о частном секторе как третьем секторе экономики, наряду с государственным и кооперативным. Установка Мао Цзэдуна «классовая борьба — решающее звено, а все остальное — зависимые звенья», а также его постулат о «трех великих революционных движениях» — классовой борьбе, производстве и научном экспериментировании с отведением главного места «классовой борьбе» — были основательно парализованы. После III пленума ЦК КПК 11-го созыва установка о «решающем звене» была изменена так: «четыре модернизации — решающее звено». В «трех великих революционных движениях» на первое место выдвинулась не «классовая борьба», а «производственная борьба» и «научное экспериментирование». По-иному поставлен вопрос и о главном противоречии в китайском обществе: «Классовые противоречия объективно из главных противоречий превратились во второстепенные противоречия», а «производственная борьба и научное экспериментирование, естественно, стали главным противоречием общества».

Пересмотр методов внутренней политики в решениях III пленума ЦК КПК встретил непонимание и даже сопротивление во всем Китае, так как новое неопределенное толкование проблем основного противоречия китайского общества, классовой борьбы дезориентировало прежде всего кадровых работников на местах и пауперизированные массы китайского населения, составлявшие социальную опору политики «ортодоксального» маоизма. От «новой» политики на первом этапе страдают многомиллионные сельские массы населения, которые маоисты держат на уравнительном распределении, то есть обеспечивают лишь питанием на минимальном уровне. Это беднейшие слои китайской деревни, многодетные, нетрудоспособные, престарелые и т. п., которые еще в

³ Полностью документ не опубликован; его изложение см.: «Жэньминь жибао» 29. I. 1979. По изложению ясно, что документ разослан на места в виде «Уведомления ЦК».

⁴ Данное решение в печати лишь упомянуто и давалось частично в изложении газет КНР в 1978 г., например в «Жэньминь жибао», 17. XI. 1978, и др.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 17. X. 1978.

⁶ См. там же.

60-х годах составляли от 20 до 40 % сельского населения⁷, а затем эта масса обездоленных возросла в ходе «культурной революции».

Указанный поворот в социально-политическом курсе нашел закрепление в документах II сессии ВСНП пятого созыва (июнь — июль 1979 г.), IV пленума ЦК КПК (сентябрь 1979 г.), V пленума ЦК КПК (февраль 1980 г.), а также III сессии ВСНП пятого созыва (август — сентябрь 1980 г.). Социальная переориентация правящей группы на квалифицированных рабочих, интеллигенцию, более зажиточные (по китайским стандартам) слои крестьян, на буржуазные элементы усиливает растерянность и сопротивление со стороны полунищих слоев масс, воспитанных на маоцзедуновских эгалитарных приоритетах, а также со стороны низовых кадровых работников. Методы послемаоцзедуновского руководства вошли уже в острое противоречие со многими прежними политическими аксиомами Китая, и приходится жертвовать последними. В сентябре 1979 г., например, в печати было впервые сказано, что при реализации аграрной политики КПК нужен «отказ от лозунга опоры на бедняков и низшие слои середняков во избежание искусственного расширения классовых противоречий», так как это «порождает у середняков пассивность», воздействует на их детей и родственников⁸.

Решения III—V пленумов ЦК КПК до сих пор медленно реализуются, так как крайне сильна социальная инерция маоцзедуновского периода. Как писала печать Пекина, «решения III пленума не только не проводят в жизнь», но «считают, что некоторое время тому назад у нас «чрезмерно развили демократию», «раскрепощение сознания вывели «из орбиты», начали пересмотр прошлых дел «слишком быстро, как порыв ветра», дали крен «вправо» в политике партии»⁹.

Анализ наиболее важных изменений внутривластного курса, наблюдаемых с 1978 г. по сравнению с 1976—1977 гг., позволяет прийти к выводу, что левацкая часть платформы XI съезда КПК и I сессии ВСНП пятого созыва по внутренней политике все более дезавуируется и частично отбрасывается. Так, сняты с повестки дня «курс Дачжая» и «курс Дацина», которые в 1977 г. провозглашались в качестве «китайского пути» развития сельского хозяйства и промышленности, как путь создания «новых людей», как «путь к коммунизму».

Китайская печать выступила с признанием, что широко рекламировавшийся до последнего времени лозунг «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая» являлся «левацкой установкой, не способствовавшей развитию сельскохозяйственного производства». Например, в статье «Извлечь серьезные уроки из учебы у «образцов», которая появилась в провинциальной газете «Шаньси жибао» и была перепечатана в центральных органах информации, говорилось, что движение «учебы у Дачжая» не только явилось одной из форм проведения репрессивных акций и чисток периода «культурной революции», но использовалось в качестве инструмента противодействия сельскохозяйственной политике последних лет.

Как известно, лозунг «учебы у Дачжая», то есть у производственной бригады деревни Дачжай в уезде Сиян (провинция Шаньси), принадлежал самому Мао и был им брошен в 1964 г.; лозунг выступал затем в качестве основной установки политики КПК в деревне. В 1975 и 1976 гг. были проведены два всекитайских совещания по распространению «передового опыта Дачжая». С докладами и речами по распространению «опыта Дачжая» на этих совещаниях выступили нынешний председатель ЦК КПК Хуа Гофэн и «образцовый крестьянин» Чэн Юнгуэй, вознесенный мутной волной «культурной революции» на долж-

⁷ Новейшая история Китая, М., 1972, с. 346.

⁸ «Чжунго циньянь бао», 4. IX. 1979.

⁹ «Гуанмин жибао», 8. IX. 1979.

ность заместителя премьера Госсовета КНР¹⁰ и члена Политбюро ЦК КПК.

«Шанси жибао» сейчас пишет, что дачжайская бригада не могла служить в качестве образца для всего китайского сельского хозяйства. Однако в период «культурной революции» Дачжай и пропаганда его достижений были раздуты до степени всеобщего образца. Дачжай был представлен в качестве примера в деле ведения пресловутой «классовой борьбы», «всестороннего осуществления диктатуры пролетариата» в деревне. «Учиться» у него должны были не только крестьяне, но и рабочие, служащие сферы финансов, образования, культуры, спортсмены, ополченцы, полиция, молодежные и женские организации. Дачжай был представлен, таким образом, в качестве универсального образца внутренней политики. В частности, рекламировалось, как в Дачжае «цзаофани отбирали власть у идущих по капиталистическому пути», как Дачжай выступал в роли «передового отряда в кампании критики Линь Бяо и Конфуция», активно участвовал в критике правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов «культурной революции». А после устранения «банды четырех» Дачжай оказался «героем-исполином» в борьбе против указанной группировки¹¹.

Характерно, что отчетность об урожаях в Дачжае была фальсифицированной и с 1973 по 1977 г. завышалась, по свидетельству «Жэньминь жибао», на целую четверть. Выдавая Дачжай за процветающий образец «опоры на собственные силы» — в целях выжимания из китайских крестьян как можно больше средств для форсированной милитаризации Китая, — китайское руководство втихомолку «подкармливало» Дачжай. Так, округ Цзиньжун, в котором находятся Дачжай и Сиян, не считая переданных ему государством сельскохозяйственной техники и удобрений, получил с 1966 г. дотаций для капитального строительства в полеводстве свыше 25,6 млн. юаней, или по 600 юаней на каждый му дополнительно введенных в сельскохозяйственный оборот орошаемых полей¹². На строительство нашумевшего канала по «перевоске вод с Запада на Восток» в уезде Сиян было израсходовано без какого-либо эффекта 50 млн. юаней государственных ассигнований.

Характерной чертой движения за «распространение передового опыта Дачжая» стали приказный стиль, политическое давление вплоть до применения методов «диктатуры», насильственного навязывания всего комплекса «опыта Дачжая и Сяна». Вопрос правильного или «фальшивого» отношения к Дачжаю расценивался как критерий «правильного или фальшивого отношения к революции», как концентрированное проявление «борьбы между двумя классами, двумя путями и двумя линиями в деревне», как критерий партийности членов КПК и их отношения к Мао Цзэдуну и ЦК КПК. Подчеркивалось также, что следование Дачжаю неотделимо от «вопроса власти».

Критикуя сегодня «опыт Дачжая», в Китае не столько осуждают маоистскую линию в аграрном вопросе, сколько используют разоблачения в целях фракционной борьбы против деятелей, выдвинувшихся на высокие посты с помощью «учебы у Дачжая». К их числу относят человека, который, как указывала «Жэньминь жибао», «захватил в 1967 году власть в уезде Сиян». И хотя газеты не указывают конкретно имени, но, несомненно, речь идет о члене Политбюро ЦК КПК, бывшем заместителе премьера Госсовета КНР Чэнь Юнгуе, который стал председателем ревкома уезда Сиян в период «культурной революции».

¹⁰ От этой должности Чэнь Юнгуэй был освобожден в сентябре 1980 г. сессией ВСНП.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 18. VI. 1980.

¹² Там же.

В 1967 и последующие годы из парткомов различного уровня устранили тех, кто не разделял энтузиазма в отношении «пути Дачжая», тех, кого отнесли к «силам фракционной системы», кто проводил «три против, одно — срубание», то есть сопротивлявшихся маоцзедуновской линии и «подрубавших знамя Дачжая». Людей вытаскивали на митинги «борьбы и критики», снимали с должностей, подвергали арестам. «Жэньминь жибао» признает, что в ходе кампании «учебы у Дачжая» только в одном уезде Сиян «погибли противоестественной смертью 141 человек, а 1372 человека были подвергнуты различным репрессиям»¹³.

Политическое значение разоблачения блефа с Дачжаем довольно велико: вся страна многие годы обязана была «учиться у Дачжая» и узнала неприглядную правду (и, видимо, не всю) только благодаря очередному повороту междоусобной борьбы в китайском руководстве. Это весьма чувствительный удар по авторитету руководства и по лево-маоистским тенденциям.

Рушится и другой маоцзедуновский «образец» — Дацин. Кампания критики лозунга «В промышленности «учиться у Дацина» развернулась летом 1980 г. и достигла высокого уровня в июле — августе. Симптоматично, что именно в конце августа был освобожден от должности министр нефтяной промышленности Сун Чжэньминь, который выдвинулся на работу в Госсовет с поста секретаря парткома Дацинских нефтепромыслов после выступления на Всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина с докладом «Об основном опыте Дацина» (1977 г.).

На проходивших в августе — сентябре 1980 г. сессиях ВСНП и Всекитайского комитета НПКСК были преданы гласности сведения о переживаемых нефтедобывающей промышленностью трудностях. Так, в выступлении члена Всекитайского комитета НПКСК Цю Сисиня говорилось, что установка на создание в Китае «десяти Дацинов» не была основана на реальных возможностях и осталась лишь «лозунгом». Цю Сисинь сообщил, что созданные в расчете на появление «десяти Дацинов» девять заводов искусственного волокна, оборудование которых было закуплено на валюту за границей, простаивают из-за нехватки сырья. Эти заводы были рассчитаны на использование попутного газа и отходов нефтепереработки.

Экономический крах «опыта Дацина», по-видимому, окажется решающим и для социально-политических сторон Дацинской модели. Китайские руководители без лишнего шума отказались от абсолютизации самообеспечения, упора на голый энтузиазм и военизацию труда нефтяников, но критика «учебы у Дацина» стала орудием группировки сторонников Дэн Сяопина. Острые критики «учебы у Дацина» направлены против сторонников сохранения части экстремистских методов и военизации внутренней политики.

В преддверии XII съезда КПК между соперничающими группировками в Пекине достигнут очередной компромисс по вопросу о степени критики прошлой деятельности Мао Цзэдуна. В середине августа китайские средства массовой информации распространили сообщения о решении ЦК КПК «ограничить количество портретов Мао Цзэдуна на стендах с его высказываниями», вывешенных в государственных и общественных учреждениях.

Одновременно Синьхуа распространило также текст интервью председателя ЦК КПК Хуа Гофэна югославской газете «Виесник», в котором Хуа признал, что в период «культурной революции» КПК «совершила тяжелые и серьезные ошибки» и что Мао Цзэдун, как председатель партии в то время, несет ответственность за эти ошибки. «Круг

¹³ Там же.

ные ошибки, — заявил Хуа, — были допущены и ранее, до «культурной революции». Естественно, что в интервью Хуа Гофэна не давался ответ на вопрос, что представляла развернутая по инициативе Мао «культурная революция»: была она борьбой с несуществующими «каппутистами» или же борьбой за власть со стороны группы Мао Цзэдуна, включая Линь Бяо и «банду четырех», что привело к установлению военно-бюрократической диктатуры.

Рассмотрение всех развивающихся тенденций последних лет в Китае позволяет прийти к выводу, что с 1978 г. наблюдается общая тенденция замены политического режима в том смысле, что власти сверху делают попытку изменять методы и пути реализации политического руководства внутри страны при сохранении прежней великоханьской гегемонистской платформы в идеологии, пропаганде и внешней политике.

Вместе с тем внутривнутриполитическая ситуация в КНР продолжает оставаться противоречивой, что, в частности, проявляется в том, что сами власти Пекина, местные деятели предпринимают шаги, которые идут вразрез с теми лозунгами и документами, которые приняты на последних пленумах ЦК КПК и сессиях ВСНП. Так, «Жэньминь жибао» 23 декабря 1979 г. в своей передовой призвала вновь взять на вооружение принцип «три поддержки, два военных осуществления», который был выдвинут Мао во время «культурной революции». Газета оговаривает лишь необходимость «очистить» данный принцип от «допущенных ранее ошибок». Обращает на себя внимание продолжающаяся широкая пропаганда лозунгов «самоотверженной и трудной борьбы», «опоры на собственные силы», воспевание аскетизма и самоограничения.

Хуа Гофэн в докладе на всекитайском совещании по политработе в НОАК (апрель 1980 г.) призвал делать акцент на политической работе во всех сферах деятельности, не обращаясь к материальным стимулам.

Таким образом, внутривнутриполитический курс, провозглашенный и закреплённый III—V пленумами ЦК КПК, III сессией ВСНП пятого созыва, ограничивается и модифицируется в результате борьбы противоположных тенденций внутри страны.

В целом при изменении внутривнутриполитического курса главная ставка делается на национализм, на объединение разнородных классовых сил на базе принадлежности к китайской расе, во имя создания «великого Китая». Это расовое и националистическое сплочение предполагается охранять достаточно эффективным аппаратом.

Именно поэтому важной частью внутривнутриполитического курса после маоцзэдуновского руководства стали мероприятия по восстановлению «существовавшей в начале 60-х годов политической системы страны. Восстановление прежней политической системы шло в сочетании с постепенной ликвидацией политических институтов, порожденных «культурной революцией» и некоторыми последовавшими за ней кампаниями, например ревкомов, объединенного аппарата парткомов и административных органов, «отделов по борьбе с каппутистами» в органах общественной безопасности, «школ 7 мая», «теоретических отрядов», городского «рабочего ополчения» и т. п. При этом должно быть отмечено, что некоторые тенденции возвращения к прежней политической системе наметились еще при жизни Мао Цзэдуна: так, еще в 1969 г. начала восстанавливаться структура партии, комитеты и организации которой, за исключением армейских, были разгромлены в период «культурной революции», в начале 70-х годов начали ликвидироваться «гунцзяньфа» — объединенные карательные органы времен «культурной революции», сочетавшие в себе функции органов безопасности, прокуратуры и суда, и восстанавливались судебные органы (отдельные от органов безопасности, но без восстановления прокуратур); в 1973 г. до провинциального уровня были восстановлены разогнанные в 1966 г. профсоюзные, женские и молодежные организации и т. д.

Послемаоцзэдуновское руководство КНР ускорило этот процесс и вместе с тем решительно отсекло звенья политической системы, созданные их политическими противниками в качестве орудий борьбы за власть (например, уже упоминавшиеся городское «рабочее ополчение», «отделы борьбы с каппутистами» в органах общественной безопасности и т. п.). Другие остатки прошлого в политической системе ликвидировались постепенно. Характерный тому пример — ревкомы. На первом этапе (1977 г.) была поставлена задача чистки наиболее важных в плане борьбы за власть ревкомов провинциального уровня. Для этого была использована подготовка к созыву I сессии ВСНП пятого созыва. Следующий этап — принятие этой сессией новой конституции (март 1978 г.), согласно которой территориальные ревкомы утратили статус органов власти, оставшись местными административными органами государства. Одновременно было объявлено о ликвидации ревкомов в учреждениях и на предприятиях и введении системы единоличной ответственности руководителей (директоров, заведующих и т. п.), ведущих работу «под руководством парткомов». Наконец, решением II сессии ВСНП пятого созыва ревкомы — последний терминологический пережиток «культурной революции» в государственной структуре — были упразднены, их заменили местные народные правительства во главе с губернаторами провинций, мэрами городов, начальниками округов и уездов. Ревкомы коммун были преобразованы в правления.

В настоящее время основные институты политической системы КНР по своим организационным формам практически не отличаются от существовавших до «культурной революции». Однако в них были внесены и некоторые изменения, например стали организовываться постоянные комитеты местных собраний народных представителей (СНП), были восстановлены упраздненные еще в 1957 г. специальные трибуналы на железнодорожном и водном транспорте, предусмотрена возможность организации лесных трибуналов и других специальных судов, в составе обычных судов различных ступеней предполагается учредить палаты по экономическим делам и т. п. Изменения были внесены в порядок формирования СНП: не только низовые собрания, но и собрания уездного уровня стали формироваться путем прямых выборов с введением тайного голосования; кроме этого, было установлено правило о превышении числа выдвигаемых кандидатов над числом депутатских мандатов. Эти и другие изменения и модификации в государственной структуре КНР нельзя определить однозначно. Большинство из них направлено на усиление эффективности государственного аппарата КНР, некоторые же несут и определенную пропагандистскую нагрузку в создании «нового образа» Китая, чем нынешнее пекинское руководство, судя по всему, очень озабочено.

Одновременно были предприняты меры по вооружению государственного аппарата КНР правовыми нормами, обеспечивающими эффективное его функционирование. Первая серия законов была утверждена II сессией ВСНП пятого созыва, в том числе законы об организации местных органов власти и управления, суда и прокуратуры, закон о выборах, закон о смешанных китайско-иностранных предприятиях, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. В том же году был опубликован ряд указов и постановлений, а также опытных законов по вопросам регулирования лесного хозяйства, охраны природы, вознаграждения за изобретения и выпуск качественной продукции и других¹⁴. Кроме того, были опубликованы некоторые принятые в конце 50-х годов акты по вопросам охраны общественного порядка. Все эти области правового регулирования для Китая актуальны, особенно область охра-

¹⁴ Подробнее о современном китайском законодательстве см. «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 4, с. 66—73.

ны общественного порядка в связи с возросшей преступностью и случаями массовых беспорядков¹⁵.

Новая серия законов была принята III сессией ВСНП пятого созыва в сентябре 1980 г. Были приняты закон о гражданстве КНР, измененный закон о характере государства, закон о взимании подоходного налога со смешанных обществ, основанных на китайском и иностранном капитале, и закон о взимании личного подоходного налога¹⁶.

В отчетном докладе о работе Постоянного комитета ВСНП на указанной сессии Пэн Чжэнь, зачитавший этот доклад, сообщил, что соответствующие ведомства Государственного совета разработали и разрабатывают более 70 экономических законов и положений¹⁷. Как отмечала китайская печать, депутаты ВСНП настоятельно требовали в своих выступлениях «скорейшего утверждения экономического законодательства»¹⁸. Однако, как сказал в докладе Пэн Чжэнь, «в Китае еще недостает опыта экономического законодательства» и для разработки его «нужно еще определенное время». По его словам, эти законы будут «постепенно разработаны на основе накопленного опыта»¹⁹.

Накануне сессии ВСНП его Постоянным комитетом 26 августа 1980 г. был принят наиболее значительный по возможным последствиям нормативный акт по вопросам сотрудничества с иностранным капиталом — «Положение о специальных экономических районах в провинции Гуандун». Этот акт был представлен как решение провинциальных властей Гуандуна, лишь в принципе утвержденное ПК ВСНП. Из скудных сообщений в печати об этом неопубликованном акте следует, например, что у этих территорий будет существовать таможенная граница, то есть они будут как бы изъяты из территории КНР. Иностранный капитал получает право практически бесконтрольно распоряжаться полученными путем эксплуатации китайских рабочих прибылями и продукцией, ограничиваясь лишь выплатой китайскому государству отнюдь не обременительных налоговых сумм. Создается впечатление, что капиталистические порядки на предприятиях «специальных экономических районов» ограничиваться не будут.

В качестве общегосударственных законов, подлежащих первоочередной разработке, на III сессии ВСНП пятого созыва были названы законы о предприятиях, о хозяйственных договорах, о национальной районной автономии, о труде, об энергоресурсах, гражданский и гражданско-процессуальный кодексы.

Оценивая введение заново законодательного регулирования в КНР, нельзя не отметить, конечно, что это — позитивное явление по сравнению с голым произволом и волюнтаризмом, насаждавшимся со времен «культурной революции». Однако в современном Китае оно в значительной мере и формальный акт, так как нет кадров, способных проводить это законодательство в жизнь (по признанию Дэн Сяопина, в стране не хватает до 2 млн. юристов для использования в суде, прокуратуре и полиции), нет ни сколько-нибудь значительного опыта, ни традиций управления при опоре на правовые нормы, а значительная часть населения неграмотна. Позитивное действие принятого законодательства можно связывать лишь с будущим.

После смерти Мао Цзэдуна и устранения «четверки» новой коалицией китайских руководителей были предприняты меры по усилению

¹⁵ В этой области, как показывает практика современного Китая, правовых и даже полицейских мер оказывается недостаточно и приходится прибегать к помощи воинских частей.

¹⁶ Анализ перечисленных законов — в статье «Об итогах III сессии ВСНП пятого созыва». — См. настоящий номер журнала.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 3. IX. 1980.

¹⁸ Там же, 5. IX. 1980.

¹⁹ Там же, 3. IX. 1980.

эффективности партийного аппарата и организаций партии в качестве инструментов проведения программы «четырёх модернизаций». Среди этих мер наиболее важными представляются разделение отраслевого аппарата местных парткомов и ревкомов (народных правительств) и общий курс на освобождение партийного аппарата от административных функций, восстановление секретариата ЦК КПК и поста генерального секретаря, создание комиссий по проверке дисциплины и другие. Не все эти меры имеют целью только повышение эффективности партийного аппарата, они отражают и внутривнутрипартийную борьбу в КПК, однако и с учетом этого фактора они все равно способны усилить руководящие звенья партии, обеспечить более успешное проведение политического курса руководства.

Вместе с тем для большей части членов КПК по-прежнему характерно состояние идейного застоя, пассивности, дезориентированности, непонимания происходящих перемен. Это определяется как долгими годами господства маоцзедуновской линии, так и крайне разношерстным составом партии, половина которого (по официальным данным — 18 млн. человек) вступила в КПК со времени «культурной революции», когда прием в партию был предельно упрощен, кандидатский стаж упрощен и членами партии становились в основном бездумные «активисты» политических кампаний. Теперь открыто признается, что этот контингент не обладает «элементарными данными, необходимыми члену партии»²⁰. Этот контингент членского состава КПК подвергается и будет подвергаться в дальнейшем чисткам, однако большая его численность и возрастной состав дают возможность предположить его существенную роль при смене поколений в китайском руководстве.

Стремясь привлечь к осуществлению программы «четырёх модернизаций» более широкие слои зарубежных китайцев, китайское руководство гальванизировало организацию единого фронта — Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК), перед которым поставило задачу объединить на широкой националистической платформе «все силы, которые можно сплотить». Националистический блок на основе организации единого фронта призван, по замыслу пекинских лидеров, послужить и для объединения на международной арене «со всеми силами, с которыми можно сплотиться, чтобы образовать самый широкий единый фронт борьбы против гегемонизма», что на деле означает нагнетание вражды к Советскому Союзу, социалистическому Вьетнаму, мировому социализму в целом.

I сессия Всекитайского комитета НПКСК, состоявшаяся в феврале — марте 1978 г., одобрила мероприятия, намеченные пекинской верхушкой в области милитаризации страны, и гегемонистскую внешнюю политику. Был взят курс на политическое и идеологическое объединение разношерстных в классовом отношении сил. Принятый на этой сессии устав НПКСК закрепил курс нынешнего руководства на более широкое представительство китайской буржуазии (в том числе и внутренней буржуазии, ставшей теперь «социалистическими тружениками») в органах единого фронта, на допущение иллюзорного политического плюрализма под лозунгом «длительного сосуществования и взаимного контроля» КПК и мелких «демократических» партий буржуазии и буржуазной интеллигенции. Не случайно в состав нынешнего Всекитайского комитета НПКСК вошло значительное количество специально приглашенных пекинским руководством деятелей — представителей зарубежных китайцев и «патриотических деятелей», занявших в общей сложности более половины всех мест в высшем органе единого фронта. В то же время массовые общественные организации были представлены всего 5 % числа делегатов ВК НПКСК.

²⁰ «Жэньминь жибао», 12. VI. 1979.

На следующей, второй по счету сессии Всекитайского Комитета, проходившей в июне — июле 1979 г., было произведено расширение рамок «революционного единого фронта» за счет включения в него всех китайцев независимо от гражданства («всех тех, кто любит родину»). Еще дальше вправо повели единый фронт решения Совещания по работе единого фронта, состоявшегося в августе — сентябре 1979 г. На этом совещании фронт был объявлен «широким политическим союзом всех социалистических тружеников, патриотов, поддерживающих социализм, и патриотов, выступающих за воссоединение родины»²¹. Само название фронта тоже было изменено: он стал именоваться «революционно-патриотическим единым фронтом»; при этом уже не говорится, как это было записано ранее, что он находится «под руководством рабочего класса и основывается на союзе рабочего класса и крестьянства». Более того, согласно новой формулировке состава фронта, для того чтобы войти в эту организацию, не нужно даже признавать социализм в качестве политической программы. Главной целью этой организации становится поиск контактов с тайваньскими властями и привлечение к «четырем модернизациям» не только внутренней, но также китайской зарубежной сянганской и аомынской буржуазии. Через единый фронт пекинские лидеры стремятся использовать ее капиталы, опыт и знания для ускоренного развития экономики страны, в особенности ее военно-промышленного потенциала.

В период работы III сессии ВСНП пятого созыва состоялась и III сессия Всекитайского комитета НПКСК. Своей политической резолюцией она поддержала доклады, решения и постановления III сессии СНП и подчеркнула, что НПКСК «должен осуществлять контроль за проведением в жизнь конституции, законов и указов и за работой правительства и его кадровых работников различных ступеней. Одновременно с этим он должен играть роль в выявлении интеллектуальных потенциалов страны, принимать активное участие в преобразовании кадровой системы и прилагать усилия для выдвижения способных людей»²². Ранее о подобных функциях НПКСК никогда не говорилось. Они несколько напоминают планы «буржуазных правых элементов» из числа деятелей демократических партий и университетской профессуры, которые в 1957 г. выступали, например, с проектом превращения НПКСК в верхнюю палату ВСНП с правом контроля и в отношении принимаемых последним решений ратовали за контрольные функции демократических партий на местах.

III сессия НПКСК приняла также резолюцию относительно пересмотра устава НПКСК 1978 г. и создала с этой целью комиссию во главе с Дэн Сяопином. При характеристике этого устава указывалось, что, «будучи ограничен рамками определенных исторических условий, в которых он разрабатывался, устав содержит некоторые явно ошибочные положения, часть его содержания уже не может отвечать требованиям новой обстановки»²³. О конкретном характере будущих изменений устава НПКСК в резолюции не говорилось.

Модифицированная политика единого фронта — часть широкого маневрирования китайского руководства по расширению социальной базы своего политического курса. Это маневрирование включает также упоминавшиеся выше широкую реабилитацию жертв массовых кампаний прошлого, снятие ярлыков с «черных категорий» китайского населения, заигрывание с интеллигенцией, объявленной «частью пролетариата». В политике по отношению к рабочему классу и крестьянству очевидна переориентация на более обеспеченные слои этих классов

²¹ «Жэньминь жибао», 15. IX. 1979.

²² Сообщение Синьхуа, 12. IX. 1980.

²³ Там же.

(квалифицированные рабочие, «крепкие» крестьяне). В «классовой борьбе» в маоистском ее понимании перенесен удар с «остатков старых эксплуататорских классов» и «каппутистов» на уголовных преступников и «контрреволюционеров», причем к последним причисляются все неугодные нынешним маоистским властям лица.

Китайское руководство при проведении своей политики уже не ориентируется, как в недавнем прошлом, на пауперизированные массы городской и сельской бедноты, которые не могут быть движущей силой «четырех модернизаций». Возможности улучшить их положение при форсированной модернизации, связанной с огромными затратами на вооружение, в сущности, нет. Следовательно, остается и даже расширяется почва для недовольства пауперизированных масс своим положением, и недовольство их уже не сдерживается уравнительными тенденциями сверху. Эти массы продолжают оставаться питательной средой маонизма в его экстремистской версии и дестабилизирующим фактором внутривнутриполитической обстановки в Китае.

Пекинскими лидерами было обращено серьезное внимание на деятельность организаций массовой поддержки режима и идеологической обработки масс, которыми в условиях современного Китая являются профсоюзные, молодежные, женские и другие общественные организации. Вместе с тем с политической арены страны исчезли массовые организации, порожденные «культурной революцией».

После смерти Мао Цзэдуна в Китае наблюдается устойчивая тенденция к постепенному воссозданию общественных организаций на новых идейно-политических и организационных основах. Общественные организации фактически были созданы заново, однако их выдают в Китае за продолжение прежних массовых организаций КНР. Это достигнуто с помощью нумерации съездов (например, X съезд КСМК, IV Всекитайский съезд женщин, IX съезд профсоюзов и т. п.), а также программных уведомлений о созыве съездов общественных организаций где говорилось, что их деятельность была «прервана» по вине «банды четырех» на целые десятилетия, а теперь вновь продолжается. Тем самым затушевывается факт, что под видом социалистических общественных организаций создаются многотысячные маоистские союзы, объединенные общей стратегической целью.

Консолидация политической структуры Китая, в которую входят массовые молодежные, профсоюзные, женские организации, а также большое количество творческих союзов, спортивных и научно-технических обществ, религиозных и «патриотических» обществ, по замыслу китайского руководства, призвана стабилизировать внутреннюю обстановку, мобилизовать все силы общества на выполнение программы «четырех модернизаций».

Китайское руководство прилагает усилия, чтобы поставить под жесткий контроль деятельность КСМК, профсоюзов, женских организаций и всех остальных союзов и обществ. Особенно это касается деятельности массовых общественных организаций.

Китайский комсомол (КСМК) с момента своего воссоздания на новой основе на X съезде КСМК (октябрь 1978 г.) вынужден был фактически заново создавать в эти годы свою организационную структуру. Официальное закрепление в Уставе КСМК «идей Мао» как «руководящей и направляющей силы всей работы комсомола»²⁴ при изменении лишь некоторых лозунгов вызывает периодические кризисные явления в молодежном движении КНР. Правящая группировка КПК, понимая отчужденность и сопротивление левацки настроенных слоев китайской молодежи, значительных по числу, призвала расширить базу КСМК, делая ставку на молодых интеллигентов, выходцев из буржу

²⁴ «Жэньминь жибао», 28. XI. 1978.

азных и кулацких семей, из реэмигрантов, квалифицированных молодых рабочих, юношей и девушек, ранее пострадавших при Мао в качестве выходцев из «черных категорий» населения страны.

Развертывание деятельности КСМК имеет, конечно, определенное стабилизирующее значение и служит укреплению политических позиций китайского руководства внутри страны и за рубежом. Китайскую молодежь не могут не привлечь внешне верные лозунги о «построении великого и могучего социалистического Китая», она откликается на поставленные задачи учиться, участвовать в соревновании, выявлять свои таланты и т. п. Часть китайской эмигрантской молодежи тоже откликается на призыв строить «великий Китай».

Возобновление деятельности китайских профсоюзов и Всекитайской федерации профсоюзов после IX Всекитайского профсоюзного съезда (октябрь 1978 г.) произошло на маоистских идейных и организационных основах. Новое руководство, как и при жизни Мао, пытается решать производственные задачи во многом политическими методами, идеологическим давлением на рабочих и служащих. Нынешнее китайское руководство осталось верным курсу на использование профсоюзов для антисоветских, антисоциалистических акций за рубежом и внутри страны. Следуя линии на конфронтацию со странами социалистического содружества, IX съезд профсоюзов призвал профсоюзы КНР к «борьбе против гегемонизма», то есть против СССР, Вьетнама, Кубы, всех стран, активно противодействующих глобальной стратегии маоистов²⁵.

Что касается организационных принципов новых профсоюзов, то, несмотря на декларации о выборности, демократии в профсоюзах, в силе остается линия, выработанная в 1973—1976 гг., которая максимально ограничивает и подавляет организационную самостоятельность профсоюзов. Они отстранены от функций рабочего контроля, которые им полагались по уставу профсоюзов 1957 г., и т. п.

Есть модификации и в профсоюзной работе. Сейчас в Китае много говорится о производственных задачах профсоюзов, об их участии в налаживании производственно-технического обучения рабочих, о созыве на предприятиях собраний рабочих, которые могли бы вносить рекомендации, обязательные для администрации, о выборности низового управленческого звена, об участии профсоюзов в «коллективном благосостоянии», охране труда и пр. Отменено также ограничение на прием в профсоюз по политическим мотивам, в результате чего значительная часть трудящихся оставалась вне профсоюзов как недостаточно сознательная или политически отсталая и не пользовалась поэтому никакими социальными льготами. В профсоюзы теперь принимают интеллигентов, которых перевели в разряд «пролетариата». Все это направляется на уменьшение социальной напряженности в стране.

Федерации женщин Китая формально существуют уже 7 лет (с 1973 г.), но их роль в политической жизни Китая весьма невелика. Деятельность женских федераций по-прежнему находится в русле маоистской политики и текущих мероприятий. После IV Всекитайского съезда женщин (сентябрь 1978 г.) деятельницы ВКФЖ активно проявили себя лишь во время зарубежных поездок, где выступали с клеветническими антисоветскими и антивьетнамскими заявлениями.

Общественные организации КНР выступают сейчас как проводники шовинистической, гегемонистской политики Пекина. Они лишь в малой степени отражают интересы трудящихся масс Китая.

За измененным фасадом государства продолжает сохраняться военно-бюрократическая диктатура, и происходящие ныне в Китае политические процессы в конечном счете направлены на укрепление этой диктатуры. Именно этому служат мероприятия китайского руководства по

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 16. XI. 1978.

повышению эффективности государственного и партийного аппарата, всего политического механизма страны, в том числе органов безопасности, суда и прокуратуры (эти органы вместе с вооруженными силами составляют, по определению Хуан Гофэна, «народную государственную машину»).

В сложившейся обстановке, когда организационная структура госаппарата в основном стабилизирована, китайское руководство сочло возможным отказаться от части инструментария «культурной революции» в лице «четырех больших» («четырех широко»), то есть «широкого высказывания мнений, полного изложения взглядов, широких дискуссий и дацзыбао». Занимающая сейчас ведущее положение в китайском руководстве прагматическая группа Дэн Сяопина в свое время широко использовала дацзыбао для давления на своих политических противников, в частности в период, предшествовавший III пленуму ЦК КПК 11-го созыва. Сейчас она, разумеется, не хочет, чтобы этим оружием борьбы воспользовались его политические противники и другие оппозиционные элементы. Отсюда и принятая V пленумом ЦК КПК рекомендация об изменении Конституции КНР, согласно которой «четыре больших» из перечня политических прав граждан исключаются²⁶. Эта рекомендация специальной резолюцией была реализована в поправке к Конституции КНР, принятой III сессией ВСНП пятого созыва 10 сентября 1980 г.

С политическими противниками правящая в Китае группа теперь считает возможным расправляться «узаконенными» методами, не прибегая к маоцзедуновской «большой демократии».

Оценивая в целом политическую обстановку в стране, следует отметить, что некоторые модификации внутренней политики китайского руководства не коснулись стратегических целей этой политики, и поэтому нет оснований трактовать ее как в корне отличающуюся от маоцзедуновской.

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 1. III. 1980.

Пекин: курсом нагнетания напряженности

В. К. Гришин

Советская страна с первых дней ее существования ведет неустанную борьбу против войны, за всеобщую безопасность и разоружение. Плечом к плечу с Советским Союзом отстаивают ныне дело разрядки и мирного сотрудничества государств наши друзья и союзники — страны социалистического содружества. Только на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР выступил сразу с тремя инициативами по оздоровлению международного климата: проектом резолюции «О некоторых неотложных мерах по уменьшению военной опасности», меморандумом «За мир и разоружение, за гарантии международной безопасности», проектом резолюции «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущих поколений». Всего же за послевоенный период Советский Союз выдвинул более 100 конструктивных предложений по укреплению мира. Такая политика органически присуща государствам, поставившим своей задачей построение общества, нацеленного на максимально полное удовлетворение материальных и духовных запросов каждого из его членов, свободного от расточительной гонки вооружений. Ее обуздание, а военные расходы в 1980 г. в общемировом исчислении превысили 500 млрд. долл., разоружение — самый надежный путь к искоренению войн из жизни человечества — В. И. Ленин называл идеалом социализма¹.

Китайские руководители отступились от этого идеала и приняли курс на воинствующий, великодержавный национализм и шовинизм. Его неотъемлемой составной частью предстает ныне деструктивная внешняя политика Пекина: растущие агрессивность, вмешательство в дела других народов, гегемонистские вождедения. Осуществление экспансионистских замыслов связывается с обострением международной обстановки, войной, не исключая и термоядерную, в результате чего можно было бы воплотить лелеемую Пекином мечту об установлении своего «нового порядка» в мире. «XXI век будет веком китайцев, — утверждалось в одной из центральных китайских газет, — мы обладаем в изобилии людскими ресурсами и умственными способностями». С этим высказыванием перекликается заявление члена Военного Совета ЦК КПК Су Юя: «Мы готовы пойти на самые крупные национальные жертвы, чтобы внести должный вклад в освобождение человечества»² (так в Пекине предпочитают формулировать свои планы в попытке закамуфлировать курс на достижение глобальной гегемонии).

Однако руководство КНР не может не отдавать отчета в том, что для реализации замысла о «веке китайцев» ему пока явно недостает необходимых материальных предпосылок. Отсюда вытекает стремление опереться в конфронтации с наиболее последовательными защитниками международной безопасности и мирного сосуществования государств — Советским Союзом, другими странами социалистического содружества — на самые разношерстные реакционные, агрессивные антикоммунистические силы, сколотить «единый фронт» борьбы с миром социализма.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 152.

² «Гуанмин жибао», 21. I. 1977.

В Пекине подстрекательски призывают их к «бдительности» в отношении вымышленной «советской военной угрозы», к «отпору СССР», интенсифицируют нападки на согласованную внешнеполитическую линию братских стран, нацеленную на приостановку сползания к «холодной войне». В развитие своего антисоциалистического курса Китай совершил агрессию против СРВ в 1979 г., отказался в 1980 г. от переговоров с СССР и Вьетнамом, организует провокации против ЛНДР, КНР, с готовностью поддержал действия держав НАТО в связи с событиями в Польше, предпринял многие иные враждебные Советскому Союзу, другим социалистическим государствам акции. В ходе своего пребывания в Канаде в конце августа 1980 г. заместитель премьер-министра Госсовета КНР Бо Ибо в ответ на вопрос корреспондента о перспективах китайско-советских отношений демонстративно отметил: «Тут я не усматриваю никаких возможностей». Что касается позиции СССР по этому вопросу, то, как подчеркнул 23 сентября 1980 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как не раз заявлялось на самом высоком уровне, СССР выступает за нормализацию отношений с КНР.

Внося свою лепту в осложнение международной обстановки, в Пекине с энтузиазмом встретили намерение авантюристических кругов империализма нарушить военно-стратегическое равновесие, сложившееся в мире, и открыто одобрили опасную линию американской администрации, нашедшую концентрированное выражение в одном из высказываний Дж. Картера летом 1980 г.: мир должен основываться «на силе, силе, наличие которой нет нужды специально доказывать, силе, которая просто существует, силе, признанной другими странами и другими людьми, силе, создаваемой нами самими». Одобрили в Пекине и «новую ядерную стратегию» США. Такая позиция китайского руководства тем более понятна, если учесть, что и оно само во все возрастающем масштабе склонно полагаться при решении спорных международных проблем на использование силовых факторов. Стремясь подхлестнуть нынешнюю и без того высокую волну антисоветизма и милитаристских страстей на Западе, Дэн Сяопин в интервью итальянской журналистке страдал в конце августа 1980 г. «внушающими ужас» 80-ми годами³, а Хуа Гофэн на III сессии ВСНП пятого созыва проводил абсурдный тезис о том, будто СССР «не только непосредственно подрывает дело мира и безопасности в районах Персидского залива, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, но и ставит под угрозу дело мира и безопасности во всем мире»⁴.

Клеветнически приписывая СССР чуждые ему намерения, в Пекине явно хотели бы обелить таким путем не только свое пособничество империализму, но и как-то отвлечь внимание собственного населения от острых внутренних проблем и экономических трудностей, проистекающих не в последнюю очередь от непомерных для народного хозяйства страны военных ассигнований (как вытекает из утвержденных на последней сессии ВСНП документов, только прямые военные расходы в госбюджете КНР на 1980 г. превышают общую сумму государственных средств, отпускаемых сельскому хозяйству, на 15 % и на 30 % — ассигнования на науку, культуру, образование и здравоохранение)⁵.

Пекинское руководство предало интересы китайской революции мирового социализма и национально-освободительного движения. Руководствуясь своекорыстными целями, руководство КНР рассматривает силы национального освобождения и развивающиеся страны в целом лишь как средство осуществления своей великодержавной политики, предпринимает настойчивые попытки противопоставить их естественным

³ "Corriere della Sera", 29. VIII. 1980.

⁴ «Жэньминь жибао», 15. IX. 1980.

⁵ См.: «Правда», 6. IX. 1980.

друзьям и союзникам — социалистическим государствам, международному коммунистическому и рабочему движению. Китай демонстрирует враждебное отношение к молодой Народной Республике Ангола, подталкивая банды из УНИТА, обученные и оснащенные ЦРУ и пекинскими инструкторами, на совершение опустошительных налетов на пограничные районы НРА. В китайской столице не без злорадства встретили в этой связи высказывание министра иностранных дел ЮАР Р. Ботта, заявившего на пекинский манер в феврале 1980 г., что расистский режим намерен «проучить» Анголу, которая продолжает оказывать поддержку ведущей освободительную войну против оккупантов Народной Организации Юго-Западной Африки (СВАПО).

В продолжение своего неизменно негативного подхода к эфиопской революции в Пекине с удовлетворением было воспринято заключение в начале сентября 1980 г. американо-сомалийского соглашения о создании на территории Сомали военных баз США. Комментируя позицию китайской стороны, член ЦК Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии Лемма Гутема заявил 17 сентября 1980 г. в интервью индийскому агентству Централ Ньюс сервис, что подрывная деятельность КНР против Эфиопии началась еще в 1977 г., когда сомалийский режим развязал вооруженную агрессию против Эфиопии; Китай способствовал расширению масштабов этой интервенции, снабжая оружием эритрейских сепаратистов и сомалийских агрессоров. Китай, подчеркнул Л. Гутема, и сегодня оказывает поддержку экспансионистскому режиму Сомали в его вылазках против Эфиопии.

Рука об руку с империализмом Пекин пытается затормозить национально-освободительное движение, сбить его с антиимпериалистического курса, лишит интернациональной поддержки других государств. Позиция китайского руководства зачастую носит даже более одиозный и вызывающий характер: оно пытается, к примеру, поучать империалистические круги, каких методов и линии борьбы с силами национального освобождения им «целесообразнее» всего было бы придерживаться. «Если бы Соединенные Штаты проводили более твердую политику по отношению к Кубе, Кастро не смог бы послать солдат в Африку», — заявил заместитель министра иностранных дел КНР Сун Чжигуан⁶.

В то же время в стремлении как-то замаскировать свою враждебную линию в отношении национально-освободительного движения, занять доминирующее положение среди развивающихся стран в Пекине не жалеют слов о «принадлежности Китая» к этой группе государств, о том, будто бы он является чуть ли не единственным выразителем и «защитником» их интересов. А на деле в ходу грубое вмешательство во внутренние дела этих стран, подстрекательство, провоцирование конфликтов. Ради осуществления гегемонистских планов Пекин не жалеет усилий для ослабления и расчленения своих азиатских соседей: подталкивает к выступлениям раскольников в северных районах Бирмы, поддерживает «повстанцев» в Таиланде и Малайзии, покровительствует националистическим группировкам в Непале, предоставляет материальную помощь сепаратистам в северо-восточных штатах Индии. Не без основания считают, указывая в конце августа 1980 г. ланкийский еженедельник «Трибюн», что, добившись признания со стороны США, Пекин теперь демонстрирует абсолютную незаинтересованность в отношениях с развивающимися странами. Более того, в деятельности китайской дипломатии вырисовывается определенная тенденция подчинить весь комплекс отношений с молодыми государствами стратегической необходимости альянса с Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО⁷. Китай «вступил на путь прямого сотрудничества с США и ока-

⁶ "Dagens nuheter", 14. V. 1979.

⁷ In: "Tribune", 22. VIII. 1980.

зания им помощи в борьбе против сил, выступающих за национальную независимость», — подчеркивает нигерийский журнал «Таймс интернэшнл»⁸.

О действительном, а не показном отношении китайской верхушки к жизненным устремлениям и нуждам развивающихся стран говорит и позиция, занятая Пекином по ходу и в связи с проходившей в августе — сентябре 1980 г. XI специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН по экономическим вопросам. Результаты сессии, убедительно продемонстрировавшей нежелание западных стран согласиться на перестройку международных экономических отношений на справедливой, равноправной и демократической основе, вызвали оправданное разочарование у инициаторов ее созыва — развивающихся государств. Существенную помощь развитым капиталистическим державам, категорически отказавшимся обсуждать любые предложения, направленные на предоставление более широких прав развивающимся странам в ряде международных валютно-финансовых органов, где ключевые позиции принадлежат Западу, оказала делегация КНР. Она настойчиво подталкивала развивающиеся государства на принятие решений, выгодных западным державам. Глава делегации КНР Ли Цян в своем выступлении на сессии полностью обошел вкуче с представителями империалистических государств и вопрос о прямой связи реального разоружения с решением экономических проблем развивающихся стран. Китайский представитель всячески стремился отвлечь их внимание от этой стороны дела, призывая взамен «вести непримиримую борьбу... с силами гегемонизма». Тем самым была еще раз выпукло продемонстрирована полнейшая незаинтересованность руководства КНР в деле содействия созидательным целям экономического развития молодых независимых государств. После же завершения работы сессии Пекин в унисон с западными представителями и пропагандой и в угоду им предпринял попытки как-то успокоить общественное мнение развивающихся стран и даже выдать obstructивный подход Запада за «конструктивный».

Эти и многие другие факты наглядно свидетельствуют о растущей смычке сил империализма и гегемонизма по всем азимутам, смычке, направленной на саботаж международного сотрудничества и наносящей ущерб народам других, прежде всего развивающихся государств. Но нигде так зримо не переплелись усилия агрессивных империалистических кругов и Пекина, и вряд ли в каком другом вопросе они столь непримиримо вступают в противоречие с коренными интересами человечества, как в стремлении похоронить разрядку, отравить обстановку в мире, подтолкнуть его к грани войны.

Широко известны высказывания Мао Цзэдуна, Чжоу Эньляя, других китайских руководителей о приемлемости и даже «пользе» «колоссальных потрясений» на международной арене, всеобщего конфликта. С уходом Мао и Чжоу с политической арены каких-либо принципиальных изменений в подходе Пекина к этим проблемам не произошло. «Скоро разразится крупномасштабная война», — утверждал Е Цзяньин в мае 1977 г.⁹ Хуа Гофэн на сессии ВСНП в июне 1979 г. отмечал, что «международная обстановка в общем характеризуется еще большими волнениями и напряженностью. По-прежнему нарастают факторы войны»¹⁰, а на встрече с японскими журналистами в Пекине в апреле 1980 г. он же предрекал, что будущее принесет «еще большие потрясе-

⁸ "Times International", 16. VII. 1980.

⁹ Цит. по: М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979. с. 339.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 19. VI. 1979.

ния и кризисы»¹¹. «Война неизбежна», — пророчествовал Дэн Сяопин в интервью в августе 1980 г.¹²

Эти и многие другие высказывания представителей правящей элиты Китая, сделанные в разное время и по различным поводам, служат неопровержимым свидетельством закоренело враждебного отношения Пекина к проблеме, касающейся жизненных интересов всех народов. Такая позиция объективно не могла не сталкиваться с растущим осуждением ее со стороны подавляющего большинства государств. И чтобы затормозить процесс его разоблачения как проводника поджигательского курса, нынешнее китайское руководство было вынуждено в который уже раз за последние двадцать лет пойти на внесение очередных, чисто тактических, корректив в свою линию в вопросах войны и мира: принять решение приложить максимум усилий к тому, чтобы попытаться создать respectable образ Китая в глазах представителей мирового сообщества, выдать себя едва ли не за самого стойкого поборника мира и всеобщей безопасности. «Борьба против агрессии и экспансии ради защиты мира во всем мире, — заявил, к примеру, Ли Сяньнянь 7 мая 1980 г. в ходе визита в Австралию, — стала актуальной задачей народов мира»¹³. В этом же ключе высказался Хуа Гофэн на сессии ВСНП в сентябре 1980 г.¹⁴

Другой немаловажной внешнеполитической причиной, заставившей Пекин поторопиться, по признанию зам. премьера Госсовета Цзи Пэнфэя в выступлении на совещании дипломатических работников КНР в июне 1979 г., со «снятием всех лозунгов, которые не являются полезными», явилось наличие опасений со стороны некоторых влиятельных кругов капиталистических стран в отношении того, что Китай на каком-то этапе «может превратиться в сверхдержаву», проводника некоего «социалистического милитаризма» и даже «азиатского и всемирного жандарма»¹⁵. А это, с сожалением констатировал Цзи, все еще в известной мере сдерживает организацию тесного сотрудничества западных держав с китайской стороной в области предоставления ей современного вооружения и необходимой технологии¹⁶, к обладанию которыми рвутся в Пекине. Своеобразным подтверждением слов Цзи, а вместе с ним и тлеющих на Западе подозрений в связи с будущими намерениями КНР послужило, как указывалось в вестнике комиссии по иностранным делам конгресса США от июня 1980 г., проявление рядом его лидеров, ответственных за наблюдение над азиатским направлением внешней политики страны, озабоченности в конце 1979 г. по поводу «последствий недавних американских инициатив в отношении Китая для более широких интересов США в Азии и мировых делах»¹⁷. Показательной в этом контексте является и оценка газетой «Вашингтон пост» в марте 1980 г. как «тревожной новости» разработки Китаем «межконтинентальной баллистической ракеты, способной наносить удары по целям на территории Соединенных Штатов»¹⁸. Пекин, предостерегала газета, отныне «сможет подкрепить любое будущее изменение своей политики наличием межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками». А японская «Санкэй симбун» выразила в июне 1980 г. плохо скрытое беспокойство насчет того, что Пекин может использовать свои усилившиеся вооруженные силы в первую очередь против азиатских соседей¹⁹.

¹¹ "South China Morning Post", 23. IV. 1980.

¹² In: "Corriere della Sera", 29. VIII. 1980.

¹³ «Жэньминь жибао», 9. V. 1980.

¹⁴ См. там же, 15. IX. 1980.

¹⁵ "Inside China Mainland" (Taiwan), March 1980.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Foreign affairs committee print. Congress and Foreign Policy series № 1. Executive—Legislative Consultations on China Policy, 1978—1979, Washington, June 1980, pp. 29.

¹⁸ "Washington Post", 27. III. 1980.

¹⁹ См.: «Санкэй симбун», 27. VI. 1980.

Итак, во исполнение новой тактической установки, нацеленной на ввод в заблуждение своих нынешних и потенциальных политических противников, широких слоев международной общественности, в Пекине с некоторых пор заговорили о возможности оттянуть вспышку всеобщего конфликта. «Мировая война, хотя она и является неизбежной, может быть отсрочена», — заявил представитель КНР на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи²⁰. Более того, начиная с XI съезда КПК, стали раздаваться заверения в том, что «мирной международной обстановки» хотя и в Китае. С такого рода заявлениями только в 1980 г. выступали, в частности, Ли Сяньнянь (14 мая) во время пребывания в Новой Зеландии, Чжао Цзыян (16 июня) на встрече с участниками научного симпозиума в Пекине, Хуа Гофэн (7 сентября) на сессии ВСНП и др.²¹

Вместе с тем китайские лидеры принимали время от времени выражать надежду на то, как это сделал, например, Дэн Сяопин в беседе с одной из японских делегаций 7 октября 1977 г., что «мир сохранится до конца нынешнего века», после чего посчитал нужным и здесь добавить: «Войны все же неизбежны». В аналогичном духе Дэн высказывался и на встрече с итальянскими журналистами 17 апреля 1980 г. «Что касается Китая, — подчеркнул он, — то желательным было бы, чтобы войны не было по крайней мере в течение ближайших 20 лет». Этот отрезок времени назван в заявлениях Дэна далеко не случайно. Он в точности покрывает официально обнародованный Пекином срок реализации плана «четырех модернизаций», упор в котором делается на создание военно-промышленного комплекса, превращение Китая в «мощную современную державу», иначе говоря — милитаристское государство, способное навязывать свою волю другим. Параллельно в Китае приступили к пропаганде лозунга «выигрыша времени у врага». В беседе с генеральным директором агентства Франс Пресс К. Русселем 21 октября 1977 г. Дэн Сяопин в таком ракурсе обосновал поставленную задачу: «Банда четырех» занималась саботажем 11—12 лет, но последствия этого будут ощущаться в течение 20—30 лет. Поэтому нам нужно выиграть время».

Какими же средствами мыслят в Пекине «выиграть время у врага» для ликвидации технического и военного отставания? Ответ китайских лидеров однозначен: на путях продолжения и усиления провокационных действий, направленных на всемерное обострение отношений между государствами, прежде всего между США, их союзниками по НАТО и Советским Союзом, другими странами социалистического содружества. «Мир не может быть достигнут просьбами, а война не может быть предотвращена уступками», — заявил 30 сентября 1979 г. на приеме в Лондоне Хуа Гофэн²². Для придания же большей благопристойности своей подстрекательской позиции в Пекине прибегли к вновь изобретенной уловке: стали уверять, что там противятся, дескать, отнюдь не разрядке, которую вплоть до 1978 г. с предельной откровенностью квалифицировали как «обман», а «политике агрессии». Одновременно китайская сторона через своих представителей в ООН и других международных организациях приступила к усиленному проталкиванию еще одного свежее испеченного тезиса: проводить кощунственную параллель между «выступлением против гегемонизма» Советского Союза и борьбой за мир²³.

Таким образом, очередной подкуп под разрядку, мирное сотрудничество государств, в пользу которых высказывалось и неизменно продолжает высказываться подавляющее большинство членов международно-

²⁰ Док. ООН А /С. I/ 32/PV 47 от 29. X. 1977, с. 16.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 16. V, 17. VI, 15. IX. 1980.

²² «Жэньминь жибао», 1. XI. 1979.

²³ См.: Док. ООН А /34/ PV 11.

го сообщества, предпринимался Пекином как бы изнутри. Ставка же в подправленном варианте с некоторым учетом веяний времени делалась вплоть до осени 1979 г. не столько на дискредитацию самой идеи разрядки, сколько тех сил, которые играли и продолжают играть определяющую роль в деле ее последовательной защиты.

С обострением с конца 1979 — начала 1980 г. международной обстановки китайское руководство поспешно отбрасывает даже видимость своего нарочито туманного принятия идеи разрядки и заодно с наиболее авантюристическими кругами империализма предпринимает яростные усилия истерзать все ее благотворные результаты, достигнутые на протяжении истекшего десятилетия. В конце августа 1980 г., например, все тот же Дэн Сяопин прямо призвал покончить с «болтовней о мире и разрядке напряженности»²⁴.

С этой целью Пекин и Вашингтон повели рука об руку дело к тому, чтобы превратить события вокруг Афганистана в постоянно действующий фактор неустойчивости не только в Юго-Западной Азии, но и в мировых делах в целом.

В ДРА забрасываются из-за рубежа десятки тысяч обученных американскими и китайскими инструкторами бандитов. Неприкрытое вмешательство организуется привычным методом — руками наемников. По словам министра внутренних дел ДРА С. М. Гулабзоя, «протяженность афгано-китайской границы составляет всего семьдесят километров, но каждый из этих километров Пекин, китайская военщина и спецслужбы превратили в плацдарм для агрессивных вооруженных налетов на суверенную ДРА»²⁵.

Китайское руководство в штыки встретило предложения афганского правительства от 14 мая 1980 г., нацеленные на практическое урегулирование положения, сложившегося вокруг Афганистана. Этот шаг был с ходу назван «чистейшим обманом»²⁶, а частичный вывод советских войск из Афганистана — «лишь пропагандистским маневром»²⁷. Затем на страницах китайской печати резким нападкам подверглись «некоторые люди на Западе», которые «стали более склонны» пойти навстречу этим инициативам СССР и ДРА, то есть двинуться по пути нормализации обстановки в Юго-Западной Азии²⁸. Наконец, с целью заблокировать возможность достижения любых договоренностей в Пекине было принято решение (характерный штрих: сразу же после встречи Хуа Гофэна с Картером в Токио 10 июля с. г.) ускорить доставку как морским, так сухопутным и воздушным путями дополнительных крупных партий оружия и боеприпасов для контрреволюционных формирований, борющихся против ДРА²⁹. Принятое Генеральной Ассамблеей ООН определение агрессии и содержащийся в нем перечень неопровержимо свидетельствуют о том, что действия Китая и США против Афганистана являются с точки зрения международного права типичной вооруженной агрессией. «Если бы СССР не был на нашей стороне, — заявил Бабрак Кармаль 2 сентября, — то страна могла бы потерять свою независимость»³⁰.

Опасные происки в этом районе враждебных делу мира сил вызывают глубокую озабоченность в азиатских странах. Пекинское руководство совместно с американской администрацией, писала индонезийская газета «Мердека», стремится противопоставить Пакистан Афганистану и Советскому Союзу. Хорошо известно, что китайское руководство про-

²⁴ "Corriere della Sera", 29. VIII. 1980.

²⁵ Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980, с. 73.

²⁶ «Жэньминь жибао», 19. V. 1980.

²⁷ Там же, 24. VI, 3. VII. 1980.

²⁸ См. там же, 21. VI, 18. VII. 1980.

²⁹ См.: «Правда», 15. VII. 1980.

³⁰ Там же, 3. IX. 1980.

водит двурушнический внешнеполитический курс: с одной стороны, он твердит о стремлении к дружбе, с другой — пытается подчинить соседние страны³¹. В ежегодном докладе министерства обороны Индии за 1979/80 г., опубликованном в июле 1980 г., обращалось внимание на заметную дестабилизацию обстановки в Азии. Она достигла своей кульминации во время событий вокруг Афганистана, приблизив военную угрозу к границам Индии. Такая ситуация, подчеркивалось в докладе, требует от Индии бдительности и принятия эффективных мер по защите страны перед лицом решения Китая и США о крупномасштабных поставках оружия Пакистану.

Пекин и Вашингтон яростно противодействуют стабилизации обстановки и в другой «горячей точке» планеты — в Юго-Восточной Азии, стремятся создать там незатухающий источник войны для оказания давления на освободившиеся страны Индокитая. В июне — июле 1980 г. по их подсказке и при открытом содействии была предпринята новая, которая уже по счету, попытка искусственно обострить ситуацию с помощью вооруженных действий, осуществлявшихся тайландскими военными властями на границе с Кампучией. Эта акция преподносилась в качестве «добровольной репатриации» из Таиланда так называемых беженцев, тогда как в действительности производились операции по переброске на территорию НРК отрядов недобитых полпотовских банд. В июле последовало решение тайландской стороны закрыть лаосско-тайландскую границу. Не случайно, что начало очередной провокации совпало с заседаниями министров иностранных дел государств АСЕАН в Куала-Лумпуре. Замысел ее был предельно прост: попытаться бросить тень на политику социалистического Вьетнама и НРК, вызвать конфронтацию между странами АСЕАН, с одной стороны, и СРВ и Кампучией — с другой.

Официальные представители США постарались сразу же, ставя факты с ног на голову, представить Таиланд в виде некоей жертвы «вьетнамо-кампучийской агрессии». Под прикрытием этого клеветнического измышления было отдано распоряжение об осуществлении новой крупной программы поставок американского оружия Таиланду. Одновременно из Пекина последовали угрожающие заявления о «поддержке действий тайландского правительства» и призывы к странам АСЕАН «сплываться воедино»³². Участились военные демонстрации на китайско-вьетнамской границе. Согласно коммюнике вьетнамской комиссии по расследованию преступлений китайских экспансионистов и гегемонистов, только за первую половину 1980 г. было совершено 1120 вооруженных провокаций³³. Китайские официальные лица дали понять находившемуся в начале июля в Пекине помощнику госсекретаря США Р. Холбруку, что там определенно не исключают возможности военной акции, чтобы «проучить Вьетнам»³⁴. С аналогичными угрозами выступил в интервью западногерманской газете «Вельт» в конце июля 1980 г. заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Вэньцин³⁵.

Признание в таких условиях Индией правительства НРК вызвало глубокое раздражение среди недругов индокитайских народов. В Вашингтоне и Пекине тут же выразили «сожаление». Представитель МИД КНР голословно утверждал 9 июля, будто бы это решение «подорвало авторитет Индии». В китайской столице поспешили объявить ее действия вначале свидетельством якобы «отхода от позиции неприсоединившегося государства»³⁶, затем заговорили даже от «утрате» Индией

³¹ In: "Merdeka", 21. I. 1980.

³² «Жэньминь жибао», 29. VI. 1980; 10, 18. VII. 1980.

³³ См.: «Правда», 18. VII. 1980.

³⁴ "Newsday", 7. VII. 1980.

³⁵ In: "Die Welt", 26. VII. 1980.

³⁶ «Жэньминь жибао», 9. VII. 1980.

статуса неприсоединившейся страны»³⁷. А «Жэньминь жибао», потеряв всякое чувство меры, в стиле мышления богдыханов назвала решение уверенного, крупнейшего из неприсоединившихся государств «глухим»³⁸. Наконец, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа отменил свой визит в Индию, на который сам же напрашивался.

Демарш Индии был по праву расценен в странах Индокитая как событие большого политического значения, «еще одно поражение империализма и реакционных сил»³⁹. В телеграмме Хенг Самрина

Ганди с выражением благодарности индийскому правительству за признание НРК указывалось, что «это — справедливый акт благожелательного отношения к кампучийскому народу, мощный стимул для нашей справедливой борьбы и решительный вклад в дело мира в Юго-Восточной Азии». Английская «Таймс» не без оснований признавала: «С принятием этого решения борьба за будущее Кампучии вступает в новую фазу»⁴⁰.

События в районе Индокитая являют разительный пример того, как, используя реакционные силы, Пекин и Вашингтон искусственно конструируют и разжигают очаги вооруженных столкновений. Однако в странах Юго-Восточной Азии не могут не отдавать отчета в пагубности такого курса для их жизненных интересов. Отмечая, что расширение конфликта в Индокитае входит в стратегические планы как США, так и Китая, газета «Мердека» в середине июля 1980 г. писала в редакционной статье: «Для осуществления своих экспансионистских замыслов обе страны используют различные предлоги, в том числе так называемую «проблему беженцев» или начинают обвинять СРВ в «агрессивности». В Таиланде при их участии складывается взрывоопасная обстановка. Поэтому становится понятной озабоченность вьетнамского правительства, которое не без основания считает, что Бангкок играет с огнем, способствуя нагнетанию напряженности в Юго-Восточной Азии»⁴¹. Министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа подчеркнул в этом контексте 11 июля 1980 г. в ходе визита в Бангкок, что АСЕАН следует поддерживать диалог с Вьетнамом, чтобы укрепить мир в регионе»⁴².

В Пекине и Вашингтоне, однако, не хотят идти по этому пути и продолжают гнуть свою опасную линию. В сентябре 1980 г. «Жэньминь жибао» выступила с серией из трех статей, в которых в штыки была воспринята инициатива по защите мира и стабильности в Юго-Восточной Азии и смягчению напряженности на кампучийско-тайландской границе, содержащаяся в меморандуме МИД СРВ от 26 августа⁴³. Вслед за этим по наущению из китайской столицы полпотовцами было объявлено об их «согласии» объединиться со всеми противниками народной власти в Кампучии, включая монархистов и другие правые группировки, на предмет создания «единого фронта» борьбы с НРК. С целью открытого вмешательства в дела многострадальной страны вынашиваются планы созыва некоей «международной конференции по Кампучии», которые целиком были поддержаны в середине сентября новым премьером Госсовета КНР Чжао Цзыяном⁴⁴. Но попытки Китая и США вернуть свои позиции в Индокитае обречены на провал: народы стран этого района не дадут сбить их с дороги прогрессивного развития, на которой они установили свой выбор.

³⁷ «Жэньминь жибао», 11. VII. 1980.

³⁸ См. там же, 9. VII. 1980.

³⁹ «Нян Зан», 8. VII. 1980; «Куан дой нян Зан», 11. VII. 1980.

⁴⁰ «Times», 9. VII. 1980.

⁴¹ «Merdeka», 17. VII. 1980.

⁴² См.: «Правда», 12. VII. 1980.

⁴³ См.: «Жэньминь жибао», 1, 3, 5. IX. 1980.

⁴⁴ См. там же, 16. X. 1980.

Желанием не допустить оздоровления положения в Азии и бассейне Тихого океана руководствовался Пекин и в ходе работы проходившей в июне 1980 г. в Нью-Йорке второй сессии Специального комитета ООН по Индийскому океану. Под предлогом событий вокруг Афганистана и Кампучии его делегат Лай Яли в речи 13 июня проводил мысль о преждевременности созыва международной конференции по Индийскому океану. Китай вместе с США и рядом других западных держав вел линию на срыв любых договоренностей, недопущение начала подготовки конференции. Это в корне шло вразрез с мнением прибрежных и материковых государств, выступивших за созыв такой конференции в 1981 г. Наперекор их интересам Пекин активно поддержал и планы Вашингтона по наращиванию «сил быстрого развертывания» в Индийском океане, Персидском заливе и Красном море. А в связи с вспыхнувшими во второй половине сентября ирано-иракскими вооруженными столкновениями китайская сторона, выдавая черное за белое, всячески пыталась выгородить империализм и взвалить вину за конфликт на... СССР.

Особое место в китайско-американском сговоре должны были занять переговоры Хуа Гофэна с Дж. Картером в Токио 10 июля 1980 г. Сам выбор места встречи под вывеской участия в церемонии похорон бывшего премьер-министра М. Охира свидетельствовал о их явном стремлении вовлечь Японию в китайско-американскую кампанию, направленную на обострение международной обстановки. В этой связи в зарубежной прессе отмечалось, что в ходе прошлогоднего визита Дэна Сяопина в США и Японию Пекин заручился фактически одобрением этих стран своей агрессии против СРВ. Одна из целей контактов в Токио, подчеркивала японская «Акахата», как раз и состояла в разработке планов нового вмешательства в Индокитае⁴⁵. Пресс-секретарь Белого дома Дж. Пауэл подтвердил по окончании бесед, что «США и Китай придерживаются в основном единой линии» в отношении Афганистана и Кампучии, а Хуа Гофэн на пресс-конференции в Токио проводил мысль о том, что его переговоры с Дж. Картером представляли собой одно из звеньев стратегии Китая с учетом «усиления военной мощи СССР»⁴⁶.

Опасные маневры Пекина и Вашингтона подстегнули рост тревожных настроений как в азиатских, так и других странах. Попытка сколотить альянс Вашингтон — Токио — Пекин, отмечала индийская газета «Нэшнл геральд», «вызвала озабоченность во всех столицах Азии»⁴⁷. Французская «Паризьен либере» писала 11 июля 1980 г. о наступлении «нового этапа сближения Китая и США», а западногерманская «Штутгартер цайтунг» прямо заявила, что встреча в Токио нацелена против потепления климата в отношениях Восток — Запад.

В стремлении посеять где только можно недоверие между государствами Пекин не обделяет вниманием и далекий от него европейский континент. Всячески подыгрывая своему старшему партнеру — империализму США, китайские лидеры ратуют за усиление военного присутствия США в Европе и ядерных приготовлений НАТО под клеветническим тезисом необходимости «объединения усилий Запада против советской угрозы»⁴⁸. Они выступили против предложений социалистического содружества провести на самом высоком уровне встречу руководителей государств всех стран мира для обсуждения вопроса об устранении очагов международной напряженности и недопущения войны, содержащихся в принятой 15 мая 1980 г. Декларации государств — участников Варшавского Договора. Особое недовольство в китайской столице вызвали состоявшиеся в июне — начале июля встречи на высшем уровне руко-

⁴⁵ См.: «Акахата», 10. VII. 1980.

⁴⁶ «Йомиури», 11. VII. 1980.

⁴⁷ "National Herald", 12. VII. 1980.

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 19. V. 1980; 4. VI. 1980; 3. VII. 1980.

водителей СССР с руководителями Франции и ФРГ, в ходе которых было выражено согласие сторон о важности прямых контактов и переговоров в нынешней непростой международной обстановке. «Как и прежде, они (стороны. — В. Г.) считают разрядку напряженности, — говорилось, в частности, в советско-западногерманском коммюнике, — необходимой, возможной и полезной и выражают свою волю всемерно способствовать тому, чтобы она являлась ведущей тенденцией в международных отношениях. Мирному равноправному сотрудничеству государств нет разумной альтернативы»⁴⁹.

Китайская сторона немедленно отреагировала на нежелательные для нее события усилением инсинуаций в адрес внешней политики Советского Союза, в вину которому вменялось намерение «ввести в заблуждение мировую общественность», «склонить людей к компромиссу и уступкам»⁵⁰. В китайских средствах массовой информации пронизанные заботой о мире решения июньского 1980 г. Пленума ЦК КПСС истолковывались как свидетельство стремления СССР «сочетать два способа» — «вооруженную экспансию» и «мирное наступление». Констатация же в Постановлении факта необходимости всемерно укреплять в складывающихся условиях обороноспособность страны беззастенчиво подавалась как курс на «подготовку к войне» и «наращивание военного превосходства»⁵¹.

Параллельно была развернута широкая кампания нападок на здравомыслящих политических деятелей капиталистического мира: на них наклеивался ярлык «сторонников умиротворения», «противников усиления обороноспособности Запада против военной угрозы Москвы»⁵². 21 июня «Жэньминь жибао» подвергла обстрелу «нынешнее тайное течение умиротворения на Западе» как результат боязни помешать «разрядке». Резко возросло количество собственных и тщательно отобранных зарубежных публикаций с измышлениями по поводу «агрессивных замыслов» СССР⁵³. Китайская пресса не брезговала прибегать и к явным передержкам: сообщив, например, о заявлениях Жискара д'Эстена и Г. Шмидта на пресс-конференции в Бонне о необходимости «мощной Европы», «Жэньминь жибао» в то же время полностью опустила их высказывания в пользу диалога между Востоком и Западом⁵⁴. При этом свои действия против разрядки в Европе Пекин осуществлял рука об руку с американской администрацией, на что без обиняков указывалось и в буржуазной прессе. Так, западногерманская «Штутгартер цайтунг» писала в статье под характерным заголовком «Не разыгрывает ли Картер китайскую карту против Шмидта? Встреча с Хуа Гофэном должна помешать оттепели в отношениях между Востоком и Западом»: контакт с Хуа Гофэном Картер рассматривает как противовес переговорам федерального канцлера Шмидта и президента Франции Жискара д'Эстена с советским президентом Брежневым соответственно в Москве и Варшаве, как средство затормозить западноевропейцев с другой стороны земного шара. По существу, Картер пытается разыграть китайскую карту не только против русских, но и против европейцев⁵⁵.

С мая 1980 г. заметное место в стремлении торпедировать все то доброе, что было достигнуто коллективными усилиями государств в 70-е годы, занимает в китайской прессе пропаганда идеи о «желательности» и даже «неизбежности» для мира «скорейшего серьезного выбора: ком-

⁴⁹ «Правда», 2. VII. 1980.

⁵⁰ «Жэньминь жибао», 20, 21. VI. 1980.

⁵¹ Там же, 25, 27. VI. 1980.

⁵² Там же, 20, 21, 27. VI. 1980.

⁵³ Там же, 1, 15, 21. VI. 1980; 9, 11, 13. VII. 1980.

⁵⁴ См. там же, 13. VII. 1980.

⁵⁵ In: "Stuttgarter Zeitung", 15. VII. 1980.

промиссов и уступок или решительной борьбы»⁵⁶. «Компромиссы и уступки» приведут лишь к «временной лживой разрядке», — утверждала «Жэньминь жибао». Подталкивая другие страны к «верному», с точки зрения Пекина, выбору, газета провокационно призывала во избежание «платы еще большей цены» к «проведению решительной борьбы — противодействию Советскому Союзу везде»⁵⁷. В середине июля «Жэньминь жибао» выступила с пространной статьей, где, нагнетая обстановку, призывала действовать «остреем против острия», «войной остановить войну», не дожидаясь, пока, мол, «в соотношении сил в мире и их глобальной расстановке произойдет коренное изменение» в пользу СССР⁵⁸.

Назойливое протаскивание тезиса о «решительном отпоре» имеет и оборотную сторону: в обострении положения в мире китайские правители видят дополнительный фактор, содействующий их великодержавным устремлениям. Маневры руководства КНР находят благожелательный отклик у США и их ближайших союзников. «В то время, как эти государства стремятся поглубже втянуть Китай в русло своей политики, Пекин, идя на сближение с ними, пытается, в свою очередь, повернуть их на рельсы «холодной войны» и конфронтации с Советским Союзом», — подчеркивал А. А. Громыко 23 сентября в речи на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН⁵⁹.

В тесном взаимодействии с международной реакцией Пекин выступал и продолжает выступать с враждебных всеобщей безопасности позиций не только по проблеме разрядки, но и по такому первостепенной важности вопросу, как ограничение гонки вооружений, разоружение. Правда, китайские представители, столкнувшись с нелицеприятной критикой их огульного отрицания задачи разоружения со стороны большинства государств, посчитали более выгодным и здесь подретушировать на какое-то время свой облик заостренных противников ее решения. Они постепенно начинают принимать участие в различных международных форумах и органах по вопросам разоружения. На X специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению (май — июнь 1978 г.), на первой сессии Комиссии ООН по разоружению (май — июнь 1979 г.) руководство КНР выступает даже с собственными «инициативами». При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что весь этот напускной «позитивизм» призван лишь более эффективно обслуживать неизменную цель: срыв любых мер, которые могли бы облегчить продвижение вперед. Разница лишь в том, что в Пекине посчитали: на сегодняшний день сподручнее (как и в случае на известном этапе с идеей разрядки) заблокировать дело разоружения не со стороны, а находясь внешне в ряду стран — участниц рассмотрения тех или иных аспектов разоружения. Но даже в апогее мнимой активности и разговоров по вопросам разоружения, пришедшимся на 1979 г., руководство КНР своими практическими акциями вновь и вновь доказывало, что остается ярым противником достижения любого рода сдвигов в этой области.

В 1980 г. китайское руководство, продолжая демонстрировать нарочитый конструктивизм и чисто пекинскую изворотливость, на деле еще более ужесточает подход по всему комплексу затронутых проблем. Впервые присоединившись к работе Комитета по разоружению, Пекин устами его представителя Чжан Вэньлиня декларирует, что китайская делегация «прибыла в Женеву принимать участие в этих переговорах с искренним желанием защитить мир и будет серьезно работать для реализации подлинного разоружения»⁶⁰. Во изменение многочисленных

⁵⁶ «Жэньминь жибао», 11. V. 1980; 19, 21. VI. 1980.

⁵⁷ Там же, 19. VI. 1980.

⁵⁸ Там же, 16. VII. 1980.

⁵⁹ «Правда», 24. IX. 1980.

⁶⁰ Док. ООН С/PV 53, с. 23.

прежних заявлений и с тщательным учетом господствующих настроений дается согласие на обсуждение (но не более того) в Комитете мер по частичному разоружению, но тут же повторяются традиционные требования к «сверхдержавам» «разоружаться первыми» и тезис о «невозможности всеобщего и полного разоружения»⁶¹.

Ситуация мгновенно меняется, как только делегация КНР от благих пожеланий переходит к делу. Вкупе с представителями США и их союзниками по НАТО она проводила в противовес позиции не только социалистических, но и многих неприсоединившихся государств откровенную линию на обструкцию в ходе переговоров и срыв договоренностей по всем пунктам повестки дня. В стремлении сбить Комитет с пути обсуждения и решения возложенных на него задач Пекин и его империалистические партнеры использовали самые различные методы: сфабрикованные «данные» и досужие домыслы о «стратегических намерениях» СССР; ухищрения втянуть Комитет в обсуждение так называемого афганского вопроса и не допустить участия в его работе делегации СРВ; наконец, попытки утопить существо тех или иных проблем в пространных дискуссиях по процедурным вопросам. Деструктивная линия Пекина в вопросах разоружения еще раз со всей наглядностью была продемонстрирована и на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министр иностранных дел КНР, выступая 24 сентября в общеполитической дискуссии, даже не коснулся этой жизненно важной проблемы. Повторив дежурные тезисы о «росте опасности войны» и необходимости «борьбы с гегемонизмом», Хуан Хуа с порога отверг советское предложение «О некоторых неотложных мерах по уменьшению военной опасности»⁶².

Противодействие реальным сдвигам в области разоружения, прежде всего в направлении ограничения стратегических вооружений, призвано, по мысли китайской верхушки, подстегнуть военные приготовления, отравить атмосферу в мире. Однако ухищрения Пекина далеко не приносят тех результатов, на которые он рассчитывает. Испытание в мае 1980 г. китайской межконтинентальной баллистической ракеты вызвало глубокую и, прямо скажем, обоснованную тревогу в странах Азии, в том числе у ближайших союзников Вашингтона.

Китайским властям пришлось спешно выкручиваться. 15 мая Ли Сяньнянь на пресс-конференции в столице Новой Зеландии вынужден был заявить, что Китай «понимает озабоченность стран района Тихого океана» в связи с испытанием, но что оно, мол, ставило задачу лишь «укрепления обороноспособности против угрозы гегемонистских держав»⁶³. Хуа Гофэн две недели спустя оправдывался в свою очередь в одном из выступлений в Токио тем, что Китай-де «развивает стратегическое оружие в небольшом количестве»⁶⁴.

Увещевания Пекина явно не достигают цели. И это вполне закономерно. Милитаризация самой населенной страны мира начинает вызывать неприятные ощущения кое у кого даже из новоявленных друзей Пекина в Токио. Средства массовой информации островной страны подчеркивали: «Япония не хочет, чтобы Китай превращался в военную державу»⁶⁵. Индира Ганди в качестве председателя партии ИНК(И) отмечала в беседе с корреспондентом французской радиостанции «Франс Энтер»: «Китай также представляет для нас угрозу и питает весьма экспансионистские намерения. Мы от них уже пострадали»⁶⁶.

Таким образом, несмотря на все потуги облачить свою деструктивную политику в благообразные одежды, руководители Китая остаются — и

⁶¹ Док. ООН С/PV 53, с. 24.

⁶² См.: «Жэньминь жибао», 25. IX. 1980.

⁶³ Там же, 17. V. 1980.

⁶⁴ «Асахи», 30. V. 1980.

⁶⁵ «Йомнури», 12. V. 1980.

⁶⁶ «Правда», 12. I. 1980.

приведенные факты служат неопровержимым тому доказательством — злейшими врагами мира и добрососедства. Игра с огнем вошла для Пекина в повседневную привычку: в великодержавном угаре его менее всего интересуют судьбы других, да и самого китайского, народов. В одном из своих интервью — редакторам издательского треста Херста 8 марта 1980 г. — Дэн Сяопин, давая своеобразное пояснение истокам такого поведения, признавал: «Китай настолько беден, что ему особенно нечего терять в случае войны».

Однако несущий в себе семена губительных последствий курс китайской верхушки встречает растущее осуждение и сопротивление как со стороны азиатских соседей Китая, так и в других странах. Все больший отчет в ее узкоэгоистических расчетах и устремлениях начинают отдавать и на Западе, в том числе в самих Соединенных Штатах. И там есть немало реалистически мыслящих политических и государственных деятелей, специалистов по делам КНР, способных достаточно правильно оценить возможные последствия игры в «китайскую карту». Свидетельством этого может служить, к примеру, высказывание известного американского китаевода Р. Скалапино, подчеркнувшего в вышедшей в апреле 1980 г. работе «Китайская внешняя политика в 1979 г.»: «Пекинские лидеры хотят, чтобы США служили в качестве противовеса мощи СССР и в этой глобальной роли играли на руку интересам Китая»⁶⁷. На бытующие в США настроения недоверия к политике Пекина указывается и в опубликованной Фондом Стэнли в марте 1980 г. работе «Китайская политика в отношении ограничения ядерных вооружений». Китай, говорится в ней, развивает межконтинентальные ракеты, способные достичь не только СССР, но и США; у него, «как отмечалось, были и серьезные кризисы, в которые оказывались вовлечены Соединенные Штаты, и он, без сомнения, помнит о тех из них, при которых маячила угроза применения ядерного оружия»⁶⁸. Не лишенным смысла может служить и заявление 11 июля 1980 г. известного политического и общественного деятеля США Э. Кларка, расценившего переговоры Дж. Картера с Хуа Гофэном как «пример опасной политики, чреватой угрозой войны». «Наша внешняя политика должна ставить целью, — призвал он, — выход из подобных альянсов, избежание ядерных конфликтов, а не заключение союзов, которые чреваты ими. Поддержка Соединенными Штатами Китая, а также реакционных режимов в других странах вызывает во всем мире массовые антиамериканские выступления. Нам следовало бы прекратить проведение подобной политики»⁶⁹.

Опасным замыслом Пекина и наиболее агрессивных кругов империализма не дано осуществиться. Залогом тому — возросшее осознание мировым сообществом благотворности конструктивного сотрудничества государств, изменившееся соотношение сил на международной арене в пользу сторонников мира и социального прогресса, способных защитить планету от истребительной термоядерной войны. В послании Л. И. Брежневя участникам Всемирного парламента народов за мир в Софии в конце сентября 1980 г. с веским основанием указывалось: «Мы уверены, что есть реальная возможность вовремя обуздать тех, кто, делая ставку на использование силы, стремясь к мировому господству, толкает человечество в эту пропасть. Ибо сегодня судьбы мира определяют не только те, кто привык считать диктат, насилие и войны нормальным методом решения международных дел»⁷⁰.

⁶⁷ R. A. Scalapino. Chinese foreign policy in 1979. University of California, Berkeley, April 1980, p. 12.

⁶⁸ Amos Joder. Chinese Policies toward Limiting Nuclear Weapons. The Stanley Foundation, March 1980, p. 22.

⁶⁹ «Правда», 12. VII. 1980.

⁷⁰ Там же, 24. IX. 1980.

Решение социальных вопросов в Корейской Народной-Демократической Республике

*В. И. Андреев,
Н. М. Березкин*

15 августа 1980 г. корейский народ вместе с прогрессивной общественностью всего мира торжественно отметил 35-ю годовщину со дня освобождения Кореи от японского колониального ига. Разгром сил японского милитаризма Советской Армией на Дальнем Востоке открыл перед корейским народом путь к свободе и социальному прогрессу.

Прошедшие с тех пор годы были периодом упорной борьбы народа Корейской Народной-Демократической Республики за ликвидацию уродливых последствий колониального прошлого, построение нового, социалистического общества: Поступательное движение вперед корейского народа не смогли остановить ни происки со стороны империалистических сил, ни прямая вооруженная агрессия, развязанная сеульским режимом в 1950—1953 гг. при подстрекательстве американского империализма. Как в прошлом, так и в будущем залогом этого являются дружба и всестороннее сотрудничество КНДР с Советским Союзом, другими братскими странами. Опираясь на большую материальную помощь и поддержку СССР и других социалистических стран, КНДР добилась значительных успехов во всех областях социально-экономического и политического развития, превративших страну в исторически короткий срок в социалистическое индустриальное государство. Социальные достижения КНДР являются концентрированным отражением этих успехов.

* * *

Забота о человеке, о его всестороннем развитии всегда находится в центре внимания коммунистических и рабочих партий. В соответствии с марксистско-ленинской теорией экономическое развитие той или иной страны приобретает подлинный смысл только тогда, когда оно является реальной основой для повышения материального благосостояния и гармоничного развития каждого члена общества. Как указывал В. И. Ленин, основная цель развития экономики при социализме заключается в организации «производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»¹.

Эта стратегическая цель производства при социализме реализуется на основе решения тактических задач, которые на определенных этапах выдвигаются на первый план в силу тех или иных внутренних и внешних объективных обстоятельств. К таким наиболее общим объективным обстоятельствам в первую очередь относятся необходимость восстановления в большинстве социалистических стран разрушенных войной хозяйств, преодоление трудностей, связанных с переориентацией внешнеэкономических связей на социалистический рынок, создание условий для защиты социалистических завоеваний от посягательств как внутренних, так и внешних врагов. В социалистических странах Азии, приступивших к строительству социализма, минуя капиталистический этап

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 204.

(Монголия), или не достигших развитой стадии капитализма и находящихся в колониальной и полуколониальной зависимости (Китай, Корея, Вьетнам), первоочередной стала также задача ликвидации колониальной уродливости экономики и ее отсталости в целом.

Безусловно, что все тактические задачи, каким бы приоритетом они ни обладали на данном конкретном этапе, во-первых, должны вести к осуществлению главной цели социализма и коммунизма — воспитанию «всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей»², а во-вторых, не могут решаться в отрыве от нее, ибо всемерное повышение материального и духовного уровня жизни всех членов социалистического общества является не только результатом и целью социально-экономического развития, но и средством, существенно влияющим на его темпы, необходимым условием дальнейшего экономического подъема и общественного развития при социализме. Как подчеркивалось в связи с этим на XXIV съезде КПСС, «повышение благосостояния трудящихся становится все более настоятельной потребностью самого нашего хозяйственного развития, одной из важных экономических предпосылок быстрого роста производства»³.

Современный этап строительства социализма в Корейской Народно-Демократической Республике характеризуется окончательным решением основных экономических и социальных задач перехода к социализму. В стране безраздельно господствуют социалистические производственные отношения в городе и деревне, большие сдвиги произошли в промышленности и сельском хозяйстве, в результате чего созданы объективные материальные предпосылки для непосредственной ориентации экономического развития на достижение конечных целей социалистического производства. В общем виде для социально-экономического развития КНДР в настоящее время характерны все задачи, свойственные экономике страны, вступившей в период развернутого строительства социализма.

В то же время строительство социализма в КНДР происходит в специфических условиях разделения страны, противостояния агрессивным проидам южнокорейского режима и поддерживающих его империалистических сил, борьбы за объединение страны на мирных демократических началах без какого-либо иностранного вмешательства. Все это оказывает существенное влияние на решение социальных задач и определение приоритетов социально-экономической политики. Разделение страны ставит перед КНДР также весьма важную задачу создания в стране такой социальной атмосферы, которая наиболее выпукло показала бы преимущества социализма перед капитализмом. Поэтому в КНДР делается упор на совершенствование и развитие основополагающих завоеваний социализма — обеспечения всеобщей занятости, бесплатного медицинского обслуживания и образования, социального страхования и пр.

Таким образом, социальная политика Трудовой партии Кореи строится, с одной стороны, на тех огромных социально-экономических завоеваниях, которые внутренне присущи социализму, а с другой — несет на себе отпечаток специфических условий КНДР как страны разделенной, решающей дополнительно некоторые экономические и политические вопросы, которые не стоят перед другими социалистическими странами.

Задачу повышения материального и культурного уровня жизни народа страна поставила перед собой с первых дней своего существования. В статье 23 Конституции КНДР указывается: «Государство счита-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33.

³ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 41.

ет высшим принципом своей деятельности неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни народа. В КНДР непрерывно растущие материальные богатства общества направляются целиком на подъем благосостояния трудящихся»⁴.

Курс Трудовой партии Кореи и правительства КНДР в социальной области отчетливо прослеживается в постановке этой группы вопросов в перспективных планах развития народного хозяйства, являющихся главным инструментом осуществления социально-экономической политики. В них намечаются конкретные шаги по повышению благосостояния населения, которые отражают достигнутый уровень развития производительных сил, степень зрелости производственных отношений, а также внутреннюю и внешнюю обстановку строительства социализма в стране.

Так, трехлетний план послевоенного восстановления и развития народного хозяйства КНДР в области повышения материального благосостояния населения ставил задачу «обеспечить систематическое снижение государственных розничных цен при одновременном росте товарных ресурсов и создать в течение 1954—1956 гг. необходимые условия для отмены системы нормированного снабжения и перехода к открытой торговле без карточек всеми продовольственными и промышленными товарами широкого потребления по единым государственным ценам»⁵.

В пятилетнем плане развития народного хозяйства КНДР (1957—1961) предусматривалось в основном разрешить проблему питания, одежды и жилья для населения и отменить карточную систему снабжения продовольственными и промышленными товарами⁶.

Годы осуществления трехлетки и пятилетки были периодом восстановления народного хозяйства и создания в КНДР основ социализма. Несмотря на трудности этого этапа строительства социализма, КНДР при опоре на помощь и поддержку Советского Союза и других социалистических стран добилась значительных успехов в повышении жизненного уровня населения и развитии национальной культуры. К 1960 г. в КНДР была введена система всеобщего бесплатного образования и медицинского обслуживания, социального страхования. Реальная заработная плата рабочих и служащих с 1949 г. выросла более чем вдвое, а денежные доходы крестьянского двора в среднем увеличились более чем в 5 раз по сравнению с 1955 г.⁷

На период выполнения последующего, первого семилетнего плана развития народного хозяйства КНДР (1961—1967) ставилась задача добиться резкого улучшения жизни народа, в частности увеличить реальные доходы населения более чем в 2 раза⁸. Однако в начале 60-х годов правительство КНДР, учитывая приход к власти в Южной Корее милитаристской клики Пак Чжон Хи, сочло необходимым скорректировать первоначальные социально-экономические планы и обратить гораздо больше внимания на вопросы обороны, пересмотреть с этой целью пропорции капиталовложений и выдвинуть в декабре 1962 г. линию на «параллельное ведение экономического и оборонного строительства».

II Конференция ТПК в октябре 1966 г. закрепила линию на параллельное ведение экономического и оборонного строительства и одновременно продлила выполнение семилетнего плана на три года — по

⁴ Социалистическая конституция КНДР. Пхеньян, 1972, с. 8.

⁵ Трехлетний народнохозяйственный план КНДР на 1954—1956 гг. Пхеньян, 1954, с. 82.

⁶ См.: Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы. Пхеньян, 1956, с. 342.

⁷ См.: Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР (1946—1960 гг.). Пхеньян, 1961, с. 30—31.

⁸ См.: Информационный бюллетень ЦК ТПК. Пхеньян, 1961, № 2 (29), с. 190.

1970 г. включительно. Отметив сложность военно-политической обстановки на Корейском полуострове, конференция постановила «несколько урегулировать темпы развития народного хозяйства», призвала к борьбе за то, чтобы все «жили скромно, проявляли сознательную активность в труде»⁹.

Отвлечение средств на укрепление обороноспособности страны значительно затормозило решение народнохозяйственных и социальных задач. Подводя итоги десятилетнего развития КНДР в период выполнения первой семилетки, генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Ир Сен на V съезде ТПК (1970) отмечал, что в небольшой стране и при малочисленном населении «расходы на оборону были слишком большим бременем. Если бы мы, — подчеркнул он, — хоть часть этих расходов, связанных с обороной, перевели на экономическое строительство, то наше народное хозяйство развивалось бы еще быстрее и куда лучше стала бы жизнь нашего народа»¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на испытываемые страной трудности, в годы выполнения первой семилетки были проведены важные мероприятия, направленные на повышение уровня жизни населения: снижались розничные цены на товары широкого потребления, повышались трудовые доходы трудящихся. В частности, в 1970 г. было принято постановление о повышении всем рабочим, служащим и инженерно-техническим работникам заработной платы в среднем на 31,5 %; реальные доходы крестьян за десятилетие (1961—1970) выросли в 1,8 раза. Ассигнования государства на социально-культурные мероприятия в 1969 г. увеличились в 2,1 раза против 1960 г.¹¹

V съезд Трудовой партии Кореи констатировал завершение индустриализации народного хозяйства и превращение КНДР в социалистическое индустриальное государство с современной промышленностью и развитым сельским хозяйством. Экономические успехи страны открыли новые горизонты в социальной программе партии. В шестилетнем плане развития народного хозяйства на 1971—1976 гг., принятом съездом, была выдвинута широкая и перспективная задача быстрой ликвидации различий в жизненном уровне рабочих и крестьян, а также различий в условиях жизни городского и сельского населения¹². Съезд отметил также необходимость продолжить усилия по укреплению обороноспособности КНДР в связи с провокациями южнокорейского режима и отсутствием прогресса в деле мирного объединения Кореи, что, естественно, сказывалось на росте жизненного уровня в стране¹³.

С учетом сложной ситуации на Корейском полуострове и общих направлений политики ТПК разработала и соответствующую стратегию социально-экономического развития республики. Основу этой стратегии составляют такие элементы, как непрерывное и равномерное повышение благосостояния всех членов общества, возрастание роли общественных фондов потребления в удовлетворении материальных и культурных потребностей населения, преобладающая роль внутренних факторов и местной промышленности в обеспечении трудящихся товарами широкого потребления.

Курс на «равномерное, сбалансированное» повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся предусматривается осуществлять на основе постепенной ликвидации различий между тяжелым и легким, сельскохозяйственным и промышленным трудом,

⁹ Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 4. Пхеньян, 1971, с. 403, 425—426.

¹⁰ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии. Пхеньян, 1970, с. 38.

¹¹ См.: «Нодон синмун», 10. XI. 1970.

¹² См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии, с. 97—98.

¹³ См. там же, с. 97.

освобождения женщин от домашнего труда¹⁴. «Основной принцип нашей партии в решении вопроса о жизни населения, — пишут корейские экономисты, разъясняя решения V съезда ТПК, — заключается в том, чтобы всем трудящимся обеспечить равноценные жизненные условия. Социалистическое, коммунистическое общество — это общество, где все без исключения живут зажиточно и в равной степени обеспеченно»¹⁵.

Следствием проведения этого курса и основным путем его реализации является усиление регулирующей роли партии и государства, а также резкое возрастание удельного веса общественных фондов потребления в удовлетворении всего комплекса потребностей трудящихся. Как отмечалось в теоретическом органе ЦК ТПК журнале «Кыллоджа», «трудящиеся могут благополучно жить без каких-либо тревог и забот только тогда, когда партия рабочего класса и государство будут целенаправленно и сознательно, непосредственно и ответственно обеспечивать их необходимыми для жизни товарами и условиями»¹⁶.

Можно отметить ряд характерных особенностей расходования общественных фондов потребления в КНДР. Во-первых, значительное расширение сферы их использования. Они идут, в частности, на обеспечение населения питанием, одеждой, жильем, топливом, а также, например, на посещение культурно-зрелищных мероприятий. Корейские экономисты формулируют это следующим образом: «Принцип распределения доходов из государственных и общественных фондов, предназначенных для подъема благосостояния населения, должен применяться во всех сферах жизни народа, начиная с обеспечения питанием, одеждой и жильем и кончая культурной жизнью»¹⁷. Причем этот принцип в полном объеме распространяется как на работников государственных предприятий и учреждений и членов их семей, так и на кооперативное крестьянство.

Во-вторых, высокий удельный вес общественных фондов потребления в общем объеме доходов населения КНДР. Если в европейских социалистических странах доля общественных фондов потребления в удовлетворении потребностей человека составляет 25—30%, то в КНДР эта доля превышает заработную плату трудящихся. Только за 1971—1976 гг. общая сумма общественных фондов потребления выросла в 1,7 раза по сравнению с предшествующим десятилетним периодом¹⁸. Расходы государства на одежду, питание и жилье в расчете на каждую семью в год составляют в среднем более 1000 вон¹⁹. Только за счет разницы в закупочных и розничных ценах на продукты питания каждая городская семья в среднем получает от государства дополнительно 560 вон²⁰. Так, например, государственные закупочные цены на рис составляют 62 чоны за кг, на другие зерновые — 40 чон. Население же снабжается рисом — основным продуктом питания — по цене 8 чон и другими зренными — по 6 чон за кг²¹.

Обеспечение трудящихся продуктами питания и предметами потребления через общественные фонды проводится путем нормированного снабжения рисом и некоторыми другими пищевыми и промышленными товарами и установления на нормируемые товары весьма низ-

¹⁴ См. там же, с. 97—102; его же. Об актуальных политических и экономических установках КНДР и о некоторых международных проблемах. Пхеньян, 1972, с. 17.

¹⁵ Об отчетном докладе ЦК V съезду ТПК. Пхеньян, 1973, с. 96.

¹⁶ «Кыллоджа», 1980, № 1, с. 27.

¹⁷ «Корея сегодня», 1979, № 8, с. 55.

¹⁸ См.: «Нодон синмун», 17. XII. 1977.

¹⁹ См. Корейский центральный ежегодник, 1976. Пхеньян, 1976, с. 370. (100 вон КНДР = 74 р. 93 к).

²⁰ См.: «Нодон синмун», 28. III. 1979.

²¹ См.: Корейский центральный ежегодник, 1976, с. 370. (1 чона = 1/100 вон.)

ких отпускных цен за счет государственных дотаций. Такая система, как лишут корейские экономисты, «имеет целью в условиях недостатка товаров осуществлять контроль над тем, чтобы кормить людей поровну и обеспечить им равные условия жизни»²². Кроме того, государство систематически осуществляет бесплатное распределение среди населения жизненно важных товаров. Так, в 1979 г. воспитанникам детских яслей, учащимся школ всех ступеней и студентам вузов были выданы верхняя одежда, белье, обувь, а всем крестьянам — национальная зимняя верхняя одежда²³.

В обеспечении трудящихся сферы материального производства продуктами питания и товарами широкого потребления государство исходит также из конкретных условий труда каждой категории работников и их квалификации. Так, рабочим и членам сельхозкооперативов выдается спецодежда, обувь, верхняя одежда. Работающие в тяжелых условиях дополнительно получают мясо, растительное масло и другие высококалорийные продукты. Так, горнопроходчик третьего разряда получает в год таких товаров на сумму, равную его 8-месячной зарплате²⁴.

Таким образом, формирование доходов трудящихся КНДР происходит как путем распределения по труду, в котором денежная заработная плата является лишь частью получаемых средств²⁵, так и за счет поступлений из общественных фондов потребления.

Подобная система обеспечения трудящихся продуктами питания и товарами потребления экономически предопределила постепенную отмену налогов с населения. В 1964—1966 гг. была упразднена система взимания натурального сельскохозяйственного налога с членов кооперативов, а в 1974 г. был отменен подоходный налог со всех слоев населения. В связи с отменой налогов Ким Ир Сен отмечал: «Благодаря правильной политике нашей партии, направленной на равномерное и систематическое повышение уровня жизни народа... исчезла и необходимость сохранения налогов в качестве рычага для сокращения различий в жизненном уровне различных слоев населения»²⁶.

Внутреннее производство потребительских товаров служит в КНДР основным источником удовлетворения материальных потребностей трудящихся, что является следствием общего курса социально-экономической политики ТПК, направленного на удовлетворение потребностей страны в основном за счет собственного производства²⁷. При этом большая роль отводится развитию местной промышленности, которая позволяет без крупных государственных капиталовложений значительно увеличить в короткий срок производство предметов потребления за счет использования главным образом местного сырья, материалов, топлива, оборудования и рабочей силы «по принципу самообеспечения уездов». «Важно, — пишет корейский экономист Лим Хён Гу, — направить усилия на то, чтобы, полностью мобилизуя и используя в каждом районе всевозможные резервы и возможности, создавать прочную сырьевую базу и, улучшив работу по заготовке различных отходов сельскохозяйственного производства и неиспользуемых материалов,

²² «Нодон синмун», 4. III. 1969. См. также: Г. В. Грязнов. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979, с. 202.

²³ См.: «Нодон синмун», 4. IV. 1980.

²⁴ См.: Корейский центральный ежегодник, 1976, с. 369.

²⁵ См.: Теория об улучшении жизни народа. Пхеньян, 1976, с. 67. В последние годы в корейской литературе распределение по труду терминологически определяется как «средства, необходимые для удовлетворения жизненных потребностей» (сэньхвальби), в противоположность термину «заработная плата» (ронм), которая, по-видимому, входит составной частью в эти средства.

²⁶ Ким Ир Сен. Ответы на вопросы иностранных журналистов, т. 2. Пхеньян, 1977, с. 181—182.

²⁷ См.: Теория социалистической индустриализации. Пхеньян, 1974, с. 32, 156.

правильно организуя работу бригад надомного труда и кооперативов бытового обслуживания, полностью обеспечивать «собственным производством нужды района в потребительских товарах»²⁸.

Впервые задача широкого строительства мелких и средних предприятий местной промышленности в КНДР была выдвинута в июне 1958 г. на пленуме ЦК ТПК, и с тех пор их число постоянно растет. Корейская печать сообщала об ударных темпах строительства таких предприятий. В 1958 г., например, в течение полугода после принятия решения в республике было построено более 1000 предприятий, 85 % которых уже в процессе строительства начали выпускать продукцию²⁹. С февраля 1970 по октябрь 1970 г. на основе массового движения по всей стране было создано еще 1760 мелких и средних предприятий местной промышленности. Таким образом, уже в начале 70-х годов каждый уезд КНДР располагал 10—20 предприятиями местного значения различного профиля³⁰.

В результате таких мероприятий партии в КНДР непрерывно растет доля местной промышленности в валовом объеме производства товаров широкого потребления. В 1960 г. она составляла 31,9 %, в 1964 г. — 56,7 %, а в конце 60-х годов — около 60 % производства товаров народного потребления и одну треть всей промышленной продукции республики³¹.

В последнее время доля производства товаров народного потребления на предприятиях местной промышленности несколько снизилась и составляет около 50 %³², что объясняется ростом производства на предприятиях легкой промышленности центрального подчинения за счет ввода в строй новых мощностей и расширения и совершенствования производства на имеющихся заводах и фабриках. В текущем плановом периоде местной промышленности по-прежнему отводится решающая роль в удовлетворении материальных потребностей населения. Во второй семилетке (1978—1984) предусматривается развитие местной промышленности более высокими темпами, чем промышленность в целом: валовое производство ее возрастет к 1984 г. в 2,4 раза, в то время как промышленное производство в целом вырастет в 2,2 раза, в том числе отрасли группы «Б» — в 2,1 раза. Предполагается, что к концу семилетки удельный вес местной промышленности в производстве предметов потребления превысит 60 %. Ставится задача дальнейшего расширения сети мелких и средних предприятий местного значения, увеличения ассортимента и улучшения качества выпускаемой продукции, снижения ее себестоимости³³.

Первые годы шестилетнего плана характеризовались смягчением напряженности на Корейском полуострове. Под влиянием позитивных сдвигов, происходивших в мире в результате неустанных усилий Советского Союза и других социалистических стран и упрочения могущества социалистического содружества, южнокорейские власти вынуждены были пойти в 1971 г. на диалог с КНДР. Это позволило правительству КНДР значительно сократить расходы на оборону и «выделить больше средств на повышение материального и культурного уровня жизни населения»³⁴. Если в предыдущее пятилетие бюджетные ассигнования на нужды обороны составляли более 30 % всех расходов, то уже в

²⁸ «Кыллоджа», 1980, № 1, с. 30.

²⁹ См.: Всекорейское совещание активистов местной промышленности и производственных кооперативов. Сборник документов. Пхеньян, 1959, с. 21.

³⁰ См.: «Нодон синмун», 8. VIII. 1972.

³¹ См.: Корейский центральный ежегодник, 1966. Пхеньян, 1966, с. 145; Современная Корея (справочное издание). М., 1971, с. 188.

³² См.: «Кыллоджа», 1980, № 1, с. 30.

³³ См.: «Нодон синмун», 18. XII. 1977; «Кыллоджа», 1980, № 1, с. 29—30.

³⁴ См.: «Нодон синмун», 30. IV. 1972.

1972 г. они снизились до 17 % и в дальнейшем не поднимались. В свою очередь расходы на социально-культурные мероприятия увеличились с 17 % в 1970 г. до 23,9 % расходной части бюджета в 1972 г.³⁵

Динамика роста бюджетных ассигнований КНДР на социально-культурные мероприятия в 70-е годы представлена в нижеследующей таблице, составленной по материалам официальных публикаций об исполнении государственных бюджетов за 60—70-е годы.

Год	% к расходам госбюджета	Сумма (млн. вон)	В расчете на душу населения (вон)	% к предыдущему году (сумма)	% к 1970 г. (сумма)
1970	17,0	1020,46	73,4	102,6	100
1971	19,2	1209,92	85,2	118,6	118,6
1972	23,9	1765,87	120,9	145,9	173,0
1973	24,8	2061,84	137,5	116,8	202,0
1974	24,4	2360,00	154,2	114,5	231,3
1975	23,8	2705,46	172,3	114,6	265,1
1976	23,7	2921,14	181,4	108,0	286,3
1977	24,1	3213,25	194,7	110,0	314,9
1978	23,4	3448,46	209,0	107,3	337,9
1979	22,4	3796,75	218,2	110,1	372,1
1980 (план)	21,7	4100,49	230,4	108,0	401,8

Шестилетний план был выполнен по основным показателям досрочно — за 4 года и 8 месяцев. Отличительной чертой этого периода экономического развития КНДР явилось быстрое возрастание потребления населением продуктов питания и товаров массового спроса. Этому способствовало увеличение государственных капиталовложений в отрасли легкой промышленности, развитие местной промышленности, успехи сельскохозяйственного производства, а также возрастание доходов населения в результате снижения в среднем на 30 % розничных цен и повышения заработной платы.

Розничный товароборот увеличился в 1971—1975 гг. в 1,8 раза. При этом резко выросло снабжение населения промышленными товарами: тканями — в 2 раза, верхней одеждой — в 1,9, трикотажными изделиями — в 5,3, бельевыми товарами — в 1,4, обувью — в 2 раза. Улучшилось и обеспечение населения продовольственными товарами: растительным маслом — в 1,8 раза, мясом — в 1,7, мясопродуктами — в 3,6, рыбой — в 1,3, рыбопродуктами — в 3,5, яйцами — в 2, овощами — в 1,6 раза. Широко велось жилищное строительство: в городах и селах за шестилетие государством были построены квартиры для 900 тыс. семей. Реальные доходы рабочих и служащих выросли в 1,7 раза, а крестьян — в 1,8 раза³⁶.

Текущий, второй семилетний план развития народного хозяйства КНДР (1978—1984), принятый на сессии Верховного народного собрания в декабре 1977 г., не внес каких-либо изменений в курс и стратегию повышения материального благосостояния населения и решения социальных вопросов и продолжил линию, выдвинутую в этой области V съездом ТПК. План не конкретизирует отдельные показатели, которые предполагается достичь к 1984 г., а обрисовывает лишь общие направления социального развития.

В основную задачу второй семилетки входит «поднятие уровня жизни народа на более высокую ступень». Это предполагается достичь

³⁵ См. там же, 14. IV. 1971; 30. IV. 1972.

³⁶ См. там же, 14. IV. 1971; 30. IV. 1972.

путем равномерного повышения жизненного уровня рабочих, служащих и крестьян при некотором акценте на повышение уровня жизни сельского населения. План ставит задачу значительно снизить цены на потребительские товары, «неуклонно развивать зачатки коммунистического распределения», то есть расширять значение и сферу использования общественных фондов потребления. Розничный товарооборот увеличится к концу семилетки в 1,9 раза, ежегодно планируется вводить в строй 200—300 тыс. квартир, расширить сеть центрального отопления в крупных городах, улучшить медицинское обслуживание населения, закрепить успехи, достигнутые в дошкольном воспитании детей³⁷.

Определяя основные направления социального развития КНДР, Трудовая партия Кореи вместе с тем не скрывает и значительные трудности, с которыми стране придется столкнуться в ходе выполнения второй семилетки. В обращении пленума ЦК ТПК ко всем членам партии в связи с принятием нового плана³⁸ подчеркивается, что из-за продолжающихся агрессивных происков в отношении КНДР со стороны империалистических сил и сеульских властей «тяжелым является военно-экономическое бремя» страны. Поэтому обращение содержит призыв к населению: «Экономить, экономить и еще раз экономить!» ТПК признает, что «уровень жизни народа в целом еще не вполне удовлетворителен», что «народ живет не так хорошо, как люди европейских стран»³⁹.

Последовательное рассмотрение задач и направлений социального развития КНДР на каждом конкретном этапе социалистического строительства позволяет подвести некоторые общие итоги. Социальная программа Трудовой партии Кореи, как и других братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран, охватывает широкий круг мероприятий в области повышения народного благосостояния и совершенствования социалистического образа жизни. Эти мероприятия предусматривают повышение уровня потребления населением материальных и духовных благ, совершенствование социальной структуры потребления на основе сближения уровня жизни рабочих и крестьян, различных слоев населения при росте доходов рабочего класса и крестьянства, всех социальных групп; улучшение условий труда; развитие системы образования, здравоохранения и социального обеспечения; развитие национальной культуры; широкое жилищное строительство.

Необходимо отметить происшедшие в последние годы изменения в трудовом законодательстве КНДР. В 1978 г. был принят Закон о социалистическом труде, который заменил действовавший до сих пор Закон о труде 1946 г. В нем нашли отражение социальные достижения страны на этапе строительства развитого социалистического общества⁴⁰.

В соответствии с Законом право на труд обеспечено всем гражданам республики, работа предоставляется в соответствии с подготовкой, способностями и наклонностями каждого. Минимальный возраст работников — 16 лет. Пенсионный возраст по старости установлен для женщин — 55 лет, для мужчин — 60 лет при наличии соответствующего стажа работы. Предусмотрено социальное страхование на случай профессионального заболевания, болезни, травмы, ведущих к временной потере трудоспособности.

Оригинально решен в КНДР вопрос участия трудящихся в управлении народнохозяйственными предприятиями. На профессиональные союзы возложена в основном воспитательная функция. В рамках вве-

³⁷ См.: «Нодон синмун», 18. XII. 1977.

³⁸ См. там же, 29. I. 1978.

³⁹ Ким Ир Сен. Ответы на вопросы иностранных журналистов, т. 2, с. 12, 310.

⁴⁰ См.: «Нодон синмун», 19. IV. 1978.

денной в 1961 г. Тэанской системы управления, которая с организационной точки зрения означает коллективное руководство предприятием со стороны расширенного партийного комитета, предусматривается, что партийный комитет, который руководит предприятием и решает все вопросы его деятельности, выполняет и функции, осуществлявшиеся до введения Тэанской системы местными комитетами профсоюзов и коллективными договорами⁴¹.

В соответствии с Тэанской системой управления на администрацию предприятия полностью возложена обязанность обеспечивать работникам надлежащие условия труда путем внедрения техники безопасности, а также системы охраны труда. Перспективное направление деятельности государственных органов в организации трудовой деятельности заключается в ликвидации различий между тяжелым и легким, сельскохозяйственным и индустриальным трудом, в освобождении трудящихся от работы в тяжелых условиях, постепенном сокращении различий между умственным и физическим трудом.

В КНДР рабочий день по закону ограничен 8 часами, однако в зависимости от условий труда он может быть сокращен до 7 или 6 часов. Рабочая неделя — шестидневная. Оплачиваемый отпуск предоставляется раз в год как занятым на государственных предприятиях, так и в кооперативных хозяйствах на 14 календарных дней, но в зависимости от рода работы предусмотрен и дополнительный оплачиваемый отпуск на срок от 7 до 21 дня. Законом о социалистическом труде запрещается привлекать граждан к сверхурочной работе. «Государство, — гласит закон, — последовательно осуществляет в организации трудовой деятельности граждан принцип: 8 часов работать, 8 часов отдыхать, 8 часов учиться».

Особые льготы трудовое законодательство предоставляет женщинам. Для работниц, имеющих троих детей и более, рабочий день сокращен до 6 часов. Женщинам независимо от стажа работы, помимо очередного и дополнительного отпусков, предоставляют оплачиваемый 35-дневный дородовой и 42-дневный послеродовой отпуск. Женщины не допускаются к тяжелым и вредным для здоровья работам, а имеющие грудных детей и беременные — также к работе в ночное время.

Состоявшееся в сентябре 1979 г. республиканское совещание работников в области организации труда подчеркнуло необходимость последовательного претворения в жизнь социалистического трудового законодательства и наметило для этого конкретные задачи⁴². В частности, была отмечена необходимость усилить воспитание у трудящихся трудолюбия, укрепления трудовой дисциплины, искоренения случаев нерационального использования рабочей силы, повышения квалификации рабочих и служащих, бережного отношения к оборудованию, экономии сырья и материалов.

Особо был выделен на совещании вопрос о совершенствовании системы учета и оплаты труда по его количеству и качеству. Помимо гарантированного минимума зарплаты для обеспечения жизненных потребностей, предусматривается выплата трудящимся премий и других поощрительных вознаграждений, а также повышение зарплаты по мере увеличения норм выработки, которые будут пересматриваться раз в 1—2 года.

В промышленности для обеспечения правильной и точной оценки личного вклада каждого работника в дело коллектива было признано необходимым ввести ежедневный учет результатов труда, как это делается при учете трудовой членов сельскохозяйственных кооперативов.

⁴¹ См.: Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 6. Пхеньян, 1975, с. 188—191. Тэанская система управления получила название от Тэанского электромеханического завода, где она была впервые введена в опытный порядке.

⁴² См.: «Нодон синмуи», 28, 29. IX. 1979.

Каждому работнику выдается специальная трудовая книжка-дневник, в которую ежедневно вносятся результаты выполнения им дневного плана, данные об экономии материалов и сырья, повышении качества продукции, техническом новаторстве. Раз в неделю результаты трудовой деятельности каждого работника обсуждаются на общем собрании бригады. Все это, как считают в КНДР, будет способствовать повышению ответственности трудящихся за порученное дело и росту их трудовой активности.

В развитие трудового законодательства в 1979 г. было принято Положение о системе оплаты социалистического труда, согласно которому устанавливается степень квалификации рабочего (8 разрядов) и регулируется размер зарплаты в зависимости от количества и качества труда.

По мере роста масштабов экономики, усложнения ее задач и углубления внутривозрастных связей существенно повышается роль дисциплины труда и производительного использования каждого часа, каждой минуты рабочего времени, строгого соблюдения правил внутреннего трудового распорядка. Эти вопросы регулируются в КНДР принятым в 1978 г. Положением о трудовой дисциплине⁴³.

Таким образом, трудовое законодательство КНДР реализует важнейшее социальное завоевание социализма — право на труд и всесторонне обеспечивает активное участие всех членов общества в производительном труде.

Большие успехи достигнуты в последние годы в дошкольном воспитании детей и образовании. Законом об охране детства и воспитании детей предусмотрено бесплатное содержание в яслях и детских садах всех детей дошкольного возраста⁴⁴. В 1979 г. число детей в дошкольных учреждениях составило 3,5 млн., то есть практически все дети посещали ясли и детские сады⁴⁵.

КНДР — страна всеобщей грамотности. Новый качественный скачок в деле образования был сделан в 1975 г. путем введения по всей стране 11-летнего всеобщего обязательного образования, включающего одногодичное дошкольное и десятилетнее школьное образование.

Из года в год растет в стране число высших учебных заведений. Если в 1970 г. в КНДР было 129 вузов, а в 1976 г. — 155, то в 1979 г. их насчитывалось уже 162 (включая заводские вузы)⁴⁶. Особое внимание уделяется подготовке специалистов с высшим образованием без отрыва от производства, тесному сочетанию теоретической подготовки с приобретением практических навыков. Крупные предприятия страны имеют свои вузы, во всех провинциях есть педагогические и сельскохозяйственные вузы, готовящие специалистов с учетом местной специфики. За годы народной власти в стране с 17-миллионным населением было подготовлено более миллиона специалистов с высшим и средним специальным образованием. Удельный вес инженерно-технических работников в общей численности занятых в народном хозяйстве с 15,8 % в 1970 г. увеличился к 1976 г. до 19,2 %. Число специалистов сельского хозяйства, приходящихся на один сельхозкооператив, за это время возросло в среднем с 17 до 55⁴⁷.

В настоящее время в школах, техникумах и вузах страны обучается около 5,1 млн. студентов и школьников. Государство практически полностью взяло на себя расходы по воспитанию и образованию детей и

⁴³ См.: «Нодон синмун», 18. IX. 1978.

⁴⁴ См. там же, 30. IV. 1976.

⁴⁵ См. там же, 28. III. 1979.

⁴⁶ См. там же, 17. XII. 1977; 28. III. 1979.

⁴⁷ См.: Экономика стран социализма. М., 1971, с. 180; «Нодон синмун», 17. XII. 1977.

подростков, а также обеспечение их всем необходимым — одеждой, учебниками, письменными принадлежностями и т. п. Студенты техникумов и вузов получают также стипендию. В итоге государственные расходы на содержание человека со дня его рождения и до окончания вуза превышают 10 тыс. вон⁴⁸.

Важным показателем роста народного благосостояния является жилищное строительство. В КНДР строительство жилых домов в городах и в сельской местности ведется исключительно за счет государства. Плата за жилплощадь и другие коммунальные услуги не превышает 3% всех расходов рабочих и служащих, а сельские жители полностью освобождены от квартплаты⁴⁹. Крестьяне из традиционных глинобитных «чиби» постепенно переселяются в современные благоустроенные дома с отоплением, водопроводом и другими удобствами. Все села связаны автобусным сообщением с уездными центрами. В отдельных крупных селах создаются агрогородки с учебными заведениями различных ступеней, домами культуры, кинотеатрами, клубами, предприятиями местной промышленности. Быт кооперированного крестьянства постепенно приближается к быту городских жителей.

В последнее десятилетие осуществлена широкая программа в области здравоохранения. Совершенствуется система бесплатного медицинского обслуживания населения, включающая и бесплатное обеспечение лекарствами, улучшаются условия труда и отдыха трудящихся. На конец 1979 г. на 10 тыс. жителей приходилось в среднем 23 врача и 120 койко-мест в больницах, в то время как до освобождения Кореи их не считывалось и по одному. В среднем за год государство расходует на медицинское обслуживание каждого жителя средства, равные его двухмесячной зарплате⁵⁰.

Принятый в апреле 1980 г. Закон о народном здравоохранении не только закрепил достигнутые в этой области успехи страны, но и наметил конкретные обязанности государственных органов по дальнейшему совершенствованию системы здравоохранения⁵¹.

Мероприятия по охране здоровья трудящихся ведут к систематическому снижению смертности и увеличению средней продолжительности жизни населения: за годы, прошедшие после освобождения, смертность уменьшилась более чем в 5 раз, а средняя продолжительность жизни в 1976 г. составляла 73 года, в том числе мужчин — 70, а женщин — 76 лет. Накануне освобождения средняя продолжительность жизни корейцев не превышала 44 лет⁵².

Успехи, достигнутые КНДР в социальной области, являются следствием закономерного процесса экономического, социального и культурного развития страны по пути социализма. Они стали возможны благодаря огромным преимуществам социализма как общественного строя, открывающего широкий простор для развития производительных сил, благодаря самоотверженному труду корейского народа и тесному братскому сотрудничеству КНДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

⁴⁸ См.: «Нодон синмун», 28. III. 1979.

⁴⁹ См.: Корейский центральный ежегодник, 1976, с. 370; «Корея сегодня», 1977 № 4, с. 38.

⁵⁰ См.: «Нодон синмун», 3. IV. 1980.

⁵¹ См. там же, 4. IV. 1980.

⁵² См.: «Нодон синмун», 3. IV. 1980, 17. XII. 1977.

Об итогах III сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва

Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук

Л. М. Моисеев,
доктор юридических наук

А. П. Морозов,
кандидат экономических наук

III сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва, проходившая в Пекине с 30 августа по 10 сентября нынешнего года, явилась важной вехой в попытках пекинского руководства вывести китайское общество из затяжного социально-экономического и политического кризиса, в который его завело правление Мао Цзэдуна. Как известно, этот кризис, охвативший китайское общество, знаменовал собой крах маоистских концепций общественного развития и мирового порядка. Китай ни по каким показателям не выдвинулся в число передовых стран. Маоистским лидерам не удалось разложить мировую систему социализма и изолировать СССР. Им не удалось столкнуть в крупномасштабном военном конфликте СССР и США, то есть выполнить один из главных замыслов своей внешнеполитической стратегии 60-х годов.

Усиливающийся кризис китайского общества и всеобщее недовольство народа, провал маоистских внешнеполитических концепций потребовали от китайских лидеров, пришедших на смену Мао Цзэдуну, принятия действенных мер по выводу страны из тупика.

Выход из глубокого кризиса нынешнее китайское руководство пытается найти на путях широкой прагматической корректировки маоизма (включая отказ от наиболее одиозных или неэффективных его постулатов и культа Мао Цзэдуна), привлечения в экономику страны иностранного и китайско-эмигрантского капитала, использования сохранившихся в стране буржуазно-националистических политических и экономических сил, а также на путях союзов и экономических, в том числе и военно-экономических, сделок с империализмом. Лозунг борьбы с империализмом практически снят. Усилия пропагандистских, внешнеполитических и других органов все более сосредоточиваются на борьбе против «гегемонизма», то есть СССР, Вьетнама и ряда других социалистических стран, тогда как империализм представляется в качестве «обороняющейся стороны», способной превратиться из врага в союзника.

Внутри страны происходит размыв материального базиса китайского общества, ведущий к дальнейшей деформации материальных основ общества и их полному изменению. Такой курс ставит под угрозу полную утраты социалистические завоевания китайского народа. Нынешнее китайское руководство явно пытается поддержать установившийся в стране политический режим сдвигом политического курса вправо.

В то же время китайские лидеры в ходе осуществления этого курса наталкиваются на серьезные затруднения и вынуждены прибегать к сложным политическим, тактическим отступлениям, возвращаясь к рациональным методам хозяйствования и управления, что в конечном счете объективно дискредитирует маоизм и вызывает нарастание оппозиции к нему в китайском обществе. Однако решающим для данного периода является то, что оппозиционные официальному курсу силы не об-

наруживают достаточной организованности и при сохранении военно-бюрократического репрессивного аппарата могут быть существенно ослаблены.

Вместе с тем возрастающее влияние на внутреннюю ситуацию оказывает проимпериалистическая политика китайского руководства, ужесточающая антисоветский, антисоциалистический курс КНР, которая начинает выполнять роль ударной силы мирового империализма в его борьбе против реального социализма, сил мира, демократии, национального и социального освобождения народов.

Указанные моменты современного положения Китая нашли непосредственное отражение в материалах последней сессии ВСНП.

III сессия ВСНП пятого созыва работала по обширной повестке дня, включавшей плановые и бюджетные вопросы, внесение изменений в конституцию, принятие новых законов, перестановки в руководстве высших государственных органов, отчеты Постоянного комитета ВСНП, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. Повестка дня сессии в ходе обсуждения и решения конкретных вопросов была даже расширена. Так, при обсуждении планово-бюджетных вопросов была практически выдвинута новая программа экономического развития страны, решением вопроса о конкретном конституционном изменении было предпринято широкое изменение действующей Конституции КНР, большая программа законодательного урегулирования была обнародована при рассмотрении вопроса о новых законах и работе Постоянного комитета ВСНП. Перестановки в высшем руководстве также сопровождалась декларированием важных программных аспектов кадровой политики и принципов работы аппарата управления и т. д.

Организация работы данной сессии имела некоторые особенности, отличавшие ее от предыдущих. Это, в частности, выразилось в приглашении на пленарные заседания в качестве гостей иностранных корреспондентов и членов дипломатического корпуса. Впервые в китайской печати публиковались критические выступления депутатов в адрес правительства, которое с февраля 1976 г. возглавлял Хуа Гофэн. Сам премьер Госсовета был вынужден выступить с критикой возглавлявшегося им правительства, признав факты отрыва от действительности, игнорирования объективных экономических законов, погони за дутыми высокими показателями, чрезмерной централизации системы государственного управления. Все это он объяснил «пагубным влиянием левацких уклонов»¹.

В центре внимания сессии на этот раз оказались экономические проблемы. На ней была дана комплексная оценка экономического положения в стране, процесса так называемого «урегулирования» экономики и реформы хозяйственного механизма. Были обнародованы основные плановые показатели на 1981 г., сделана попытка определить главные направления социально-экономического развития Китая на ближайшую перспективу и принято решение о разработке новых планов экономического развития — пятилетнего (1981—1985), десятилетнего (1981—1990) и двадцатилетнего (1981—2000).

В своих выступлениях китайские руководители пытались в общей форме дать сравнительно благоприятную оценку экономического положения в стране. В докладе председателя Госплана КНР Яо Илия отмечалось, что «достигнуты заметные успехи» в деле «урегулирования народного хозяйства» и что осуществляются реформы управления экономикой, смягчены основные диспропорции, повысилась эффективность народного хозяйства, заметно оживился внутренний рынок, дальнейшее развитие получила внешняя торговля, улучшилось дело науки, образования, культуры и здравоохранения, возросли доходы жителей города

¹ «Жэньминь жибао», 9. IX. 1980.

и деревни, улучшилась жизнь народа². Однако анализ опубликованных официальных экономических показателей и фактов говорит о том, что китайская экономика еще очень далека от выхода из того тупика, в который завело ее китайское руководство. Более того, становится очевидным, что сегодняшние руководители до сих пор не имеют обоснованной комплексной программы социально-экономического развития как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу. Тот новый конгломерат средств и методов, к которому они сегодня прибегают для оживления экономики, уже сейчас порождает новые проблемы и острые противоречия в китайском обществе.

На сессии была официально признана нереальной программа социально-экономического развития Китая на десятилетие 1976—1985 гг.³, заявлено о нецелесообразности дальнейшей корректировки ее количественных показателей и поставлена задача разработать новый десятилетний план с учетом реального состояния экономики. Признанием провала десятилетнего плана 1976—1985 гг. китайское руководство, по существу, ставит под сомнение всю программу «модернизации» до 2000 г., предусматривающую превращение Китая к концу столетия в одну из ведущих мировых держав с развитыми сельским хозяйством, промышленностью, обороной, наукой и техникой. В китайской печати все чаще поворачивается о модернизации не в общепринятом смысле этого слова, как это было в недалеком прошлом, а о модернизации «китайского типа». Если ранее конкретные задачи модернизации определялись следующим образом: «Мы должны в этом столетии достичь мирового уровня как по валовому производству промышленной и сельскохозяйственной продукции, так и по ее производству на душу населения... Мы должны говорить не о том, чтобы достигнуть передового уровня 70-х годов, а о том, чтобы достигнуть передового уровня конца этого столетия», то позже, в выступлении Е Цзяньмина на заседании, посвященном 30-й годовщине КНР, говорилось уже не о достижении уровня производства на душу населения развитых стран, а лишь о выходе Китая в первые ряды стран мира «как по валовому национальному продукту, так и по объему производства главных видов продукции». В докладе Дэн Сяопина на совещании кадровых работников 16 января 1980 г. количественные параметры «модернизации» определялись как достижение производства валового национального продукта в размере 1 тыс. ам. долл. в год на душу населения (против сегодняшнего уровня производства в соседней Сингапуре и Гонконге соответственно в 3 и 2 тыс. долл.)⁴. Сейчас в китайской печати все чаще появляются статьи, где прямо говорится о невозможности достижения к 2000 г. ведущими отраслями китайской промышленности технического уровня развитых стран⁵.

В материалах сессии в достаточной степени нашли свое отражение те поистине огромные трудности и проблемы, которые сегодня стоят перед китайской экономикой. Динамика развития народного хозяйства КНР показывает, что, по существу, только теперь начинают по-настоящему сказываться результаты непродуманных, авантюристических попыток форсирования темпов развития производства за счет резкого снижения необходимого технологического задела, особенно в добывающих отраслях промышленности, прежде всего угольной и нефтяной. Не случайно в китайской печати появились публикации, говорящие о возможности возникновения энергетического кризиса в Китае. Восстановление

² «Жэньминь жибао», 31. VIII. 1980.

³ Подробно об этой программе см.: В. И. Акимов, В. И. Потапов. «Четыре модернизации»: наметки и реальность. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 2.

⁴ См.: «Чжэньминь» (Гонконг), 6. III. 1980.

⁵ См., например, Чжоу Чжуандаунь. Некоторые представления и соображения по вопросу о модернизации металлургической промышленности. — «Жэньминь жибао», 21. III. 1980.

Таблица 1

Производство продукции промышленности и сельского хозяйства в 1979 г. и планы на 1980—1981 гг.

Виды продукции	Един. измер.	1979 г.		1980 г.		1981 г.	
		Объем производства	Годовой прирост в %	Объем производства	Годовой прирост в %	Объем производства	Годовой прирост в %
Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства	млрд. юаней	617,5	8,5	—	—	—	5,5
Валовая продукция промышленности	«	459,1	8,5	486,4	6	515,8	6,0
Валовая продукция сельского хозяйства	«	158,4	8,6	—	—	—	4,0
Зерно	млн. т	332,115	9,0	332,5	0,1	342,5	3,0
Хлопок	»	2,207	1,8	2,3	4,2	2,55	1,09
Уголь	»	635	2,8	610	3,9	620	1,6
Нефть	»	106,15	2,0	106	0	106	0
Электроэнергия	млрд. кВт·ч	281,95	9,9	300	6,4	312	4,0
Сталь	млн. т	34,48	8,5	—	—	35	—

Источники: Расчеты и данные по «Жэньминь жибао», 1. V. 1980 и 31. VIII. 1980.

нормального цикла воспроизводства потребует весьма крупных капиталовложений в экономически наименее эффективные отрасли народного хозяйства, не дающие конечной продукции: геологическую разведку, производство энергии и сырья. Все это находится в известном противоречии с задачами повышения эффективности общественного производства, упора на экономические методы управления народным хозяйством, снижения доли фонда накопления в национальном доходе и обещанного повышения жизненного уровня китайского народа.

Рост валовой промышленной продукции в настоящее время происходит в основном за счет вовлечения в производство дополнительной рабочей силы, производящей предметы ширпотреба. Однако возможности дальнейшего наращивания производства в отраслях легкой промышленности все более ограничиваются недостатком сырья и энергии. Очевидно поэтому в ближайшие годы экономику Китая ожидает дальнейшее снижение темпов развития народного хозяйства. В частности, плановые показатели на 1980 и 1981 гг. предусматривают значительное снижение темпов экономического роста Китая. Так, годовой прирост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства должен понизиться соответственно с 8,5 и 8,6 % в 1979 г. до 6 и 4 % в 1981 г., прирост зерна — с 9 до 3 %, хлопка — с 1,8 до 1,1 % (см. табл. 1).

Народному хозяйству КНР не удалось существенно продвинуться вперед по пути решения самых острых экономических проблем. Становится все более очевидным, что тот первоначальный срок в 3 года, который был запланирован для так называемого периода «урегулирования», является явно недостаточным.

Экономика страны продолжает страдать от диспропорций между фондом накопления и потреблением, между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелыми и легкими отраслями индустрии. Типичным примером того, с какими трудностями идет преодоление острых проблем китайской экономики, является топливно-энергетическая промышленность.

Еще на II сессии ВСНП пятого созыва было признано, что одной из важнейших причин кризисного состояния, в котором оказалось народ-

ное хозяйство КНР, явилась резкая диспропорция между потребностями экономики в топливно-энергетических ресурсах и возможностями топливно-энергетической базы страны. Китайская печать вынуждена была признать, например, что только удовлетворение потребностей промышленности в электроэнергии позволило бы увеличить в целом по стране объем производства на базе имеющихся мощностей на 20—30 %⁶. Создавшееся положение объясняется целым рядом причин. Во-первых, дефицитом капитальных вложений в топливно-энергетический комплекс по сравнению с энергопотребляющими отраслями хозяйства, в результате чего темпы его развития оказались явно недостаточными. Во-вторых, снижением технического уровня многих отраслей промышленности как следствием морального старения и физического износа основных фондов, так и в результате увеличения удельного веса в них мелкого, полукустарного производства. Все это вело к увеличению энергозатрат на единицу производимой продукции. Так, на малых и средних предприятиях в черной металлургии расход электроэнергии на одну тонну продукции в 2—3 раза выше, чем на современных предприятиях Китая⁷. В целом по стране затраты электроэнергии на выплавку одной тонны стали увеличились в 1977 г. по сравнению с 1965 г. с 1665 кВт·ч до 1012 кВт·ч, а на выпуск химической продукции стоимостью 10 тыс. юаней — с 5378 до 8453 кВт·ч⁸. Полезное использование всех видов энергии в КНР в настоящее время составляет примерно 28 %, в то время как в Европе — 42 %, а в Японии — 50 %⁹.

Заместитель премьера Государственного Совета КНР Кан Шиэнь в августе 1979 г. заявил, что в настоящее время, «с одной стороны, наблюдается напряженное положение в снабжении топливом, а с другой — расходы энергии чрезмерно велики, коэффициент использования топлива низок».

В результате проблема развития топливно-энергетического комплекса в докладе Хуа Гофэна на II сессии ВСНП пятого созыва оказалась в числе 10 наиболее важных аспектов развития народного хозяйства КНР на этапе «урегулирования». В частности, ставилась задача: «Усилить угольную, нефтяную, электроэнергетическую промышленность... ослабить напряженное положение с топливом, энергией... В угольной промышленности нужно провести как следует техническую реконструкцию действующих и ускорить строительство новых шахт; в нефтяной промышленности надо усилить геологическую разведку и умножить запасы ресурсов; в электроэнергетической нужно с активным расширением сети теплоэлектростанций больше строить гидростанций».

Однако, несмотря на столь напряженное положение с производством энергии, план на 1979 г. предусматривал довольно скромные темпы прироста в топливно-энергетических отраслях: угля менее 0,5 %, нефти — 5,7 и электроэнергии — 7,2 %. «В годы урегулирования народного хозяйства, — заявляло агентство Синьхуа, — производство энергии не сможет развиваться значительными темпами, и, следовательно, энергия, необходимая для развития народного хозяйства, должна быть обеспечена лишь путем экономии». Но и эти довольно скромные планы оказались в целом невыполненными: в угольной промышленности вместо планировавшихся 14,2 млн. т было введено в эксплуатацию новых мощностей лишь на 13,99 млн. т в год, добыча нефти увеличилась только на 2 % против 11 % в 1978 г., газа — на 5,7 %. И лишь план по производству электроэнергии был несколько превышен: ее выработка возросла на 9,9 %. При этом, как указывалось выше, прирост валовой промышленной продукции составил 8,5 %.

⁶ См.: «Гунжэнь жибао», 2. III. 1979.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 10. V. 1979.

⁸ См. там же, 29. V. 1979.

⁹ См. там же, 12. XI. 1979.

Все это свидетельствует о том, что в 1979 г. китайским руководителям не удалось снять остроту топливно-энергетической проблемы. Достаточно сказать, что при приросте промышленного производства в 8,5 % прирост выработанной энергии составил всего 2 %.

Не являются радужными и перспективы развития топливно-энергетической промышленности в предстоящие два года. Предусматривается снижение добычи угля с 635 млн. т в 1979 г. до 610 и 620 млн. т в 1980 и 1981 гг. Добыча нефти в 1980—1981 гг. будет оставаться на уровне 1979 г. Резко снизятся темпы прироста выработки электроэнергии: с 9,9 % в 1979 г. до 6,4 и 4 % в 1980 и 1981 гг.

Таким образом, первые полтора года так называемого «урегулирования» дали очень мало в плане экономического прогресса страны, и перед Китаем вновь со всей остротой встала проблема: как развиваться и по какому пути идти?

Как явствует из материалов сессии, китайское руководство основную ставку делает на изменение системы управления и планирования народным хозяйством, на возрождение многоукладной экономики, а также на сотрудничество и помощь со стороны империалистических государств.

Смысл реформы хозяйственного механизма сводится к переходу на экономические методы управления народным хозяйством. Это предусматривает внедрение принципов хозяйственного расчета в деятельности промышленных предприятий, связанное с усилением их оперативно-хозяйственной самостоятельности, материальной заинтересованности и ответственности за результаты своей деятельности. Выдвинуто требование всемерного увеличения рентабельности, прибыльности предприятий, резкого повышения качества продукции. В связи с этим был поставлен вопрос о ликвидации мелких нерентабельных предприятий в целом ряде отраслей, прежде всего металлургии, химии и машиностроении.

В 1979 г. в экспериментальном порядке на новую систему планирования и экономического стимулирования были переведены 3 тыс. промышленных предприятий, которым была предоставлена «широкая производственная самостоятельность». К середине 1980 г. таких предприятий насчитывалось уже 6600, что составило около 19 % от общего числа государственных предприятий. На их долю приходится 45 % валовой промышленной продукции страны. Однако, несмотря на то что китайская печать положительно оценивает деятельность этих предприятий, дальнейшее расширение рамок эксперимента, очевидно, столкнулось с известными трудностями, поэтому было объявлено, что «эксперимент планируется продолжить лишь в 1981 г., в то время как в 1980 г. будет вестись лишь подготовительная работа».

Реорганизация управления экономикой является сегодня необходимой для Китая и может способствовать усилению планового руководства народным хозяйством, активизации трудовой активности производственных коллективов. Но в целом следует отметить, что до сих пор целостная, научно обоснованная программа реорганизации народного хозяйства не разработана. Это объясняется как слабостью необходимых для нее экономических предпосылок, так и отсутствием достаточно ясной самой концепции управления, которая сегодня зачастую рисуется китайской печатью как некий конгломерат несовместимых по своему существу социалистических и капиталистических принципов и методов хозяйствования.

На сессии был закреплен наметившийся в КНР возврат к многоукладной экономике как средству ускорения темпов ее развития. В этом плане предусматривается, во-первых, дальнейшее расширение рамок частного предпринимательства как в городе, так и в деревне, базирующегося на собственном труде. Во-вторых, возрождение капиталистиче-

ского уклада. В Китае уже созданы первые акционерные компании на средства национальной буржуазии, восстановленной в своих правах на существование. В-третьих, формирование государственно-капиталистического сектора на паях как с национальным, так и с иностранным капиталом. Сессия провозгласила также курс на резкое увеличение в промышленности и сфере обслуживания удельного веса кооперативного сектора в противовес государственному.

Мероприятия, направленные на возрождение многоукладной экономики, хотя и могут на определенном этапе способствовать оживлению экономики, но в конечном итоге означают в социальном отношении движение назад в условиях нынешнего ярко выраженного националистического курса китайского руководства, представляя собой прямую угрозу социалистическим завоеваниям в Китае, разрушающим образом сказываются на коренном интересе трудящихся масс, заключающемся в построении социализма в Китае, чем подрывается главная создающаяся основа экономического развития.

Наконец, не сможет сыграть решающей роли в экономическом подъеме Китая и помощь империалистических монополий, поскольку она ограничена жесткими классовыми рамками и законами капиталистической конкуренции.

На сессии ВСНП обсуждались также вопросы исполнения государственного бюджета КНР за 1979 г., текущего бюджета на 1980 г. и проект государственного бюджета на 1981 г. Этим вопросам были посвящены доклад нового министра финансов КНР Ван Бинцяня, а также многие выступления депутатов.

В центре внимания стояли вопросы огромного дефицита государственного бюджета и необходимости сокращения расходов на капитальное строительство. Нарастание дефицита государственного бюджета и призывы к резкому сокращению расходов имеют место в условиях, когда количественные показатели роста производства хотя и снижаются, но, по официальным сведениям, составляли в 1977 г. (по промышленности) 14,3 %, в 1978 г.— 13,5 %, в 1979 г.— 8,5 %, а в 1980—1981 гг. ожидаются в размере 6 %. Высокие темпы роста в 1977 и 1978 гг. можно рассматривать как характерные для восстановительного периода, а 1979 и 1980 гг. можно квалифицировать как годы изменения курса на пересмотр основных пропорций, в том числе уменьшения доли накопления в национальном доходе и увеличения доли расходов на сельское хозяйство и группу «Б» в промышленности. Тем самым эти меры имели целью коренное изменение положения, когда народное хозяйство выходило из состояния неэффективности и диспропорциональности. Чем же тогда объяснить нарастание дефицитности бюджета в течение 1979 и 1980 гг., а также то обстоятельство, что государство вынуждено идти на изъятие средств Народного Банка Китая в размере 9 млрд. юаней и пополнять источники доходов за счет внешних займов? Это объясняется тем, что сложилось громадное несоответствие между количественным ростом производства и ухудшением таких качественных показателей, как эффективность, себестоимость, качество продукции, рост жизненных благ трудящихся. Примерно такая картина наблюдалась в период «большого скачка», когда были искусственно взвинчены темпы промышленного производства, прежде всего за счет удвоения производства металла, а финансовые результаты резко ухудшились. На этот раз размеры бюджетного дефицита стали более значительными, чем в годы «большого скачка». В 1979 г. они достигли 17 млрд. юаней, в 1980 г. дефицит оценивается в 8 млрд. юаней. К этому следует добавить более 8 млрд. юаней, которые были заимствованы из излишков бюджетов прошлых лет для покрытия дефицита.

Чем же объясняют официальные органы КНР наличие огромного бюджетного дефицита? Они пытаются объяснить его увеличением расхо-

дов государства на повышение жизненного уровня трудящихся. Дескать, за последние два года произошло повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, вырос фонд заработной платы рабочих и служащих в городах, а также увеличились расходы на трудоустройство миллионов безработных и на пособия остальной части населения, ожидающей работы. Кроме того, якобы потребовались чрезвычайные расходы на нужды обороны (так были названы расходы на агрессивную акцию Китая против социалистического Вьетнама), которые составили в 1979 г. 22,3 млрд. юаней, или более чем на 2 млрд. юаней (10,1%) превысили запланированные расходы. Упомянуты и значительные незапланированные расходы на реабилитацию нескольких миллионов кадровых и руководящих работников, которые были подвергнуты репрессиям в ходе «культурной революции».

Расходная часть госбюджета в 1979 г. составляла 127,4 млрд. юаней, из которых 120,3 млрд. юаней были покрыты за счет внутренних ресурсов, а 7,1 млрд. юаней — за счет иностранных кредитов. Наиболее характерной чертой бюджета 1979 г. было сокращение бюджетных расходов на капитальное строительство, увеличение расходов на оборону и на нужды образования, культуры, здравоохранения и науки. Произошли также изменения в распределении капиталовложений на легкую и тяжелую индустрию. В группу «Б» было направлено на 9,6%, а в группу «А» — на 7,7% средств больше, чем в 1978 г.

В бюджете 1980 г. преобладают тенденции предыдущего года. В частности, еще в большей степени сокращено капитальное строительство, уменьшаются государственные капиталовложения (госбюджетные ассигнования сокращаются до 37,4 млрд. юаней, или на 14,1 млрд. юаней). Официально заявлено о сокращении расходов на оборону до 19,3 млрд. юаней, что на 2,9 млрд. юаней меньше расходов 1979 г. Однако в условиях инфляции и дефицита государственного бюджета военные расходы (как прямые, так и косвенные) могут нарастать и по другим статьям, в частности за счет внешних источников и расходов на науку. Несмотря на все призывы к сокращению административных расходов, ассигнования на управленческий персонал увеличились до 5,8 млрд. юаней. В нынешнем году КНР продолжает получать внешние кредиты, общая сумма которых за год определяется в 3,4 млрд. долл., но при этом уже с 1980 г. КНР вынуждена оплачивать проценты за взятые в предыдущие годы внешние кредиты в размере 2,2 млрд. юаней. Естественно, что в последующие годы эта статья расходов для КНР будет нарастать в значительных размерах.

По проекту бюджета КНР на 1981 г. вновь запланирован дефицит в размере 5 млрд. юаней. Увеличение расходной части бюджета составляет 6,2 млрд. юаней, но при этом сумма ассигнований на капитальное строительство остается практически на том же низком уровне, то есть будет составлять 37,6 млрд. юаней против 37,4 млрд. юаней в 1980 г. Расходы на оборону при продолжении политики милитаризации достигнут 20,2 млрд. юаней. Министр финансов КНР предупредил в своем докладе, что если в VI пятилетке (начиная с 1981 г.) произойдут изменения, то это потребует новых чрезвычайных расходов по этой статье.

Эти данные свидетельствуют о тяжелом финансово-экономическом положении в стране. Подлинная причина тяжелого состояния экономики заключается отнюдь не в дополнительных расходах государства на улучшение материального положения трудящихся, ибо любые меры по увеличению денежных доходов крестьян и рабочих и служащих в городах сопровождались немедленным повышением цен на продовольствие и промышленные изделия. Из выступлений депутатов на сессии ВСНП выяснилось, что рост цен на обширные группы товаров в 1979 г. и в первой половине 1980 г. составил 20—30%. Что касается повышения закупочных цен на сельскохозяйственную, в том числе и сверхплановую,

продукцию, то хотя официально эти цены повышены соответственно на 20 % и 50 %, однако фактически крестьяне не смогут увеличить свои доходы, из-за того что во многих провинциях государственные органы при приемке зерна занижают его сортность и качество, определяя влажность зерна «на глазок». Так, в провинции Хэйлуцзян денежные доходы крестьян увеличились всего на 1 юань. К этому следует добавить постоянное повышение стоимости средств производства для сельского хозяйства (техники, удобрений, топлива, масел и смазок, стройматериалов и т. д.).

Если говорить о повышении заработной платы для рабочих и служащих в городах, то оно не коснулось многих категорий трудящихся и распространялось лишь на занятых в государственном секторе промышленности и транспорта. Повышение зарплаты не охватывало такие сферы, как образование, культурно-просветительные учреждения, наука, административный персонал. Большая часть учителей в школах и преподавателей в вузах влечит поистине жалкое существование. По свидетельству депутатов ВСНП, уровень заработной платы учителей в китайских школах самый низкий в мире. В последнее время в Китае много говорят о необходимости повышения расходов на образование, науку и культуру, сетуют на исключительно серьезное положение с подготовкой кадров для осуществления «четырёх модернизаций». Как видно из доклада по бюджетам, расходы на эти нужды в стране несколько повысились: в 1979 г. они составили 13,2, в 1980 г. — 14,8 млрд. юаней, а в 1981 г. предполагается, что они составят 16,9 млрд. юаней. Расходы на образование в КНР оказываются крайне скудными. В пересчете на американские доллары они составляют всего 2,4 долл. на 1 человека в год. В настоящее время из 800 млн. крестьян 30 % неграмотны, а 40 % имеют лишь начальное образование. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе, например, среди взрослого населения 45 % неграмотных, а среди рабочих и служащих неграмотных насчитывается более 100 %. В скотоводческих районах провинции Цинхай неграмотно 82 % молодежи.

Что же касается тех статей расходов бюджета, по которым призывают к всемерной экономии, например в области капитального строительства, то общая сумма расходов на него, включая местные бюджеты, остается примерно на одном и том же уровне. Особенно напряженным был 1978 г., когда бюджетные ассигнования за год увеличивались на 500 %, а норма накопления поднялась до 36,5 %, то есть была близкой к средней норме за три года «большого скачка».

Несмотря на все усилия сократить бюджетные ассигнования на капитальное строительство, они остаются в течение трех лет на уровне 500 млрд. юаней. Причина широкого размаха капитального строительства состоит в том, что вся система управления народным хозяйством по-прежнему предусматривает высокие темпы количественного роста производства, строительство тысяч и тысяч новых объектов и расширение существующих. И хотя за последние два года многие предприятия закрываются или переходят на производство другой продукции, однако абсолютное большинство их остается убыточным, малоэффективным, их продукция залеживается на складах и не находит спроса. Так, только на складах предприятий электротехнической промышленности запасы неходовой продукции составляют 60 млрд. юаней, не находят спроса также 20 млн. т металла. В связи с перестройкой структуры промышленности в сторону преимущественного развития группы «Б» на складах стали скапливаться некачественные товары широкого потребления.

В настоящее время пересматриваются списки самых крупных объектов строительства, особенно крупных металлургических и машиностроительных заводов, химических комбинатов, строительства нефти и

газопроводов, то есть предприятий наиболее капиталоемких отраслей. Резко критикуется затея со строительством крупного Баошаньского металлургического комбината под Шанхаем, на который предусматривалось израсходовать 21,4 млрд. юаней. Оказывается, что когда принималось решение о финансировании этого самого дорогостоящего объекта в КНР за последние 30 лет, научно не было обосновано место строительства, не была обеспечена сырьевая и энергетическая база, не проведена экономическая экспертиза, не определены сроки окупаемости капиталовложений и т. д. Известно лишь, что себестоимость 1 т чугуна будет в два раза выше, чем на Аньшаньском металлургическом комбинате. Выплата процентов по полученным от Японии кредиты превышает предполагаемые отчисления прибылей.

Неэффективным является и сельское хозяйство страны. Новые закупочные цены все еще не возмещают затрат на производство зерна. В провинции Хэйлунцзян, наиболее благоприятной для производства зерна, убытки из года в год нарастают. Фактические расходы на каждую тонну заготавливаемого зерна составляют 68 юаней, государство вынуждено ежегодно оказывать дотацию народным коммунальным предприятиям в размере 27 юаней на 1 тонну. Чем выше урожай, тем больше убытков несет государство в связи с неупорядоченностью цен и низкой производительностью труда крестьян. В числе других важных задач была названа долгосрочная программа ограничения рождаемости с целью тесной увязки заданий по росту производства с ожидаемым снижением темпов роста населения. Характерно, что при оценке предыдущих пятилетних планов Хуа Гофэн был вынужден признать в качестве образцовой первую пятилетку. Для остальных пятилеток были характерны несбалансированность и постоянно нарастающие трудности хозяйственном развитии.

Важное место на сессии заняло внесение изменений в Конституцию КНР. Изменение конституции было произведено ВСНП по рекомендации V пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (февраль 1980 г.), согласно которой предлагалось исключить из ст. 45 Основного закона, где говорится о политических правах и свободах граждан, «четыре больших» («четыре широко»), то есть «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао». «Четыре больших», как известно, появились в Конституции КНР после «культурной революции», они были частью ее инструментария. Но не только пресловутая «четверка» пользовалась этим инструментарием для борьбы с политическими противниками. Дацзыбао, например, часто бывали и орудием группы Дэн Сяопина в борьбе с выдвигавшимися «культурной революции», в частности они очень массово использовались в период подготовки III пленума ЦК КПК (1978), пересмотревшего многие вопросы внутренней политики. Сейчас господствующей в китайском руководстве группе «четыре больших» уже не нужны. Более того, существует реальная опасность широкого их использования политическими противниками этой группы. Поэтому она и пошла на законодательное запрещение «четырех больших».

Сессия приняла резолюцию о пересмотре Конституции КНР 1978 г. и образовала для этой цели комиссию. Сам по себе столь частый пересмотр Основного закона (третий раз за пять лет) отнюдь не свидетельствует о политической стабильности в стране. Данный пересмотр связывается с тем, что, как сказал в речи на сессии Хуа Гофэн, в 1978 г. при принятии действующей конституции «еще не успели всесторонне обобщить опыт и уроки за все годы существования республики, не успели глубоко распознать и ликвидировать влияние левацких взглядов времен десятилетней смуты». По его словам, в действующей конституции осталось еще «немало нецелесообразного», Основной закон содержит в себе «много не совсем совершенных и четких положений»¹⁰.

Таким образом, Конституция КНР 1978 г. не отражает нынешнее соотношение сил во внутривластной борьбе. В настоящее время правящая группировка страны, стремясь упрочить свое возрастающее влияние, пытается использовать некоторые демократические атрибуты. Этой цели, в частности, служит заявление о намерении вынести проект новой конституции на всенародное обсуждение, не проводившееся со времени принятия первой Конституции КНР в 1954 г.

Принятие измененного текста Конституции КНР тесно связано с очередным раундом борьбы за власть в китайском руководстве. Согласно принятому III сессией ВСНП постановлению о пересмотре Конституции 1978 г., председателем образованной сессией Конституционной комиссии назначен Е Цзяньин. Между тем согласно установившейся в КНР традиции комиссию должен был возглавить председатель ЦК КПК. Однако Хуа Гофэн, остающийся председателем ЦК партии, не был назначен председателем Конституционной комиссии. Он не выступил с традиционным отчетом о работе правительства, а был вынужден, как уже упоминалось выше, лишь выступить с самокритикой и выслушивать критические замечания в адрес правительства, которое он возглавлял более четырех лет. Все это говорит в пользу возможного ограниченного пребывания Хуа Гофэна и на высшем посту в КПК.

Сессия ВСНП показала, что китайское руководство продолжает уделять большое внимание созданию правовой базы более эффективной и ослабленной деятельности государственного аппарата. III сессия ВСНП пятого созыва приняла ряд законов: о гражданстве КНР, о браке, о налоге со смешанных китайско-иностранных предприятий и о личном подоходном налоге. Закон о браке является изменением одноименного закона 1950 г. Другие законы были приняты впервые. Закон о гражданстве, очень краткий — всего 17 статей, имеет четкую внешнеполитическую направленность. Несомненно, что главной его статьей является третья, которая гласит: «Китайская Народная Республика не признает за китайскими гражданами двойное гражданство». Декларированием этого принципа Пекин стремится урегулировать отношения с некоторыми странами, в которых проживают значительные массы этнических китайцев. Однако это не единственная задача закона. Он предусматривает облегченный порядок принятия гражданства зарубежными китайцами: этот вопрос решается на административном уровне — органами министерства общественной безопасности. При принятии закона было обещано, что китайским гражданам, проживающим за границей, «не будут чиниться препятствия», если они пожелают переселиться в КНР. Таким образом, закон о гражданстве может быть использован и в качестве инструмента для привлечения в КНР зарубежных китайцев, обладающих капиталами или знаниями, необходимыми для осуществления амбициозной программы «четырёх модернизаций». Характерно, что в основу главного принципа приобретения гражданства КНР положено не место рождения, а китайское гражданство хотя бы одного из родителей, независимо от того, родился данный человек на территории Китая или нет.

Закон КНР о браке 1950 г., на смену которому приходит нынешний одноименный закон, был одним из первых законодательных актов КНР, кои предшествовал даже закону о земельной реформе. В свое время, в 50-е годы, неоднократно проводились массовые кампании по внедрению этого закона в жизнь. До последнего времени этот закон в Китае критике не подвергался. Лишь в связи с новой демографической политикой китайского руководства появились высказывания о несовершенстве этого закона, о необходимости его дополнения и изменения. Новый закон о браке повысил брачные возрасты для мужчин и женщин на два

* «Жэньминь жибао», 9. IX. 1980.

года — соответственно до 22 и 20 лет. В новый закон включены отсутствовавшие ранее положения о наследовании имущества супругами, детьми и родителями.

Принятие сессией двух других законов связано с расширением сотрудничества китайских властей с иностранным капиталом. Первый из этих законов — Закон о подоходном налоге со смешанных обществ, основанных на китайском и иностранном капитале. Ставки подоходного налога со смешанных обществ определены в размере 30 %. Кроме того, дополнительно взимается местный подоходный налог в размере 10 % от основной налоговой суммы, так что в целом взимаемый со смешанных предприятий налог составит 33 %. Законом установлены налоговые льготы для смешанных обществ, рассчитанные на 10-летний срок и более, а также для предприятий в области сельского хозяйства и лесоводства, предприятий в отдаленных и пограничных районах. Возвращение 40 % выплаченных налоговых сумм предусматривается в случае реинвестиции прибыли в Китае. Все это предоставляет значительные льготы иностранному капиталу — получается, например, что в КНР налоговые ставки ниже на 20 %, чем в развитых капиталистических странах, и ниже, чем в развивающихся.

Последний из принятых сессией законодательных актов — Закон КНР о личном подоходном налоге — носит в основном фискальный характер. Его издание связано главным образом с увеличением в Китае числа иностранцев, занимающихся коммерческой деятельностью. Установливаемый размер прогрессивного налогообложения чрезмерным не является и иностранных предпринимателей не отпугнет. Налог не взимается совсем с процентов на вклады в государственные банки и кредитные кооперативы КНР.

Принятие налоговых законов показывает, что китайские власти придают большое значение закреплению правовых основ сотрудничества с иностранным капиталом. В этом сотрудничестве пекинские лидеры видят одно из важнейших слагаемых выполнения своей националистической программы «четырёх модернизаций». Обнародованная на сессии программа дальнейшего законодательного урегулирования касается в основном области экономического законодательства.

Из повестки дня III сессии ВСНП наибольшее внимание внутри и вне Китая привлекли перестановки во внешних государственных органах, и прежде всего отставка Хуа Гофэна с поста премьера Госсовета КНР. Вместе с Хуа Гофэном, как известно, с постов заместителей премьера Госсовета ушли Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь, Сюй Сянцян и Ван Чжэнь, относящиеся к группе деятелей КПК и КНР старшего поколения. От постов заместителей премьера были также освобождены Ван Жэньчжун, сосредоточивший свою деятельность на работе в Секретариате ЦК КПК, и бывший «образцовый крестьянин» Чэнь Юнгуй, последний выдвиженец «культурной революции» в руководстве Госсовета, ставший козлом отпущения за маоистский эксперимент с Дачжаем. Несколько китайских деятелей старшего поколения ушло из руководящих постов в Постоянном комитете ВСНП (заместители председателя ПК ВСНП Не Жунчжэнь, Лю Бочэн, Чжан Динчэн, Цай Чан, Чжоу Цзяньшэнь). На смену ушедшим из Госсовета и ПК ВСНП деятелям пришли другие, которые ненамного моложе ушедших по возрасту. Однако гвоздь всех перемен — отставка Хуа Гофэна, по-настоящему качественная перемена. Хуа Гофэна заменил на посту премьера Чжао Цзяян, считающийся деятелем, близким Дэн Сяопину. Это большой успех Дэн Сяопина, одновременный уход которого с поста заместителя премьера Госсовета — лишь тактический шаг, облегчивший решение вопроса о Хуа Гофэне. Что же касается ухода других деятелей старшего поколения, то его нельзя оценить однозначно. Большинство ушедших заместителей премьера Госсовета, оставив свои администра-

тивные должности, будут продолжать занимать руководящие партийные посты, и, по-видимому, далеко не все оставят их после XII съезда. Следовательно, они, включая Дэн Сяопина, смогут эффективно участвовать в определении и проведении в жизнь политики китайского руководства, в то же время не неся ответственности за промахи исполнительных органов, а наоборот, получив возможность перекладывать ответственность на эти органы. Возможно также, что проведением указанной акции Дэн Сяопин, укрепивший свое положение, освобождается от части своих соперников в борьбе за власть, которым не нравится его далеко идущий прагматизм.

Сессия показала, что с внешней стороны процесс обновления руководства в Китае идет пока без эксцессов, сравнительно безболезненно. Ближайшее будущее покажет, сумеют ли выдвиженцы «культурной революции», которых много на среднем и низовом уровнях китайского руководства, укрепить свои позиции при смене поколений китайских руководителей.

Внешнеполитические вопросы не были на III сессии ВСНП пятого созыва предметом специального обсуждения, однако мы уже видели, что решение сессией ряда вопросов имело ярко выраженную внешнеполитическую направленность. В своей речи на сессии Хуа Гофэн, коснувшись внешнеполитических вопросов, повторил основные установки проимпериалистического, антисоветского курса китайского руководства, избитые измышления о «советском гегемонизме». Новый премьер Госсовета Чжао Цзыян в своем первом же публичном выступлении после назначения на высший административный пост поспешил заверить своих слушателей, что «нынешняя обстановка стала еще более беспокойной и напряженной, чем раньше; заметно увеличилась опасность войны». Все это свидетельствует о том, что китайское руководство осталось в отношениях с внешним миром на прежних реакционных позициях, подкрепляемых правыми тенденциями во внутренней политике. Последняя сессия ВСНП, несмотря на проявленный ею известный реализм при решении отдельных вопросов экономики и управления, не может быть охарактеризована как позитивная веха на историческом пути КНР. Наоборот, она свидетельствует о новом поправении политического курса китайского руководства.

* * *

Оценивая итоги III сессии ВСНП, можно сделать заключение, что и после 1976 г. руководство Китая не смогло коренным образом изменить экономическое положение в стране и выработать позитивную программу хозяйственного строительства. По основным направлениям оно продолжает маоистскую стратегию построения могущественного Китая на милитаристской, антинародной и антисоциалистической основе.

Решения сессии по внутривнутриполитическим вопросам, в том числе и относительно перестановок в высшем эшелоне китайского руководства, свидетельствуют о все еще сохраняющейся нестабильности в стране, ликвидировать которую на основе нынешней политики правящей группы Пекина невозможно. Более того, решения сессии могут вызвать раскол и усилить внутреннюю борьбу на различных уровнях китайского руководства и в обществе.

Маньчжурия после вывода советских войск (1946 — 1947 гг.)

(Из записок советского дипломата)

И. Н. Никитин

В начале апреля 1946 г. советские войска были выведены с территории Южной Маньчжурии. Там уже всюду бушевала гражданская война. В этих условиях советские люди — железнодорожники, специалисты, представители учреждений и организаций, местные советские граждане — оказались в исключительно тяжелом положении. Гоминьдановцы сажали их в тюрьмы, подвергали пыткам, убивали без суда и следствия. Так было в Мукдене, Телине, Чанчуне и вообще во всех населенных пунктах, где проживали граждане СССР. Когда об этом стало известно Советскому правительству, оно немедленно приняло все возможные меры к тому, чтобы защитить наших людей от произвола гоминьдановских палачей, спасти от разграбления принадлежавшее Советскому Союзу имущество.

Я в то время работал в Харбине в качестве секретаря генконсульства СССР и хотел бы здесь рассказать о положении в Маньчжурии и о жизни советских людей после эвакуации оттуда советских войск на Родину.

* * *

Конец апреля 1946 г. Эвакуация Красной Армии из Маньчжурии близится к концу. Настала очередь и Харбина, куда из Чанчуна передислоцировался штаб фронта. В городе царит оживление. Повсюду временно разместились штабные учреждения, каждую минуту готовые сняться с места и следовать на Родину. 21 апреля 1946 г. в Харбине состоялся массовый митинг трудящихся города, которые пришли, чтобы проводить на Родину советских воинов, высказать им от лица всего китайского народа благодарность за свое освобождение, за то, что за время пребывания в городе они поддерживали образцовый порядок, всячески защищали местное население от произвола гоминьдановцев. На митинге собралось свыше трехсот тысяч человек. Грустным было расставание своими Красной Армии для китайских трудящихся. Ведь они немало наслушались о произволе гоминьдановских войск на занятой ими территории после ухода оттуда советских войск. Особенно переживали эвакуацию нашей армии местные советские граждане, подавляющее большинство которых всего несколько месяцев тому назад влачило жалкое существование бесправных русских эмигрантов. Они также знали о зверствах гоминьдановских палачей над советскими людьми в Шэньяне, Телине и Чанчуне. Нерадостны были и мы, работники генконсульства, советские служащие КЧЖД, представители советских внешнеторговых организаций, так как хорошо понимали, что будет очень трудно работать и жить в условиях гражданской войны в Маньчжурии, и готовились к худшему. Ведь еще совсем недавно, в августе 1945 г., нам пришлось самим испытать все «прелести» войны, когда японцы держали нас несколько дней под арестом.

1 мая 1946 г. ровно в 12 часов от харбинского вокзала отошел поезд, в котором уехали на Родину последние подразделения наших войск. После 12 часов в городе не оставалось ни одного советского солдата. На

улицам полнейшая тишина. Все, затаив дыхание, ждут, что будет дальше. Всех пугает пример Чанчуня, где в течение двух дней шли тяжелые бои между гоминьдановскими и революционными войсками, в ходе которых город сильно пострадал. Вскоре со стороны Саманного городка в направлении Русского собора медленно проследовала воинская часть освобожденной армии. Солдаты шли одной колонной, потом стали разбегаться с проспекта по улицам и переулкам. Мы видели, как два-три солдата, пройдя через калитку, стучат в парадную дверь дома и просят ее открыть. Спустя некоторое время дверь открывается, и они входят в дом. Это было небывалое явление для Китая. Китайское население не раз было свидетелем того, как японские или гоминьдановские солдаты, заняв тот или иной город, силой врываются в дома, избивают и грабят проживающих в них людей. Теперь же ничего этого нет и в помине. Занятие города происходит совершенно спокойно, без ненужного насилия. И так было во всем городе. Такое поведение революционных войск произвело большое впечатление на население и сыграло большую роль в росте его симпатий к народно-демократической администрации. Правда, мы также видели, как солдаты выводили из того или иного дома гоминьдановских полицейских, которые шли без головных уборов в расстегнутых мундирах. Постепенно улицы наполнились народом, слышались приветственные крики «Вансуй!», многие размахивали красными флагами. А солдаты все шли и шли. И так было до самого вечера. В этот день в город пришли настоящие хозяева.

1946 г. в Маньчжурии прошел в условиях гражданской войны между гоминьданом и Объединенной демократической армией (ОДА), руководимой китайскими коммунистами. Эта война приняла особенно большие масштабы после того, как 3 мая 1946 г. последние советские части, выполнив свой союзнический долг и освободительную миссию, покинули пределы Маньчжурии. Известно, что между гоминьдановцами и КПК ранее было достигнуто соглашение о прекращении военных действий на всей территории Китая и о запрещении переброски войск с 12 часов 13 января. Соглашение было опубликовано 10 января. Приказ о прекращении военных действий подписали Чан Кайши, Мао Цзэдун и американский генерал Маршалл.

С уходом из Южной Маньчжурии наших войск гоминьдановцы, нарушив это соглашение, начали наступление на север, в результате которого были заняты такие крупные города, как Паньшань, Тайань, Аньшань, Ляоян, Телин. 13 марта они вступили в самый крупный город Маньчжурии, ее промышленный центр, Шэньян. В связи с этим КПК заявила чанкайшистам протест и обратилась к представителю США с просьбой прекратить транспортировку гоминьдановских войск. КПК пошла на уступки и 27 марта 1946 г. подписала с Чан Кайши новое соглашение о прекращении военных действий в Маньчжурии, в котором говорилось, что войска должны находиться на позициях, которые они занимают на 27 марта, а не на 13 января.

Однако и это соглашение было немедленно нарушено чанкайшистами. Гоминьдановские войска повели широкое наступление на север вдоль линии КЧЖД, стремясь как можно быстрее захватить те территории, с которых эвакуировались советские войска. К июню 1946 г. ими были заняты Кайюань, Инкоу, Бэньси, Сыпин, Гунчжулин, Чанчунь, Гирин и другие города и населенные пункты. Особенно сильные бои шли за Сыпин, который революционные войска героически защищали в течение 33 дней, с 16 апреля по 19 мая, уничтожив в этих боях лучшие части гоминьдановских войск. 22 мая революционные силы без боя сдали Чанчунь, надеясь, что это поможет начать мирные переговоры с гоминьдановцами, так как перед этим Чан Кайши заявил, что переговоры о мире он может вести только при условии ухода коммунистов из Чанчуня и только в Чанчуне. Однако и после оставления ОДА этого города наступление

продолжалось, и гоминьдановцы продвинулись на север еще на 120 км до реки Сунгари и остановились в ста километрах от Харбина.

Чтобы приостановить наступление на Харбин, в конце мая руководимые КПК войска перешли в наступление в Южной Маньчжурии и, разбив гоминьдановцев, 26 мая освободили центр черной металлургии Аньшань, а также Хайчэн, Дашичао и Инкоу. Этот сильный удар заставил Чан Кайши пойти на перемирие. Оно было заключено на 15 дней, с 7 по 21 июня, и затем несколько раз продлевалось. Во время переговоров Чан Кайши предложил вывести революционные силы из большинства провинций Маньчжурии. КПК не приняла этого условия. Переговоры ни к чему не привели. Несмотря на перемирие, гоминьдановцы продолжали вести военные действия. Приостановив наступление на центральном фронте на Харбин, с июня по ноябрь 1946 г. они вели наступательные действия на флангах, по обе стороны КЧЖД, в направлении Мынцзяна, Тунхуа и Аньдуна, Тунляо, Каилу и Кулуя и добились определенных успехов. Линия фронта проходила недалеко от Харбина, который фактически стал политическим и административным центром освобожденных районов Маньчжурии. В городе создавалось крайне неустойчивое положение. Командование революционных войск в 1946 г. не менее пяти раз отдавало приказы о начале эвакуации города.

Наряду с военными действиями на фронте народно-демократической администрации приходилось вести большую очистительную работу в тылу против тайных агентов, которые засылались в освобожденные районы гоминьдановцами. Эти агенты были объединены в отряды, во главе которых стояли гоминьдановские генералы и офицеры. Командовал отрядами генерал Цзян Пэйфэй. Из этих отрядов в тылу коммунистов он организовал 27-ю армию. 26 августа вместе с другими гоминьдановскими агентами Цзян Пэйфэй был арестован, и 9 сентября в Харбине над ними состоялся суд, который приговорил всех к расстрелу. В июне 1946 г. формированием 6-й армии в Харбине занимался и генерал Цуй Данчэн. Вместе с ним действовал гоминьдановский агент Ли Минсинь, который выдавал ебю за живого будду. Они были арестованы одновременно с Цзян Пэйзем и вместе с ним расстреляны. К концу года вооруженные гоминьдановские отряды в тылу ОДА в основном были ликвидированы, но тайные генты еще действовали повсюду.

После ухода нашей армии почти вся территория Маньчжурии, за исключением Мукдена и прилегающего к нему района, находилась под контролем ОДА. Позднее этот район расширился. В освобожденных районах создавались провинциальные, городские и уездные правительства и низовой аппарат власти. Формирование этого аппарата проводилось на самых широких демократических основах путем выборов. Первое время централизованное руководство отсутствовало, и вся власть была на местах. В целях централизации необходимо было создать центральный руководящий орган. С этой целью с 7 по 16 августа 1946 г. в Харбине был проведен объединенный съезд народных представителей северо-восточных провинций Китая. На съезде присутствовали делегаты от всех провинций Маньчжурии, от всех классов и партий, национальностей и воинских частей. Съезд принял решение об учреждении высшего административного органа власти в Маньчжурии и утвердил общую программу демократического правительства. В качестве высшего административного органа был создан Северо-Восточный административный комитет, в состав которого были избраны 27 человек во главе с председателем Линь Фыном и двумя его помощниками — Гао Чунминем и Чжан Сюэсы, сыном бывшего властителя Маньчжурии Чжан Цзолия. На съезде также было принято положение об организации этого комитета, согласно которому комитет являлся высшим административным органом Маньчжурии и должен был проводить в жизнь общую программу, руководить работой всех местных органов власти.

* * *

Как я уже отмечал, эвакуация советских войск из Маньчжурии полностью была закончена 3 мая 1946 г. Сразу после этого в генконсульство стали поступать сведения одно тревожнее другого. Новые советские граждане и особенно те из эмигрантов, которые подали заявления о приеме в гражданство, но еще не получили советских паспортов, очень беспокоились за свою судьбу. Это прежде всего касалось тех, кто жил вне Харбина. Оснований для беспокойства у них было больше чем достаточно. Дело в том, что после ухода советских войск всюду активизировались гоминьдановские элементы, которые стали в буквальном смысле слова терроризировать как китайское, так и русское население в провинции. Люди непрерывно звонили по телефону в генконсульство и просили защиты. В связи с этим было принято решение направить меня в командировку на восточную линию КЧЖД вместе с представителями дороги, причем один из них должен был представлять китайскую, а другой — советскую сторону. От китайцев представителем был один из высших жомандиров железнодорожных войск НОА, фамилию которого я забыл, а с советской стороны — инженер-капитан М. И. Гусев. Для охраны нам выделили роту солдат. Поезда в то время не ходили, и управление дорогой дало нам целый железнодорожный состав примерно из шести вагонов, в одном из которых размещались мы с М. И. Гусевым, переводчик и русские проводники.

Первая остановка в Маоэршани. На станции масса русских, которые ждут нашего приезда. Все питают надежду на то, что именно представитель генерального консульства сможет им помочь в их тяжелом положении. Покидаем свой вагон и расходимся каждый по своим делам. М. И. Гусев и китайский представитель идут к железнодорожникам и проводят с ними соответствующую работу. Здесь нужно оговориться, что Советское правительство, учтя опыт Мукдана, Чанчуня и Телина, чтобы избежать лишнего жертв во время Гражданской войны, эвакуировало из всех советских железнодорожников из Северной Маньчжурии в Советский Союз, за исключением небольшой группы работников советской части правления и Управления КЧЖД, находившихся в Харбине.

Я отправился к местным советским гражданам и русским эмигрантам. Прямо на улице, у дома одного из русских жителей, выдаю новым гражданам советские паспорта, а тем, кто возбудил ходатайство, но еще не получил гражданства, справки, подписанные генконсулом и секретарем и скрепленные гербовой печатью. В справках говорилось, что такой-то подал заявление о приеме в советское гражданство. С паспортом или справкой на руках человек чувствовал себя уже значительно увереннее, так как теперь у него появилась защита в лице генерального консульства СССР в Харбине. На каждой станции также встречаюсь с представителями местных властей и разъясняю им, что русские люди, проживающие в Маньчжурии, теперь уже больше не белоэмигранты, а полноправные граждане СССР, пользующиеся защитой Советского государства. Из разговоров с новыми советскими гражданами узнаю, что большое беспокойство китайскому и русскому населению причиняют хунхузы — так называют простые люди солдат и офицеров гоминьдановской армии. Они действуют вдоль всей восточной линии КЧЖД, нападая на станции и поселки, пускают под откос поезда, грабят и убивают мирных людей. Главные районы их деятельности — это Мулинские копи, станции Даймагоу, Эрдаохэцзы, Яблоня. Когда мы ехали в направлении Пограничной, то всю дорогу только и слышали о диверсиях. Перед самым приездом на Мулинские копи (в Лишучжэнь) гоминьдановцы совершили налет на поселок. Как китайское, так и русское население не хотело подставлять свои головы под пули гоминьдановцев. Во многих населенных пунктах с разрешения местных властей из китайцев и русских стали созда-

ваться отряды самообороны, члены которых несли круглосуточное дежурство. В Пограничной — тоже разговоры о гоминьдановских бандах и о готовности населения организовать самооборону против их налетов. В городе было неспокойно. На следующий день гоминьдановцы подожгли военный склад с помощью какого-то зажигательного устройства, которое было занесено туда ими заранее. В сопках бродили гоминьдановские шайки, иногда слышалась перестрелка.

Когда мы возвращались в Харбин, то на станции Сочинцы произошел следующий случай. Только поезд тронулся, как раздался винтовочный выстрел. Заскрежетали тормоза, и состав резко затормозил. Потом я увидел, как китайская охрана ввела в один из вагонов солдата, который, оказывается, и произвел выстрел по поезду. Кто он и зачем это сделал — было неизвестно. Затем нам объяснили, что это был гоминьдановский агент. На каждой станции, где мы останавливались на обратном пути, «гоминьдановца» водили по улицам и показывали народу. При этом один из сопровождавших солдат изо всех сил бил в барабан, а другой громко объяснял людям, за что он арестован и в чем состоит его вина. На голове у «гоминьдановца» островерхий бумажный колпак, на котором крупными иероглифами написано, кто он и за что подвергается наказанию. Сзади этой процессии бежит большая толпа ребятишек. Потом, недели через две, уже в Харбине я встретил на одной из улиц этого человека с колпаком на голове. Его все еще продолжали водить с барабанным боем по городу.

Приезжаем в Муданьцзян. Дальше ехать нельзя, так как гоминьдановцы вчера совершили налет на станцию Шаньши и разобрали рельсы. И так было на всем нашем обратном пути в Харбин.

Моя поездка имела также целью организацию в каждом населенном пункте, где проживают советские граждане, обществ советских граждан. Путем открытого голосования избиралось правление общества во главе председателем. В правление попадали достойные люди, не запятанные себя антисоветской деятельностью и связями с японцами, показавшие себя активными общественниками. Теперь все вопросы жизни советской колонии в том или ином населенном пункте решались правлением. Правление также являлось тем органом, который представлял интересы советских граждан перед местными китайскими властями. На создание этих обществ мы предварительно получали разрешение китайцев. Я представлял местным властям председателя и членов правления общества и просил оказывать им всяческое содействие в их работе. Для бывших эмигрантов создание такого выборного органа имело исключительно большое значение. Они впервые принимали участие в выборах, избирая сами из своей среды достойных людей в правление общества. Те, кто получил советские паспорта, зимой 1946 г. впервые в жизни принимали участие в выборах депутатов в Верховный Совет СССР. Тем самым бывшим русским эмигрантам, многие из которых в прошлом с оружием в руках боролись против советской власти, было оказано большое доверие. Это произвело исключительно большое впечатление на всю русскую эмиграцию.

По возвращении в Харбин я узнал, что очень напряженная обстановка сложилась в районе Нанса. Это вниз по Сунгари, неподалеку от города Цзямусы. Гоминьдановцы захватили там целый район и терроризируют местное китайское и русское население. Необходимо было немедленно выехать на место и оказать помощь русским эмигрантам, подавшим заявление о приеме в советское гражданство, но не получившим еще паспортов. В эту командировку был послан референт генконсульства В. Т. Филиппов. В воскресенье человек десять консульских работников собрались на вокзале, чтобы проводить его в дальнюю и опасную дорогу. Мы не очень надеялись на то, что он возвратится живым, так как о жестокости гоминьдановцев в Нанса ходили легенды. Расставание было

грустным. Недели через две В. Т. Филиппов возвратился веселый и довольный. Все прошло благополучно. Действительно, в Ханса хозяйничали гоминьдановцы, и он работал там под их неослабным наблюдением. Гоминьдановцы круглосуточно дежурили у дома, где он жил и работал. Никаких эксцессов при нем не было. Он даже встречался с командиром отряда, капитаном гоминьдановской армии, который обещал не посягать на жизнь и имущество русских. Несмотря на все его уверения, люди продолжали чувствовать себя беспокойно.

Пробыв несколько недель в Харбине, в конце июня я снова выехал на восточную линию, откуда непрерывно поступали сигналы о бедственном положении советских граждан.

Снова на каждой станции выдаю паспорта. Радости людей нет конца, они вочию видят, как о них заботится и защищает их права Советская Родина. Ко мне все уже привыкли, все меня знают, и я тоже почти всех знаю в лицо. Разговоры с людьми у меня становятся все более и более откровенными. Многие вспоминают свою жизнь, войны, скитания, мытарства, издевательства китайских и японских милитаристов. Всем хочется уехать в Россию и делом доказать преданность вновь обретенной Родине. Казалось, воспоминаниям не будет конца. Общим для всех было то, что бывшие белоэмигранты убедились в могуществе своей Родины и гордились ее народом, создавшим такую армию, которая вышла победительницей в страшной войне с германским фашизмом. Они также восхищались простотой, беззаветной храбростью и убежденностью бойцов и офицеров Красной Армии, в течение нескольких дней вдребезги разбивших Квантунскую армию. Наконец, в течение более чем восьми месяцев они жили бок о бок с нашими воинами и хорошо узнали, что это за люди.

Неспокойно было и на западной линии КЧЖД. Хотя местность там была степной и гоминьдановцы не могли действовать так открыто, как на восточной линии, однако они бесчинствовали и там. В Цицикаре у нас открылось консульство. Консулом был назначен сотрудник 1-го Дальневосточного отдела МИД СССР В. А. Васюкевич, однако он приехал один, без штата, и ему было очень трудно работать в таком большом консульском округе. Я был направлен на помощь ему. Уже на следующий день по прибытии в Цицикар я выехал на станцию Ананьси и приступил к работе по приему русских эмигрантов в советское гражданство. Закончив работу в Ананьси, поехал дальше на запад и остановился на станции Чжаланьтунь. Здесь ко мне приходили и люди с соседних железнодорожных станций Турчиха, Чингисхан, Барим. Затем проследовал до крупной станции Бухэду, что находится почти на самой вершине Большого Хингана. Сюда ко мне приезжали русские со станций Петля и Хянган.

После ухода из Харбина 1 мая 1946 г. последнего подразделения Красной Армии мы остались в городе одни. Хорошо зная, как обошлись с советскими людьми гоминьдановцы в Мукдене, Чанчуне и Телине, мы были настороже и усилили бдительность. Прежде всего установили круглосуточное дежурство по генконсульству ответственных работников, затем разместили на своей территории всех сотрудников советских учреждений, запаслись продуктами, бензином и т. п.

Работы было очень много, и мы очень уставали. Много дел было с новыми местными властями, с советскими гражданами, почти все выезжали в командировки в провинцию. С питанием дело обстояло в основном плохо, и в этом нам помогло командование Красной Армии. С одеждой было хуже, так как в городе стало заметно меньше промтоваров. Бешено росли цены, деньги почти обесценились. Получив в начале месяца зарплату, к середине месяца ты на нее уже почти ничего не мог купить. Особенно трудно было в командировках. Выпускаемые в Харбине деньги ходили по всей Маньчжурии, однако свои бумажные деньги выпускали и провинции, и уезды. Деньги, выпущенные в одной провинции, не прини-

мали к оплате в другой, не говоря уже о тех денежных знаках, которые выпускали уезды. Поэтому, отправляясь в командировку, мы запасались продуктами.

Летом в Харбине появились очаги заболевания холерой. Население очень волновалось. Волновались, конечно, и мы, особенно за своих детей. Нам всем сделали прививки, что, как мы были уверены, давало нам какую-то гарантию не заразиться этой страшной болезнью. Многие кварталы в городе были оцеплены солдатами. Местные китайские власти также приняли решение провести прививки против холеры всему населению города. Вакцина по их просьбе немедленно была доставлена из Советского Союза. Прививки эти делались, на наш взгляд, очень своеобразным способом. Вдруг в определенное время дня та или иная улица города перегородивалась веревками, и всех, кто проходил, заставляли принимать укол. Тем же, кто не соглашался, делали укол принудительно. Конечно, все это делалось тут же, на улице, жарким летним днем, вокруг стояла пыль и летали стаи мух. Как бы то ни было, но своевременно принятые властями меры не дали возможности холере распространиться на весь город и дальше, на провинцию.

* * *

Освободительные войска готовились к решающим боям в Маньчжурии. В это время Советский Союз принимал на международной арене все меры к тому, чтобы не допустить прямого военного вмешательства США в гражданскую войну в Китае. В июне—июле 1946 г. гомиьдановцы начали широкие военные действия. Окрыленный временными успехами в войне, Чан Кайши потребовал от коммунистов отвести далеко на север дислоцированные в Маньчжурии войска. 11 августа 1946 г. на переговорах с гомиьданом глава делегации КПК Чжоу Энлай передал через американского представителя ответ на требование Чан Кайши, в котором, в частности, давалось согласие на эвакуацию войск ОДА из Харбина при том условии, что гомиьдан введет в город не более 5 тысяч человек. Чанкайшисты, войска которых стояли всего в ста километрах от Харбина, на Сунгари-II, отклонили это предложение. Все лето и осень 1946 г. в Харбине чувствовалось напряженное положение. По ночам невозможно было ходить по улицам. Всюду китайские часовые. Бывало, идешь по улице вечером в кромешной тьме, кругом тишина, лишь где-то вдали на полной скорости пронесется легковая машина. Вдруг — истощенный гортанный крик. Это рядом, у тебя под носом, кричит часовой. Слышно, как он судорожно досылает патрон в патронник. Было немало случаев, когда часовой после оклика сразу же стрелял по прохожему. Чувствовалось, что военные нервничают. Они опасаются наступления гомиьдановцев на город, а также диверсий со стороны их агентов, которые особенно активизировались летом 1946 г.

Помимо командировок по делам советских граждан, мне приходилось иногда ездить на станцию Отпор с дипломатической почтой с кем-либо из дипломатических курьеров, М. Ф. Гаврилиным или А. Д. Шороховым. Обычно перед отъездом управление КЧЖД формировало целый состав, из которого один вагон выделяло для нас. Этот состав всегда сопровождала охрана, так как опасались нападения гомиьдановцев. Поездка занимала туда и обратно около двух недель. Много приходилось простаивать на станциях и полустанках. Это объяснялось прежде всего диверсиями гомиьдановских агентов и тем, что по дорогам в то время шла большая переброска войск ОДА.

Особенно запомнилась мне поездка на станцию Отпор (ныне Забайкальск) в конце августа — начале сентября 1946 г. Туда ехали несколько дней с большими остановками. Прибыли на станцию Маньчжурия, а оттуда рукой подать до Отпора. В Отпоре из вагона нас не выпустили, так как боялись, что мы можем занести в Советский Союз холеру. В Отпоре

мы были всего минут пятнадцать и снова возвратились на станцию Маньчжурия. Там мы, как обычно, хотели остановиться в нашем консульстве, но консул Ф. И. Рунов нас не принял, сославшись на то, что мы приехали из Харбина, где свирепствует холера.

На следующий день вечером выехали в Харбин. По дороге к нам подсаживались русские и китайцы, у которых не было никакой возможности, кроме как нашим составом, возвратиться в свой родной город. Опять длительные остановки и томительное ожидание, когда разрешат ехать дальше. Наконец приехали на узловую станцию Ананьси. Станция забита составами. Идет переброска войск и боеприпасов в направлении Байчэна и Таонани, на запад от КЧЖД. Гоминьдановцы пытаются, видимо, выйти на Цицикар. Всюду бродят солдаты. Заметно, что железнодорожники не справляются с ситуацией. Наш поезд стоит уже более двух часов, и неизвестно еще, когда его отправят. Наконец наш поезд трогается, и мы уже без длительных остановок на большой скорости едем в Харбин. Приезжаем на вокзал. Вечереет. С радостью ждем того момента, когда сдадим почту и сможем расслабиться. Но нас ждет разочарование. Нам приказано ждать утра в вагоне, так как в городе состоянии и путь в консульство небезопасен. В помощь нам прислали несколько сотрудников генконсульства. Мы считали, что на вокзале оставаться опаснее, и решили ехать в генконсульство. Так и сделали. Начальство было очень недовольно нашим поступком, и Г. И. Павлычев объявил А. Д. Шорохову выговор, а мне поставил на вид. Вот чем закончилась для нас эта командировка.

* * *

В 1947 г. войска освободительной армии в Маньчжурии под командованием Линь Бяо — Гао Гана остановили продвижение гоминьдановских войск, захвативших к концу 1946 г. обширные районы, простиравшиеся на севере до станции Сунгари-II, на востоке — до Хуадяня, на западе — до Кайлу и на юге — до Пуланьдяня. Отразив в первые три месяца 1947 г. четыре яростных наступления гоминьдановцев на район Линьцзяна (Юго-Восточная Маньчжурия), а также нанеся им удар в Западной Маньчжурии, в районе севернее и южнее Сунгари, освободительная армия сама перешла в наступление и заняла 42 города. В период летнего наступления, длившегося с 13 мая по 1 июля, в Восточной, Западной и Южной Маньчжурии, а также в провинции Жэхэ было освобождено более 160 тыс. км² территории, на которой проживало 10 млн. человек. Гарнизоны Чанчуня и Гирина были окружены, и гоминьдановцы вынуждены были отвести свои главные силы в район Шэньяна.

Это была первая крупная победа в Маньчжурии. Летнее наступление продемонстрировало мощь революционной армии и надежность ее тыла. Соотношение сил менялось явно в ее пользу. И это подтвердилось в самом скором времени. Осенью 1947 г. освободительная армия перешла в новое наступление. В период осеннего наступления, длившегося с 14 сентября по 5 ноября, территория освобожденных районов увеличилась более чем на 38 тыс. км². Были заняты при этом города Итун, Лишу, Гунчжулин, Часян. За 17 дней зимнего наступления, с 15 по 31 декабря, взяты города Чанту, Кайюань, Хайчен, Ляочжун.

После занятия освободительной армией 6 февраля 1948 г. города Ляояна территория освобожденных районов составляла 99 % всей территории Маньчжурии. К началу 1948 г. в руках чанкайшистов находилась лишь узкая полоса территории вдоль западного побережья Бохайского залива и район вокруг Шэньяна, а также десять полностью изолированных городов: Чанчунь, Гирин, Сыпин, Кайюань, Факу, Фусинь, Аньшань, Бэньси, Инкоу, Исянь.

В осенне-зимнем наступлении 1948—1949 гг. войска Народно-освободительной армии в Маньчжурии, которые стали теперь называться Четвертой полевой армией, полностью уничтожили гоминьдановскую группировку. 5 октября был взят штурмом город Цзяньчжоу, 17 октября часть гарнизона Чанчуня восстала, а часть капитулировала. К началу ноября 1948 г. были очищены от остатков гоминьдановских войск города Шэньян и Инкоу. Эта операция длилась всего 52 дня. Она называлась Ляошэньской или Ляоси-Мукденской операцией. Завершилось освобождение важнейшего промышленного района Китая. Перед революционными войсками Маньчжурии открылся путь на крупнейшую базу гоминьдановских армий в Северном Китае.

Таким образом, начавшееся в июне 1947 г. наступление революционных сил в Маньчжурии к концу 1949 г. завершилось полным уничтожением гоминьдановской военной и государственной машины и полным освобождением континентального Китая, образованием Китайской Народной Республики. Необходимо подчеркнуть, что в победе китайской революции исключительно большую роль сыграла Маньчжурская революционная база, так как именно маньчжурский плацдарм обеспечил решение военной победы в борьбе китайского народа за свое освобождение.

Не следует забывать и роль Советского Союза в победе китайской революции. Эта роль была огромна, и без его помощи китайскому народу очень трудно пришлось бы в борьбе против японского милитаризма и гнета своих помещиков и капиталистов. Именно Советский Союз разгромил лучшую армию Японии — Квантунскую армию, именно он постоянно оказывал политическую, экономическую и военную помощь революционным силам Китая в борьбе против гоминьдановского режима, за установление демократического строя в стране, за образование Китайской Народной Республики.

Поскольку мне часто приходилось ездить по железным дорогам Маньчжурии и, по сути дела, вся моя жизнь в то время проходила на колесах, я видел, как из Советского Союза ежедневно шли эшелон за эшелон в глубь Маньчжурии с продовольствием, медикаментами, промышленным оборудованием и т. п. Я видел также, как от советской границы шли составы с танками и пушками, снаряжением и боеприпасами для Народно-освободительной армии. Причем пушки и танки стояли открыто на платформах, и их хорошо было видно. Я замечал на станциях радостные лица китайцев при виде этих эшелонов и их одобрительные высказывания в адрес советского народа. Представляю себе, как рады были солдаты и командиры Народно-освободительной армии, когда получали в свои руки это первоклассное оружие, которое не шло ни в какое сравнение с оружием старых образцов, находившимся до этого у них на вооружении. Я хорошо помню, как в первые дни освобождения Харбина от гоминьдановцев бойцы и командиры революционной армии появлялись на улицах в истрепанном обмундировании, с маузерами и старыми винтовками в руках. Это относится прежде всего к тем частям, которые пришли в Маньчжурию из других районов Китая.

Советская военная и экономическая помощь пришла вовремя и сыграла решающую роль в разгроме армии Чан Кайши, до зубов вооруженной американским оружием. Не нужно также забывать и то, что Советский Союз передал Народно-освободительной армии оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие Квантунской армии, захваченные во время ее разгрома в августе 1945 г.

Большую роль, конечно, сыграла и помощь Советского Союза в восстановлении разрушенных железнодорожных и хозяйственных коммуникаций, что имело решающее значение для развертывания генерального наступления Народно-освободительной армии на гоминьдановский режим. В Советском Союзе производился ремонт изношенных и поврежденных паровозов и вагонов, принадлежавших КЧЖД, в Маньчжурию

направлялись рельсы, балки, инструменты и подвижной состав, посылались советские железнодорожники для проведения восстановительных работ на транспорте. Отступавшие под ударами революционной армии чанкайшны причинили огромный ущерб железнодорожному транспорту. Они разрушили два крупных железнодорожных моста на реке Сунгари, между Харбином и Чанчунем и между Чанчунем и Гирином, депо, водокачки, мастерские, железнодорожное полотно. Все это делалось для того, чтобы осложнить продвижение на юг наступавших частей Народно-освободительной армии. В связи с этим по просьбе народно-демократической администрации освобожденных районов Советское правительство направило еще одну группу советских специалистов-железнодорожников. Координировал все восстановительные работы в Маньчжурии бывший министр путей сообщения СССР И. В. Ковалев.

Помимо восстановления железных дорог, Советский Союз оказал освобожденным районам Маньчжурии помощь также в восстановлении навигации на реке Сунгари. Были подготовлены пристани в Цзямусы, Фукдине, Сансине и созданы дополнительные причалы в Харбинском речном порту. Были выделены буксиры и баржи, с помощью которых с мая 1947 г. началось регулярное грузовое сообщение по Сунгари. Это позволило обеспечить по реке бесперебойное снабжение НОА всеми необходимыми материалами, горючим, медикаментами, обмундированием и т. п.

Оказывалось также содействие народно-демократическим властям Маньчжурии и в налаживании внутренней торговли, что способствовало стабилизации внутреннего рынка и улучшению снабжения населения продовольственными и промышленными товарами.

Характер изменений в системе управления народным хозяйством КНР

В. Н. Ремыга,
кандидат экономических наук

Одной из составных частей нового курса на «урегулирование», выдвинутого на II сессии ВСНП пятого созыва, является реорганизация системы управления народным хозяйством КНР. В управлении экономикой, как вынуждены были признать на сессии китайские руководители, существуют явные недостатки, которые мешают нормальной работе народнохозяйственного механизма и являются одной из непосредственных причин трудностей в осуществлении программы «четырёх модернизаций».

Как известно, к концу периода «урегулирования» (1961—1965), наступившего после провала «большого скачка», в КНР сложилась централизованная система управления народным хозяйством, формы и методы функционирования которой в значительной степени определялись планами создания к концу нынешнего столетия «могучего Китая» на милитаристской основе. Однако в период «культурной революции» эта система была дезорганизована, хотя стратегические цели китайского руководства остались без изменения. В связи с широко развернувшимся хунвэйбинским движением многие органы управления — Госсовет КНР, ряд министерств и ведомств, Госплан КНР — практически прекратили свою деятельность. Происходила стихийная концентрация большинства управленческих функций в руках наспех создаваемых ревкомов различных ступеней, которые не смогли в должной степени скоординировать хозяйственную деятельность нижестоящих ревкомов. Все это в конечном счете привело к анархии в работе предприятий как центрального, так и местного подчинения, элементы которой имеют место и в последнее время. Китайская печать вынуждена была признать, что во многих районах и ведомствах «господствовала свобода (читай «анархия». — В. Р.) производства, свобода найма рабочих, свобода товарообмена, свобода назначения цен и включения в план новых объектов капитального строительства... На ряде предприятий возник полный сумбур в том, что касалось планирования закупок сырья, финансов, рабочей силы, техники и оборудования. Предприятия игнорировали государственный план, не выполняли контракты на поставку и на продажу продукции»¹. Даже в период восхваления «культурной революции» отмечалось, что длительное время «в области управления экономикой царил разброд»².

Такое положение не могло обеспечить построение «могучего Китая». Поэтому уже с конца 60-х годов начинается процесс возвращения к использованию форм и методов управления, сложившихся до «культурной революции». Однако этот процесс из-за ожесточенного противоборства «левых», отстаивающих «завоевания культурной революции», проходил медленно, противоречиво³. Существенную роль в его ускорении сыгра-

¹ «Жэньминь жибао», 8.V.1977.

² Там же, 19.II.1976.

³ «Мероприятия в этой области проводятся уже много лет, и для многих это стало привычным», — вынужден был отметить в своей статье «Проблемы реформы системы экономического управления» видный китайский экономист Сюэ Муцяо (см. «Хуэньди», 1979, № 8, с. 16).

ли решения сессии ВСНП четвертого созыва (1975), в особенности 1-й (1978) и 2-й сессий (1979) пятого созыва. Подтвердив верность маоистским великодержавным целям «построения могучего Китая», сессия ВСНП четвертого созыва обязала Госсовет КНР «разработать десятилетний, пятилетний и годовой планы развития народного хозяйства», а на 1-й сессии ВСНП пятого созыва были впервые определены контрольные цифры десятилетнего плана и намечены некоторые мероприятия по его осуществлению, важное место среди которых заняла реорганизация системы управления народным хозяйством КНР. В отчетном докладе Хуа Гофэна на этой сессии, в частности, были поставлены задачи «научиться руководить и организовывать современное производство и строительство, повысить уровень управления экономикой... постепенно перестроить и усовершенствовать структуру управления предприятиями, а также планированием, материальными ресурсами и финансами»⁴. В дальнейшем он же подчеркивал, что, «пока каждый по-настоящему не поймет серьезности проблем, создаваемых низким качеством организации и управления производством, нельзя говорить об овладении передовой наукой и техникой и методами управления производством... Иначе мы будем продолжать терять время, растрачивать людские ресурсы и финансы и не сможем выполнить великую задачу, которую мы поставили перед собой на это столетие»⁵.

Однако в 1977—1978 гг. перестройка системы управления народным хозяйством КНР, по признанию китайского руководства, проводилась медленно, непоследовательно, имели место «недостаточно осмыслительные действия». «Гунжэнь жибао» отмечала, что в этот период «серьезные недостатки в системе управления народным хозяйством еще больше обнажились»⁶. Существовавшая система управления «связывала развитие производительных сил в стране»⁷. Особенно крупные просчеты отмечались в управлении предприятиями, а также в планировании, где произвольно определялись те или иные плановые показатели без достаточного учета реальных условий и народнохозяйственных пропорций. В связи с этим от выполнения пятилетнего и десятилетнего планов развития народного хозяйства практически отказались. Для того чтобы избежать дальнейших крупных просчетов в планировании и более оперативно корректировать планы, Госсовет КНР вынужден был принять решение составлять в течение ближайших трех лет лишь годовые планы развития народного хозяйства, а в первом полугодии 1979 г. фиксированный процент выполнения годового плана отрасли не устанавливать⁸.

Поэтому-то на 2-й сессии ВСНП пятого созыва (1979) составной частью нового курса на урегулирование была названа «коренная» реорганизация системы управления народным хозяйством КНР и выдвинуто требование, «занимая решительную позицию и предпринимая активные, но продуманные шаги, как следует вести работу по преобразованию всей системы хозяйственного управления»⁹. Определению путей и методов реорганизации всех звеньев системы управления народным хозяйством было посвящено множество всекитайских и отраслевых совещаний. В газете «Гуанмин жибао» была введена специальная рубрика «Наука управления». Проблемам управления посвящено много статей в журнале «Цзинцзи гуанли» («Экономические исследования»), а также в других изданиях. С января 1979 г. начал издаваться ежемес-

⁴ «Жэн

⁵ Там :

⁶ «Гун:

⁷ Там :

⁸ С

В 1978 г. было создано Всекитайское научное общество по проблемам модернизации управления, главными задачами которого считаются содействие внедрению достижений научно-технического прогресса в управление народным хозяйством, повышение научного уровня управления и оптимизация его структуры. Общество призвано организовывать обмен опытом как внутри страны, так и с зарубежными странами. При финансово-экономическом комитете создана исследовательская группа по вопросам реформы хозяйственного управления». При Государственном экономическом комитете еще ранее был создан Совет по повышению уровня промышленного руководства во главе с заместителем председателя комитета. В его состав входят ученые — специалисты в области управления и практические работники¹⁰.

Анализ многочисленных материалов, появление которых вызвано резко усилившимся вниманием к проблемам управления, свидетельствует о том, что в настоящее время в Китае отсутствует какая-либо целостная система взглядов на процесс управления народным хозяйством, однако прослеживаются определенные тенденции в проведении реорганизации хозяйственного механизма страны.

Возвращение к хозяйственному механизму, существовавшему до «культурной революции»

Основной тенденцией в реорганизации управления народным хозяйством КНР в настоящее время является возврат к использованию большинства форм и методов управления, существовавших до «культурной революции». Китайские руководители вынуждены использовать готовую концепцию управления, сложившуюся к концу периода «урегулирования», а также некоторые апробированные формы и методы управления, которые, по их взглядам, соответствуют задачам осуществления «программы четырех модернизаций»¹¹.

Суть этой концепции — обеспечение форсированного развития военно-промышленного комплекса за счет разделения экономики страны на две части: центрального и местного подчинения. В центральном подчинении сосредоточены наиболее крупные предприятия военной промышленности, а также предприятия других отраслей, работающих на военную промышленность. Все остальные предприятия, находясь в местном, гражданском, секторе, «опираясь на собственные силы», призваны снабжать предметами потребления китайских трудящихся и средствами производства гражданского отрасли, при этом отчисляя значительные средства через государственный бюджет в центральный военный сектор¹². Достигается это с помощью централизованного планирования и частичного использования форм и методов управления, созданных и нашедших практическое применение в первое десятилетие существования КНР.

Возвращение к использованию форм и методов управления, существовавших до «культурной революции», объясняется также и тем, что

¹⁰ См.: «Financial Times», 14.III.1979.

¹¹ В отчетном докладе на 2-й сессии ВСНП пятого созыва отмечалось, что «к концу периода «урегулирования» данная программа, однако, не успела воплотиться в подробно разработанный план, не говоря уже о ее претворении в жизнь» («Жэньминь жибао», 26.VI.1979).

¹² В общей сумме расходов центрального и местных бюджетов, формируемых в рамках всего государственного бюджета, доля центрального бюджета составляет около 45 %, а в общей сумме доходов — всего около 15 % (см.: «Цзинцэн гуанли», 1979, № 5, с. 18).

китайская экономическая мысль в последующие периоды не только не развивалась, но и заметно деградировала. Как известно, большинство китайских экономистов в период «культурной революции» вынуждено было прекратить всякие экономические исследования и все силы отдать политической борьбе, чтобы не оказаться в роли бывшего директора института экономики Академии наук Китая Сун Ефана, прозванного «ревизионистом с ног до головы»¹⁴ и подвергшегося репрессиям. Тем же, кто не был репрессирован, вменялось в обязанность искать извилистые пути к восстановлению экономики, которая в результате многочисленных политических баталий, по признанию нынешнего китайского руководства, «оказалась на грани катастрофы».

В этих условиях не могло быть и речи о заметном развитии экономической науки вообще и в области управления в частности. Поэтому китайская печать вынуждена констатировать, что «в Китае сейчас нет или очень мало специалистов-экономистов... Между тем лишь развитие экономической науки поможет повысить уровень управления экономикой, догнать и перегнать передовой мировой уровень»¹⁵.

Наиболее отчетливо тенденция к использованию форм управления, существовавших до «культурной революции», проявляется в изменении организационной структуры управления народным хозяйством (см. схемы 1 и 2). На сессии ВСНП 1979 г. принято решение о ликвидации ревизионных комитетов различных ступеней и преобразовании их в народные комитеты, существовавшие до «культурной революции», которые предполагается наделить большими полномочиями в области планирования, капитального строительства, финансирования и внешнеторговой деятельности. Их структура будет упрощена, унифицирована и в основном будет повторять организационную структуру Госсовета. Ранее, на 1-й сессии ВСНП пятого созыва (1978), было принято решение об упразднении ревкомов предприятий. По сути дела, этот формальный факт закрепил уже существовавшее положение. «Призванные уделять большую часть своего внимания политическим вопросам», работавшие по методу «всесторонних консультаций», отмечает китайская печать ревкомы предприятий в большинстве случаев с производственными функциями не справлялись. Лишь на тех предприятиях, где вся полнота управленческой власти сосредоточивалась в руках одного человека — председателя ревкома¹⁶, которому подчинялись руководители соответствующих подразделений (то есть осуществлялась так называемая система должностной ответственности), — производственная деятельность более или менее контролировалась. Система должностной ответственности оказалась несовместимой с методами работы ревкомов. И как бы ни были китайские экономисты последовательны на словах в нападках на «систему единоначалия», подменяя ее «системой личной ответственности директора под руководством партийного комитета», в практической деятельности они вынуждены исходить из того, что парткому «нельзя прямо захватывать в свои руки все дела предприятия... производственная деятельность должна находиться в непосредственном ведении директора, главного инженера и главного плановика»¹⁷.

В Госсовете многие министерства, государственные комитеты и ведомства, переставшие функционировать с периода «культурной революции», после проведения их частичной реорганизации вновь возобновили свою деятельность, и в настоящее время их состав практически идентичен утвержденному на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва в

¹⁴ «Жэньминь жибао», 10.III.1966.

¹⁵ Там же, 6.X.1978.

¹⁶ В период «культурной революции» термин «директор завода» считался «ревизионистским».

¹⁷ Сюз Муцзяо. Проблемы реформы системы экономического управления. — «Жунци», 1978, № 8, с. 24.

1965 г.¹⁸ Заключительным актом в этом процессе явилось воссоздание министерства сельскохозяйственного машиностроения и министерства целинных и залежных земель, а также разделение министерства сельского и лесного хозяйства и министерства водного хозяйства и электроэнергетики на четыре самостоятельных министерства, как было прежде. Причем большинство министров и заместителей министров нынешнего состава Госсовета, а также управленческого персонала среднего звена назначено из числа лиц, имеющих опыт практической работы до «культурной революции» и репрессированных в ходе ее.

Таким образом, тенденция к использованию организационных форм управления, выдвинутых в период «урегулирования», охватила все звенья и уровни системы управления народным хозяйством КНР.

Еще одним свидетельством возвращения к формам и методам управления, применявшимся в период «урегулирования», является отказ от «самообеспечиваемости» предприятий, учет необходимости специализации и кооперирования производства. На совещании по машиностроению в августе 1978 г. признавалось, что «около 80 % предприятий все приходится производить самим»¹⁹, и было выдвинуто требование «принять решительные меры с целью реорганизации машиностроения, ввести производственную специализацию, повысить уровень руководства отраслью»²⁰. В виде эксперимента было решено осуществить реорганизацию управления в рамках первого министерства машиностроения, ведающего гражданским машиностроением, путем создания специализированных компаний. По-видимому, выбор отрасли не случаен. В гражданском машиностроении имеется масса мелких и мельчайших предприятий и мастерских, направлять и контролировать деятельность которых в полной мере пекинское руководство в настоящее время не в состоянии.

Специализированные компании по форме напоминают производственные объединения, получившие в последнее время широкое распространение во многих социалистических странах, однако в отличие от последних их создание вызвано не определенным, достаточно высоким уровнем развития производительных сил и обобществления производства, требующим новых организационных форм, а как раз наоборот — стремлением централизовать производственную деятельность в значительной степени неуправляемой массы мелких и мельчайших промышленных предприятий в основном с примитивной техникой и технологией путем создания промежуточного среднего звена управления. За счет этого возникает определенная возможность специализации основного и вспомогательного производства, улучшения материально-технического обеспечения, а также концентрации квалифицированных управленческих кадров и создания более действенных служб управления. В конечном итоге все это, по взглядам китайских экономистов, обеспечит увеличение притока средств в центральный сектор китайской экономики. Однако специализированные компании в КНР, являясь не первичным звеном управления, как производственные объединения в СССР и других странах СЭВ, а промежуточным, средним звеном, усложняют функционирование системы управления народным хозяйством в целом, что требует более высокого уровня подготовки кадров управления. А это одна из самых серьезных проблем в осуществлении «модернизации управления».

В настоящее время уровень профессиональной подготовки всех звеньев управленческих кадров, ИТР и рабочих крайне низок. Китайская печать вынуждена была признать, что у многочисленных кадровых работников еще не хватает знаний и опыта по управлению современ-

¹⁸ В качестве примера см. схему № 2.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 21.IX.1978.

²⁰ Там же.

ной социалистической индустрией. Следовательно, учиться технике управления хозяйством и вести широкую работу по повышению квалификации рабочих и техников — это неотложная задача. Китайское руководство предполагает за период урегулирования добиться того, чтобы руководящие работники предприятий хотя бы на $\frac{1}{3}$ состояли из лиц с практическим опытом, квалифицированных специалистов, разбирающихся в управлении²¹. В значительной степени некомпетентностью управленческого персонала, а также попытками создать видимость «демократизации управления экономикой» вызвана, на наш взгляд, политика воссоздания «рабочих групп по участию в управлении». В эти группы входит приблизительно $\frac{1}{3}$ всех работающих на предприятии. Составной частью этой политики является введение системы выборности руководящих работников трех нижних звеньев управления (бригада, участок, цех) во всех хозяйственных организациях²². Выборность, хотя и носит сугубо формальный характер, в ряде случаев позволяет использовать организаторские способности некоторых рабочих, которые к тому же зачастую имеют большее представление о технологии производства, чем назначаемые сверху «ганьбу». При этом предполагается организация различного рода курсов для общего и специального обучения такой категории работников и всех профессиональных управленческих кадров различных уровней²³.

Возвращаясь к формам и методам управления, существовавшим до «культурной революции», китайское руководство стремится усилить централизацию управления на уровне всего народного хозяйства для концентрации всех имеющихся ресурсов страны в руках Госсовета КНР²⁴ и обеспечения за счет этого форсированного развития центрального сектора экономики. В связи с тем что в настоящее время «отсутствует координация в рамках самих министерств и между министерствами», на сессии принято решение о создании органов, координирующих работу ряда министерств. Наибольшее значение для координации и централизации всей экономической деятельности в стране имеет создание Финансово-экономического комитета, в состав которого вошли практически все руководители хозяйственных министерств и ведомств Госсовета.

Финансово-экономический комитет уже функционировал в КНР в 1950—1954 гг. Непосредственно подчиняясь существовавшему в то время Государственному административному совету (преобразованному в 1954 г. в Государственный совет), он был призван сосредоточить в своих руках всю экономическую деятельность для решения задач восстановительного периода. Симптоматично, что подобный орган китайские руководители вынуждены создавать в настоящее время, через 31 год после образования КНР.

Большое значение имеет также воссоздание Государственного экономического комитета, о котором с 1966 г. никакой информации не поступало. Решение о возобновлении деятельности Государственного экономического комитета (1977) объясняется значительным увеличением

²¹ См.: «Гунжэнь жибао», 27. IV. 1979.

²² Сообщалось, например, что на мотоциклетном заводе в Юньнани на пост начальника цеха избрали 36-летнего рабочего («Гунжэнь жибао», 7. II. 1979).

²³ Сообщалось, в частности, о создании курсов по управлению предприятиями при Государственном экономическом комитете, на которых преподавались вопросы экономической теории, распространялся передовой опыт управления в стране и за рубежом. Преподавательский состав — китайские и иностранные ученые. Первым потоком было охвачено 100 руководителей различных уровней управления в течение 560 дней («Гунжэнь жибао», 27. IV. 1979).

²⁴ В докладе Хуа Гофэна на 2-й сессии ВСНП пятого созыва отмечалось: «Без высокого уровня централизации не может быть планомерного и пропорционального развития социалистической экономики высокими темпами и не может быть модернизации в четырех областях» («Жэньминь жибао», 26. VI. 1979).

объема работы по планированию, вызванного подготовкой пятилетнего и десятилетнего планов. Госплан КНР оказался не в состоянии справиться с текущим планированием и контролем за выполнением плана, и эти функции были переданы Государственному экономическому комитету. За Госпланом осталась разработка перспективных планов и общеметодологических вопросов.

Государственный экономический комитет призван разрешить основную трудность плановой работы в КНР — увязать центральные и местные планы, чтобы «все средние и небольшие предприятия были охвачены государственным планом». Комитет пытается при разработке планов центральными и местными органами «на деле добиться комплексного баланса» в пользу центрального сектора. Разрешение этих проблем будет непростой задачей. Дело в том, что в настоящее время планы предприятий местного подчинения составляются плановыми комиссиями провинций и центральные органы лишь «координируют эти планы». Причем продукция некоторых кооперативных промышленных предприятий вообще не планируется²⁵. В соответствии с общепринятой в Китае логикой составления местных планов на любом уровне, вплоть до уезда, каждая административно-территориальная единица должна по-прежнему «опираться на собственные силы». В связи с этим перед всеми местными плановыми органами стоят две основные задачи. Во-первых, запланировать в максимально возможной степени замкнутый в рамках данной территории производственный цикл. Во-вторых, запланировать отчисление определенной доли средств в государственный бюджет. Поэтому в принципе провинцию не интересует, каким образом уезд будет изыскивать средства, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство. Ее интересует лишь выполнение уездом финансового плана.

Тем самым органы управления негласно поощряют подведомственные им хозяйственные уровни завышать отчетные статистические показатели, что позволяет им в большей степени завышать собственные сводные отчетные показатели. При этом они ограничивают в обеспечении материалами и оборудованием данные хозяйственные уровни, не контролируют их деятельность, поскольку практически весь произведенный здесь продукт «должен потребляться на местах». «Снежный ком» завышенных статистических данных докатывается до Государственного статистического управления и влечет за собой завышение общенациональных показателей. Государственное статистическое управление в связи с этим вынуждено подразделить показатели производства различных видов продукции на подлежащие и не подлежащие «централизованному распределению».

Вместе с тем совершенно нереально, чтобы, скажем, нефтепродукты, станки, сложное оборудование и пр. производились в каждом уезде самостоятельно. Уезд запрашивает эти продукты в провинции. Провинция вынуждена планировать их производство. В свою очередь провинция далеко не все может производить с «опорой на собственные силы»; она обращается к центру.

Все это приводит к тому, что выполнение курса «опоры на собственные силы» приобретает в значительной степени формальный характер.

Таким образом, мероприятия нового курса на «урегулирование» призваны, как вынуждено признать китайское руководство, прежде всего «упорядочить управление с целью покончить с анархией», то есть разрешить самые первоочередные проблемы, стоящие перед хозяйственным

²⁵ Сообщалось, например, что 57 % наименований продукции, производимой «квартальной» промышленностью города Чанчуня, не входит в план («Гуанмин жибао» 23.VI.1979).

механизмом страны, ибо в противном случае «нечего и говорить обо всех других мерах по дальнейшему улучшению управления».

Вместе с тем в настоящее время в КНР пытаются теоретически сформулировать, эмпирически проверить и затем практически рекомендовать мероприятия следующего этапа реорганизации системы управления народным хозяйством.

Поиски новых форм и методов управления

В настоящее время на страницах китайской печати ведутся теоретические дискуссии по поводу определения этого следующего этапа реорганизации системы управления народным хозяйством. Не останавливаясь здесь подробно на их разборе, отметим, что, судя по всему, они пока не привели к выработке какой-либо целостной программы мероприятий в этой области, однако наметили одно из основных ее направлений — расширение сферы использования экономических методов управления народным хозяйством. Не раз сталкиваясь в прошлом с разрушительными социально-экономическими последствиями, к которым приводили маоистские необоснованные скоропалительные эксперименты в экономике, нынешние пекинские руководители пытаются на практике проверить конкретные рекомендации в этой области, выработанные специально для этого созданными исследовательскими группами при Госсовете КНР.

Эти группы подготовили, а Госсовет КНР разослал всем провинциям, городам центрального подчинения и автономным районам пять постановлений²⁶, в соответствии с которыми в настоящее время проводится серия экспериментальных мероприятий на отдельных предприятиях. В конце 1978 г. с этой целью были специально отобраны 100 предприятий промышленности и транспорта в провинции Сычуань, потому эти мероприятия и получили название «сычуаньский эксперимент». Правовая основа для их осуществления была заложена еще раньше постановлением «Об образовании и использовании в опытном порядке фондов государственных предприятий»²⁷.

Постановления, касающиеся проведения экспериментальных мероприятий, не были целиком опубликованы в открытой китайской печати, однако они, так же как и конкретные мероприятия в рамках «сычуаньского эксперимента», широко обсуждались в экономической литературе, что позволяет в определенной степени оценить их содержание. Они прежде всего направлены на обеспечение предприятиям больших хозяйственных прав путем закрепления за ними определенных экономических ресурсов для самофинансирования процесса воспроизводства. В соответствии с постановлениями предприятия, выполнившие или перевыполнившие план по восьми основным показателям (объем валовой продукции; ассортимент; качество; использование сырья, материалов, топлива и рабочей силы; производительность труда; себестоимость; при-

²⁶ «Некоторые положения о расширении самостоятельности в управлении государственных промышленных предприятиями», «Положение о сохранении прибыли у государственных предприятий», «Временное положение об увеличении амортизации основных фондов на государственных промышленных предприятиях и изменении форм использования амортизационных отчислений», «Временное положение о введении налога на основные фонды государственных предприятий» и «Временное положение о кредитовании всей суммы оборотных фондов на государственных предприятиях». Полный текст этих постановлений не был опубликован (см.: «Жэньминь жибао», 199. VII. 1979).

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 20. XII. 1978. Были приняты также постановления «О возобновлении действия правил о присуждении премий за научные открытия» («Гуанмин жибао», 17. I. 1978) и «О материальном поощрении изобретательства и рационализации» («Жэньминь жибао», 25. XI. 1979), разработанные еще в ноябре 1963 г.

использование оборотных средств), имеют право формировать фонды за счет части плановой и сверхплановой прибыли. Фактически вся прибыль находилась под полным контролем государственных органов, причем значительная ее часть распределялась на основе установления платежей налогового типа, путем прямых отчислений в бюджет, а масса оставшейся прибыли, особенно в фондоотраслях промышленности, не оставляла возможности для самофинансирования процесса воспроизводства.

В соответствии с постановлениями прибыль становится главной составляющей чистого дохода, а отчисления от нее — основным источником средств, поступающих в государственный бюджет. Именно через систему распределения прибыли предприятий китайские руководители пытаются проводить проводимые эксперименты как установление зависимости интересов государства, предприятия и отдельного китайского работника. Прибыль рассматривается ныне в Китае как основной показатель эффективности проводимых мероприятий.

Значительная часть прибыли по условиям эксперимента и перечисляется в бюджет на основе платежей налогового типа, но ее изъятия изменились. Важную роль стали играть финансовые стимулы, связанные с объемом используемых экономических ресурсов. В 1980 г. планировалось введение платы за основные фонды в виде отчислений и также выплаты процентов за кредиты, предоставленные предприятию на пополнение оборотных средств, которые ранее полностью покрывались за счет государственного бюджета. Ставка налога на основные фонды пока еще не установлена, не определен также характер отчислений основных фондов — по первоначальной балансовой стоимости или же на базе остаточной стоимости. Это вызвано сложностями, связанными в связи с тем, что инвентаризация производственных фондов, которую предполагалось провести в 1979—1980 гг., еще не закончена.

Предполагается, что финансовые платежи должны увеличить поступления в государственный бюджет и стать определенным экономическим стимулом более эффективного использования фондов предприятия. Однако это возможно только при условии, что предприятия заинтересованы в конечных результатах своей деятельности. В противном случае происходит простое перераспределение средств между различными источниками поступлений в государственный бюджет. Кроме того, изъятие значительной части прибыли в виде платы за производственные фонды ограничивает возможности самофинансирования капитальных вложений. А последнее является основой при формировании собственных фондов предприятия, обеспечивающих расширенное воспроизводство прежде всего фонда развития производства. Он образуется из отчислений от прибыли, амортизационных отчислений, банковского процента, выручки от реализации излишних или выбывших основных фондов, а также дотаций государственных и местных бюджетов.

Основным источником формирования фонда развития производства — амортизационных отчислений. В соответствии с постановлениями доля амортизационных отчислений, оставляемая на предприятии, увеличивается до 70 % (ранее она очень редко достигала 50 %, большая ее часть направлялась вышестоящему ведомству).

Вместо самофинансирования не только простого, но и расширенного воспроизводства на предприятиях увязывается с политикой сокращения объема нового капитального строительства за счет средств государственного бюджета и получения прироста промышленной продукции преимущественно путем реконструкции уже действующих предприятий. Фонды развития производства могут быть также осуществлены путем централизованных капиталовложений и привлечения банковского кредита. При этом фонд развития

тия производства может быть использован как на самом предприятии, так и в форме нецентрализованных капиталовложений в смежные предприятия (на условии долевого участия), а также в форме создания объединенных специализированных предприятий и компаний. При этом прибыль, получаемая за счет инвестирования фонда развития производства, не перечисляется в госбюджет в течение двух лет, а в случае использования банковского кредита прибыль может не перечисляться в бюджет до погашения ссуды банку²⁸.

Помимо фонда развития производства, из прибыли формируется еще два собственных фонда предприятия: фонд материального поощрения (премиальный) и фонд социально-бытового назначения. Хотя все собственные фонды предприятия формируются в основном из прибыли, тем не менее их величина определяется в зависимости от размера фонда заработной платы, то есть остается относительно постоянной. Предполагается, что предприятия будут особенно заинтересованы в перевыполнении плана, в этом случае им предоставляется право реализовать сверхплановую продукцию по своему усмотрению и использовать значительно большую часть полученной таким образом прибыли на создание собственных фондов. Для обеспечения такого оборота в некоторых промышленных центрах созданы своеобразные рынки, где могут быть реализованы не только предметы потребления, но и средства производства²⁹, а предприятию дано право выпускать внеплановую дефицитную продукцию, «на которую есть спрос на рынке».

Предприятиям предоставлено также право вести переговоры с иностранными фирмами и заключать контракты на экспорт продукции, а также право на получение валюты и использование ее для закупок новой техники за рубежом.

Помимо нововведений, касающихся деятельности отдельных промышленных предприятий, проходит проверка и других экономических методов управления, затрагивающих работу всего народнохозяйственного комплекса.

Взаимоотношения между предприятиями различных отраслей народного хозяйства предполагается строить на основе заключения прямых хозяйственных договоров не только на поставку продукции, но и на другие хозяйственные операции: строительно-монтажные работы, грузовые перевозки, проектно-конструкторские работы и др. Причем китайские экономисты рассматривают систему хозяйственных договоров как основу для формирования плана, в определенной степени противопоставляя ее директивному централизованному планированию. Они выдвигают требование вообще отказать от утверждения плана предприятия соответствующими государственными органами, а сохранить лишь контроль со стороны государства над основными показателями плана.

Расширение прав предприятий, усиление их экономической самостоятельности требуют большей свободы экономического маневра, который стимулируется повышением роли банка в экономическом механизме страны. В складывающейся ситуации только банки будут иметь возможность осуществлять достаточно эффективный текущий контроль над деятельностью предприятий. Соблюдению хозяйственных договоров и усилению роли банков служат попытки развития экономического законодательства и экономического судопроизводства в форме арбитража.

В целом попытка проверить на практике возможность использования экономических методов управления народным хозяйством КНР выглядит как реакция на чрезмерное увлечение административными метода-

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 31. VIII. 1979.

²⁹ См. там же, 1. XI. 1979.

ми. Прежде всего в сферу действия экономических методов управления попадают предприятия местного подчинения. Пекинское руководство пытается стимулировать их производственную деятельность, увязать с помощью экономических рычагов их интересы с целями программы «четырёх модернизаций».

Китайские руководители рассчитывают, что на протяжении ближайших двух лет экономические методы управления «будут не углубляться, а распространяться вширь». А для изучения возникающих в ходе эксперимента проблем предполагается развернуть программу исследований под эгидой Института экономики Академии общественных наук КНР³⁰. В настоящее время экономический эксперимент уже выходит за рамки провинции Сычуань. В различных провинциях насчитывается более 6600 промышленных предприятий, которым в опытным порядке предоставляется большая хозяйственная самостоятельность³¹.

Проводимый эксперимент коснулся и сельского хозяйства, где начал в опытным порядке проводиться курс на расширение хозяйственной самостоятельности производственных бригад. В начале 1980 г. партком провинции Сычуань принял постановление, которое разрешало закреплять за крестьянскими дворами, помимо приусадебных участков, до 15 % коллективных земель. После сдачи производственной бригаде обусловленной части продукции с закупленного участка земель общественного пользования крестьянам разрешалось реализовать оставшуюся часть по ценам свободного рынка. Постановление предусматривает расширение самостоятельности производственных бригад. Наряду с этим стала возрождаться мелкая частная торговля, была разрешена свободная продажа продукции подсобных промыслов и продукции с приусадебных участков, начали создаваться экспериментальные закупочно-сбытовые кооперативы.

Несмотря на многочисленные сообщения китайской печати об успехах предприятий, проводящих «сычуаньский эксперимент», новая система управления пока не получила широкого распространения. Как вынужден был отметить в своем докладе на II сессии ВСНП министр финансов КНР Чжан Цзинфу, «из опытного внедрения этой системы видно, что ряд положений в ней не совсем рационален и нуждается в дальнейшем изучении и исправлении». Государственный экономический комитет КНР, который рассматривал вопросы деятельности предприятий, проводящих «сычуаньский эксперимент», принял решение о том, что в 1980 г. следует провести лишь подготовительную работу, а продолжать эксперимент планируется в 1981 г.

Как отметил заместитель премьера Госсовета КНР Чжао Цзыян, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и проведение «рыночного урегулирования» привели к возникновению «новой ситуации» и «новым проблемам». Прежде всего это объясняется «очаговостью», обособленностью экспериментальных предприятий от всего народнохозяйственного механизма. Выход из подобного положения организаторы «сычуаньского эксперимента» видят в дальнейшем расширении сферы действия экономических методов управления вплоть до «реформы всей экономической системы»³².

Наряду с проблемами, связанными с обособленностью экспериментальных предприятий от всего народнохозяйственного механизма, совершенно неготового к работе с такими «инородными» для его нынешнего состояния хозяйственными единицами, существует и масса «внутренних» проблем. К ним относится прежде всего неподготовленность организации управления экспериментальными предприятиями, усугуб-

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 21. VI. 1980.

³¹ См. там же, 12. IX. 1980.

³² Там же, 21. IV. 1980.

ленная профессиональной и психологической неподготовленностью управленческого персонала. Так, руководители предприятий зачастую просто не знают, каким же образом использовать увеличенные фонды предприятий, и они лежат мертвым грузом. Особенно много проблем с фондом развития производства. В условиях ограниченности ресурсов предприятия не имеют возможности приобрести сырье и материалы через централизованные каналы; об этом организаторы экономического эксперимента не позаботились. Выход из создавшегося положения они и увидели в открытии оптовых рынков, на которых можно было бы приобрести сырье, материалы, средства производства.

Кроме того, организаторы экономического эксперимента столкнулись с тем фактом, что фонд развития производства направляется на производство продукции отнюдь не остро необходимой всему народному хозяйству, а наиболее рентабельной.

Определив квоты отчислений от прибыли, организаторы экономического эксперимента недостаточно учли разнообразие норм прибыли в различных отраслях производства, что, в свою очередь, привело к возникновению целого комплекса проблем, связанных с политикой ценообразования. Поэтому одной из самых насущных мер в расширении сферы использования экономических методов управления является реформа оптовых цен.

В использовании фонда материального стимулирования повсеместно отмечается тенденция к уравниловке и перерасходу данного фонда.

В новых условиях хозяйствования часть управленческого персонала до сих пор боится брать на себя ответственность при принятии решений, а другая часть, почувствовав «свободу экономического маневра», занялась спекуляцией, частнопредпринимательской деятельностью и пр.³³

Таков в общих чертах характер предполагаемых мероприятий по реорганизации системы управления народным хозяйством, рассчитанных на длительную перспективу. Китайские руководители, по-видимому, четко не представляют функционирование всего народнохозяйственного механизма в целом в результате проведения этих мероприятий, тем более что среди китайских экономистов нет единства по основополагающим вопросам, по вопросам их социально-экономических последствий. Поэтому они и носят экспериментальный, поисковый характер.

Суть этих поисков (в условиях слабого развития собственной экономической мысли) сводится к изучению зарубежного опыта управления. Этому китайское руководство придает большое значение. Так, в Народном университете Китая создан Научно-исследовательский институт по изучению методов зарубежного экономического управления³⁴.

Необходимо отметить, что зарубежному опыту управления в Китае уделялось значительное внимание и раньше. Еще в период «урегулирования» была развернута работа по изучению опыта трестирования в капиталистических странах, были созданы два института по изучению экономических и технических достижений Японии, важное место в работе которых занимали вопросы изучения организации управления промышленными фирмами. Для изучения этих и других вопросов управления группа экономистов и техников была направлена во Францию, три группы направлялись в другие европейские страны³⁵.

Китайцы изучали и продолжают внимательно изучать теоретические вопросы и опыт хозяйственных реформ в СССР и других социалистических странах. В настоящее время в Китае — в отличие от периода «урегулирования», когда, даже перенимая определенные организационные формы и методы управления, предпринимали усиленные попытки

³³ См.: «Жэньминь жибао», 21. IV. 1980.

³⁴ См.: «China News Analysis», 13.X.1978.

³⁵ См.: В. Вятский, Ф. Димин. Экономический авантюризм маоистов. М., 1970, с. 93.

придать им видимость собственных «находок», — отмечается положительный характер этих реформ³⁶; на страницах китайской печати прекратились нападки на конкретные методы хозяйствования в СССР — шекинский эксперимент, метод бригадного подряда и пр.

Однако особенно пристальное внимание в настоящее время обращается на опыт управления развитых капиталистических стран. Так, в последнее время заметное влияние на формирование взглядов китайских экономистов на управление экономикой оказывают американские «теоретики» управления, в частности профессор Института экономики Гарвардского университета Василий Леонтьев, посетивший Китай в составе группы специалистов осенью 1972 г.³⁷ Как известно, Леонтьев дал согласие на предложение применить различные варианты своего «закона инверсии» в КНР к планированию на 1973 и 1974 гг. Он высказал рекомендацию по составлению 5-го пятилетнего плана и, по имеющимся сведениям, предполагал принять участие в его составлении. Однако даже если бы и удалось осуществить эти намерения, использование подобных «теорий» в китайской практике в условиях неразвитости производительных сил страны и отсутствия должного статистического и математического обеспечения³⁸ было бы заведомо обречено на провал. Тем не менее абсолютизация в китайской печати опыта развитых капиталистических государств в специализации и кооперировании по отраслям и районам, в частности регионального «планирования» экономического развития штатов США, рассуждения о якобы «полной» закономерности развития сельского хозяйства США³⁹, несомненно, являются следствием непосредственного влияния американских «теоретиков» в области управления.

В настоящее время от стадии изучения зарубежного опыта китайские руководители переходят к его практическому внедрению. Определенным толчком к развитию этого процесса послужила программная статья Ма Бяо в газете «Гуанмин жибао», в которой призывалось не только «прилежно изучать хороший иностранный опыт управления», но и «применять его на практике». При этом, по-видимому, китайские руководители готовы использовать любые формы и методы управления, с помощью которых можно обеспечить высокие устойчивые темпы роста производства, в первую очередь в центральном военном секторе, не обращая внимания на их социально-экономические последствия. Об этом свидетельствует, в частности, курс на создание смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале. Конечно, такие предприятия могут принести определенные выгоды китайской стороне. Как полагают китайские руководители, получение передовой техники и технологии, использование управленческого опыта партнера, использование рыночных связей, имени фирмы и пр. не могут быть обеспечены при другой форме сотрудничества или же при этом достигается значительно меньшая степень эффективности. Предприниматели

³⁶ См., например, «Шинце цзинцзи», 1979, № 1.

³⁷ Являясь автором «леонтьевской инверсии», он представлял так называемую «новую школу науки управления», абсолютизирующую математические методы анализа экономики и принятие решений с помощью новейших математических методов и средств. Им предпринимались попытки математического исчисления наиболее целесообразного варианта распределения материальных и трудовых ресурсов США, обеспечивающего максимальный прирост национального дохода (модели «затраты — выпуск»). Для этой цели В. Леонтьев использовал межотраслевые балансы, линейные управления или неравенства, отражающие верхние и нижние границы изменения отдельных переменных. Однако ограниченные условиями капиталистического способа производства, эти попытки оказались неудачными.

³⁸ Только в 1979 г. в Китае была создана первая ЭВМ, способная производить 5 млн. операций в секунду («Гуанмин жибао», 25.III.1979), и, хотя велись разговоры о создании всекитайского вычислительного центра с сетью электронно-вычислительных машин, о практических шагах в этом направлении ничего не сообщалось.

³⁹ См., например, «Жэньминь жибао», 6.X.1978.

из развитых капиталистических стран также не скрывают своей заинтересованности в овладении китайским рынком, в использовании в своих целях богатейших источников сырья и дешевой рабочей силы.

Компании со смешанным капиталом в слаборазвитых странах могут играть прогрессивную роль, как одна из форм движения от частного предпринимательства к государственному регулированию. Однако в Китае создание смешанных предприятий в случае их распространения в широком масштабе может привести к определенному интегрированию китайской экономики в мировое капиталистическое хозяйство с его кризисными и инфляционными процессами, а также к сдерживанию самостоятельного развития отраслей национальной экономики.

Привлечение зарубежного капитала повлечет также за собой и заимствование зарубежных форм и методов управления, поскольку при отсутствии квалифицированных национальных кадров основной объем функций по управлению сосредоточится в руках представителей зарубежного капитала. При подготовке же в дальнейшем китайских управляющих в духе капиталистического управления, носящего, как известно, двойственный характер, может остро встать вопрос о его социальном аспекте, который выражается в первую очередь в том, что носит классовый характер.

* * *

Изменение любой системы управления экономикой — объективно необходимый процесс. Система управления экономикой динамична. Она изменяется — причем иногда существенно — в зависимости от нового уровня производительных сил, новых внутриполитических и внешнеполитических условий и множества других объективных и субъективных причин. Однако ее изменение может играть прогрессивную роль лишь в том случае, когда новая система управления соответствует новым требованиям объективных экономических законов. И чем выше степень такого соответствия, тем выше эффективность новой системы.

Характер проводимых и намечаемых мероприятий в области реорганизации системы управления народным хозяйством КНР не позволяет говорить о научном подходе китайских экономистов к решению этой проблемы. Хотя ряд рассмотренных в данной статье мероприятий может способствовать усилению централизованного планового руководства народным хозяйством, учету накопленного мирового опыта управления, следует подчеркнуть, что в целом они не подготовлены и вносят элемент беспорядочности в экономику страны, усугубленный неизбежными трудностями периода организационного становления. Отсутствие целостной программы реорганизации системы управления народным хозяйством КНР объясняется отсутствием как соответствующих ей необходимых экономических предпосылок, так и достаточно разработанной концепции управления. В самом общем виде главная задача, которая ставится перед современной системой управления экономикой, — обеспечить ускоренное наращивание военно-промышленного потенциала Китая. Для решения именно этой задачи китайские руководители пытаются использовать элементы централизованного планирования и другие внешне схожие с социалистическими формы и методы управления. Объективной основой, предопределяющей возможность их использования, является общественная собственность на средства производства. Однако механизм использования данных форм и методов управления и внутреннее содержание последних определяются в настоящее время не объективными экономическими законами социализма, а великодержавными планами пекинских руководителей.

Схема 1

Схема управления народным хозяйством КНР

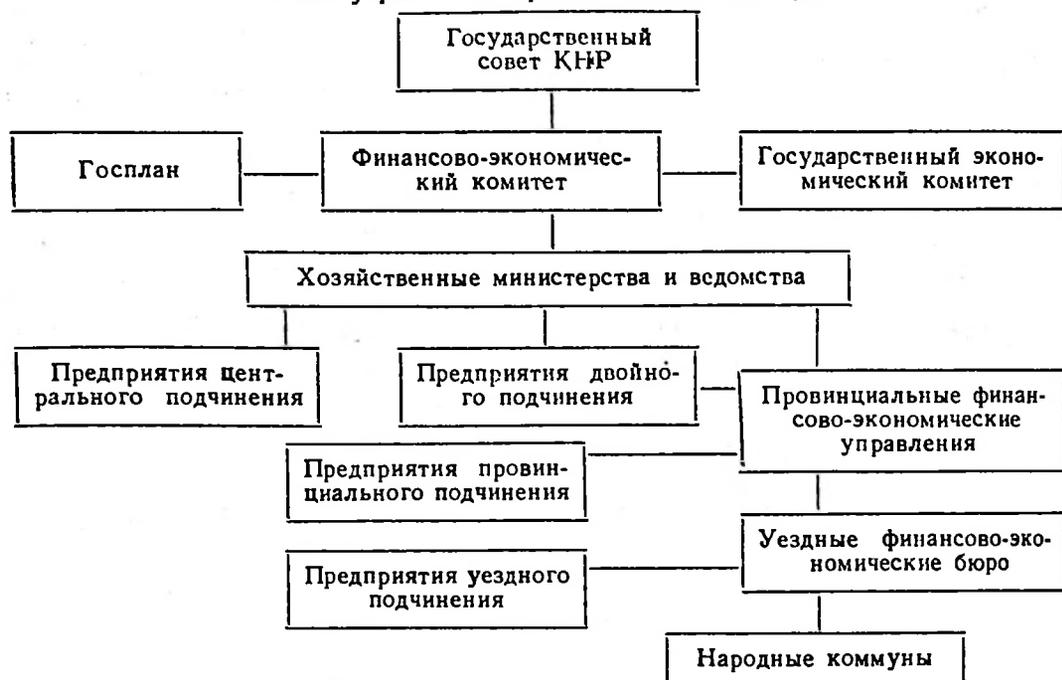
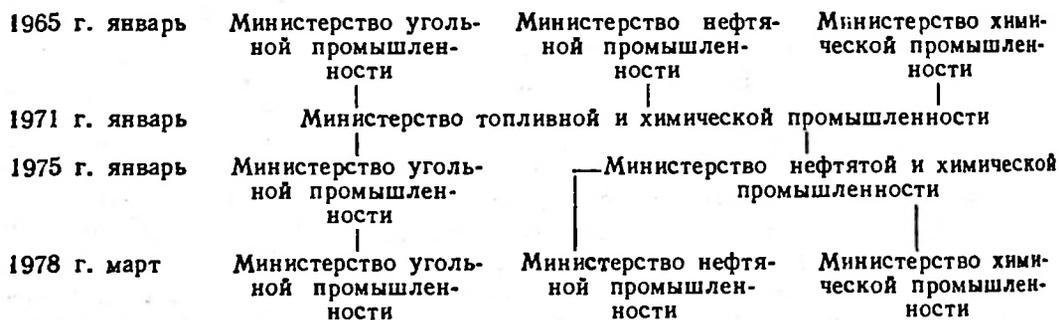

Схема 2

Изменение состава министерств топливной промышленности (1965—1978 гг.)

Некоторые тенденции в социально-экономической политике китайского руководства

*П. Б. Капралов,
А. М. Круглов,
А. В. Островский*

Осуществление в КНР широко разрекламированного амбициозного курса «четырёх модернизаций», как известно, дало осечку. Серьезные разногласия внутри китайского руководства по вопросам о методах и темпах экономического строительства, острейшая внутривластная борьба, усиление диспропорций в результате субъективистского подхода к развитию народного хозяйства и, наконец, отсталость социально-экономической структуры — все это внесло существенные коррективы в честолюбивые планы и обусловило изменения в экономической и социальной политике.

В сентябре 1980 г. на III сессии ВСНП пятого созыва были рассмотрены вопросы, связанные с выполнением программы «урегулирования» народного хозяйства и намечены перспективы экономического развития страны на 1981 год. На ней были одобрены мероприятия в области социально-экономической политики, направленные на улучшение положения в народном хозяйстве страны. Эти меры во многом явились отступлением от основных принципов социализма в сфере социально-экономического развития китайского общества.

В соответствии с планами пекинских руководителей превратить экономику КНР в «смесь социалистической системы и рыночной экономики» в последние годы происходит стимулирование развития элементов традиционной экономики — кустарных артелей, кустарей-одиночек и частных торговцев в городах, мелких предприятий в коммунах и бригадах, а также мелких крестьянских групп и даже дворов в деревнях; предпринимаются конкретные шаги по оживлению предпринимательской деятельности бывших капиталистов и по широкому привлечению иностранного капитала в экономику страны.

В 1977 г. стоимость валовой продукции предприятий коммун и бригад возросла по сравнению с 1976 г. на 43,7 %, в 1978 г. — еще на 25,4 %. К концу 1979 г. на 1,5 млн. предприятий коммун и бригад было занято более 20 млн. человек, то есть 6,6 % рабочей силы в китайской деревне. За один лишь 1979 г. число занятых на этих предприятиях увеличилось более чем на 4 млн. человек. Число поселково-городских предприятий коллективной собственности в настоящее время достигло 270 тысяч, на которых трудятся 22,7 млн. рабочих и служащих. Рост их рядов в 1979 г. составил 2,26 млн. человек¹.

О размахе мелкого частного предпринимательства дает представление тот факт, что к августу 1980 г. в Китае насчитывалось почти 400 тыс. индивидуальных промышленников и торговцев².

Следует подчеркнуть, что кооперативные предприятия конца 70-х — начала 80-х годов имеют существенные, более того, принципиальные особенности, и поэтому характеризовать их развитие как просто возврат к периоду 50-х годов неправильно. Они не представляют собой, и это подчеркивается китайской печатью, переходных форм или звеньев и этапов на пути преобразования собственности. Напротив, это со-

¹ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1979.

² «Гунжэнь жибао», 20.VIII.1980.

знательный возврат к уже пройденным методам, допущение уже существовавших элементов многоукладной экономики. Причем это не временная, конъюнктурная мера, а, как подчеркивается в выступлениях китайских руководителей, «стратегический курс» экономического развития, установка на длительное сосуществование предприятий, основанных на государственной, кооперативной и даже частной собственности.

Политика ориентации на мелкое производство, на отсталую китайскую деревню привела к тому, что более половины всех промышленных рабочих страны заняты на мелких предприятиях мануфактурного типа. Не только консервируются объективно существующие промежуточные слои, стоящие между рабочим классом и крестьянством, но и создаются новые. Рабочий класс поставлен под угрозу растворения среди непролетарских сил и подчинения их идеологии.

На мелких кустарных предприятиях «коллективной собственности» в городах и поселках положение и условия труда рабочих значительно хуже, чем на предприятиях общенародной собственности: рабочие, как правило, лишены возможности вступить в профсоюз, пользоваться трудовым страхованием, размеры пенсии (а нередко и нормы продовольственного снабжения) у них ниже; постоянная работа на этих предприятиях не засчитывается в производственный стаж, тогда как даже временная работа на предприятиях государственной собственности засчитывается. Зарплата за аналогичный труд, как правило, ниже на 30 %. Это дает возможность государству экономить на фонде заработной платы рабочих. Одновременно развитие предприятий коллективной собственности используется для смягчения остроты проблемы трудоустройства. За последние годы в крупных городах страны до 50 % общего числа трудоустроенных приходится именно на эти предприятия. Китайская печать подчеркивает, что главным направлением в трудоустройстве в ближайшие годы должны быть именно предприятия коллективной собственности, а не государственные. В короткий срок удельный вес предприятий «коллективной собственности» значительно возрос. В конце 1978 г. на них была занята примерно $\frac{1}{3}$ общего числа рабочих и служащих страны, а стоимость их продукции составляла $\frac{1}{5}$ стоимости всей промышленной продукции страны³. Наиболее значительны позиции промышленности коллективной собственности в отраслях легкой промышленности. В частности, по данным 2-го Управления Министерства легкой промышленности (включающего кустарную промышленность и художественные промыслы), в 1978 г. на долю предприятий коллективной собственности приходилось 97 % числа производственных единиц, 91 % числа занятых рабочих и служащих и 79 % общей стоимости продукции⁴. Особенно быстрыми темпами растет число кустарных предприятий в сфере услуг (ремонт, транспортировка и пр.). Деятельность кустарей-частников разрешена в основном в области услуг при условии, что «они не будут эксплуатировать чужой труд». Установочные статьи в «Жэньминь жибао» рекомендуют руководствоваться опытом развития кустарной промышленности КНР до 1958 г. Следствием политики пекинских руководителей являются опережающие (по сравнению с государственными) темпы развития предприятий «коллективной собственности».

В промышленности КНР незначительная прослойка высококвалифицированных рабочих выполняет сложный по характеру труд, в то время как армия неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих занята простыми видами труда. В тяжелом положении находятся молодые рабочие, не имеющие достаточно высокого уровня профессиональной подготовки. При этом и их доля в общей численности рабо-

³ См.: «Чжунго циннянь бао», 28.VIII.1979; «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 4.VIII.1979.

чего класса КНР растет незначительно. На совещании по работе с молодыми рабочими, созванном ЦК КСМК и проходившем с 6 по 13 апреля 1979 г. в Шэньяне и Пекине, было отмечено, что «рабочие и служащие в возрасте до 28 лет составляют $\frac{1}{4}$ общего числа рабочих и служащих»⁵. Рабочим своевременно не повышают квалификационные разряды. Начиная с 1958 г. в КНР всего три раза проводилось повышение квалификационных разрядов рабочим и то лишь в ходе так называемых упорядочений заработной платы: в 1963, 1971 и 1977 гг. Таким образом, рабочий, поступивший на предприятие до «культурной революции», в настоящее время имеет самое большое претный разряд.

В целом существующая система обучения молодых рабочих такова, что их технический уровень очень низок. Большая часть рабочих и служащих неграмотна, в лучшем случае это выпускники начальных или средних школ низшей ступени (что соответствует по уровню знаний начальной школе). Согласно данным обследования, проводившегося в 1978 г. в Пекине, из нескольких тысяч рабочих и служащих на транспорте и в связи, в промышленности лишь 4 % имеют высшее и среднее специальное образование, 17 % окончили среднюю школу высшей ступени (причем половина не закончила полный курс), а более 70 % — начальную и среднюю школу низшей ступени⁶.

На государственных предприятиях центрального подчинения с целью повышения производительности труда пропагандируют «систему ответственности за рабочее место». Эта система направлена на укрепление дисциплины труда, соблюдение порядка на предприятиях, повышение качества продукции. Одновременно для более четкого контроля за деятельностью предприятий было предложено использовать такой экономический показатель, как прибыль.

Китайская пресса призвала предприятия «превращать убытки в прибыль», отмечая, что «резервы превращения убытков в прибыль велики и все государственные предприятия должны давать государству больше прибыли»⁷. В связи с этим с 1979 г. по всей стране началась пропаганда опыта управления, использовавшегося на 100 предприятиях провинции Сычуань. Суть его заключалась в том, что предприятия получали определенную хозяйственную самостоятельность, связанную с закупками сырья, оборудованием, производством и сбытом товаров. За счет этого у них резко возросла прибыль. Естественно, что в такой ситуации большинство руководителей предприятий ориентируется на старых рабочих, долгие годы проработавших на предприятии, а молодые теряют возможность овладеть какой-либо квалификацией.

Набор рабочих на государственные предприятия центрального подчинения производится в основном из городских жителей, и эта тенденция в ходе распространения сычуаньского эксперимента по всей стране будет усиливаться. Таким образом, китайское крестьянство оказывается оторванным от крупного фабрично-заводского производства, и в стране постепенно складывается определенная прослойка рабочего класса — выходцев из города, она закреплена за крупными фабрично-заводскими предприятиями, связанными с военно-промышленным комплексом, и в социальном плане занимает привилегированное положение в обществе по сравнению с основной массой рабочего класса.

Тем не менее, несмотря на усиление чисток на предприятиях, введение «системы ответственности за рабочее место» и использование такого показателя, как прибыль, на ряде предприятий, признавала

⁵ «Жэньминь жибао», 15.IV.1979.

⁶ См.: «Чжунго цинянь бао», 3.II.1979.

⁷ «Жэньминь жибао», 23.II.1978.

китайская печать, в том числе и на крупных, не хватает энтузиазма. Такое положение вынудило китайских руководителей в конце 1977 г. провести так называемое упорядочение заработной платы, которое затронуло 56 % рабочих и служащих. Были повышены квалификационные разряды части молодых рабочих, и их труд стал оплачиваться в соответствии с новой тарифной ставкой. Но дело в том, что эти молодые рабочие уже выполняли к тому времени работу по более высокому разряду, но им не повышали квалификационные разряды, и их труд оплачивается по более низкому разряду. В то же время с 1978 г. начал пропагандироваться опыт Кайлуаньских угольных шахт, порта Хуанпу города Гуанчжоу и продовольственного склада «Юндинмэнь» в Пекине, где стали применяться отдельные виды материального поощрения, не применявшиеся с периода «урегулирования» (1961—1965).

В конце 1978 г. начало действовать положение Министерства финансов КНР «Об экспериментальном отчислении и использовании фондов государственных предприятий», которое разрешало руководителям предприятий, выполнившим производственные задания по всем показателям, использовать часть полученной прибыли для поощрения особо отличившихся рабочих. Однако на практике эта система поощрений превратилась в систему наказаний рабочих. Как отмечала газета «Чжунго циннянь бао», «на некоторых предприятиях постановили, что нельзя поощрять тех, кто за последние несколько лет совершил ошибки, влюблялся, не ходил на собрания, критиковал руководство, увлекался прическами, тех, кто брал отпуск для посещения родственников, не находился на работе из-за производственной травмы, родов, аборта, женитьбы, похорон»⁸. На многих предприятиях премия нередко делится поровну независимо от результатов работы. При этом тех, кто перевыполнил производственный план и требовал за это премию, часто критикуют, им заявляют, что это «борьба за деньги», проявление эгоистических побуждений и низкого уровня сознания.

В настоящее время китайских рабочих по-прежнему, несмотря на повышение квалификационных разрядов некоторой их части, на введение на отдельных предприятиях системы сдельной оплаты труда и премий, призывают меньше потреблять и не требовать повышения заработной платы и жизненного уровня. Жизненный уровень рабочих в последние годы почти не растет. Незначительное повышение заработной платы «в ходе ее упорядочения» в конце 1977 г. было фактически сведено на нет ростом цен весной 1979 г. более чем на 200 видов товаров (на продукты питания, ряд товаров широкого потребления, лекарства), а также очередным повышением цен на основные продукты питания и предметы потребления с ноября 1979 г.

Политика пекинских руководителей в деревне в 1978—1979 гг. вынуждена приспособляться к архаическому облику деревни, широко допускать и поощрять мелкогрупповые и традиционные формы организации крестьянства. Анализ и обобщение данных китайской печати за 1978—1979 гг. позволяет заключить, что нынешнее пекинское руководство оставляет основные производственные ресурсы (землю, рабочий скот, орудия) и непосредственную организацию сельскохозяйственного производства в руках небольших крестьянских коллективов — производственных бригад из 20—30 дворов (как правило, жителей одной деревни), а также подрядных и производственных групп из нескольких дворов внутри этих бригад. При этом государство стремится концентрировать в своих руках административные рычаги централизованной государственной эксплуатации этих мелких рассеянных ячеек производителей для выкачивания из них прибавочного продукта.

⁸ «Чжунго циннянь бао», 11.1.1979.

через народные коммуны и большие производственные бригады. Пропагандируемая в печати «экономическая политика КПК в деревне» требует, чтобы производственная бригада как низовая сельскохозяйственная ячейка осуществляла непосредственную организацию производства и распоряжалась имеющимися у нее ресурсами, вела производство, исходя из местных условий и возможностей.

В 1978—1979 гг. для организации сельскохозяйственного производства характерно широкое распространение даже более мелких, чем бригада из 20—30 дворов, форм совместного труда крестьян. Одним из важнейших мероприятий «экономической политики КПК в деревне», которое было зафиксировано в «Решениях ЦК КПК по некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства», намеченных в декабре 1978 г. и окончательно утвержденных в октябре 1979 г., стало закрепление производственных заданий за группами при едином руководстве со стороны производственной бригады. Основная идея подобного мероприятия — дополнить трехступенчатую организацию «коммуна — большая бригада — бригада» своего рода четвертой ступенькой, соответствующей низкому уровню развития производительных сил деревни и сознательности крестьянства. В соответствии с методом «начисления по труду в группах» ресурсы производственных бригад — их земля, инвентарь, скот, рабочая сила — дробятся на части и закрепляются за подрядными производственными группами из нескольких дворов; затем за группами закрепляются нормы выработки и число трудоединиц. При «индивидуальном начислении по нормам», «индивидуальной ответственности в полеводстве» клочки земли, инвентарь, производственные задания закрепляются уже за одним трудоспособным крестьянином.

Примитивные мелкомасштабные формы организации диктуются всем архаическим обликом китайского сельского хозяйства, производительность труда в котором, по признанию китайской печати, находится на уровне двухтысячелетней давности времен Ханьской династии⁹. Поскольку, как считает Пекин, «в настоящее время в большей части районов страны сельскохозяйственное производство основывается на ручном труде и использовании тяглового скота, уровень механизации низок, большинство полевых работ удобно вести раздельно под единым руководством производственной бригады». Многочисленные сообщения о внедрении данной системы касаются практически всех основных земледельческих провинций Китая, и прежде всего традиционных густонаселенных аграрных районов Центра, Юга и Востока.

Данные установки «экономической политики КПК в деревне», призванные развертывать инициативу и материальную заинтересованность крестьянства, могут находить отклик в основном у незначительного числа зажиточных середняцких дворов с большим числом трудоспособных и необходимым инвентарем. Подробный учет трудоемких ручных работ в мелких группах стимулирует их трудовую активность в большей степени, чем в бригадах. На эти мелкие группы, в сущности, и нацелены принципы нормирования труда, оплаты по методу «больше работаешь — больше получаешь», ликвидация уравниловки. С этой небольшой прослойкой крестьян во многом связаны и надежды Пекина добиться какой-то стабильности сельскохозяйственного производства. Как свидетельствуют многочисленные факты, основная часть крестьян, выигрывающих от введения данной системы и получающих значительно больше среднего минимума продуктов и денег при распределении в конце года, — это крепкие трудоспособные семьи, в прошлом так называемые дворы с неоплаченными трудоединицами. Значительная часть

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 19.I.1979.

дохода этих семей ранее перераспределялась для поддержки бедняков. Так, например, один из основных выводов, который можно сделать после ознакомления с подробной сводкой в газете «Чжунго циннянь бао» о «росте доходов» крестьян в 1978—1979 гг., состоит в том, что доходы растут в основном лишь у кучки зажиточных крестьян, составляющих незначительную часть населения деревни. В 1978—1979 гг. зажиточные семьи, в прошлом подвергавшиеся репрессиям как «кулаки» и «дворы-богатеи», вновь получают «доброе имя», снимаются жесткие потолки роста их доходов, им возвращают конфискованные орудия, деньги, продукцию. «Старательные, на работу выходят хорошо», — одобрительно отзывается о них центральная китайская печать.

Вынужденное снижение уровня хозяйствования в китайской деревне, развязывание инициативы бригад и групп вызвало определенное нарастание центробежных тенденций в непрочном коллективном хозяйстве. Признавалось, что «акцент на самостоятельность производственных бригад» «вызвал в ряде мест нежелание принимать руководство со стороны государственного плана». Под официальной крышей «закрепления производства за группами» весьма широкие масштабы принял «замаскированный распад» коллективного хозяйства, во многих местах группы стали уже полноправными хозрасчетными единицами, оттеснив производственные бригады с их «единым руководством».

Симптоматично, что во многих местах нынешние производственные группы называют «группами взаимопомощи», с создания которых начинался в 50-е годы процесс кооперирования. Под вывеской групп возрождаются традиционные соседские и клановые формы производства: «группы отца и сына», группы членов одной фамилии, группы сильных трудоспособных работников, спланивающихся для повышения собственных доходов. Создание мелких автономных групп «порождает новые проблемы и новые противоречия»: распад бригад и дробление землепользования, частый отказ от применения даже имеющихся машин, появление «видоизмененного единоличного труда», «разлад в рядах членов коммун», конкурентную борьбу между группами за имеющиеся производственные ресурсы, угрозу «нового подрыва сельскохозяйственного производства»¹⁰. Нынешняя «экономическая политика КПК в деревне», сделавшая ставку на традиционные мелкогрупповые и частично даже индивидуальные формы хозяйствования, уже вызывает явное усиление социальных противоречий в кооперированном крестьянстве КНР, незрелом и не сформировавшемся как новая социальная общность.

Система нормирования в мелких группах выгодна зажиточному крестьянству, которое использует ее для дальнейшего наступления на коллектив, и мало приемлема для неимущего крестьянства. Положение, складывающееся в основной части отсталой китайской деревни, оставляет лишь две возможности для многочисленного бедного и беднейшего крестьянства: либо потогонный труд в рамках «системы ответственности», «наказания и поощрения», либо саботаж этой системы, при которой слабым дворам с малым числом работников трудно рассчитывать на что-либо, кроме пайка. Беднейшее крестьянство, которое так и не приобрело либо утратило навыки активного труда в обстановке бесперспективности, беспросветного труда и нищих пайков в коммунах, с явной враждебностью или пассивно относится к попыткам внедрить в деревне методы начисления по нормам в производственных группах, которые предусматривают оплату по результатам выполнения норм полевых работ, а не просто по месячным и годовым нормам выхода на работу. В очень многих бригадах по-прежнему царил хаос, продолжа-

¹⁰ «Хунци», 1979, № 5; «Жэньминь жибао», 23.II.1979, 15.III.1979, 19.IV.1979, 21 и 24.V.1979 и др.

лось, невзирая на требования сверху, «распределение по головам». Для положения в деревне продолжает оставаться характерной обстановка «беспорядочного труда», «работают спустя рукава», «вовсе не выходят на работу, а если и выходят, то работают плохо»¹¹. Внедрение групповой и индивидуальной системы ответственности, нацеленной объективно на развязывание инициативы зажиточных трудоспособных дворов с хорошими производственными навыками, натолкнулось на серьезные препятствия со стороны «ультралевого течения», глубоко укоренившегося в сознании местных властей эгалитаристского мировоззрения.

Стратегический смысл нынешних организационно-пропагандистских мероприятий Пекина в деревне — это стремление отгородить центр с его ограниченными ресурсами, затрачиваемыми в основном на милитаризацию, от затяжных и трудноразрешимых проблем основной, крайне отсталой части китайской деревни, заставив ее искать выход из тупика собственными силами. По мнению Пекина, изложенному в июньском номере журнала «Хунци» за 1979 г., в большей части сельских районов с низким уровнем механизации сельского хозяйства развитие сельскохозяйственного производства, повышение жизненного уровня крестьян и коллективных накоплений должно «опираться на собственные силы крестьянских масс», основываться на «накоплении труда» крестьян и их «упорной борьбе» — интенсивном использовании живого труда и тяглового скота, тщательной ручной обработке полей для повышения сбора на единицу площади, развитии мелких предприятий и подсобных промыслов, капитальном строительстве на полях, строительстве местных дорог и проведении лесопосадок.

Особая важность подобного пути для Пекина состоит в том, что он ориентирует подавляющую массу населения деревни на самостоятельные мучительные поиски приемлемых решений для обеспечения расширенного воспроизводства, на самостоятельную борьбу с рутинной полусредневековой экономической жизни. Китайскому руководству приходится признавать очень высокий удельный вес отсталых сельских районов, которые останутся в стороне от централизованных мероприятий по модернизации сельского хозяйства в крайне немногочисленных «ключевых сельскохозяйственных базах». Масса отсталых районов должна «в течение определенного» периода времени продолжать вести сельскохозяйственное производство, основываясь на кустарной «полумеханизации», использовании тяглового скота и в основном ручного труда. Как признал журнал «Хунци» в июне 1979 г., для осуществления механизации и модернизации сельского хозяйства среднему уезду КНР с населением 500—600 тыс. человек потребуется 400 млн. юаней капиталовложений. Для сравнения отметим, что ежегодный доход предприятий коммун и бригад — этого основного, как заявляют, сейчас источника средств и накоплений для модернизации деревни — в среднем уезде Китая, по приводившимся общенациональным данным, составляет немногим более 3 млн. юаней¹².

Внедрение в сельском хозяйстве потогонных «систем ответственности», жестких норм выработки на единицу площади в условиях аграрной перенаселенности и ограниченности пашни должно, по мнению пекинских руководителей, создавать известный «избыток» рабочей силы, который можно будет перебрасывать на развитие различных подсобных и кустарно-промышленных отраслей в целях самообеспечения. В связи с этим центральная пресса начала активно пропагандировать использование различных отраслей сельской промышленности, работающих на «сэкономленной» рабочей силе.

¹¹ «Жэньминь жибао», 24.IX.1978; 9.V.1979; «Гуанмин жибао», 14.X.1978.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 2.II.1978; 6.II.1979; «Хунци», 1979, № 6.

Прагматические сдвиги в подходе центра к решению вопросов модернизации сельского хозяйства происходят в условиях деградации сельскохозяйственного производства и краха попыток мобилизовать основную массу тружеников деревни на очередной «скачок». Если в 1976—1977 гг. китайские руководители еще уповали на то, чтобы местными силами на «низком уровне» за короткий период осуществить форсированную механизацию, то в 1978—1979 гг. от этих планов постепенно отказываются. С начала 1979 г. в области механизации сельского хозяйства на первый план стала выдвигаться изолированная задача создания и укрепления механизированных уездов и госхозов, «современных баз» и «опорных пунктов» в небольшой группе районов.

Ориентируя основную массу сельских районов на «накопление труда» в местных промышленно-сельскохозяйственных системах, Пекин заявляет, что «в масштабах страны центр тяжести необходимо перенести на пригороды крупных центров, крупные госхозы, товарные базы зерна, хлопка, растительного масла, сахарного тростника». «Чтобы повысить экономический эффект механизации сельского хозяйства,— писал журнал «Хунци»,— необходимо сосредоточить силы для решающей битвы... использовать ограниченные капиталы, оборудование и сырье в наиболее неотложных и дающих быструю отдачу сферах. Капиталовложения государства в сельском хозяйстве необходимо сконцентрировать на группе современных сельскохозяйственных, лесных, животноводческих, подсобнопромысловых, рыболовецких баз»¹³. Это продиктовано основной целью подобных планов — подготовить устойчивую основу для бесперебойного снабжения продовольствием и сырьем основных военно-промышленных центров. В решении ЦК КПК «О некоторых вопросах ускоренного развития сельского хозяйства» прямо говорится, что в первую очередь надо стимулировать модернизацию сельской экономики и рост доходов крестьян в сельских районах, где проживает лишь 5% населения страны, иначе говоря, в уже имеющихся важнейших базах товарной сельхозпродукции, охватывающих ничтожную часть пахотных площадей и сельского населения страны.

Характерно, что даже при создании основных баз товарного земледелия, особенно в густонаселенных земледельческих районах бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ, не происходит радикальных социально-экономических сдвигов в характере труда занятого крестьянства. Механизация в ряде ключевых сфер, высвобождая рабочую силу, используется для интенсификации системы грядкового ручного земледелия в других сферах. Такая механизация тесно сочетается с «повышением уровня тщательной обработки пашни» вручную в мелких подрядных группах.

Крайне дорогостоящей и в то же время ненадежной является система производства, поставок и ремонта сельскохозяйственной техники. Рост производительности труда далеко не соответствует увеличению машинного парка, не уменьшается количество тяглового скота на механизированных площадях, все издержки за покупку часто негодной и низкокачественной техники, не обеспеченной запчастями, горючим, возможностями ремонта, плюс сохраняющиеся издержки на содержание и эксплуатацию рабочего скота ложатся на плечи крестьян, что ведет к уменьшению доходов хозяйств и крестьян.

Установление режима военно-бюрократической диктатуры и широкое использование им методов внеэкономического принуждения обусловили существование и развитие относительно многочисленной социальной прослойки кадровых работников — «ганьбу», состоящей из руководящих работников партийного и административно-управленческого аппарата, офицерского состава армии, руководителей различных обще-

¹³ «Хунци», 1979, № 3, с. 57; 1979, № 6, с. 8.

ственных организаций и пр. и обеспечивающей контроль над социально-экономическими и политическими процессами в обществе. Являясь в целом социальной опорой существующего режима, «ганьбу» в то же время глубоко втянуты в процессы фракционной борьбы и, следовательно, борьбы за власть; различные слои этой категории наряду с представителями интеллигенции являлись и являются объектом серьезных политических кампаний, чисток, перевоспитания физическим трудом, что превращает их в потенциальный источник социальных потрясений в стране.

Важнейшим резервом кадров, необходимых для комплектования партийных, государственных и административных органов, является НОАК, которой пекинское руководство отводит особую роль в общественно-политической жизни страны. Пытаясь приспособить армию к нуждам авантюристической политики, превратить ее в орудие военно-бюрократической диктатуры, маоисты искусственно сужают социальную базу НОАК, набирая в ее ряды преимущественно выходцев из беднейших слоев крестьянства.

Большая часть кадровых работников в настоящее время не имеет высшего образования. По данным на 1965 г., в городе Ухани, провинция Хубэй, из 145 обследованных «ганьбу» лишь 52% имело высшее образование¹⁴. Аналогичное положение сохраняется и в настоящее время. Согласно данным, приводимым по провинции Ганьсу, «у многих комсомольских работников провинциального комитета КСМК низкий общеобразовательный уровень, многие, занимающиеся экономикой, не знают математики, занимающиеся политической учебой не могут провести обследование, написать статью, а некоторые и правильно расставить знаки препинания»¹⁵.

«Ганьбу» подконтрольны только вышестоящим инстанциям, а не трудящимся массам. Такое положение вызывает различные негативные явления, широко распространенные среди «ганьбу», — коррупцию, взяточничество, расхищение государственного имущества, грубое обращение с подчиненными. В 1978 г. проводились специальные расследования о злоупотреблениях «ганьбу» в уезде Сюньи, провинция Шэньси, в народной коммуне Хэкоу уезда Дау, провинция Хубэй, а также о расхищении государственного имущества кадровыми работниками в округе Чжумадянь, провинция Хэнань, и города Люйда, провинция Ляонин.

Для пресечения вопиющих фактов беззакония и усиления партийной дисциплины на III пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва была создана специальная дисциплинарная комиссия при ЦК КПК. Однако, судя по потоку писем, который не могут скрыть центральные газеты, кампания пресечения злоупотреблений во многих округах и уездах не проводится. Засилье «ганьбу» способствует дальнейшей бюрократизации китайского общества, созданию социальной прослойки, являющейся опорой сложившемуся в КНР военно-бюрократическому режиму. Она является проводником политики китайского руководства. В настоящее время господство этой социальной прослойки «ганьбу» над основными средствами производства, являющимися государственной или коллективной собственностью, значительно усилилось из-за отсутствия демократической системы выборов на должность, сменяемости кадров через определенный промежуток времени и низкого уровня образования населения. Вследствие этого многие кадровые работники перестают заниматься своей работой, не могут вовремя принять правильных решений, их помыслы направлены на сохранение своего

¹⁴ In: Ying-mao Kau. *The Urban Bureaucratic Elite in Communist China: a Case study of Wuhan, 1949—1965.*—Chinese communist politics in action. Seattle—London, 1969, p. 227.

¹⁵ «Чжунго циннянь бао», 27.III.1979.

поста или на получение более высокой должности для себя и своих родных и близких в обход существующих правил.

Положение интеллигенции продолжает оставаться напряженным и сложным. Некоторое улучшение условий труда и быта интеллигенции — конъюнктурная мера пекинских руководителей, связанная с осуществлением программы «четырёх модернизаций». Со времени «культурной революции» китайские руководители перестали уделять достаточное внимание подготовке интеллигенции через систему высшей школы, и, как следствие этого, в стране стала ощущаться нехватка кадров с высшим и средним специальным образованием. В выступлении Хуа Гофэна на I сессии ВСНП пятого созыва открыто признавалось: «Сократившееся ранее отставание нашей страны от передового уровня мировой науки и техники за последние годы снова возросло. Качество обучения в учебных заведениях резко снизилось. На всех участках работы ощущается нехватка молодых кадров со специальными знаниями»¹⁶.

Нынешнее китайское руководство стало больше уделять внимания вопросам подготовки интеллигенции, поскольку оно признает важное значение науки и техники в наращивании военного потенциала страны. Была несколько повышена роль высшей школы в подготовке интеллигенции путем введения новых правил приема в вузы, разработанных министерством просвещения КНР, повысились требования к уровню образования поступающих. Вместе с тем по-прежнему малочислен набор в вузы. Как заявил представитель министерства просвещения КНР корреспонденту агентства Синьхуа, «вузы на данном этапе всех желающих принять не могут; независимо от того, уехал ли ты в сельские и горные районы, продолжаешь ли работу на своем рабочем месте, — все хорошо, везде служишь делу „четырёх модернизаций“»¹⁷. На совещании по проблемам высшего образования, состоявшемся в Пекине в октябре 1978 г., было отмечено, что «увеличивать число студентов неразумно, существует немало трудностей, особенно напряженно в этом году с общежитиями, учебными материалами, педагогами, учебным оборудованием, и они еще не преодолены»¹⁸. Тем не менее всем вузам Китая был рекомендован опыт г. Тяньцзиня по дополнительному набору студентов. Суть опыта сводится к тому, что студенты должны сами себя обеспечивать деньгами и жильем и могут только посещать занятия в филиалах институтов и университетов. Распространение этого опыта на всю страну приведет к дальнейшему снижению качества подготовки специалистов с высшим образованием из-за отсутствия у студентов соответствующих условий для занятий.

В то же время в Китае насчитывается много научных и инженерно-технических работников, которые сейчас не работают по специальности. По данным, приводимым в китайской прессе, в некоторых провинциях их число равно числу выпускников вузов этих провинций за три года; а в некоторых провинциях и округах оно превышает число работающих по специальности. Многих представителей интеллигенции увольняют со службы по возрасту, хотя они в состоянии продолжать работу. В частности, по данным отдела статистики управления железной дороги в одном большом городе, за последние годы был уволен 31 инженерно-технический работник, в то время как треть из них еще могла продолжать работу¹⁹. Как видим, большая часть интеллигенции в настоящее время просто лишена возможности работать по специальности.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

¹⁷ Там же, 22.X.1977.

¹⁸ Там же, 11.XI.1978.

¹⁹ См. там же, 24.XI.1978.

Однако ту часть научно-технической и творческой интеллигенции, которая работает по специальности, по-прежнему часто отрывают от основного занятия и посылают заниматься физическим трудом. Хотя китайские руководители и объявили, что научные и инженерно-технические работники должны пять шестых своего времени заниматься основной работой, тем не менее официально признано, что на многих предприятиях и шахтах это условие не соблюдается, многие кадровые работники считают, что данное положение не относится к этой категории работников. Как мы видим, китайской интеллигенции по-прежнему не создают условий для занятий умственным трудом. Нынешнее китайское руководство наряду с использованием высшей школы как формы подготовки интеллигенции предполагает и сохранение тех форм подготовки, которые использовались в годы «культурной революции» и позднее для восполнения нехватки специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Таким образом, в Китае создаются две группы интеллигенции. Первую группу готовят через систему высшей школы, подвергают тщательному отбору, а выпускников вузов направляют на предприятия центрального подчинения и в научно-исследовательские учреждения, которые служат милитаризации страны. Вторая группа специалистов получает профессиональную подготовку посредством других форм образования. Уровень их подготовки, как правило, невысок из-за низкого теоретического уровня преподавания и короткого курса обучения. Эта группа специалистов в основном занята на предприятиях, служащих для удовлетворения материальных потребностей народа.

Такая политика пекинских руководителей определяет расслоение китайской интеллигенции на две неоднородные социальные группы, значительно отличающиеся одна от другой в системе общественного производства.

Спецификой социально-классовой структуры КНР является искусственная консервация национальной буржуазии. Она утратила основу для своего существования как класса, однако благодаря мероприятиям пекинских руководителей продолжает сохранять ряд признаков, выделяющих ее в особый социальный слой. Как уже отмечалось, по решению ЦК КПК (январь 1979 г.) представителям национальной буржуазии возвращены банковские вклады и другое имущество, конфискованное в ходе «культурной революции», а также восстановлены прежние повышенные оклады представителям национальной буржуазии, оставшимся на административных постах, им выплачена удержанная часть зарплаты.

В речи, посвященной 30-летию со дня образования КНР, Е Цзяньин заявил, что «бывшие капиталисты — подавляющее большинство трудоспособных из них — перевоспитались и стали труженниками, живущими за счет собственного труда»²⁰. В настоящее время в китайской печати ведется кампания с требованием снять «ярлык» с буржуазии и не считать возвращенные им банковские вклады, а также высокие ставки зарплаты «доходом от эксплуатации». При этом делают ссылки, с одной стороны, на относительную малочисленность оставшихся в живых представителей национальной буржуазии — 500 тысяч, а также сравнительно низкий уровень получаемых ими доходов²¹, а с другой стороны, на то, что эти меры привлекут капиталистов-хуацяо за рубежом, прежде всего из Гонконга и Макао, к инвестированию в китай-

²⁰ «Жэньминь жибао», 30.IX.1979.

²¹ Согласно статистическим данным по четырем крупнейшим городам КНР (Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и Гуанчжоу), накануне «культурной революции» доля капиталистов с месячной зарплатой менее 100 юаней составляла 79,3 %, с зарплатой от 100 до 300 юаней — 20 %, свыше 300 юаней — 0,7 % («Чжунго циннянь», 8.IX.1979).

скую экономику для осуществления программы «четыре модернизации».

Возможности оживления капиталистических тенденций в экономике становятся реальностью в связи с политикой пекинских лидеров вставших на путь сотрудничества с капиталистическими монополиями и широко распахнувших двери для проникновения иностранного капитала в народное хозяйство страны. Создание значительного числа предприятий совместно с иностранным капиталом означает возникновение в социально-экономической структуре КНР особых форм предприятий государственного капитализма²².

Для широкого привлечения зарубежных монополий им создаются особо льготные условия. Принятый III сессией ВСНП закон предусматривает, что совместные предприятия, в которых участвует китайский и иностранный капитал, облагаются налогом, который на 20 % ниже, чем в развитых странах, и несколько ниже, чем в развивающихся странах. Чтобы развеять опасения западных вкладчиков капитала, по решению пекинских руководителей Китайская Народная страховая компания ввела новые виды страхования, и, в частности, «страховку, связанную с политическим риском». Китайская сторона обязуется возместить убытки, понесенные зарубежными предпринимателями «в случае забастовок, бунтов, а также в результате предпринятых правительственными ведомствами реквизиций, конфискации и наложения ареста на застрахованную собственность».

Речь идет о возникновении в социально-экономической структуре КНР особых форм предприятий государственно-капиталистического типа. Особое расположение маоистов к национальной буржуазии объясняется желанием использовать ее в качестве посредника в сближении с китайской зарубежной буржуазией, чтобы прибрать к рукам ее экономический потенциал, превышающий 15 млрд. долл., а также финансовый, экономический, научно-технический и иной потенциал тех стран, где она проживает, и использовать его для ускоренного военного промышленного развития КНР.

Таким образом, в социально-экономической политике китайского руководства стали проявляться новые тенденции, которые свидетельствуют о дальнейшем отходе Китая от позиций научного социализма. За последние годы в первые годы существования КНР социалистические основы экономического базиса еще более деформируются. Несмотря на некоторые меры в экономической политике, принятые в последние два—три года пекинским руководством с целью смягчения наиболее односторонних установок, по-прежнему социально-экономический строй Китая подвергается сильнейшему воздействию маоистского курса. В результате в ходе длительной деформации надстройки, коренным образом изменился характер власти в стране, в социально-экономической структуре общества происходят серьезные негативные изменения: наблюдается подрыв ведущей роли рабочего класса в китайском обществе, нарушение связи между рабочим классом и крестьянством. Это может привести к постепенной ликвидации в социально-экономической структуре китайского общества элементов социалистического базиса и в конечном счете к тяжелым последствиям для судеб всего китайского народа.

²² Только в приморских районах провинции Гуандун в 1979 г. насчитывалось более 200 совместных предприятий.

Современная американская историография о китайско-американских отношениях в 1928—1937 гг.

М. В. Коваль,
кандидат экономических наук

Международные отношения Китая в первое десятилетие правления гоминьдановского правительства сегодня вновь привлекают внимание американских ученых. И это не случайно. Проблемы развития американо-китайских отношений на современном этапе рассматриваются американскими учеными и политиками через призму отношений США и Китая, складывавшихся в первую половину XX в., включая 20—30-е годы, то есть в первые годы становления власти Нанкина. Многие американские историки и политологи полагают, что развитие китайско-американских отношений в тот период было существенным элементом международных отношений в целом, что американская дипломатия должна учесть ошибки прошлого, извлечь уроки из исторических событий почти пятидесятилетней давности, проанализировать и заново оценить основные концепции политики США того времени, найти новые ответы на старые вопросы для определения и разработки сегодняшнего политического курса США в отношении Китая.

Показательно, что эти новые подходы к историческому прошлому и плане анализа китайско-американских отношений в американской науке совпадают (и по времени, и по основным установкам) с воззрениями и рассуждениями современных китайских авторов, также пытающихся в 70-е годы рассматривать американскую политику в Китае в первой трети XX в. с «новых» позиций¹. Исследования американских ученых касающиеся американо-китайских отношений и внешней политики Нанкина, сосредоточиваются на узловых, наиболее важных проблемах того периода, в том числе на вопросах ликвидации системы неравноправных договоров и оценки роли США в этом процессе. Заново анализируются также реакция правительства США на японскую агрессию в Маньчжурии в сентябре 1931 г. и все проблемы, связанные с ролью доктрины Стимсона как основополагающей доктрины США на Дальнем Востоке в 30-е годы.

Проблема неравноправных договоров

Большинство американских ученых, занимающихся в той или иной мере проблемой ликвидации неравноправных договоров, отмены системы экстерриториальности в Китае (Т. Этцольд, В. Л. Тун, Д. Борг, У. Козн, А. Ириэ и др.), подчеркивают ее наиболее острый характер как во время китайской революции 1925—1927 гг., так и в последующий период; особенно в первые три-четыре года правления нанкинского режима. Причем характерно, что в 70-е годы делается явная попытка выявить и подчеркнуть особое место дипломатии США в решении этой проблемы. В этом плане представляет интерес мнение американского

¹ См., например, статью некоего Ван Си об американской политике «открытых дверей» в Китае, опубликованную в журнале «Шинце лиши», 1979, № 3. Подробный ее анализ и оценку см. в статье В. Н. Никифорова «Современные пропагандисты политики „открытых дверей“». — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 82—89.

политолога Томаса Этцоляда, специалиста по проблемам политической стратегии США на Дальнем Востоке, профессора военно-морского колледжа США. В одной из своих работ, относящейся к середине 70-х годов, Этцольд прямо говорит, что Америка «сыграла главную роль» при обсуждении вопроса о пересмотре неравноправных договоров в 20-е годы, ибо целью США в тот период было стремление улучшить, «либерализовать» свои отношения с Китаем².

Автор пытается обосновать этот тезис тем, что из всех великих держав США якобы были «наиболее расположены к Китаю и его надеждам на пересмотр системы неравноправных договоров», что США всегда высказывали свое «доброе расположение» к гоминьдану и всячески «поощряли успехи гоминьдановского правительства», а отношения Китая и США заняли в этот период «особое место»³.

Этцольд подчеркивает, что американские политические деятели придавали в то время большое значение китайскому национализму, призывали считаться с ним, всячески поощряли его, ибо именно национализм мог бы помочь Китаю «выйти из изоляции» и стать «демократическим». Автор напоминает, что уже в начале 1927 г. конгресс США принял резолюцию об одобрении переговоров между США и Китаем с целью заключения новых договоров о предоставлении Китаю тарифной автономии и ликвидации прав экстерриториальности иностранцев (резолюция Портера). Резолюция отражала настроения тех деятелей США, которые одобряли американскую инициативу «пересмотра неравноправных договоров независимо от других держав»⁴.

И хотя принятие резолюции само по себе было важным моментом в истории китайско-американских отношений, свидетельствовало о наличии в политических и деловых кругах США определенных группировок, понимавших значение отмены неравноправных договоров, ни Этцольд, ни другие американские ученые (например, профессор Мичиганского университета Уоррен Коэн), характеризуя американскую политику в Китае в благоприятном свете, не пытаются вскрыть истинные причины, которые лежали в основе политического курса США в тот период, и не указывают, чем именно руководствовало правительство США, активизируя свою политику в Китае в конце 20-х годов.

Между тем известно, что изменение внутривнутриполитической обстановки в Китае в результате контрреволюционного переворота Чан Кайши весной 1927 г., отхода китайской национальной буржуазии от революции, поражения революционных сил и изоляции Китая от Советского Союза обусловило новые взаимоотношения Китая с империализмом и новые формы межимпериалистической борьбы за господство на китайском рынке. Именно в ходе этих событий и после создания нанкинского правительства американская политика в Китае заметно активизируется.

Как отмечал известный советский ученый-международник А. Канторович, именно Соединенные Штаты шли тогда в авангарде «наступления империалистов в Китае», причем большую роль в этом наступлении играло «недовольство пассивной и несамостоятельной китайской политикой Соединенных Штатов, наметившееся в лагере американской

² Th. H. Etzold. In Search of Sovereignty: the Unequal Treaties in Sino-American Relations, 1925—1930.—In: China in the 1920's. Nationalism and Revolution. New York — London, 1976, p. 177.

³ Ibid, p. 177, 183, 228.

⁴ "China Weekly Review", 9.VII. 1927, p. 134—135.

На самом деле США отнюдь не были первыми среди других держав, декларирующих свое «сочувственное» отношение к Китаю. Известно, что в декабре 1926 г. английский посланник М. Лэмпсон в поисках новых средств для укрепления своих позиций в Китае обнаружил заявление правительства Великобритании о принципах предоставления Китаю тарифной автономии. Именно этот шаг Англии подтолкнул США на более активную политику в Китае.

буржуазии еще к концу национально-революционного периода (резолуция Портера была одним из выражений этого недовольства)»⁵.

Если в условиях революционного подъема в Китае в 1925—1926 гг. империалистические державы были вынуждены маневрировать, идти на компромиссы и даже на частичные уступки (что, в частности, нашло отражение в созыве таможенной конференции и в ее резолюциях), то после переворота Чан Кайши в апреле 1927 г. начался период нового наступления сил империализма в Китае, и прежде всего американского империализма, который обрел теперь в гоминьдановском буржуазно-помещичьем блоке социальную опору для проведения более активной и эффективной политики в Китае в соответствии с американской доктриной «открытых дверей». 25 июля 1928 г. США заключили с правительством Нанкина таможенное соглашение, которое отменяло все старые тарифные постановления, устанавливало тарифную автономию Китая и режим наибольшего благоприятствования для американских и китайских граждан⁶.

Этот шаг американского правительства, означавший одновременно официальное признание Нанкина как законного правительства Китая, имел, безусловно, большое значение для развития американо-китайских отношений, и большинство американских авторов именно его и выдает за пример особенно дружеского «расположения» США к Китаю, подчеркивает, что Америка «подала пример» другим державам, была «первой», кто признал Китай и наладил с ним нормальные межгосударственные отношения, стал «основным другом» Китая⁷.

Однако эта акция США была вызвана отнюдь не соображениями альтруизма и не объяснялась особым дружелюбием к Китаю, а отражала стремление американского империализма «обогнать» другие державы и взять в свои руки дипломатическую инициативу. Кроме того, отказываясь от старых тарифов, Америка практически ничего не теряла, ибо у нее в то время не было крупных экономических интересов в Китае, удельный вес торговли США с Китаем был невелик, а увеличение таможенных тарифов подрывало главным образом экономические позиции других держав, подорывавших с США. Как справедливо отмечал еще в начале 50-х годов советский ученый М. И. Сладковский, действия США были направлены «не на укрепление таможенной автономии Китая, а на упрочение позиций американского капитала в Китае»⁸. Главная задача правительства США заключалась в том, чтобы аннулировать преимущества Англии и Японии в Китае, вытекавшие из старых договоров, и навязать Китаю новые договоры, которые «должны были обеспечить преимущественные интересы США», то есть «ограничить «сферу влияния» Японии, вырвать из рук англичан управление китайскими таможнями и тем самым широко «открыть двери» Китая американскому капиталу»⁹.

Вторым важным моментом, объяснявшим действия американской дипломатии, была прямая заинтересованность американских монополий в укреплении нанкинского режима, в упрочении его власти. Показательно, что США приручили заключение соглашения с Китаем к так называемому «цзинаньскому инциденту», когда в результате кровавого лоббизма, учиненного японцами в Цзинани, резко обострились

⁵ А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935, с. 405.

⁶ См.: Treaties and Agreements with and Concerning China, 1919—1929. Washington, 1929, p. 230—231.

⁷ Th. H. Etzold. Op. cit.; P. H. Clyde, B. F. Beers. The Far East. A History of the Western Impact and the Eastern Response (1830—1970). New Jersey, 1971, p. 321; W. I. Cohen. America's Response to China. An Interpretative History of Sino-American Relations. New York, 1971, p. 115, 121.

⁸ М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953, с. 166.

⁹ Там же.

отношения Китая с Японией. Современные американские авторы не случайно подчеркивают, что США выдавали себя за «главных защитников суверенных прав Китая»¹⁰.

Явная тенденциозность современной американской историографии проявляется и в ходе объяснения ею позиции США по вопросу ликвидации специальных привилегий и прав экстерриториальности, которыми пользовались иностранцы в Китае.

Так, тот же Этцольд, пытаясь ответить на вопрос, почему правительство США, несмотря на всю свою «благожелательность» к Китаю и на выражение «доброй воли», не пошло все же навстречу Китаю и не отказалось к концу 20-х годов от своих специальных привилегий и прав экстерриториальности, объясняет все «непоследовательностью» американской политики тех лет, наличием в ней якобы «парадоксальных элементов»¹¹. Однако этот довод не выдерживает критики. Автор просто не желает объективно оценить американские политические декларации по поводу ликвидации системы неравноправных договоров в Китае, которые так и оставались декларациями вплоть до 1943 г.

Все рассуждения и аргументы американских ученых по этому вопросу крайне противоречивы и неубедительны. Так, Этцольд всячески избегает формулы о соперничестве держав в Китае и о стремлении США укрепить свои позиции за счет других держав, в частности Японии и Англии. Все дело в том, утверждает он, что американские предприниматели просто «не хотели вести дела с Китаем на низшей основе по сравнению с другими державами как по коммерческим, так и по престижным соображениям». Поэтому будто бы США и предпочитали «скорее следовать за другими, чем быть впереди в деле ликвидации специальных привилегий»¹².

Второй причиной, по которой США не могли выполнить свои обязательства по поводу отмены неравноправных договоров, Этцольд называет внутренние беспорядки в Китае, милитаристские войны и распри, что «ставило под угрозу» права и деятельность американцев в Китае. Защита прав иностранцев в Китае была для США главным фактором в их политике в отношении гоминьдана. Сам вопрос о признании нанкинского правительства, по мнению Этцольда, вытекал из требований защиты прав американцев, хотя США в то же время и не разрывали отношений с правительством Пекина¹³.

Характерно, что тезис о беспорядках и необходимости защиты прав иностранцев широко и активно использовали и другие державы, также не желавшие фактически идти на уступки Китаю и не соглашавшиеся на отмену своих прав и привилегий в Китае¹⁴.

Дипломатические акции по поводу отмены экстерриториальности начались с того, что правительство Нанкина направило идентичные ноты заинтересованным державам в конце апреля 1929 г.¹⁵. Ответы

¹⁰ W. I. Cohen. *America's Response to China...*, p. 122.

¹¹ Th. H. Etzold. *Op. cit.*, p. 177.

¹² *Ibid.*, p. 184.

¹³ *Ип:* Th. H. Etzold. *Op. cit.*, p. 191.

¹⁴ В этом смысле опять-таки показательна позиция Англии. Профессор Оксфордского университета Роджер Луис утверждает, что Англия также стремилась убедить Китай «в доброй воле англичан путем пересмотра неравноправных договоров», но при этом хотела сохранить свои «жизненно важные позиции в Китае», поэтому главная задача английской дипломатии заключалась в том, чтобы отмена неравноправных договоров «пошла бы на пользу только ей, а не другим державам». См.: R. Louis. *British Strategy in the Far East, 1919—1939*. Oxford — London, 1971, p. 140, 153.

¹⁵ Из 19 стран, которые пользовались правами экстерриториальности в Китае (Бельгия, Дания, Франция, Германия, Великобритания, США, Италия, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Япония и др.), после первой мировой войны этих прав были лишены Германия и Австро-Венгрия; после Великой Октябрьской революции добровольно отказался от всех неравноправных договоров Советский Со-

держав были уклончивыми и позиция США среди них отнюдь не отличалась либеральностью. В ноте правительства США от 10 августа 1929 г. говорилось, что отмена экстерриториальности в условиях, существовавших в Китае, «поставила бы имущество американских граждан под угрозу незаконного захвата и создала бы такую же угрозу для свободы личности американских граждан»¹⁶. Аналогичные аргументы приводились в нотах Англии, Франции и других держав, хотя все они согласились на переговоры и обсуждение в принципе вопроса о постепенной ликвидации прав экстерриториальности в Китае.

Получив такое согласие, Нанкин издал 28 декабря 1929 г. официальную декларацию об отмене прав экстерриториальности иностранцев с 1 января 1930 г., которая, однако, осталась нереализованной. Известно, что государственный департамент США противодействовал попыткам китайских властей провести эту декларацию в жизнь и уведомил американских граждан, что их права в Китае, по существу, «остаются неизменными».

Как отмечал В. Тун, фактически ни США, ни Англия в 30-е годы «не откликнулись на китайскую просьбу о пересмотре договоров» по поводу отмены экстерриториальности¹⁷. Таким образом, позиция США и в этом вопросе, по сути, ничем не отличалась от политики других империалистических держав, всегда защищавших в первую очередь собственные интересы и привилегии в Китае, несмотря на стремление современных буржуазных авторов представить ее в ином, более благоприятном для Китая свете.

Доктрина Стимсона и политика США в Китае в период японской агрессии в Маньчжурии и Северном Китае

Серьезным испытанием для американской дипломатии была ситуация в Китае, возникшая после японской агрессии в Маньчжурии. В Америке существует многотомная литература по вопросам, касающимся политического курса США в Китае в ходе и после событий 18 сентября, дипломатии Гувера — Стимсона в процессе рассмотрения этих событий в Лиге Наций, значения доктрины Стимсона («доктрины непризнания») в дальневосточной политике США. В 60—70-е годы круг авторов, публиковавших монографии и статьи по указанной тематике, еще более расширился, в научный оборот были введены новые документы, появились новые оценки событий, а также дипломатии и важных политических шагов США.

Большинство американских авторов, анализирующих указанные проблемы, особое внимание уделяют доктрине Стимсона, рассматривая ее как наиболее важный фактор в развитии американской политики «открытых дверей» в 30-е годы, как своего рода концентрацию, сущность всей дальневосточной дипломатии США. Эта точка зрения характерна для позиций таких, например, ученых, как Д. Борг, Р. Феррел, П. Варг, Н. Грэйбнер, Дж. Томсон, Ф. Майкл, У. Коэн. Однако оценка роли и значения этой доктрины как в политике США в Китае, так и в развитии американо-японских отношений никогда не была однозначной.

И в современной американской историографии доктрина Стимсона, а также вся последующая политика США в данном регионе расцени-

¹⁶ В результате в 1928 г. специальные права и привилегии в Китае сохраняли 156 государств. См.: W. L. Tung. *China and the Foreign Powers: the Impact of and Reaction to Unequal Treaties*. New York, 1970, p. 256.

¹⁶ In: *Treaties and Agreements... 1919—1929*, p. 279.

¹⁷ In: W. L. Tung. *Op. cit.*, p. 253.

ваются неодинаково, в зависимости от школы и научной позиции ученых США, которые подразделяются по своим взглядам на «изоляционистов», «интервенционистов», «реалистов-объективистов», ученых «либерального» направления и другие категорий.

Рассмотрим позиции ученых, оценивающих доктрину Стимсона в основном как положительное явление в американской дальневосточной политике, с тем чтобы затем показать эволюцию взглядов американских историков на эту проблему.

Так, привлекает внимание серьезным подходом к изучению политики США в Китае в 20-е — 30-е годы позиция Дороти Борг, профессора Института Восточной Азии при Колумбийском университете.

Хотя основная работа Борг по данной проблеме («США и дальневосточный кризис 1933—1938 гг. От Маньчжурского инцидента через первые этапы необъявленной японо-китайской войны»¹⁸) была подготовлена и опубликована в 60-е годы, ее концепция и выводы оказали определенное влияние на позицию других, особенно молодых, американских ученых. Книга Борг отличается обилием ценного фактического материала. Д. Борг является также составителем и редактором нескольких коллективных монографий, посвященных внешнеполитическим проблемам США в 30—40-е годы, авторами которых были многие указанные выше ученые (Н. Грэйбнер, М. Вилкинс, Р. Феррел, В. Хайрих, А. Ириэ и др.). Кроме того, у Борг имеются работы специально по американской историографии внешнеполитических проблем США в Китае и на Дальнем Востоке в целом¹⁹. Многие американские ученые и в настоящее время считают книгу Д. Борг «образцом анализа дальневосточной политики и дипломатии США» в 30-е годы²⁰, а сама она пользуется большим авторитетом в научном мире США. Поэтому оценки и взгляды Дороти Борг представляют немалый интерес для исследования данной проблемы, особенно при сопоставлении их с позициями ученых 70-х годов.

Уделяя в своей работе пристальное внимание дипломатии США после агрессии Японии в Маньчжурии вплоть до начала открытой японо-китайской войны, Д. Борг справедливо считает, что необъявленная «постоянная японо-китайская борьба» в 1931—1937 гг. оказала «важное влияние» на политику США. Основная концепция Борг сводится к тому, что американские политики стремились в этот период не столько укрепить позиции США в Китае, сколько всеми силами «предупредить угрозу войны между США и Японией», «не дать ей разрастись». Этой цели, по мнению Борг, была полностью подчинена дипломатия Генри Стимсона, государственного секретаря США с 1929 по 1933 г.

Исходя из своей основной посылки, Борг одобряет в целом политическую линию Стимсона и противопоставляет ее позиции американских политиков-изоляционистов, которые считали, что Америка должна была стоять в стороне от международных событий, заниматься только своими внутренними делами (осложненными в тот период углублявшимся мировым экономическим кризисом), что ей «нет дела» до Китая и она не должна вмешиваться в дальневосточные дела. В то же время отношение Д. Борг к политике США в Китае было двойственным. Позитивно оценивая в целом дипломатические акции политических деятелей

¹⁸ D. Borg. *The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938. From the Manchurian Incident through the Initial Stage of the Undeclared Sino-Japanese War.* Cambridge, 1964.

¹⁹ *Historians and American Far Eastern Policy.* Columbia University, Occasional Papers of the East Asian Institute. New York, 1966; *Two Historians of the Far Eastern Policy of the United States: Tyler Dennett and A. Whitney Griswold.* — In: *Pearl Harbour's History. Japanese-American Relations, 1931—1941.* Columbia University, Studies of the East-Asian Institute. New York—London, 1973.

²⁰ In: *American — East Asian Relations: a Survey.* Cambridge, 1972, p. 246.

США в тот период, она вместе с тем критикует конкретную политику Стимсона. Понимая, что японская агрессия в Маньчжурии будет иметь «тяжелые и далеко идущие последствия», Стимсон, пишет Борг, тем не менее с самого начала не был настроен на активное противодействие Японии, был против участия США в заседаниях Лиги Наций и не хотел предпринимать каких-либо действий, «которые могли бы усилить Лигу»²¹. И только после захвата японцами Цзиньчжоу позиция Стимсона несколько изменилась: он, указывает Борг, все-таки решил действовать и выразить свое несогласие с политикой Японии, не применяя в то же время против нее ни военных, ни экономических мер. Он пытается воздействовать на Японию исключительно «моральным путем», возрождая для этого «доктрину непризнания», примененную в свое время французским министром иностранных дел Брианом. Эта идея, отмечает Борг, получила в конце концов поддержку президента Гувера, который ранее категорически отвергал все попытки применения против Японии каких-либо насильственных и других «резких» мер. Поэтому ноту Стимсона от 7 января 1932 г. и выраженную в ней мысль о непризнании США любой ситуации, договора или соглашения, которые противоречили бы условиям и обязательствам, вытекающим из пакта Бриана — Келлога, (то есть непризнания японских захватов в Маньчжурии), часто называют «доктриной Стимсона — Гувера».

Д. Борг крайне осторожно оценивает значение данной доктрины и политики Стимсона, отмечая, что это была «рискованная позиция», тем более что правительства других стран не поддержали «доктрины непризнания» и «США остались в одиночестве»²².

После нападения Японии на Шанхай Стимсон, указывает Борг, применяя в целом прежнюю тактику, вновь пытается подключить к своему плану Англию, но опять безуспешно. Борг отмечает, что открытое письмо Стимсона сенатору Бора от 24 февраля 1932 г., в котором он предлагал другим странам присоединиться к его концепции непризнания, осужденной на Парижском пакте и соглашении 9 держав, было более результативным²³. Она полагает, что в этом письме Стимсон, осуждая завуалированно Англию, «косвенно угрожал Японии» и что Лига Наций, принявшая в марте того же года резолюцию «о непризнании ситуации, нарушающей Устав Лиги или Парижский пакт», реально поддержала на этот раз доктрину Стимсона²⁴.

В то же время Борг признает, что все эти действия как со стороны США, так и Лиги Наций были фактически безрезультатны с точки зрения защиты китайских интересов и никак не повлияли на японскую политику в Китае. Напротив, Япония вскоре начала новую военную кампанию по завоеванию Жэхэ.

В целом Д. Борг, допуская отдельные разногласия в дальневосточной политике у Стимсона и Гувера, выявляя двойственность их позиций, не противопоставляет кардинально их линии, объективно совмещает их и пытается одобрить политический курс США в отношении Китая после японской агрессии в Маньчжурии, хотя и выражает сожаление, что попытки США сотрудничать с другими странами в урегулировании последствий японской агрессии оказались безуспешными. Показательно, что, претендуя на объективность изложения и обнаруживая сильные и слабые стороны американской политики, Борг не делает четких и определенных выводов. Можно даже сказать, что косвенно она, как и многие ее предшественники, хотела бы возложить ответственность за неудачи

²¹ D. Borg. The United States and the Far Eastern Crisis, p. 4.

²² Ibid., p. 9.

²³ Текст письма см.: Foreign Relations of the United States—Japan, 1931—1941, vol. I. Washington, 1943, p. 80—83.

²⁴ In: D. Borg. The United States and the Far Eastern Crisis, p. 15.

дальневосточной дипломатии США в 30-е годы на другие державы, которые не поддерживали вовремя «правильную» в целом линию США.

Но в то же время, анализируя политику США в этот сложный для международных отношений Китая период, Борг игнорирует и даже как бы затушевывает нарастание межимпериалистических (в частности, японо-американских) противоречий в Китае и на Дальнем Востоке в целом, не выявляет усиливавшуюся подспудную борьбу США и Англии за влияние в Китае и за укрепление там своих позиций, умалчивает об антисоветской подоплеке политических маневров США в связи с японской агрессией. Таким образом, целый комплекс важных международных проблем, связанных с событиями в Маньчжурии, выпадает из поля зрения автора.

Позиция Борг по поводу дальнейших событий в Китае в 1933—1936 гг., расширения японского наступления на Китай и оценки неэффективности дипломатии США становится более жесткой. Она с реалистических позиций анализирует негативную для Китая роль соглашения в Тангу (31 мая 1933 г.), характеризуя его как открытое стремление Японии «установить максимальный контроль над всем Китаем», обвиняет США (на этот раз почти без оговорок) в проведении полностью «пассивной политики». Но показательно, что обвинения ее направлены не против правительства США, а в основном против дипломатии и действий посла США в Японии Дж. Грю, который всячески «преувеличивал военную мощь Японии», стремился «стереть всякую враждебность между США и Японией»²⁵ и, оказывая большое влияние на вашингтонскую администрацию, вводил ее «в заблуждение».

Заслуживает внимания попытка Борг показать, что некоторые политические деятели США уже тогда реалистически оценивали внутреннюю и внешнюю политику гоминьдановского правительства, отмечая его «инертность», отсутствие «революционного духа», бесконечные внутренние распри и пр.²⁶ Но Борг рассматривает это как частное мнение отдельных лиц, она не упоминает ни об официальной позиции правительства США, ни о взглядах президента Рузвельта или госсекретаря Хэлла и не делает еще из этого факта каких-либо далеко идущих политических выводов. Их сделают позднее авторы 70-х годов.

С позицией Борг в основном солидарен другой известный американский политолог, профессор Индианского университета Р. Феррел. В работе, посвященной проблемам американской дипломатии²⁷, он также вначале говорит о «разных подходах» Стимсона и Гувера к дальневосточным проблемам, а затем показывает, что у них фактически не было «существенного расхождения во мнениях» и что «ни доктрина Стимсона, ни его письмо к сенатору Бора не испугали японцев. Международная общественность по-прежнему была занята острыми экономическими проблемами великой депрессии»²⁸.

В другой своей работе, опубликованной в 1975 г., Феррел еще решительнее говорит о неэффективности американских политических акций в ответ на японскую агрессию в Маньчжурии, абсолютно твердо заключая, что «дорога к Пирл-Харбору лежала через Мукден»²⁹. Что же касается политики США в период президентства Рузвельта, то «никакой новой эры, — считает Феррел, — во внешней политике США не было», и фактически продолжалась прежняя «осторожная» политика³⁰.

²⁵ Ibid., p. 38, 155—156.

²⁶ Ibid., p. 52—53.

²⁷ R. H. Ferrel. *American Diplomacy. A History*. New York, 1969.

²⁸ Ibid., p. 591.

²⁹ R. H. Ferrel. *The Price of Isolation. American Diplomacy, 1921—1945*. — In: *The Ordeal of World Power. American Diplomacy since 1900*. Boston, 1975. p. 173.

³⁰ Ibid., p. 175.

Взгляды Д. Борг получили развитие также в трудах американского историка Н. Грэйбнера, профессора из Гарварда Дж. Томсона, у ряда ученых из Мичиганского университета. Однако в их оценках появляются и некоторые новые акценты. Так, Грэйбнер большую ответственность за безрезультатность политики США в этот период возлагает все же на Гувера, характеризуя Стимсона как довольно «решительного политика». Если Борг и Феррел считали, что, несмотря на разногласия Стимсона и Гувера, их позиции в конце концов совпадали и приводили к выработке определенной компромиссной политической линии, то Грэйбнер прямо противопоставляет их позиции и отдает свои симпатии курсу, проводимому Стимсоном. Для Стимсона, считает автор, моральное осуждение японских действий в Китае было лишь «первым шагом», а для Гувера — «максимумом, на который могли пойти США»³¹. Иными словами, у Грэйбнера в какой-то мере присутствует мысль о том, что позиция Стимсона была все же направлена на защиту китайских интересов, а всю ответственность за неудачи американской политики он возлагает на Гувера, который хотел «достичь мирных целей без войны»³². В конечном итоге Грэйбнер вынужден признать, что «ни сильная защита Стимсоном Договора 9 держав, ни даже его завуалированная угроза о наращивании морских сил и чуть ли не развязывание войны не способствовали тому, чтобы кто-то стал на защиту Китая»³³.

Момент осуждения позиции США становится еще сильнее при изложении им вопроса о политике США в первые годы правления Рузвельта. Так, говоря об ответе США на декларацию Амо (апрель 1934 г.), в которой Япония фактически поставила вопрос об исключении «всякого иностранного влияния» (кроме японского) в Китае, Грэйбнер пишет, что у Рузвельта фактически «не было выбора»: либо США должны были уйти из дальневосточного региона, либо нужно было «начинать войну с Японией». Администрация Рузвельта решила «приостановить японскую экспансию без войны» и твердо добиваться сохранения «законных прав и интересов США в этой части земного шара»³⁴.

У. Коэн также считает, что доктрина непризнания Стимсона потерпела поражение, а Китай «стал жертвой испытания послевоенной системы мира»³⁵.

Резко негативную оценку дает Коэн политике президента Рузвельта. Как указывает автор, Рузвельт, восприняв сначала политический курс Стимсона, основанный якобы на «давней симпатии к китайскому народу», затем вернулся «к курсу своего кузена Теодора — политике умиротворения»³⁶.

Критически подходит к действиям правительства США в Китае в 30-е годы и П. Варг, профессор истории Мичиганского университета. Он считает, что дипломатия администрации Гувера была нацелена скорее на то, чтобы «завернуть китайцев в американской дружбе», нежели на реальную поддержку Китая³⁷.

Этот вывод автора связан с его попыткой поставить важный для американской историографии в 70-е годы вопрос о целесообразности опоры США на гоминьдан. Варг говорит о наличии у ряда политиче-

³¹ N. A. Graibner. Hoover, Roosevelt and the Japanese. — In: Pearl Harbor's History..., p. 30.

³² Ibid., p. 32.

³³ Ibid., p. 30. Нет нужды говорить, что фраза Грэйбнера «чуть ли не развязывание войны» намеренно смещает акценты в политике Стимсона и не имеет ничего общего с реальным положением вещей в тот период.

³⁴ Ibid., p. 33—35.

³⁵ W. I. Cohen. America's Response to China..., p. 134—135.

³⁶ Ibid., p. 135.

³⁷ P. A. Varg. The Closing of the Door. Sino-American Relations, 1936—1946. Michigan, 1973, p. 7.

ских деятелей США уже в тот период сомнений в отношении деспотичности нанкинского правительства, о критическом подходе к гоминьдану, его действиям и лидерам. Так же как и Борг, он весьма одобрительно отзывается о тех американских политиках, которые подвергли критике политику гоминьдана в 1928, 1934—1935 гг. (то есть «во время боев между гоминьданом и коммунистами», — подчеркивает Варг)³⁸.

П. Варг продолжает развивать тезис, высказанный Д. Борг еще в 1964 г., и идет дальше в своих выводах. Критика американской политики в Китае в середине 30-х годов как политики эгоистичной, не отвечающей интересам Китая, совмещается у Варга с критикой руководства и политических деятелей США, не сумевших разобраться в политической ситуации в Китае и не понявших силу и возможности китайских коммунистов. Однако у Варга эта мысль выражена еще очень осторожно. «Американские политики не знали, — пишет он, — чего ждать от политики единого фронта, они не поняли его значения, они видели только подтекст национализма и появление Чан Кайши как героя»³⁹.

К концу 70-х годов, то есть ко времени подготовки и установления официальных дипломатических отношений между США и КНР, этот тезис — об ошибочности опоры США на гоминьдан, а не на КПК в 30-е годы — становится главным в работах американских ученых. Об этом прямо сказали, например, Т. Этцольд и Д. Холлоуэй в работе, опубликованной в 1978 г.⁴⁰ Они осудили ограниченность взглядов политических деятелей США, которые «еще в 30-е годы имели прямые контакты с Мао Цзэдуном, но не закрепили их вовремя и поэтому потеряли Китай», «упустили возможности в Китае»⁴¹.

Заслуживает особого внимания работа молодого американского ученого, научного сотрудника Отдела истории в университете Аризона М. Шэллера — «Крестовый поход США в Китае, 1938—1945»⁴².

Работа написана в резко критическом ключе в отношении руководителей и политических деятелей США, не понимавших, как говорит Шэллер, «природы китайской политики». Претендуя на «новый подход» к оценке политики США в Китае, автор опирается на новый богатый фактический материал «из частных собраний» и подвергает критике все работы американских авторов, написанные в период 50—60-х годов, считая, что они отражают «преобладающее влияние холодной войны, веру в монолит китайско-советского коммунизма и представление о том, что всякая революция — это заговор». Критически оценивает Шэллер и общий подход США к Китаю, в частности политику «открытых дверей», не отвечающую целям защиты территориальной целостности Китая от «империалистического окружения». Кульминацией этой ошибочной тенденции он считает признание Соединенными Штатами нового режима Чан Кайши в 1928 г.

Прямо отвергая «стандартную версию китайско-американских отношений», то есть версию о «традиционно дружеском расположении» США к Китаю, Шэллер говорит, что на самом деле американские деятели игнорировали «социальный кризис в Китае, определявший политическую эволюцию Китая и развитие отношений с США», что амери-

³⁸ Ibid., p. 10.

³⁹ Ibid., p. 14.

⁴⁰ J. K. Holloway, Th. H. Etzold. America's Relations with China's Leaders: The 1920's to the 1970's. — In: Aspects of Sino-American Relations since 1874. New York, 1978.

⁴¹ Ibid., p. 128.

⁴² M. Schaller. The U. S. Crusade in China, 1938—1945. New York, 1975. Как видно из заглавия, книга посвящена в основном периоду второй мировой войны, однако первая глава работы достаточно подробно освещает события и политику США в Китае в первой половине 30-х годов. Здесь рассматривается в основном только этот раздел работы Шэллера.

канские дипломаты, работавшие в Китае, «безразлично относились к социальным силам Китая», не знали по-настоящему этой страны, и их единственной заботой была «защита торговых интересов американских граждан»⁴³.

Главное же внимание руководители США уделяли «формированию новой системы порядка на Дальнем Востоке после первой мировой войны и революции 1917 г.», — говорит Шэллер, то есть фактически (и тут автор безусловно прав) в центре политической деятельности США в 30-е годы была борьба с Японией и Англией за экономическое и политическое влияние в Китае в ходе нарастания межимпериалистических противоречий и сколачивание антисоветского блока на Дальнем Востоке. После нападения Японии на Маньчжурию в 1931 г. Стимсона и Гувера, говорит Шэллер, больше всего волновала «судьба не самого Китая, а Китая как центра приложения сил великих держав для захвата новых территорий ради спасения от экономической депрессии»⁴⁴. Автор однозначно оценивает позицию различных политических кругов в США и, в частности, позицию двоиственных формулировок Д. Борга, Р. Феррела и других авторов 60-х годов, утверждая, что «ни администрация США, ни конгресс, ни общественность — никто не был заинтересован в том, чтобы бросить вызов Японии». Доктрину непризнания Шэллер расценивает негативно, как «существенное ограничение возможностей США для ответа на японскую агрессию».

Решительно разоблачая сложившуюся в американской литературе концепцию о позиции США как «основного друга» Китая в тот период, Шэллер приводит в подтверждение «деловое» мнение Хорнбека: «Хотя США очень симпатизировали Китаю и осуждали японскую военную экспансию, американцы ничего не выигрывали от помощи Китаю». Поэтому, говорит Шэллер, политики США «почувствовали облегчение, когда японцы и китайцы в мае 1933 г. достигли соглашения». Да и сам президент Рузвельт, считавший своей главной задачей избежать конфликта с Японией, полагал, что «судьба Китая не имеет значения для США»⁴⁵.

Эта сторона концепции американского ученого не может вызвать возражений. Шэллер фактически разбивает главную доктрину США, которую всегда упорно защищали и политики США, и американская историография, — доктрину «открытых дверей» в Китае. Во всяком случае, ту сторону этой доктрины, которая прокламирует защиту территориальной целостности Китая, его неприкосновенность и суверенитет, Шэллер основательно подрывает. Однако главной целью Шэллера является стремление показать ошибочность ориентации правительства США на гоминьдан. Не удивительно поэтому, что Шэллер крайне резко критикует политику и деятельность гоминьдана в период нанкинского десятилетия, он утверждает, что правительство Чан Кайши осуществляло твердый контроль всего лишь в двух провинциях Китая, и частичный — еще в восьми провинциях, а на остальной территории Китая правили «различные милитаристы и феодалы», что административная власть Нанкина на местах была «крайне слабой и неавторитетной». В самой партии власть была сосредоточена в руках узкой группы лиц, гоминьдан был раздроблен, Чан Кайши приходилось «лавировать между различными фракциями, натравливая их друг на друга».

Шэллер утверждает, что гоминьдан в 30-е годы проводил политику «ультраконсервативного национализма», а власть его имела «реакционно-милитаристский характер»⁴⁶. Шэллер резко осуждает также антикоммунистический настрой и действия Чан Кайши, в частности его

⁴³ Ibid., p. 4.

⁴⁴ Ibid., p. 5.

⁴⁵ Ibid., p. 6.

⁴⁶ Ibid., p. 7—8.

вооруженные походы по ликвидации советских районов, — он называет их «массовыми, но безуспешными кампаниями»⁴⁷. Автор опирается в своих утверждениях на мнения некоторых официальных американских лиц, находившихся в 30-е годы в Китае. Так, он ссылается на доклады, подготовленные Э. Клаббом (известным теперь синологом) и У. Адамсом в период их работы в консульствах Китая в первой половине 30-х годов. В этих докладах, которые пролежали в архивах госдепартамента США «мертвым грузом» почти 40 лет⁴⁸, по существу, делается попытка «оправдать» китайский коммунизм, отделить его от «советской разновидности» коммунизма. Э. Клабб писал, что «не интриги международного коммунизма», а «бедность китайского народа» была основной причиной революции в Китае. Адамс также подчеркивал, что китайский коммунизм — «это не марионетка в руках Советов» и «не прикрытые бандитизма», а «популярное революционное движение, имеющее специфически китайский характер»⁴⁹.

Клабб якобы предсказывал еще в 1932 г., что гоминьдан, полностью прогнивший, «не способный помочь бедному крестьянскому населению Китая, может быть разгромлен силами как коммунистов, так и японцев»⁵⁰.

Цели Шэллера вполне очевидны. Мы имеем дело с совершенно новой концепцией в американской исторической науке, разрабатывающей проблемы китайско-американских отношений в 30-е годы, концепцией, имеющей сегодня вполне реальный практический смысл. Разбивая старую внешнеполитическую доктрину «открытых дверей», которая всеми нитями была связана с опорой США на Чан Кайши и правительство Нанкина и в конечном итоге оказалась несостоятельной, Шэллер подводит к мысли о необходимости разработки и применения к Китаю новой политической доктрины, также нацеленной на «дружбу и взаимопонимание» с Китаем, но не «вообще», а с конкретным «коммунистическим» Китаем маоистского и антисоветского образца.

Эта идея сама по себе не нова, она получила «путевку в жизнь» с опубликованием дневников и материалов Д. Сервиса в начале 70-х годов в кругах промаоистски настроенных ученых и политиков США⁵¹. Новое у Шэллера заключается в том, что промаоистская версия истории Китая, в том числе и истории революционного движения в Китае, которую ранее относили к периоду второй мировой войны и послевоенным годам, теперь распространяется уже и на 30-е годы. Эту новую концепцию активно берет сегодня на вооружение американская наука.

Не случайно, видимо, глава гарвардской школы американских синологов профессор Джон К. Фэрбэнк в отзыве на книгу Шэллера сказал, что в науке она будет иметь «освежающую силу Уотергейта».

Показательно также, что если сравнить основные положения Шэллера, например, с той же статьей Ван Си, упомянутой в начале нашей работы, то можно легко установить определенную «параллельность курсов» американского и китайского историков. Оба автора явно критически изображают миссионерскую деятельность американцев в Ки-

⁴⁷ Показательно, что, яростно обрушиваясь на Чан Кайши, Шэллер «упускает из виду» и не упоминает о военной и экономической помощи, которую США оказывали Нанкину для борьбы с КПК.

⁴⁸ Правда, Шэллер указывает, что доклад Э. Клабба был «замечен» в 50-е годы и что Клабб в какой-то мере даже пострадал из-за своей «излишне радикальной» информации и был «уволнен с работы». In op. cit., p. 10.

⁴⁹ Ibid., p. 9.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ In: J. S. Service. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of US—China Relations. Berkeley, 1971; его же: Lost Chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. New York, 1974; его же: Edgar Snow: Some Personal Reminiscences. Berkeley, 1972.

тае (что связывается с системой неравноправных договоров), осуждают некоторые стороны доктрины «открытых дверей», тенденциозно критикуют гоминьдан и всегда положительно освещают факты из истории КПК.

Не случайно тайваньский журнал «Чжунгун яньцзю» писал в конце 1979 г., что пекинские лидеры ведут в настоящее время «наступление на историю», преследуют цель «внести поправки» в историю Китая, с тем чтобы «новая эпоха» вытеснила предшествующую, то есть чтобы замолчать «факт существования Китайской республики», и многие американские специалисты «подпадают под воздействие» пекинской пропаганды в области истории изучения Китая⁵².

Таким образом, можно говорить об активно происходящем сегодня процессе фальсификации китайской истории и истории китайско-американских отношений периода 30-х годов в современной китайской и американской историографии, об установлении между ними своеобразного «взаимопонимания».

Под флагом объективности, введения в научный оборот новых архивных материалов и документов американская историография, с одной стороны, подбрасывает пекинскому руководству новые, удобные ему концепции и факты, а с другой — помогает «научно» обосновать фальсифицируемую китайцами историю китайско-американских отношений, используя это в собственных политических целях.

⁵² «Чжунгун яньцзю», 15.XII.1979 (№ 2).

Поражение маоизма в странах Восточной и Юго-Восточной Азии

Р. М. Асланов,
кандидат исторических наук
Б. А. Болотин,
кандидат исторических наук

Нынешняя линия китайского руководства являет собой довольно странное, недобросовестное и противоестественное сочетание отступнической, предательской по отношению к революции и марксизму-ленинизму политики с революционной, марксистской фразеологией. На возможность такого рода ситуации в свое время указывал В. И. Ленин «Оппортунизм, — писал он, — можно выразить в терминах какой угодно доктрины, в том числе и марксизма»¹. Объясняя природу подобных явлений, В. И. Ленин отмечал, что «теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами»².

Прикидывались и еще продолжают прикидываться марксистами-ленинцами и маоисты. В свое время они активно использовали революционный лексикон, чтобы втереться в доверие к коммунистическому движению, попытаться возглавить мировой революционный процесс и через посредство революционных сил обеспечить господствующее положение Китая на земном шаре. В настоящее время Пекин, как и прежде, стремится приукрасить псевдомарксистскими фразами и рассуждениями свою откровенно проимпериалистическую политику как внутри страны, так и на международной арене.

Важным этапом на пути к достижению мирового господства, по замыслу Мао Цзэдуна и его окружения, должно было стать обеспечение китайской гегемонии в Азии, прежде всего Юго-Восточной. «Мы, — заявлял Мао, — обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию... Такой район, как ЮВА, очень богат, там очень много природных ископаемых... В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности... После того как заполучим ЮВА... ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада»³. При этом Мао Цзэдун и его сообщники рассчитывали, что благоприятные условия для распространения здесь идейно-политического влияния маоизма создавались географической близостью этих стран к Китаю, наличием в них значительного китайского населения и других этнических групп, проживающих также и в Китае, общностью исторических судеб этих стран и Китая, традиционными связями между ними, схожестью классового состава участников революционного движения, привлекательностью примера китайской революции.

Сначала при реализации великоханьских планов ставка делалась на самые радикальные меры, на совершение немедленной революции в указанных странах. Для китайских лидеров внешне было свойственно то, что В. И. Ленин называл «чесоткой революционной фразы». «Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, — писал В. И. Ленин, — когда эта

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 125.

² Там же, т. 23, с. 3.

³ Цит. по: М. Ильин. Маоизм — идеология и политика войны. М., 1973, с. 113.

партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, спяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы... Пут нет ни грана революционности, тут одно фразерство»⁴.

Революционное фразерство, свойственное мелкобуржуазной сущности маоизма и применявшееся в расчете на объективно обусловленный недостаток теоретической зрелости и опыта собственно пролетарской революционной борьбы в соседних с Китаем азиатских странах, было использовано пекинским руководством в качестве важного средства достижения великодержавных целей.

Проявляя потребительский подход к марксизму-ленинизму, маоисты пытаются выхватить из него лишь то, что можно как-то приспособить к интересам их гегемонистской политики. В маоистской интерпретации положения марксизма-ленинизма утрачивают свой подлинный смысл, теряют свою действительную сущность, лишаются своего классового содержания.

«Используя марксистскую терминологию, Пекин распространяет взгляды, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеющие. Маоизм возник в условиях отсталой страны, подвергавшейся в течение долгого времени колониальному угнетению, как своеобразный крестьянский вариант мелкобуржуазного революционаризма. Это идеология, отражающая стремление мелкого буржуа улучшить свое положение немедленно, путем вселенской уравнительности, а если нет, тогда пусть гибнет хоть все человечество»⁵.

Паразитирование маоистов на марксистско-ленинском учении в какой-то мере позволяет объяснить относительную устойчивость и временную привлекательность маоизма для отсталых, политически неопытных масс трудящихся.

Националистические спекуляции маоистов на отдельных положениях революционного учения не так бросались в глаза в условиях вооруженной борьбы китайского народа против социально-политических сил, откровенно пренебрегавших национальными интересами Китая. Однако после победы китайской революции они становились все более заметными.

Вскоре после провозглашения КНР в выступлениях китайских лидеров стала настойчиво и методично муссироваться формулировка об «идеях Мао Цзэдуна», являющихся якобы результатом «соединения всеобщих истин марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Замысел маоистов уже тогда состоял в том, чтобы путем фальсификаций выдвинуть Мао Цзэдуна в число творцов революционной теории, а затем навязать «идеи Мао Цзэдуна» азиатскому и мировому освободительному движению. В этих целях официальная китайская пропаганда стала искажать историю китайской революции, представляя Мао Цзэдуна деятелем, якобы сумевшим применить к условиям полуфеодальной, полуколониальной страны революционную теорию, разработанную классиками марксизма на базе опыта и условий развитых капиталистических стран.

Революционный опыт Китая в маоистской интерпретации выглядел как бесконечная цепь побед, достигнутых исключительно благодаря теоретическим обобщениям и политическому руководству Мао Цзэдуна. Версия китайской революции, сфабрикованная маоистами, начисто

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 343, 348.

⁵ Б. М. Лейбзон. Мелкобуржуазный революционаризм. М., 1967, с. 30.

отрицала значение объективных международных условий и соответствующего субъективного фактора, которые непосредственно и решающим образом способствовали победе китайского народа.

Между тем «победа, достигнутая китайским народом в 1949 г., явилась в самом широком смысле великой победой марксизма-ленинизма, верно установившего соотношение общего и специфического в развитии революционного процесса в полуфеодальном, полуколониальном Китае»⁶. Исключая из причин и условий победы китайской революции их важнейшие составные части — изменение соотношения классовых сил на мировой арене под влиянием побед реального социализма, общие успехи в развитии мирового революционного процесса, а также интернациональную помощь со стороны мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, всех прогрессивных сил мира, — маоисты пытались таким образом не только возвеличить Китай, китайскую революцию и «идеи Мао Цзэдуна». За отрицанием значения решающих изменений в мировой обстановке, а также отрицанием выдающейся роли интернациональной поддержки китайской революции скрывалось намерение Пекина на первых порах выдвинуть маоизм в качестве особой и отдельной теории революции для слаборазвитых стран Азии и добиться идеологической гегемонии Китая в этих странах.

В китайской печати стал откровенно пропагандироваться тезис об исключительности и превосходстве всего китайского, особенно китайской революции, которая якобы победила при «опоре на собственные силы» благодаря особым революционным потенциям крестьянства, методам вооруженной борьбы. Унаследовав реакционную идею о гегемонии Китая над всем миром, Пекин стал выступать с претензиями на руководящую роль в социалистическом содружестве, мировом революционно-освободительном и коммунистическом движении.

В этой связи для маоистских лидеров КНР особенно важное значение имело навязывание другим компартиям фальсифицированного опыта китайской революции в виде «идей Мао Цзэдуна», включавших следующие три основных компонента: 1) вооруженную борьбу как основную форму революционной борьбы независимо от объективных и субъективных условий в стране; 2) «опорные базы революции» в труднодоступной сельской местности; 3) окружение городов деревней.

Именно такая тактическая схема революции навязывалась маоистами коммунистическим партиям стран Юго-Восточной Азии после окончания второй мировой войны. Рассматривая Юго-Восточную Азию как «естественную» сферу своего влияния, китайское руководство уже в 40-е годы пыталось поставить под свой контроль и подчинить своим установкам компартии этого региона. Игнорируя конкретно-историческую ситуацию, новую расстановку классово-политических сил после войны, маоисты, невзирая на отсутствие объективной необходимости, подталкивали компартии на «народную войну» по китайскому образцу, вынуждая их выступать против политических кругов национально-буржуазного и революционно-демократического направлений, пользовавшихся поддержкой значительной части населения.

В трудных условиях из-за китайского вмешательства оказалась Коммунистическая партия Индонезии. Пекин, сознательно подстрекавший компартию к авантюристическим действиям, поставил ее под тяжелый удар реакции как раз в то время, когда последняя сумела сконцентрировать все силы для установления своего господства. События в Индонезии 30 сентября 1965 г. имели трагические последствия. Сотни тысяч членов КПИ были подвергнуты репрессиям, заточены в

⁶ Идеино-политическая сущность маоизма. М., 1977, с. 345.

тюрьмы, казнены. А Пекин в те трудные для компартии Индонезии дни и не подумал выступить в ее защиту, не поднял голос протеста против преследований индонезийских коммунистов. Более того, отказываясь извлечь урок из провала своей порочной линии, Пекин продолжал навязывать ее индонезийскому коммунистическому движению и после событий 1965 г. Премаонистские элементы КПИ, слепо копируя установки Мао Цзэдуна о создании «опорных баз революции» и тактику КПК 30-х годов, создали в 1967 г. близ Блитара на Восточной Яве нечто вроде «освобожденного района». Китайская пропаганда, на весь мир трубившая о «море народной войны на Восточной Яве», неоднократно указывала конкретные места дислокации партизанских отрядов, а «Жэньминь жибао» даже напечатала карту с подробным обозначением расположения индонезийских партизан. Эта публикация как будто специально была приурочена к начавшимся в июле 1968 г. операциям индонезийской армии против партизанских сил, которые вскоре были разгромлены. Причиной разгрома не в последнюю очередь послужило прямое предательство Пекина.

Авантюризм маоистов дал реакционной военщине повод для дискредитации КПИ в глазах индонезийского народа, для новой волны репрессий против индонезийских коммунистов. В этой ситуации единственно правильным был вывод о необходимости немедленно приступить к восстановлению компартии Индонезии на основе принципов марксизма-ленинизма. Именно такие цели были намечены в документе «Насущные задачи коммунистического движения в Индонезии», разработанном индонезийскими марксистами-ленинцами в 1969 г.

«Индонезийские коммунисты,— заявил принимавший участие в торжествах по случаю 50-летия СССР представитель Коммунистической партии Индонезии,— в настоящее время продолжают борьбу в тяжелых условиях подполья. Мы, что называется, с лихвой познали, какие бедствия и потери несет с собой маоизм. Возрождение КПИ на основе марксизма-ленинизма может быть осуществлено только при условии решительного отмежевания от маоизма и непримиримой борьбы против любых правых и «лево»-оппортунистических тенденций. Мы отвергли все попытки маоистских элементов изолировать КПИ от международного коммунистического движения и превратить нашу партию в орудие борьбы против братских партий»⁷.

Несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю коммунистов Индонезии (ответственность за которые несут и маоистские лидеры Китая), в настоящее время компартия этой страны восстановлена, действует также и ее центральное руководство. Как подчеркивают лидеры КПИ, она вновь руководствуется во всей своей деятельности учением марксизма-ленинизма. В качестве главной задачи она выдвигает перед коммунистами требование продолжать борьбу против реакции, империализма, за индонезийскую революцию, способствующую становлению социалистической Индонезии в будущем. Эта работа ведется ныне в сложнейших условиях подполья. Революционные силы резко ослаблены и дезорганизованы антикоммунистическим террором, и по сей день они испытывают последствия ударов реакции. КПИ уделяет особое внимание укреплению своих рядов и сотрудничеству с другими патриотическими силами⁸.

Применение пекинских рецептов значительно ослабило силы Коммунистической партии Филиппин. Вооруженная борьба в условиях отсутствия революционной ситуации, изоляция от основных сил международного коммунистического движения пагубно отразились на положе-

⁷ «Правда», 26.XII.1972.

⁸ См.: Т. Синурайя. Уроки шести десятилетий. — «Проблемы мира и социализма», 1980, № 6, с. 35.

нии этой партии. В конце 60-х годов руководство КПК пыталось заставить КПФ безоговорочно принять «идеи Мао Цзэдуна». Потерпев в этом неудачу, оно стало подталкивать промаоистски настроенные элементы на захват руководства в партии. Когда и это не удалось, Пекин санкционировал и финансировал создание исключенными из КПФ за фракционную деятельность раскольниками так называемой «КПФ идей Мао Цзэдуна».

Филиппинские маоисты, избравшие своей эмблемой пулемет на фоне серпа и молота, взяли курс на затяжную «народную войну», вылившийся в политику террора и индивидуальных актов насилия. Как отмечается в материалах КПФ, лидер филиппинских маоистов Х. Сисон (он же А. Герреро) «превратил винтовку в фетиш и низвел марксизм-ленинизм до уровня ковбойской идеологии». Подрывная пропекинская деятельность привела Х. Сисона и его сообщников на скамью подсудимых, причем их судили не как политических, а как уголовных преступников. Но бандитские вылазки маоистов после этого не прекратились. Промышляющие разбоем отряды маоистской группировки, которые именуют себя «Новой народной армией», до сих пор получают вооружение, средства связи и пропагандистскую литературу из Китая, их командный состав проходит подготовку в Китае.

Как сообщала печать, буквально накануне приезда китайского министра иностранных дел Хуан Хуа на Филиппины в марте 1980 г. члены пропекинской экстремистской группировки совместно с сепаратистами моро организовали несколько эксцессов, в ходе которых было убито и ранено свыше 150 человек. Давно известно, что маоистские боевики на Филиппинах пользуются поддержкой не только Пекина, но и ЦРУ.

Филиппинские коммунисты ведут непримиримую борьбу с маоизмом, не нашедшим серьезной поддержки в народных массах. Решительно отвергая менторские поучения китайских лидеров, осуществляя творческий поиск собственных путей борьбы, они сознают вред культивировавшихся Пекином сепаратизма и сектантства, выражают стремление к сплочению с мировыми революционными и прогрессивными силами.

На Филиппинах, отметил в своем выступлении на XXV съезде КПСС представитель компартии этой страны, «левые» авантюристы поддерживают реакцию в ее борьбе против курса на претворение в жизнь национально-демократической программы глубоких структурных преобразований, которые вывели бы страну на путь некапиталистического развития и в конечном счете привели бы к социализму. «Коммунистической партии Филиппин,— заявил он,— приходится вести борьбу на двух фронтах: с одной стороны — против ультрареакционных сил, стремящихся во что бы то ни стало сохранить статус-кво, с другой — против ультралевых сил, отрицающих реальность происходящих перемен и действующих в сговоре с правыми»⁹.

Коммунистическая партия Филиппин решительно отмежевалась от гегемонистской политики Пекина и осудила грубое вмешательство в дела Афганистана и подрывную деятельность против Апрельской революции. В заявлении, опубликованном в январе 1980 г., коммунисты Филиппин выразили «глубокую тревогу по поводу беспрецедентной кампании, развязанной США, Англией, Китаем и рядом их союзников вокруг событий в Афганистане». «Коммунистическая партия Филиппин,— заключает этот документ,— безоговорочно поддерживает афганский народ и его революционные завоевания, поддерживает все акты

⁹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 3. М., 1976, с. 77.

братской солидарности, которые помогают защитить и сохранить эти завоевания и которые служат гарантией суверенитета Афганистана».

Отрицательные последствия имело вмешательство Пекина в дела Коммунистической партии Бирмы. Далеко не все в руководстве КПБ разделяли навязываемую китайскими лидерами тактику «народной войны». Эта тактика была тем более неоправданной и неуместной, что она применялась против пришедшего к власти в 1962 г. Революционного совета, который приступил к осуществлению прогрессивных социально-экономических преобразований в стране.

За пересмотр навязываемой извне левацкой, антинациональной линии в середине 60-х годов выступила группа старейших членов партии, в том числе заместители председателя ЦК КПБ Гошал (Такин Ба Тин) и Ко Тхей. Ветераны получили поддержку ряда местных партийных организаций. Назревал раскол партии, которого, однако, не произошло, так как пропекинское руководство в 1967—1968 гг. физически уничтожило многих видных партийных деятелей, выступавших с патриотических и интернационалистских позиций. Проведенная в КПБ по китайскому образцу «культурная революция» повлекла за собой такие потери, каких партия не знала даже во времена колониального господства и иностранной оккупации Бирмы.

Разделавшись со своими противниками, маоистское руководство КПБ в первой половине 1968 г. дало указание о начале активных действий против правительственных войск. Все это было сделано при отсутствии поддержки со стороны народных масс. Авантюристические действия бирманских последователей Мао привели партию к серьезным поражениям.

Хуа Гофэн вскоре после того, как стал председателем ЦК КПК, встретился с председателем ЦК КПБ Такин Ба Тейн Тин¹⁰, безвыездно проживающим в Пекине с 1950 г. и являющимся своего рода «дугайеном» маоистов Юго-Восточной Азии в китайской столице. Хуа заявил о неизменности унаследованного от Мао Цзэдуна курса на поддержку пекинской креатуры за пределами Китая и пожелал «товарищам по оружию» успехов в борьбе за свержение «реакционного режима Не Вина».

Вооруженная борьба в Бирме, инспирируемая Пекином, продолжается до настоящего времени, хотя сейчас стала особенно очевидна ее непопулярность среди трудящихся масс. Ее новыми особенностями стали, во-первых, блокирование маоистских повстанцев с правыми сепаратистами из народностей качинов, шанов, палаунг, пао, монов, каренов и других, которых еще совсем недавно маоисты клеймили как «реакционеров», «националистов» и «расистов», и, во-вторых, координация действий властей КНР и спецслужб США в поддержке «левых» и правых антиправительственных сил.

Правда, Пекин с некоторым пор возобновил внешне корректные отношения с правительством Бирмы. Это свидетельствует о двойственной, точнее, двуличной политике, которая проводится теперь Китаем и по отношению к другим странам Юго-Восточной Азии. С одной стороны, руководители КНР стремятся привлечь на свою сторону правящие круги этих стран в надежде сделать их сообщниками гегемонистской политики Пекина, направленной прежде всего против Вьетнама, Лаоса и Кампучии, а с другой — используют действия повстанческих сил, контролируемых Китаем, в качестве рычага давления на соответствующие правительства.

Подстрекая правительства Таиланда и других стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), к конфронтации с Вьетнамом и другими странами Индокитая, Пекин дает понять,

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 19.XI.1976.

что он готов не считаться с интересами дезориентированных и обманутых им местных коммунистов во имя осуществления своих гегемонистских замыслов в регионе.

Согласно сообщению агентства Франс Пресс от 19 февраля 1979 г., в 1978 г. в ответ на вопрос тогдашнего премьер-министра Таиланда К. Чаманана, готов ли Пекин отказаться от помощи коммунистическому движению в Юго-Восточной Азии, Дэн Сяопин оправдывался тем, что Китай якобы вынужден оказывать такую помощь, ибо в противном случае ее будут предоставлять «другие». «Но,— продолжал Дэн,— если ваши правительства прибегнут к репрессиям против этих движений, наши послы не будут возражать». Тот же Дэн Сяопин якобы сказал членам одной таиландской делегации, что им «более не придется бескопиться по поводу компартии Таиланда»¹¹.

В 1979 г. Таиланд посетили китайские правительственные и военные делегации, а также делегация министерства общественной безопасности КНР, которые вели переговоры об оказании помощи бежавшим на таиландскую территорию из Кампучии полпотовским бандам. В обмен на услуги таиландских властей Пекин согласился переориентировать вооруженные отряды своих сторонников в Таиланде на совершение провокаций против Народной Республики Кампучии и Лаосской Народно-Демократической Республики. Таиландские власти пошли на поводу у Пекина и оказали поддержку остаткам полпотовских банд, содействуя их вторжению на территорию НРК. Как сообщало кампучийское информационное агентство СПК, некоторые пограничные районы Кампучии подверглись ракетно-артиллерийским налетам с таиландской территории, произошел ряд пограничных инцидентов. Подразделения Народно-революционной армии республики дали достойный отпор провокаторам.

«За нагнетанием напряженности на западных границах Кампучии, попытками реанимировать политические трупы, выметенные с кампучийской земли свободным ныне народом, стоят те же силы, которые в 1970 году привели к власти в Пномпене проимпериалистическую клику генералов, а в 1975 году — маоистскую агентуру,— Вашингтон и Пекин. В общем русле своего военно-политического блокирования и США, и КНР совместно мешают процессу нормализации обстановки вокруг Индокитая»¹².

В 1974 г. китайские руководители принимали тогдашнего премьер-министра Малайзии А. Разака. Комментируя итоги переговоров Мао — Разак, официальные лица в Куала-Лумпуре заявляли, что эти переговоры «выбили почву» из-под ног малайзийских коммунистов.

Сразу же после возвращения премьер-министра из китайской столицы в Малайзии была развернута пропагандистская кампания, в ходе которой местные власти стремились подчеркнуть, что Пекин больше не находится на стороне партизан. В подтверждение этого в партизанских районах с самолетов и вертолетов сбрасывались листовки с фотографиями пожимающих друг другу руки Мао Цзэдуна и А. Разака.

Известно, что именно после визита А. Разака в Пекин правительство Малайзии изменило свою тактику по отношению к партизанским группам и отрядам. Если раньше делался упор на достижение договоренности с повстанцами об их сдаче властям при гарантии им свободы, то теперь был взят курс на уничтожение повстанцев всеми имеющимися в распоряжении правительства средствами. Районы предполагаемого базирования партизанских отрядов подвергались интенсивным бомбардировкам и ракетному обстрелу. Пекин же, толкнувший доверившихся ему людей на рискованные и неоправданные действия, не

¹¹ "Financial Times", 17.VII.1979.

¹² «Правда», 27.VI.1980.

только не стал выручать их из беды, но и открыто поощрял их политических противников.

В 1975 г. на страницах китайской печати вновь появились материалы, призывавшие малайзийских коммунистов к продолжению вооруженной борьбы¹³, а вещавшее с территории Китая радио «Голос малайзийской революции» заявляло о необходимости свержения правящей в Малайзии «клики». Факты последнего времени свидетельствуют, что беспринципность и узкий прагматизм по сей день остаются характерными чертами политики китайских лидеров.

Во время вояжа по странам Юго-Восточной Азии весной 1980 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа неизменно уклонялся от ответа на вопросы о поддержке Пекином антиправительственных подпольных группировок, действующих в регионе. Во время встречи с корреспондентами в Сингапуре он заявил, что эта проблема «слишком деликатна, чтобы обсуждать ее с представителями прессы».

Зигзаги внешней политики китайского руководства ставят в тупик тех, кто когда-то дал увлечь себя маоистскими лозунгами. В партиях ЮВА, пошедших за Пекином, царят растерянность и разброд. Компартия Малайи раскололась на три части: кроме КПМ, появились «КПМ (марксистско-ленинская)» и «КПМ (революционная)», по-разному трактующие «идеи Мао» и ведущие между собой острую борьбу. Отсутствует единство внутри компартий Бирмы и Таиланда. Происходит «отрезвление» определенной части членов этих партий, они испытывают потребность переосмыслить опыт недавнего прошлого, начинают с критических позиций подходить к маоистским установкам, убеждаясь в отсутствии массовой поддержки этих установок.

К чему может привести следование по пути, на который толкает Пекин, наглядно показал печальный пример Кампучии. С апреля 1975 по январь 1979 г. у власти в этой стране находилась клика китайских ставленников, послушно выполнявшая волю своих хозяев. С ее помощью Пекин пытался перенести на кампучийскую почву китайскую «культурную революцию», создать в Кампучии маоистскую модель политического и социального устройства. Этот чудовищный эксперимент предусматривал полное выселение людей из городов, каторжный труд для всех от мала до велика, ликвидацию учебных заведений и учреждений культуры, лишение личного имущества, права общения с родными и близкими, свободы передвижения и переписки.

«Вы одержали замечательную победу! — говорил Мао Цзэдун, обращаясь к полпотовцам. — Один удар — и нет больше классов»¹⁴. Пол Пот прямо связывал все, что делалось им и его подручными, с именем Мао Цзэдуна и его «идеями». Находясь в Пекине, он заявил: «Председатель Мао и китайский народ снабдили нас самым ценным для осуществления революции в Кампучии, а именно идеологией Мао Цзэдуна»¹⁵.

Следуя указке пекинских гегемонистов, марионеточный режим Пол Пота — Иенг Сари осуществлял небывалый по масштабам геноцид в отношении собственного народа. Массовые казни совершались по малейшему поводу. Применялись изуверские методы расправы над неугодными. За три года и восемь месяцев было уничтожено, замучено, погибло от голода и болезней около трех миллионов человек. По словам Пол Пота, было бы достаточно, если бы в Кампучии остался только один миллион человек местного населения. Курс на сознательное и планомерное уничтожение кхмерской нации осуществлялся для того,

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 2, 4.V.1975.

¹⁴ Народная Республика Кампучия. Пномпень, 1979, с. 15.

¹⁵ Материалы открытого суда над Пол Потом и Иенг Сари по обвинению в преступлении геноцида, Пномпень, 1979, документ № 2.6.04».

чтобы заселить Кампучию китайцами. «Сейчас нам совершенно ясно, — писал один из руководителей НРК Рох Самай, — что целью насаждения впервые вне Китая, в Кампучии, маоистской модели политического устройства, под прикрытием которой безжалостно истреблялся наш народ, была в конечном счете подготовка Пекином нового «жизненного пространства» для заселения его хуацяо, превращения Кампучии в опорную базу воинственного экспансионизма в Юго-Восточной Азии...»¹⁶.

Пекин рекомендовал кампучийский опыт в качестве образца маоистам других стран. Он организовывал паломничество австралийских, американских, японских и иных маоистов в полпотовскую Кампучию. Руководство КПК создало в Пномпене координационное бюро, осуществлявшее непосредственное руководство пропекинскими группировками в Юго-Восточной Азии.

Стараниями Пекина и его прислужников Кампучия превращалась в источник напряженности в Юго-Восточной Азии, в плацдарм для осуществления агрессивных, экспансионистских, провокационных акций против соседних стран. Реализации опасных планов китайских правителей и их марионеток помешал кампучийский народ, который восстал против чуждого и ненавистного ему режима. Не имея никакой опоры в массах, пропекинский режим рухнул, как карточный домик. Победа антимаоистской революции, одержанная под руководством Единого фронта национального спасения Кампучии, открыла перед кампучийским народом благоприятные перспективы свободного и независимого развития, нанесла ощутимый удар по сумасбродным замыслам Пекина подчинить себе страны Индокитая и остальные государства Юго-Восточной Азии.

Не желая мириться со своим поражением в Кампучии, китайские лидеры продолжают оказывать поддержку недобитым остаткам полпотовских банд. В марте 1980 г. они принимали в Пекине Кхиеу Самфана, сменившего Пол Пота на посту «премьера» не существующего больше режима. Кстати, не кто иной, как Кхиеу Самфан, в интервью западным журналистам, которых он якобы принимает «где-то в джунглях», не счел нужным скрывать, что в попытках гальванизировать полпотовщину принимает участие не только Пекин, но и Вашингтон. Как сообщает американская печать, он без обиняков заявил: «Мы горячо благодарим США... Если США будут и впредь оказывать военную или экономическую помощь, мы, конечно же, будем им очень и очень благодарны»¹⁷.

Пекин стал прибежищем и других политических трупов — беглеца из ЛНДР Сисанана и предателя вьетнамского народа Хоанг Ван Хоана. На территории Китая из ренегатского отребья созданы «карманные партии», которые Пекин хотел бы противопоставить Народно-революционной партии Лаоса и Коммунистической партии Вьетнама.

В подрывной деятельности против народно-демократического Лаоса китайские правители не брезгают услугами таких отпетых контрреволюционеров и головорезов, как находящийся на службе ЦРУ генерал Ванг Пао, банды которого действуют в районе китайско-лаосской границы. На территории КНР сколачиваются всякого рода «фронты» национальностей, проживающих в северных районах Лаоса и Вьетнама, формируются вооруженные отряды из лиц этих национальностей для диверсий против ЛНДР и СРВ. Вынашиваются планы создания на севере Лаоса и Вьетнама марионеточного «государства Мео».

Вмешательство Пекина в дела Вьетнама имеет давнюю историю. Китайские лидеры на протяжении длительного времени пытались ме-

¹⁶ «Правда», 12.III.1979.

¹⁷ Цит. по: «Правда», 13.VIII.1980.

шать созданию единого вьетнамского государства. «В 1954 г.,— писал советский исследователь Е. В. Кобелев,— на совещании в Женеве глава делегации КНР Чжоу Эньлай нанес незаживающую рану Хо Ши Мину, когда без согласия на то правительства ДРВ вступил в прямые переговоры с французской делегацией и предложил решить вьетнамский вопрос путем раздела Вьетнама на две части. Хо Ши Мин, высшим смыслом жизни которого была борьба за свободный и единый Вьетнам, жил с этой раной все последующие годы, всеми помыслами его владело страстное желание добиться освобождения отторгнутого юга страны, объединения родины на социалистических началах»¹⁸. Пекин же был заинтересован в увековечении раскола Вьетнама, так как это, по его расчетам, облегчало проведение гегемонистской политики на Индокитайском полуострове.

Руководители КПК неоднократно предпринимали попытки обработать в маоистском духе вьетнамских коммунистов. Как указывалось в опубликованном в октябре 1979 г. документе МИД СРВ «Правда о вьетнамо-китайских отношениях за последние 30 лет», пекинские руководители на переговорах с вьетнамской стороной еще в 1963 г. пытались навязать вьетнамским товарищам линию на отказ от единства социалистического лагеря, на раскол коммунистического движения, добивались от них содействия в «прокладке пути» для китайской экспансии в Юго-Восточной Азии. Пекинское руководство не останавливалось перед прямым подкупом Вьетнама. Дэн Сяопин в середине 1960-х годов обещал 1 миллиард юаней за разрыв с Советским Союзом. Вьетнамская сторона решительно отвергла китайские домогательства.

В период агрессии американского империализма против Вьетнама Пекин наотрез отказался от совместных с коммунистическими партиями и социалистическими странами действий в поддержку вьетнамского народа. Пекинские лидеры вновь и вновь требовали от Вьетнама «порвать отношения с Советским Союзом», в противном случае они угрожали разрывом отношений между двумя партиями¹⁹.

Правители КНР фактически поощряли агрессию США во Вьетнаме и других странах Индокитая, желая видеть эти страны ослабленными, разоренными и разобщенными, чтобы впоследствии их легче было подчинить Китаю. Поэтому освобождение вьетнамским народом юга своей родины в 1975 г. и провозглашение в 1976 г. единой Социалистической Республики Вьетнам означали тяжелое поражение не только американских империалистов, но и китайских гегемонистов. С этого момента Пекин проводит политику открытой враждебности к Вьетнаму, прибегая даже к вооруженным нападениям, встретившим решительный отпор со стороны вьетнамского народа.

В связи с вероломной агрессивной Китая против Вьетнама в феврале—марте 1979 г. товарищ Л. И. Брежнев указывал: «Своим беспрепятственно наглым разбойничьим нападением на соседнюю небольшую страну — социалистический Вьетнам — нынешние пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики. Теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире»²⁰.

Опасность, исходящую от маоистского Китая, глубоко сознают вьетнамские коммунисты. «Китайские реакционеры, — отмечал Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан,— превра-

¹⁸ Е. В. Кобелев. Хо Ши Мин — патриот, коммунист, человек. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 169—170.

¹⁹ См.: Правда о вьетнамо-китайских отношениях за последние 30 лет. — «Нян Зан», 6.X.1979.

²⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 622.

тились в непосредственных врагов народа Вьетнама, серьезно подрывающих революционное дело народов мира. Борьба против империализма, основного врага революции, неотделима от борьбы против великоханьского экспансионизма и великодержавного гегемонизма Китая. Борьба в защиту чистоты марксизма-ленинизма требует решительного разоблачения всех реакционных доктрин правящих кругов Пекина»²¹.

Гегемонистские устремления Пекина гневно осуждаются в Монгольской Народной Республике, на территорию которой открыто предъявлял претензии Мао Цзэдун. Не отказываются от аннексионистских претензий к МНР и нынешние китайские руководители. За последние годы китайский вооруженный персонал совершил сотни провокаций в районе китайско-монгольской границы. Сюда стянуты значительные силы китайской армии. Часто здесь проводятся военные учения, расчитанные на устрашение народной Монголии.

Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ю. Цеденбал на ноябрьском пленуме ЦК МНРП в 1979 г. подчеркивал: «Следует прямо сказать, что угроза независимости и суверенитету МНР со стороны пекинских властей существует реально. Естественно, пока эта угроза не устранена, мы по-прежнему будем нуждаться в эффективной помощи Советского Союза в деле защиты независимости и безопасности нашей социалистической родины»²².

Территориальные притязания Китая распространяются и на Корейскую Народно-Демократическую Республику. Во время «культурной революции» группа Мао Цзэдуна пыталась оказать грубый нажим на КНДР, вплоть до применения экономических санкций и провоцирования пограничных конфликтов. Позднее Пекин стал прибегать к двурушнической политике по отношению к КНДР. На словах он поддерживает ее, а на деле поощряет действия ее врагов.

Многочисленные факты указывают на то, что китайские лидеры вполне согласны с присутствием на Азиатском континенте американских войск с их ядерным и ракетным оружием²³. «Вашингтон пост», комментируя обстановку на Корейском полуострове, писала, что Китай «втайне предпочитает, чтобы американские войска оставались на юге Кореи». В частных беседах с американскими высокопоставленными официальными лицами китайцы, по словам газеты, ратуют за сохранение американского военного потенциала в Южной Корее. Когда же им указывают на непоследовательность их позиции в корейском вопросе, «их ответы зачастую бывают туманными и безответственными»²⁴.

В Пекине весьма сдержанно комментировали вооруженное выступление в мае 1980 г. трудящихся Южной Кореи и совершенно умолчали о том, что репрессии против южнокорейского населения совершаются при участии так называемого объединенного командования американских и южнокорейских вооруженных сил.

Китайские лидеры призывают к созданию на Дальнем Востоке американо-китайско-японского союза, в который неизбежно вовлекается и Южная Корея, связанная тысячами нитей, в том числе и военными, с США и Японией. Об опасности возникновения оси Вашингтон — Пекин — Токио — Сеул все чаще пишет японская коммунистическая и демократическая печать.

В Китае сегодня благосклонно относятся к американо-японскому военному сотрудничеству на основе «договора безопасности», приветствуют возрождение японского милитаризма. Развивая и углубляя кон-

²¹ Ле Зуан. В борьбе за национальное и социальное освобождение. — «Коммунист», 1980, № 4, с. 88.

²² «Унэн», 20.XI.1979.

²³ «Правда», 25.VI.1980.

²⁴ «Washington Post», 3.IV.1980.

такты с японской реакцией и военщиной, правящие круги Пекина проявляют ничем не прикрытую враждебность по отношению к Коммунистической партии Японии.

Мао Цзэдун предал анафеме КПЯ еще в 1966 г., после того как ее представители на переговорах с руководством КПК не согласились с навязывавшимся им курсом на «исключительно насильственную революцию» в Японии и на создание международного «антиамериканского, антисоветского единого фронта»²⁵. Японские коммунисты не сочли «идеи Мао» подходящими для Японии. Они не только не собирались вступать в борьбу против Советского Союза, который никак не могли поставить на одну доску с Соединенными Штатами, но и были сторонниками единства действий СССР и КНР в борьбе против агрессии США во Вьетнаме.

«Непослушание» КПЯ Пекину вызвало нападки на нее со стороны китайского руководства, которые переросли затем в политическую борьбу и подрывные действия против КПЯ. Маоистская пропаганда объявила Компартию Японии одним из «врагов японского и китайского народов, народов Азии и всего мира». Пекинское радио передавало призывы к японским избирателям не голосовать за коммунистов. Представители КПЯ в Пекине подверглись преследованиям и издевательствам хунвэйбинов, вследствие чего летом 1967 г. они были отозваны в Японию. С тех пор членам КПЯ закрыт доступ в КНР.

Пекин приступил к сколачиванию разного рода антипартийных группировок в Японии, которые использовались в качестве инструмента для борьбы против КПЯ и подрывной деятельности в массовых организациях. КПЯ была вынуждена мобилизовать свои силы на отпор маоистскому вмешательству в дела японского коммунистического и демократического движения. «Партия, — говорилось в вышедшей в Токио в 1972 г. работе «50 лет Коммунистической партии Японии», — подвергла резкой критике притязания группировки Мао Цзэдуна — Чжоу Эньлая на своего рода «социал-колониализм», на установление господства над другими партиями и народами, которые лежат в основе их вмешательства. Она показала, что необходимо занимать твердую позицию, не допускающую великодержавного вмешательства, чтобы японский народ своими силами прокладывал свою дорогу в будущее»²⁶.

Значительное место разоблачению проимпериалистической политики Пекина было уделено на XV съезде КПЯ. В резолюции съезда указывалось, что «вторая половина 70-х годов была отмечена продолжающимся вмешательством и подрывными действиями Китая против других коммунистических партий. Рассматривая СССР в качестве главного врага, пекинские руководители дошли до того, что стали открыто поддерживать агрессивные военные союзы, ведущую силу которых составляют американские империалисты, и сами развязали агрессивную войну против соседней социалистической страны. Открыто проводя политику «социал-империализма», они пытаются повернуть историю вспять и оказать помощь империализму»²⁷.

Коммунистические партии стран Азии, в том числе и те, которые некогда испытывали влияние Пекина, все глубже понимают пагубность маоистской политики. Они дают решительный отпор проидам китайских правителей, направленным на раскол и подрыв международного революционного движения, на создание угрозы всеобщему миру.

Практика последних лет убедительно показывает, что маоизм не только не смог укорениться ни в одной стране вне Китая, но и все

²⁵ «Акахата», 17.VII, 10.X.1967.

²⁶ Цит. по: И. И. Коваленко. Борьба КПЯ за демократические преобразования. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 67.

²⁷ «Правда», 2.III.1980.

больше теряет свою призрачную привлекательность, раскрывает свою несостоятельность и оказывается неприемлемым для азиатских народов и народов других континентов, которые на деле убедились в том, что следовать маоизму сегодня — это значит идти в услужение пекинским гегемонистам, смыкаться с империализмом и реакцией, выступать за войну.

«В условиях обострения противоборства между социалистической и капиталистической мировыми системами значения Китая как отрицательного фактора в международной политике возрастает. Империалистические страны, прежде всего США, все больше ставят на «китайскую карту». Партнерство Пекина с ними на враждебной СССР и другим социалистическим странам основе, их совместные действия ведут к серьезному осложнению политической ситуации не только в Азии, но и во всем мире»²⁸.

За пределами Китая маоистам симпатизируют лишь псевдо-, а по существу, контрреволюционные элементы, империалистические круги и отъявленные реакционеры, которых привлекает антисоветизм Пекина и возможность использования правящей маоистской группировки в роли троянского коня в мировом революционно-освободительном движении.

Предсказанная международным коммунистическим движением еще в начале 60-х годов возможность смыкания великодержавно-милитаристской группировки китайского руководства с самыми воинственными кругами империализма становится в наши дни свершившимся фактом. Июньский (1980 г.) Пленум ЦК КПСС, оценивая современное международное положение, особо отметил смыкание агрессивных кругов Запада с китайским руководством. В своем постановлении Пленум подчеркнул: «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов»²⁹.

«Пекин не только одобряет и поддерживает происки империалистических кругов (в первую очередь США) по противодействию влиянию социалистических государств в различных районах мира, выступает адвокатом и подстрекателем агрессивных устремлений НАТО, но и сам встал на путь агрессии, развязав позорную войну против вьетнамского народа. Китайские экспансионисты устраивают провокации против Лаоса, Кампучии, ведут подрывную работу против Афганистана, не прекращают попыток вмешательства в дела других стран»³⁰.

Происходящие в мире события вновь и вновь подтверждают научную глубину и политическую прозорливость вывода, сделанного Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несоместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»³¹.

Затеяв поход против мирового социализма и коммунистического движения с ультралевачьих позиций якобы в защиту «подлинного марксизма-ленинизма», маоисты превратились ныне в рьяных проповедников антикоммунизма и прямых пособников империализма и реакции. Ранее они оскандалились со своими псевдореволюционными лозунгами. Потерпит крах и их правонационалистическая, проимпериалистическая политика.

²⁸ «Коммунист», 1980, № 11, с. 109.

²⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 23 июня 1980 г. М., 1980, с. 12.

³⁰ О. Б. Борисов. К урокам авантюристической политики Пекина. — «Вопросы истории КПСС», 1979, № 6, с. 19.

³¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5, с. 459.

Из истории образования Коммунистической партии Китая

К. В. Шевелев,

кандидат исторических наук

Образование КПК явилось частью развернувшегося после Октябрьской революции в России всемирного процесса развития международного коммунистического движения, отражавшего вступление человечества в новую историческую эпоху перехода от капитализма (и докапиталистических отношений) к социализму и коммунизму.

Важнейшими результатами влияния Великого Октября на развитие революционного процесса в Китае были распространение научного социализма и создание КПК.

Распространение марксизма-ленинизма как новой теории познания и преобразования мира — продолжительный, сложный и подчас противоречивый процесс. Все это, конечно, относится и к Китаю. До победы Великой Октябрьской социалистической революции Китай, в сущности, не знал марксизма, хотя некоторые отрывочные сведения о К. Марксе и Ф. Энгельсе стали проникать в страну еще в начале XX столетия. Однако они оставались достоянием очень небольшого числа интеллигентов, которых привлекала прежде всего научная критика капитализма в сочинениях основоположников научного коммунизма. Социализм казался некоторым китайским идеологам возвышенным идеалом, до которого Китай не дорос ввиду своей экономической отсталости. И лишь развитие капитализма в годы первой мировой войны, заметный рост пролетариата и стачечной борьбы, живой пример Великого Октября привели к тому, что идеи марксизма обрели почву в Китае.

После Октябрьской революции было положено начало систематической работе по переводу и изданию марксистской литературы. Несмотря на относительно скромные масштабы этой работы в 1918—1921 гг., несмотря на то, что далеко не все переводы можно считать совершенными и не все публикации адекватно отражали суть марксизма¹, они все же так или иначе способствовали распространению идей научного социализма, подготовке идейно-теоретических предпосылок для создания КПК.

Проникновение в Китай марксизма-ленинизма совпало с первыми шагами рабочего движения и растущей активностью радикально настроенной интеллигенции, выступившей в авангарде «движения 4 мая 1919 г.», вспыхнувшего в знак протеста против позорных решений Парижской мирной конференции о передаче Японии прав на китайскую провинцию Шаньдун. В ходе «движения 4 мая», которое, по свидетельству современников, носило «больше националистический, чем классовый характер»², впервые на арену политической борьбы выступил китайский

¹ Например, в результате неадекватного восприятия категорий «буржуазия» и «пролетариат» наблюдались модернизация классовой структуры китайского общества, завышение уровня капиталистического развития страны. Это питало в дальнейшем левачьи настроения в КПК.

² Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг., 1922, с. 180; Цай Хэсэнь. Исторический очерк китайской революции за последнее время. М., 1931. (Рукопись неизданной книги.)

пролетариат. И хотя рабочие, участвовавшие в движении, не выдвигали еще собственных классовых требований и находились под влиянием буржуазии, тем не менее сам факт включения рабочих масс в политическую жизнь страны имел далеко идущие последствия.

«Движение 4 мая» ускорило распространение марксизма в Китае тем, что пробудило в молодой китайской интеллигенции жажду активной политической деятельности, поиска выхода из кризиса, переживаемого страной. Часть радикальной китайской интеллигенции стала постепенно приобщаться к марксизму и явилась поначалу основным источником формирования кадров коммунистической партии.

Пионером марксистской мысли в Китае считается Ли Дачжао — директор библиотеки, профессор Пекинского университета, активный участник просветительского движения за новую культуру и патриотического «движения 4 мая». Ли Дачжао горячо приветствовал Великий Октябрь и призывал «изучать большевизм, знакомить с ним народ, рассказывать правду о нем»³. В сентябре 1919 г. под редакцией Ли Дачжао вышел специальный номер о марксизме популярного среди передовой интеллигенции журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь») ⁴. Наряду с работами противников учения К. Маркса в номере была помещена первая часть статьи Ли Дачжао «Мое представление о марксизме» — одна из наиболее ранних в Китае попыток систематизированного изложения марксистской теории. Пропагандистская и педагогическая деятельность Ли Дачжао сыграла огромную роль в распространении марксизма в Китае, в приобщении к марксистскому мировоззрению передовой студенческой молодежи⁵.

Другим популярным лидером радикальной интеллигенции, потянувшим вслед за Ли Дачжао к марксизму, был Чэнь Дусю — главный редактор журнала «Синь циннянь», одно время также преподававший в Пекинском университете⁶. Путь Чэнь Дусю к марксизму не был прямым и ровным. Октябрьскую революцию Чэнь Дусю встретил без энтузиазма, но к весне 1920 г. стал считать себя приверженцем марксизма.

Насколько нам известно, ни Ли Дачжао, ни Чэнь Дусю, ни кто-либо другой из китайских сторонников социализма до прибытия в Китай весной 1920 г. представителей Коминтерна еще не ставил в практическую плоскость вопрос о создании Компартии Китая, хотя постановка этого вопроса рано или поздно была неизбежной⁷.

Возникновение коммунистического движения в Китае проходило при непосредственном участии советских коммунистов, оказавших китайским последователям марксизма идейно-теоретическую, организационную и материальную помощь. Выполняя свой интернациональный долг, они руководствовались указаниями В. И. Ленина, решениями РКП(б) и Ко-

³ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 131.

⁴ Номер помечен маем, но в действительности был издан позднее. См.: «Гуанмин жибао», 4.VIII.1960; Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1973, с. 174—179.

⁵ См.: В. А. Кривцов, В. А. Краснова. Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978.

⁶ См.: Материалы к критике Чэнь Дусю. Пекин, 1958 (на кит. яз.); Чжун Юйжун. Чэнь Дусю: биографическая хроника. Гонконг, 1974 (на кит. яз.).

⁷ Имеются сведения, что в марте 1920 г. под руководством Ли Дачжао в Пекине было учреждено «Общество изучения марксистской теории». См.: Г. Н. Войтинский. Новейшая история Китая (Курс лекций). Вып. 1 (1917—1923). М., 1953, с. 23; «Цзиньдай ши цзыляо». Пекин, 1955, № 2, с. 161—162. Известно также, что в апреле 1920 г. шанхайское «Общество изучения социализма» опубликовало в переводе Чэнь Вандао «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. К сожалению, из опубликованных недавно воспоминаний Чэнь Вандао не ясно, когда и кем было основано это общество и какие задачи оно ставило (см.: «Фудань сюэбао», Шанхай, 1980, № 3, с. 1—4, 10). По-видимому, оба общества занимались прежде всего изучением марксистской литературы.

минтерна о революционном движении в странах Востока, включая Китай⁸.

В условиях гражданской войны и иностранной интервенции существовали объективные трудности для налаживания контактов руководящих органов РКП(б) и Коминтерна с прогрессивными силами Китая. Поэтому по поручению ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна работу по ознакомлению с положением в стране и установлению связей с представителями передовых кругов китайского общества вели коммунисты Сибири и Дальнего Востока, а также левое крыло русской эмиграции в Китае⁹.

В марте 1919 г. проводившаяся нелегально в Омске II Сибирская конференция РКП(б) постановила «организовать на Дальнем Востоке информационно-агитационное бюро Сибирского областного комитета», которому поручалось «установить связь с коммунистами Востока и Америки, организовать посылку информации к ним и получение таковой от них, организовать устную и письменную агитацию...»¹⁰. 18 июня 1919 г. один из ответственных работников Сибирского областного комитета РКП(б) Ф. И. Гапон составил специальную записку о необходимости создания при обкоме Восточного бюро с обязательным участием в нем представителей всех народов Дальнего Востока, включая китайцев. При этом условия, считал он, Восточное бюро имело бы «шансы на постановку работы сразу же выпукло, широко» и смогло бы хорошо выполнить свою главную задачу содействия революционному движению на Востоке. Проект Ф. И. Гапона предусматривал установление тесных контактов с революционными силами стран Дальнего Востока и оказание помощи в создании коммунистических организаций. Предложения Ф. И. Гапона были учтены в ходе формирования в июле — августе 1920 г. в Иркутске Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б), на базе которой в январе 1921 г. был учрежден Дальневосточный секретариат Коммунистического Интернационала¹¹.

Судя по имеющимся данным, до весны 1920 г. связи представителей РКП(б) с китайскими товарищами носили эпизодический характер¹². В январе 1920 г. руководители находившегося в подполье во Владивостоке Дальневосточного областного комитета РКП(б) А. Кушнарев и М. Сахьянова направили в ЦК РКП(б) письмо, в котором сообщали о намерении установить постоянные связи с китайскими революционерами¹³. В апреле 1920 г. по согласованию с руководством Коминтерна один из руководителей Владивостокского отделения Дальбюро РКП(б) В. Д. Виленский-Сибиряков направил в Китай группу советских комму-

⁸ См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970; Коминтерн и Восток. М., 1969; А. Б. Резников. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978.

⁹ А. И. Картунова. Интернациональная помощь рабочему классу Китая (1920—1922). — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, с. 136—145.

¹⁰ М. А. Персиц. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918—июль 1920). — Коминтерн и Восток, с. 64—65.

¹¹ См. там же. В 1920—1921 гг. Ф. И. Гапон исполнял обязанности заместителя председателя президиума Секции восточных народов и являлся членом Дальневосточного Секретариата Коминтерна. См.: «Коммунист» (Иркутск), 1921, № 7, с. 14; «Известия Сибирского отделения АН СССР. Общественные науки». Новосибирск, 1973, № 6, с. 75—82.

¹² Например, летом 1919 г. с Ли Дачжао встречался будущий председатель президиума Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) Н. Буртман и отзывался впоследствии о Ли Дачжао как о «прекрасном марксисте». См.: А. А. Мюллер. В пламени революции. Иркутск, 1957, с. 144—145. Подробнее о Н. Буртмане см.: «Народы Дальнего Востока» (Иркутск), 1921, № 2, с. 173—178.

¹³ См.: Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922). Сборник документов. Владивосток, 1955, с. 305.

нистов (Г. Н. Войтинский¹⁴, его жена М. В. Кузнецова и переводчик Ян Минчжай), которым предстояло ознакомиться с положением в стране, наладить связи с прогрессивными силами Китая, а также изучить возможности для создания в Шанхае Восточно-Азиатского Секретариата Коминтерна.

При содействии преподавателя Пекинского университета С. А. Полевого группа Г. Н. Войтинского встретилась сначала в Пекине с Ли Дачжао и другими представителями радикальной китайской интеллигенции. Однако Пекин — оплот реакции, город без развитой промышленности, а значит, без крупных отрядов пролетариата — едва ли казался тогда перспективным в качестве базы для развертывания коммунистического движения. С рекомендательным письмом от Ли Дачжао группа отправилась для встречи с Чэнь Дусю в Шанхай — крупнейший промышленный и пролетарский центр страны, а также центр прогрессивной китайской интеллигенции. Насколько известно, весной и летом 1920 г. вместе с Г. Н. Войтинским в Шанхае работали К. А. Стоянович, И. К. Мамаев и Л. А. Перлин. После знакомства с состоянием революционного движения в стране группа Г. Н. Войтинского приняла, если судить по итогам ее работы, такой план действий: во-первых, содействовать созданию коммунистических (социалистических) организаций и их слиянию в коммунистическую (социалистическую) партию; во-вторых, установить связи с рабочими через посредство интеллигентских организаций; в-третьих, координировать деятельность различных революционных течений, в том числе налаживать контакты с анархистами и членами гоминьдана.

Первоначально планировалось объединить силы, группировавшиеся вокруг выходящих в Шанхае прогрессивных по тем временам печатных органов — журнала «Синь циннянь», еженедельника «Синци пинлунь» («Воскресное обозрение») и газеты «Шиши синьбао» («Современные события»). Предполагалось, что руководители этих изданий Чэнь Дусю, Дай Цзитао, Шэнь Сюаньлу, Ли Ханьцзюнь и Чжан Дунсюнь выступят инициаторами создания Коммунистической или Социалистической партии Китая¹⁵. Однако вскоре после того, как эта идея была высказана вполне определенно, от группы откололся редактор газеты «Шиши синьбао» Чжан Дунсюнь. Несколько позже он прямо заявил о преждевременности создания социалистической партии в Китае, поскольку в стране якобы отсутствует настоящий рабочий класс¹⁶.

Затем отошел и редактор «Синци пинлунь» Дай Цзитао, который не согласился с пунктом проекта программы-устава партии, запрещавшим состоять в буржуазной партии. Он заявил, что не может порвать с Сунь Ятсеном и гоминьданом¹⁷.

19 июля 1920 г. в Шанхае состоялось собрание «наиболее активных китайских товарищей», заложившее основы будущей Компартии Китая¹⁸. Твердо стояли за создание КПК Чэнь Дусю, Ли Ханьцзюнь, Шэнь

¹⁴ См.: В. И. Глунин. Григорий Войтинский (1893—1953). Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970, с. 66—87; Д. Бингт. Г. Н. Войтинский и образование КПК. — «Фэйцин юэбао» (Тайбэй), 1976, т. 19, № 5, с. 83—90.

¹⁵ См.: Циу Лаожэнь (Бао Хуйсэн). До и после образования Коммунистической партии Китая (публикация Ю. М. Гарушняца). — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 118.

¹⁶ См.: Чжан Дунсюнь. Настоящее и будущее. — «Гайцзао» (Шанхай), 1920, т. 3, № 4; Справочные материалы к критике промежуточной линии китайской буржуазии, т. 1. Пекин, 1958, с. 24 (на кит. яз.).

¹⁷ См.: Цай Хэсэнь. Материалы по истории Компартии Китая. М., 1932, с. 32 (на кит. яз.); Сборник воспоминаний Чэнь Гунбо и Чжоу Фохая. Гонконг, 1967, с. 114 (на кит. яз.).

¹⁸ См.: И. М. Мусин. Очерки рабочего движения в Китае. — Вопросы китайской революции, т. 1. М., 1927, с. 228. Как установлено А. И. Картуновой, 5—7 июля 1920 г. в Пекине под руководством В. Д. Виленского-Сибирякова состоялось совещание советских коммунистов, работавших в Китае, которое, в частности, указало на объективные возможности для образования в стране коммунистической партии.

Сюаньлу. Вскоре к ним присоединились Ли Да, Ши Цуньтун, Чжоу Фохай, Юй Сюсун и др. Так в Шанхае возникла коммунистическая организация во главе с Чэнь Дусю¹⁹.

В Пекине кружок образовался в октябре 1920 г. Помимо сторонников марксизма Ли Дачжао, Чжан Готао, Лю Жэньцзина и Ло Чжанлуна, в него вошли 5 анархистов. Но союз с анархистами оказался недолгим. Предложения Ли Дачжао пойти на некоторые уступки анархистам в целях сохранения революционного единства натолкнулись на упорное сопротивление Чжан Готао и других членов организации²⁰. В конце 1920 г. анархисты вышли из кружка, поскольку их не устраивал пункт о диктатуре пролетариата, содержащийся в разработанной кружком временной программе. После ухода анархистов в организацию вступили Дэн Чжунся, Хэ Мэнсюн, Гао Шандэ и другие активисты местного отделения Социалистического союза молодежи Китая.

Что касается кружка в Гуанчжоу, то при его создании в сентябре — октябре 1920 г., помимо коммунистов К. А. Стояновича и Л. А. Перлина, в организацию вошли 7 анархистов, которые так и не смогли преодолеть свои анархистские убеждения. Когда в конце 1920 — начале января 1921 г. прибывший в Гуанчжоу Г. Н. Войтинский предложил членам кружка одобрить тезисы, где, в частности, упоминалась диктатура пролетариата, то многие отказались. Кружок пришлось распустить²¹.

В начале января 1921 г. по инициативе Г. Н. Войтинского и приглашенного «левым» милитаристом Чэнь Цзюньмином в Гуанчжоу Чэнь Дусю была создана новая коммунистическая организация в составе 9 человек, в числе которых были студенты Пекинского университета Тань Пиншань, Чэнь Гунбо и Тань Чжитан. Следует отметить, что энергичная деятельность Чэнь Дусю на посту председателя провинциальной комиссии по делам просвещения и особенно его выступления в Гуандуне в защиту марксизма встретили сильный отпор со стороны местных реакционеров и многих деятелей гоминьдана. Депутаты местного парламента даже приняли специальную резолюцию, требующую увольнения Чэнь Дусю и высылки его из Гуанчжоу, так как «он проповедует доктрины, направленные против правительства, собственности и религии, подрывающие общественный строй Китая»²². По-видимому, личный опыт Чэнь Дусю в провинции Гуандун был одним из факторов, определивших впоследствии его негативное отношение к перспективам установления единого национального фронта в Китае на основе сотрудничества коммунистов с партией гоминьдан.

Помимо организаций в Шанхае, Пекине и Гуанчжоу, во второй половине 1920 — начале 1921 гг. коммунистические кружки были основаны также в других городах²³.

¹⁹ В имеющихся источниках создание шанхайской организации датируется маем, июлем, августом и серединой 1920 г. (см.: Коммунистическая партия в Китае. Иркутск, 1921, с. 27; «Народы Дальнего Востока», 1921, № 3, с. 333; «Народы Азии и Африки», 1971, № 4, с. 50; 1972, № 6, с. 151; «Ши и юэкань» (Ухань), 1958, № 1, с. 11—12). Утверждение новозеландского Китаеведа Д. Бинга, будто организация в Шанхае была основана одновременно с Социалистическим союзом молодежи 22 августа 1920 г. (см.: «Фэйцин юэбао», 1976, т. 19, № 5, с. 84, 89), противоречит докладу китайской делегации II конгрессу КИМ (см.: «Народы Дальнего Востока», 1921, № 4, с. 515—520; «Международная юношеская корреспонденция», М., 1922, № 11—13, с. 111—112).

²⁰ См.: Цай Хэсэнь. Материалы по истории Компартии Китая, с. 28.

²¹ См.: Письмо Л. А. Перлина К. В. Шевелеву от 13.VI.1973. В этом письме приезд Г. Н. Войтинского и ликвидация кружка отнесены к февралю — марту 1921 г., что не подтверждается имеющимися документами.

²² «Бюллетени Дальневосточного Секретариата Коминтерна». Иркутск, 1921, № 6, с. 14.

²³ В письменном докладе Чжан Тайля III конгрессу Коминтерна говорится, что к 1 мая 1921 г. коммунистические организации существовали в Пекине, Тяньцзинь, Ханькоу, Шанхае, Кантоне (Гуанчжоу), Гонконге и Нанкине (см.: М. А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — «Народы

Созданием коммунистических кружков было положено начало организованному коммунистическому движению в Китае, однако название «коммунистические» может быть применено к ним лишь условно. Это название отражало главным образом тенденцию, а не действительное состояние кружков, в которые входили как сторонники анархизма, «легального марксизма», случайные попутчики, националисты, отдавшие кратковременную дань тогдашней моде на социалистические учения, так и приверженцы марксизма, осваивавшие азы марксистской теории и постепенно втягивавшиеся в практическую работу. Членами коммунистических организаций была в основном студенческая молодежь (более половины в возрасте до 25 лет); около 70% — выходцы из помещиков и шэньши, 10% — из чиновников²⁴.

Именно на базе таких интеллигентских, преимущественно пропагандистских и довольно разнородных по своему составу групп и была основана Компартия Китая²⁵.

Основными направлениями в работе коммунистических организаций в 1920—1921 гг. были распространение идей марксизма-ленинизма, установление контактов с пролетариатом, создание Социалистического союза молодежи Китая, подготовка учредительного съезда КПК.

С осени 1920 г. журнал «Синь циньянь» стал субсидироваться Коминтерном и превращаться в коммунистическое издание. В связи с этим в редакции журнала развернулась упорная борьба. Попытки либералов во главе с Ху Ши изменить новое направление «Синь циньянь» потерпели неудачу. С ноября 1920 г. по осень 1921 г. в Шанхае полулегально выходил журнал «Гунчаньдан» («Коммунист»), в котором были помещены фрагменты из книги В. И. Ленина «Государство и революция», отдельные документы Коминтерна и его секций и другие материалы, знакомившие читателей с некоторыми программными, тактическими и организационными принципами международного коммунистического движения. В журнале были также напечатаны статьи о состоянии и перспективах революционного движения в Китае.

В целях усиления работы по собиранию, переводу и распространению марксистской литературы при активном участии Ли Дачжао и Чэнь Дусю в конце 1920 — начале 1921 г. были организованы соответственно в Пекине и Гуанчжоу «Общество изучения социализма» и «Общество изучения К. Маркса»²⁶.

Наряду с пропагандой марксизма коммунистические кружки приняли ряд шагов к сближению с китайским пролетариатом.

Издание брошюр и журналов для рабочей аудитории было одним из ведущих направлений в деятельности коммунистических кружков. В Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу и Цзинани выходили периодические издания местных групп: «Лаодун цзе» («Мир труда»), «Лаодун инь» («Голос труда»), «Жэнь шэн» («Голос гуманности»), «Лайбао» («Грядущее»), «Лаодунчжэ» («Трудящийся»), «Лаодун юй фунью» («Труд и женщина»), «Цзинань лаодун чжоукань» («Цзинаньский еженедельник «Труд»). Однако большая часть этих изданий прекратила свое существование к началу 1921 г. вследствие запрета вла-

Азии и Африки», 1971, № 4, с. 48). Бросается в глаза, что в этом перечне отсутствует столица провинции Хунань город Чанша, где, как утверждают, не ссылаясь на источники, китайские авторы, Мао Цзэдун якобы основал коммунистический кружок еще в сентябре 1920 г. См., например: Общая история Китая в период воледемократической революции, т. 1. Пекин, 1962, с. 103 (на кит. яз.).

²⁴ См.: Новейшая история Китая. 1917—1970. М., 1972, с. 60.

²⁵ Разумеется, эти черты не были присущи только КПК. «Сравнительное преобладание интеллигентов в начале движения, — отмечал В. И. Ленин, — наблюдатель везде» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 22).

²⁶ См.: «Бюллетени Дальневосточного Секретариата Коминтерна», 1921, № 4, с. 12; № 5, с. 11; «Советская Сибирь» (Новониколаевск), 16.III.1921; Обзор периодических изданий периода 4 мая, т. 2. Пекин, 1959, с. 232 (на кит. яз.).

стей, недостатка средств, а также в результате размежевания с анархистами (последние отвечали за выпуск «Лаодун инь» и «Лаодунчжэ»).

Судя по всему, преобладающей темой в печатной пропаганде коммунистических групп среди рабочих было выдвижение сугубо экономических требований. «В настоящее время, — писал Чэнь Дусю летом 1920 г., — смысл рабочего движения не заключается в погоне за новыми иностранными идеями и криках о каком-то там социализме... Я не осмеливаюсь надеяться, что китайские трудящиеся сразу же будут иметь крупное движение, подобно рабочему движению за границей. Если китайские рабочие сумеют объединиться в организации с целью добиться некоторых выгод, уже завоеванных иностранными рабочими, то это уже будет радостным событием». Чэнь Дусю советовал рабочим ограничиться борьбой за улучшение жизни и созданием профсоюзов. «Если примкнете к политическому движению, — писал он, — то в итоге придете к Рабочей партии и Партии труда 1913 г.»²⁷. Можно понять тревогу Чэнь Дусю за рабочих, которые в 1913 г. поддались на удочку политиканов и использовались последними в их корыстных целях. Однако из рассуждений Чэнь Дусю видно, что он тогда сводил рабочее движение к профсоюзному движению и еще не видел необходимости в создании политической партии рабочего класса, точнее, он не сознавал, что КПК должна быть такой партией. Впоследствии Чэнь Дусю преодолел эту ошибку, признав, что «пролетариат является основой коммунистической партии»²⁸. Но, насколько нам известно, ни в одном из изданий кружков для рабочих ничего не говорилось о создании политической партии китайского пролетариата.

Надо сказать, что 95 % рабочих было неграмотно, и, конечно, печатная пропаганда в этих условиях была малоэффективной. Вот почему одним из направлений работы кружков являлось создание учебных заведений для трудящихся и их детей.

Первая школа такого рода была создана в конце 1920 г. на станции Чансиньдянь, близ Пекина, активистами пекинского кружка Чжан Готао и Дэн Чжунся, которые действовали от имени «Лекторской группы просвещения народа» при Пекинском университете. Помимо прохождения курса общеобразовательных дисциплин, рабочие участвовали в беседах о положении трудящихся, о стачечной борьбе; слушателей знакомили с историей международного рабочего движения и призывали к созданию своих организаций²⁹.

Кроме Чансиньдянь, школы для рабочих были созданы в Сяошаду (около Шанхая), в Ухане и Гуанчжоу.

Коммунистическими группами предпринимались также попытки создания профсоюзов — действительно рабочих организаций, не похожих на существовавшие тогда «профсоюзы», контролируемые предпринимателями, тайными обществами и т. п. Однако организация профсоюзов встретила вначале отпор даже со стороны некоторой части самих рабочих. Это сопротивление объяснялось тем, что «рабочие в то время далеко еще не осознали стоящие перед ними задачи, и тем, что они относились с недоверием к каждой затее, которая приходила со стороны (в данном случае они и коммунистов считали пришельцами, ибо в большинстве своем это были люди, не связанные с производством)... Эти трудности, однако, не остановили коммунистов, и они продолжали вести упорную пропаганду среди рабочих, разъясняя им всю важность и значение профессиональных организаций. Пропаганда свое сделала,

²⁷ Цит. по: Обзор периодических изданий периода 4 мая, т. 2, с. 69.

²⁸ Чэнь Дусю. Соч., т. 2. Гонконг, 1965, с. 128 (на кит. яз.).

²⁹ См.: Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока, с. 208—

рабочие массы, правда, постепенно стали понимать и в конце концов восприняли идею профессионального союза»³⁰.

Во второй половине 1920 г. шанхайский кружок участвовал в создании профсоюзов металлистов, печатников и текстильщиков. Однако работа в этих профсоюзах «велась не вполне успешно»³¹. Профсоюз печатников оказался весьма непрочным. По свидетельству Ю. Д. Смургиса, относящемуся к концу 1921 г., этот профсоюз «два раза создавался в течение последних двух лет и намечается в третий раз теперь»³². Что касается профсоюза текстильщиков, то он был весьма малочисленным и довольно слабым.

По сообщениям китайских историков, до I съезда КПК с помощью кружков были созданы профсоюзы парикмахеров в Цзинани и Гуанчжоу, профсоюз рикш в Ухане и профсоюз печатников в Цзинани. Но судьба этих организаций нам неизвестна.

Наиболее жизнеспособным объединением, пожалуй, оказался клуб на станции Чансиньдянь, который, по существу, являлся профсоюзом. Правда, железнодорожники и рабочие мастерских на станции Чансиньдянь были «еще более отсталы, чем шанхайский пролетариат», и поэтому работа пекинского кружка здесь «разворачивалась с большим трудом»³³.

Приведенные данные свидетельствуют о начавшемся сближении коммунистических кружков с китайскими рабочими. Однако этот процесс был сложным, и к середине 1921 г. дал весьма скромные результаты. Достаточно отметить, что, по данным А. И. Картуновой, к I съезду КПК коммунистам так и не удалось вовлечь в партию ни одного рабочего.

Для укрепления связей с пролетариатом в первой половине 1921 г. при активном участии представителя Дальневосточного бюро Межсовпрофа М. Фромберга проводилась подготовительная работа по созданию Всекитайского секретариата профсоюзов — будущего органа КПК, призванного возглавить рабочее движение в стране.

Другим направлением в деятельности коммунистических кружков было формирование Социалистического союза молодежи Китая. Первая организация такого рода — Шанхайский социалистический союз молодежи — образовалась 22 августа 1920 г.³⁴ и состояла из 8 человек. Секретарем союза был избран Юй Сюсун.

Вслед за Шанхаем социалистические союзы молодежи возникли в Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу, Учане и других городах, а в ноябре 1920 г. был официально учрежден Социалистический союз молодежи Китая. Судя по сохранившимся уставам местных организаций и другим документам, члены союза ставили своими основными задачами изучение социализма и борьбу за перестройку общества на социалистических началах³⁵. Но участники организации по-разному толковали понятие «социализм». Социалистическими и даже марксистскими течениями тогда в Китае называли и большевизм, и «ортодоксальный социализм» (каутскианство), и «ревизионистский социализм» (бернштейнианство), и

³⁰ Калачев (С. Н. Наумов). Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. — «Кантон», 1927, № 1 (10), с. 22.

³¹ Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока, с. 180.

³² Ю. Д. Смургис. Китай и его рабочее движение. М., 1922, с. 39.

³³ Калачев (С. Н. Наумов). Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии, с. 29.

³⁴ См.: Доклад делегации Китайского социалистического союза молодежи на 2-м конгрессе Коммунистического интернационала молодежи. — «Народы Дальнего Востока», 1921, № 4, с. 516.

³⁵ См.: Б. З. Шумяцкий. Юношеское революционное движение Китая (обзор отчетов о работе). — «Бюллетени Дальневосточного Секретариата Коминтерна», 1921, № 2, с. 5—10. В 1928 г. некоторые отчеты были перепечатаны, но с большими искажениями (см.: «Революционный Восток», 1928, № 4—5, с. 194—230).

гильдейский социализм, и анархизм. В Социалистический союз молодежи входили сторонники указанных течений, а также лица неопределенной ориентации³⁶.

В результате в союзе существовал идейный и организационный разброд. Для того чтобы преодолеть его, в марте 1921 г. была предпринята попытка «реорганизации» союза. В апреле в Шанхае образовался Временный центральный комитет, который выступил с инициативой созыва всекитайского съезда и переименования союза в Коммунистический союз молодежи Китая. Но эти предложения встретили отпор, и уже в мае 1921 г. пришлось объявить о самороспуске союза, так как стала очевидной невозможность его дальнейшего функционирования³⁷. Таким образом, попытка установления полного коммунистического руководства союзом и форсированного превращения его в Коммунистический союз молодежи Китая привела к роспуску всей организации.

В 1920—1921 гг. сторонники марксизма получили боевое крещение на фронте идеологической борьбы в ходе так называемой «дискуссии о социализме»³⁸. В результате ожесточенной полемики с буржуазными реформистами и анархистами приверженцы социализма пришли к заключению, что марксизм не является чисто европейским учением, он носит интернациональный характер и вполне применим в условиях китайской действительности. С учетом последующей борьбы интернационалистических и националистических тенденций в КПК и попыток Мао Цзедуна «китаизировать» марксизм особый смысл приобретает сформулированный в 1921 г. сторонниками марксизма вывод о том, что «социализм К. Маркса — это интернациональный социализм, и его не следует перекрашивать в национальные или локальные тона»³⁹.

По мнению пропагандистов марксистского учения, несмотря на экономическую отсталость и слабое развитие капиталистических отношений, Китай при поддержке Советской России и международного коммунистического движения может успешно осуществить переход к социалистическому обществу, а для ускорения такого перехода необходимо как можно быстрее совершить социальную революцию, которая отдаст власть в руки трудового народа и создаст политические условия для проведения социалистических преобразований⁴⁰.

Согласно представлениям сторонников социализма, грядущая революция в Китае будет последовательно антикапиталистической. Они не видели тогда противоречий между отечественной и иностранной буржуазией, ошибочно считали всю национальную буржуазию компрадорами, а ее участие в антиимпериалистической борьбе казалось им утопией⁴¹. При таком подходе вопрос о союзе с национальной буржуазией, о едином национальном фронте для большинства сторонников социализма отпадал.

Следует сказать, что многие сторонники социализма советовали не затягивать с проведением социальной революции. Цай Хэсэнь, например, не исключал стабилизации капитализма на Западе. «Не лучше ли

³⁶ Интересно свидетельство Лю Шаоци. В 1960 г. он признавал, что, вступив в 1920 г. в Шанхае в Социалистический союз молодежи, «знал только, что социализм — дело хорошее. Слышал о Марксе, Ленине, об Октябрьской революции, о партии большевиков». «Однако, — говорил Лю Шаоци, — тогда я не имел четкого и полного представления о том, что такое социализм и как осуществлять социализм» («Правда», 8.XII.1960).

³⁷ См.: Материалы по истории молодежного движения в Китае, т. 1. Пекин, 1957, с. 124. Союз был восстановлен осенью 1921 г. и переименован в Коммунистический союз молодежи Китая только на III съезде в 1925 г.

³⁸ Подробнее см.: Дискуссия о социализме. Гуанчжоу, 1922 (на кит. яз.); Л. П. Делюснн. Спор о социализме. Изд. 2-е. М., 1980.

³⁹ Цит. по: Чэнь Дусю. Соч., т. 3, с. 297 (на кит. яз.).

⁴⁰ См. Л. П. Делюснн. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928). М., 1972, с. 12.

⁴¹ См.: Дискуссия о социализме, с. 69—70.

пролетариату, — спрашивал он, — заранее взять власть, извлечь выгоды и избежать несчастий?.. Если китайский пролетариат не возьмет власть пораньше, то другие поставят его под свой контроль. Нужно будет ждать, пока наступит капитализм, и мы сможем начать революцию только после социальных революций внутри пяти великих держав. О, как это смертельно тоскливо, невыгодно, расточительно!»⁴².

Затрагивая вопрос о движущих силах китайской революции, некоторые сторонники социализма утверждали, будто для ее проведения вполне достаточно «сознательного меньшинства людей». В то же время высказывалась и другая точка зрения. Как отмечал Ли Дачжао, «китайское общество настолько прогнило, что остро нуждается в перестройке. Однако ее не могут осуществить одиночки. Конечно, необходимо опираться на народные массы»⁴³. По словам Ши Цуньгуна, «нужно идти в массы трудящихся, участвовать в рабочем движении... с тем, чтобы повести за собой большинство трудящихся и постепенно ориентировать их на проведение социальной революции». Вместе с тем, как подчеркивал Ли Да, в Китае — аграрной стране — нельзя одержать победы в революции без вовлечения в борьбу крестьянских масс⁴⁴. Ставился также вопрос о работе в войсках и создании в будущем своей «настоящей Красной Армии».

Следует особо отметить, что приверженцы социализма уже не мыслили себе подготовку революции в Китае без коммунистической партии. «Мы должны срочно создать организацию, — писал Ли Дачжао, — которая была бы политической партией простого люда, трудящихся... Если сторонники коммунизма сумеют создать крепкую, совершенную организацию и станут заботиться о воспитании ее членов, то последовательная великая перестройка китайского общества получит опору»⁴⁵. Рассказывая о деятельности РКП (б), Ли Дачжао связывал успех революционного обновления Китая с формированием компартии — боевого руководителя трудящихся масс.

Организационно партия китайских коммунистов оформилась на своем первом съезде летом 1921 г.

В рамках подготовки к съезду в марте 1921 г. состоялась предварительная конференция, выработавшая временную программу и декларацию целей и принципов (поиски этих документов пока не увенчались успехом). Участники конференции сформулировали свои задачи следующим образом: «Наша задача — организовать и централизовать силу классовой борьбы так, чтобы она становилась все более и более сильной и могучей в ее нападении на капитализм. Все это может быть достигнуто через пропаганду среди рабочих, крестьян, солдат, служащих и студентов, путем учреждения громадных промышленных союзов рабочих с едиными центрами, а также созданием единой политической партии революционного пролетариата, именно партии коммунистов»⁴⁶.

Первый съезд КПК проходил нелегально в Шанхае и Цзясине с 23 июля по 5 августа 1921 г. В нем участвовали 12 делегатов от семи коммунистических кружков, представлявших 53 человека: Чжан Готао, Лю Жэньцзин (Пекин), Ли Ханьцзюнь, Ли Да (Шанхай), Чэнь Таньцю, Дун Биу (Ухань), Чэнь Гунбо, Бао Хуйсэн (Гуанчжоу), Дэн Эньминь, Ван Цзиньмэй (Цзинань), Мао Цзэдун (Чанша), Чжоу Фохай (Токио). Два наиболее видных деятеля коммунистического движения в Китае

⁴² Цай Хэсэн. Письмо к Чэнь Дусю. — «Синь циньянь», 1921, т. 9, № 4. Цит. по: Чэнь Дусю. Соч., т. 3, с. 296.

⁴³ «Шугуан» (Пекин), 1921, т. 2, № 2, с. 92.

⁴⁴ См.: «Синь циньянь», 1921, т. 9, № 1, с. 14.

⁴⁵ «Шугуан», 1921, т. 2, № 2, с. 93.

⁴⁶ «Коммунист» (Иркутск), 1921, № 7, с. 4. В журнале «Народы Дальнего Востока» (1921, № 1, с. 65) цитата приведена в другой редакции: вместо «классовой борьбы» говорится о массовой борьбе, а упоминание о «нападении на капитализм» опущено.

того времени — Чэнь Дусю и Ли Дачжао — на съезде не присутствовали. В работе форума китайских коммунистов приняли участие представитель Исполкома Коминтерна Х. Маринг (Снефлит) и уполномоченный Дальневосточного секретариата Никольский.

Перед делегатами стояла задача объединить разрозненные кружки в руководимую из одного центра партию, выработать программные и уставные положения, принять план практической работы, Манифест и избрать руководящие органы КПК.

На съезде развернулась острая борьба двух основных течений. Меньшинство, возглавляемое Ли Ханьцзюнем, ратовало за создание аморфной легальной организации передовой интеллигенции, занимающейся изучением и пропагандой марксизма. Ли Ханьцзюнь советовал не спешить с созданием партии и профессиональных организаций рабочего класса и предлагал направить все силы на развитие студенческого движения и культурно-просветительскую работу. По его мнению, сперва следовало организовать интеллигенцию, вооружить ее марксистской теорией, а потом, когда марксизм овладеет умами интеллигенции, можно будет с ее помощью взяться за организацию и воспитание рабочих⁴⁷.

Большинство делегатов во главе с Чжан Готао отклонило платформу «легальных марксистов» и выступило за организацию дисциплинированной боеспособной партии, ориентирующейся на рабочий класс и установление диктатуры пролетариата. Вместе с тем дискуссия на съезде показала, что многие делегаты, отстаивая наиболее общие принципы марксизма, были еще довольно далеки от понимания характера и движущих сил китайской революции, а также вытекавших из этого политических задач пролетариата и его партии. Это отразилось в стремлении рассматривать завоевание диктатуры пролетариата в качестве непосредственной, хотя и по необходимости довольно отдаленной, цели рабочего движения, а также в противопоставлении политической борьбы пролетариата всем иным политическим движениям⁴⁸. Наиболее выпукло эта тенденция была выражена в выступлении Лю Жэньцзина, признававшего единственной формой борьбы захват власти путем вооруженного восстания и принципиально отвергавшего с позиций «революционного марксизма» всякие легальные и парламентские методы борьбы, равно как и любые блоки и союзы с другими политическими силами, включая гоминьдан.

В китайской историко-партийной литературе утверждается, будто выступления «леваков» на съезде встретили отпор со стороны большинства делегатов. Однако сохранившиеся документы съезда скорее свидетельствуют об обратном. Предложения Лю Жэньцзина, Чэнь Гунбо и других, вероятно, в крайней форме отражали волю большинства и были зафиксированы (хотя подчас и в несколько сглаженном виде) в принятых съездом «Первой программе Коммунистической партии Китая» и «Первом решении о целях Коммунистической партии Китая»⁴⁹.

В этих документах запечатлен тогдашний уровень восприятия и осмысления марксизма в свете китайской действительности.

Хотя первый документ и называется «Программой», но на деле таковой не является, так как состоит из наиболее общих программных тезисов (пункты 1—3) и уставных положений (пункты 4—14). В документе закреплялся пролетарский характер партии и установка на социалистическую революцию, свержение класса капиталистов и завоевание диктатуры пролетариата. Ближайшие задачи партии предусматривали, в частности, участие в политической борьбе, в выступлениях против ми-

⁴⁷ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, с. 96—99.

⁴⁸ См.: Новейшая история Китая. 1917—1970, с. 62.

⁴⁹ Материалы по истории Компартии Китая, т. 1. Токио, 1970, с. 54—57 (на яп. яз.).

литарнизма и бюрократии, в выдвижении требований свободы слова, печати и собраний. Правда, четкого разграничения между программой-максимум и программой-минимум в документах съезда еще не было.

«Первая программа» в своей уставной части несла на себе следы знакомства с одобренными II конгрессом Коминтерна условиями приема в Коммунистический Интернационал. Но основополагающий пункт о членстве в партии был сформулирован не в большевистском духе: в нем отсутствовало требование личного участия коммуниста в работе одной из партийных организаций.

Жаркие споры вызвал на съезде пункт об отношении к существовавшим тогда политическим партиям. Ряд делегатов предлагал объединиться с «другими классами» для ведения борьбы против общего врага — милитаристов, ибо без союзников китайский пролетариат пока не мог устоять перед властью. Однако эти предложения не были приняты. Большинство голосов собрали делегаты, считавшие, что пролетариат и его партия должны всегда бороться с другими партиями и в теории и на практике⁵⁰. Как и в докладе Чэнь Гунбо, представленном съезду, в резолюции было записано, что «по отношению к существующим политическим партиям должна быть принята позиция независимости, наступательности и недопущения их в свои ряды... Партии следует отстаивать интересы пролетариата и не вступать ни в какие взаимоотношения с другими партиями или группами»⁵¹. Это была сектантская позиция, к которой вполне применима критика, данная В. И. Лениным в его книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Сектантские тенденции оставались в КПК и в последующие годы.

В заключение своей работы делегаты избрали Временный центральный комитет (по другим данным — Центральное бюро) в составе: Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропаганду). До возвращения Чэнь Дусю из Гуанчжоу в Шанхай выполнение его обязанностей возлагалось на Чжоу Фохая.

Историческое значение I съезда определяется прежде всего тем, что он провозгласил образование Компартии Китая, определил ее программные цели: осуществление социалистической революции, установление диктатуры пролетариата и построение коммунистического общества. Съезд выразил стремление китайских коммунистов сформировать в стране пролетарскую партию и явился крупным шагом на пути к соединению научного социализма с рабочим движением в Китае. Съезд признал необходимым крепить единство с международным коммунистическим движением, центром и форумом которого был Коминтерн.

В создании КПК в наиболее концентрированном виде отражено влияние на Китай Великой Октябрьской социалистической революции, мирового революционного процесса, всесторонней помощи со стороны Коминтерна и РКП(б). Попытки маоистов отрицать и извратить роль интернационального фактора в становлении и развитии КПК в корне противоречат общеизвестным историческим фактам. Вместе с тем исторические факты свидетельствуют о том, что коммунистическое движение в этой стране не было «навязано извне», как утверждают буржуазные фальсификаторы. Оно зародилось на базе внутренних противоречий китайского общества, имело собственную национальную основу, унаследовав в качестве своего источника традиции борьбы трудового народа против эксплуататоров, обогащенные идеями научного социализма.

⁵⁰ См.: Конгресс Коммунистической партии в Китае (публикация Е. Ф. Ковалева). — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, с. 152—153.

⁵¹ Материалы по истории Компартии Китая, т. 1, с. 57.

К 25-летию гибели Гао Гана

А. С. Титов

Как известно, в результате маоистского террора были истреблены многие лучшие представители руководящих кадров Коммунистической партии Китая и ее вооруженных сил — коммунисты-интернационалисты, славные сыны китайского народа. Среди них был и Гао Ган, видный руководитель КПК и ее вооруженных сил, один из организаторов Советского района в Северо-Западном Китае — в Пограничном районе Шэньси — Ганьсу и в Северной Шэньси, который с конца 1935 г. стал местопребыванием ЦК КПК и важным центром революционных сил Китая. После освобождения Советскими войсками Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и капитуляции Японии Гао Ган был одним из тех, кто создавал здесь при интернациональной помощи Советского Союза военно-революционную базу, опираясь на которую китайская революционная армия повела решительную борьбу против прогнившего гоминьдановского режима и добилась победы революции в 1949 г.

Гао Ган родился в 1902 г. (по другим данным — в 1895 г.) в захолустном уезде Хэншань провинции Шэньси в семье крестьянина. После окончания начальной школы в своем родном уезде он учился в средней школе в городе Юйлинь. Здесь он познакомился с революционно настроенной молодежью, в том числе с будущим легендарным героем китайской революции Лю Чжиданем. Впоследствии они стали организаторами и руководителями советских районов в Северо-Западном Китае и подразделений Рабоче-крестьянской Красной армии Китая. Их наставниками в юйлинской средней школе были революционно настроенные преподаватели, получившие образование в Пекине. Некоторые из них были учениками первого китайского марксиста, одного из основателей Компартии Китая Ли Дачжао, и по его рекомендации распространяли идеи коммунизма и опыт Великой Октябрьской социалистической революции среди учащихся и образованных людей в Шэньси.

В 1922—1923 гг. в провинции Шэньси начали создаваться первые союзы социалистической молодежи и коммунистические кружки и ячейки. Их организаторами стали первые члены Коммунистической партии Китая Ли Цзычжоу, Вэй Ечоу и др. Когда в юйлинской средней школе был создан Союз социалистической молодежи, Гао Ган сразу же стал его членом и принял активное участие в революционной работе.

В 1926 г. Гао Ган вступил в Коммунистическую партию Китая. В том же году в провинцию Шэньси вошли национальные армии Фэн Юйсяна и Юэ Вэйцзюня, которые в то время представляли прогрессивные силы в гоминьдане. Бэйянские милитаристы были изгнаны из Шэньси, что привело к демократизации обстановки в провинции. Выступление же китайских коммунистов в Шэньси единым фронтом с Фэн Юйсяном и Юэ Вэйцзюнем способствовало быстрому превращению провинции в центр революционного движения в Северо-Западном Китае. По размаху революционного движения Шэньси приравнялась к провинции Гуандун. Тогда даже бытовало выражение: «На юге — Гуанчжоу (административный центр провинции Гуандун), а на севере — Сиань (административный центр провинции Шэньси)»¹.

В 1926 г. в Сиани (по другим данным в Сяньюани) была создана Военно-политическая академия имени Сунь Ятсена («вторая Вампу»), которую возглавил член КПК Ши Кэсюань. Гао Ган стал курсантом этой академии.

Весной 1927 г. состоялась конференция КПК, на которой был избран провинциальный комитет КПК Шэньси — Ганьсу, возглавивший революционную борьбу в этих провинциях. Начала издаваться партийная газета «Сибэй жибао». После разрыва с гоминьданом летом 1927 г. коммунисты, перейдя на нелегальное положение, в соответствии с установкой ноябрьского (1927) пленума ЦК КПК на создание советских баз в деревне, начали организовывать вооруженные восстания в различных районах провинции Шэньси. Гао Ган в составе курсантов Военно-политической академии имени Сунь Ятсена, большинство которых перешло на сторону коммунистов и составило ядро коммунистических повстанческих сил в Шэньси, принимал в апреле 1928 г. активное участие в восстании в уездах Вэйнань и Хуасянь, известном как «восстание в Вэйхуа», в результате которого было создано первое советское правительство про-

¹ См.: Гао Ган. Критический обзор вопросов истории партии Пограничного района. — Выступление на конференции партактива Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся 17—18 ноября 1942 г. [Б. м.], 1943 (перевод с китайского, рукопись), с. 6.

винции Шэньси. Возглавил восстание Лю Чжидань. С этого момента Гао Ган стал одним из его сторонников и помощников в борьбе за Советы и создание Рабоче-крестьянской Красной армии Китая, а также партизанских отрядов в Северо-Западном Китае.

После подавления реакционными силами восстания в Вэйхуа (советская власть продержалась там около месяца) Гао Ган, Лю Чжидань и другие коммунисты переместились ближе к своим родным местам, в северо-западную часть провинции Шэньси, и развернули там активную пропагандистскую и организаторскую работу, поднимая народные массы, прежде всего солдат и крестьян, на борьбу против помещиков, ростовщиков, местной и гоминьдановской реакции. В эти полные лишения годы Гао Ган проявил себя как прекрасный пропагандист и организатор. Росла его популярность среди трудящихся: он появлялся всюду, где закипала революционная борьба, создавал вооруженные и партизанские отряды. Вскоре Гао Ган становится одним из видных руководителей коммунистов Северо-Западного Китая.

Летом 1930 г. в партийном руководстве Шэньси — Ганьсу взяли верх «леваки», сторонники линии Ли Лисаня. Они создали «комитет действия» и, не считаясь с реальным положением дел, стали призывать к повсеместным восстаниям, в том числе и в Сиани. В результате многие партийные организации и провинциальный комитет КПК были разгромлены.

В апреле 1931 г., после IV пленума ЦК КПК, провинциальный комитет Шэньси — Ганьсу был воссоздан. В него вошли Гао Ган и Лю Чжидань. Секретарем провинциального комитета стал Се Цзычан. Но наряду с ними в провинциальный комитет вошли и многие лилисаневцы. Поэтому в воссозданном провинциальном комитете не было единства. Гао Ган, Лю Чжидань, Се Цзычан и другие вели борьбу как «левыми» лилисаневцами, так и с правыми оппортунистами, которые выступали против вооруженной борьбы и создания Советов.

Захват японцами Северо-Восточного Китая осенью 1931 г. вызвал антияпонские настроения даже внутри господствующих классов. Население Северо-Западного Китая требовало оказания сопротивления японским захватчикам. В Сиани и других городах организовывались антияпонские демонстрации, студенты стали создавать антияпонские организации. Во многих воинских частях гоминьдановской армии антияпонски настроенные офицеры стали устанавливать связь с организациями КПК и Красной армии и вели переговоры о совместной борьбе против японских захватчиков. Многие видные деятели включались в антияпонскую борьбу. Обстановка на Северо-Западе Китая резко менялась. Учитывая это обстоятельство, руководство провинциального комитета Шэньси — Ганьсу через месяц после «событий 18 сентября» 1931 г. приняло решение создать Объединенную антиимпериалистическую армию, основу которой составляли вооруженные отряды Лю Чжиданя, партизанские отряды Гао Гана и других коммунистов. Командующим армией был назначен Лю Чжидань, а политкомиссаром — Гао Ган. Они были сторонниками сотрудничества с антияпонски настроенными представителями различных кругов и воспользовались благоприятной обстановкой для увеличения и укрепления рядов Красной армии и расширения революционных баз. К началу 1932 г. 11 уездов в Северо-Западной Шэньси находилось в руках коммунистов. Для руководства войсками в Юлине был создан Политотдел².

Вскоре в руководстве провинциальной организации вновь взяли верх левачьи элементы, которые выступали против сотрудничества с представителями средних и высших слоев, стоящих на антиимпериалистических позициях. В результате Объединенная антиимпериалистическая армия была реорганизована в Шэньси-Ганьсускую партизанскую колонну Рабоче-крестьянской Красной армии, а осенью 1932 г. — в 26-й корпус Красной армии. На должность политкомиссара вместо Гао Гана был назначен некий Ду Хэн, который, по словам Гао Гана, был «левым» демагогом, ярким приверженцем лилисаневской линии, не изменившим своих позиций и после IV пленума ЦК КПК (январь 1931 г.). Он решительно отвергал любую форму единого фронта даже с теми отрядами туфэв и миньтуаней, которые поддерживали Красную армию и партизанские отряды, и стоял за физическое истребление тех и других. Он обрушился с бранью на тех коммунистов, которые установили единый фронт с прогрессивными офицерами гоминьдановской армии, обвиняя их в «сговоре с милитаристами». В результате 26-й корпус Красной армии и партизанские отряды оказались в изоляции и терпели поражения³.

В военных вопросах Ду Хэн, не считаясь с реальными возможностями, постоянно настаивал на наступательных действиях 26-го корпуса Красной армии. Тех, кто возражал против его левацкой авантюристической линии, под разными предлогами изгоняли из рядов Красной армии. В частности, Гао Ган был направлен на юг провинции Ганьсу для организации военной работы. В июле 1933 г. 2-й полк, возглавляемый Ду Хэном и составлявший ядро 26-го корпуса Красной армии, был полностью разгромлен в Вэйхуа. Ду Хэн был арестован и стал предателем⁴.

² In: E. Snow. Red star over China. New York, 1961, p. 221.

³ См.: Гао Ган. Указ. соч. с. 18, 22—25.

⁴ См. там же, с. 24—25.

После разгрома 2-го полка Гао Ган по указанию провинциального комитета КПК занялся воссозданием 26-го корпуса Красной армии и упорядочением партийных организаций Пограничного района Шэньси — Ганьсу. По словам Гао Гана, в результате авантюристической деятельности Ду Хэна и его предательства партийные организации и вооруженные силы КПК на Северо-Западе Китая понесли очень тяжелые потери. Руководящие органы партии и местные партийные организации были почти полностью разгромлены, появились пессимистические и ликвидаторские настроения. Тем не менее сохранился костяк партийных кадров, с помощью которого удалось восстановить партийные организации и воссоздать 26-й корпус Красной армии. Кроме того, был создан ряд партизанских отрядов и советских районов в Хуачи, Циньняне, Хэнсуэ, Басане и других местах. Тогда же был организован Особый комитет КПК вместо разгромленного провинциального комитета и образован Реввоенсовет, членами которых стали Гао Ган и Лю Чжидань. Особый комитет КПК возглавил Ма Минфан, сторонник Гао Гана и Лю Чжиданя.

Под руководством Особого комитета КПК стала создаваться советская власть и осуществляться программа советского строительства, принятая первым Всекитайским съездом советов в ноябре 1931 г. в городе Жуйцзине (провинция Цзянси). Одновременно Гао Ган был назначен политкомиссаром 26-го корпуса Красной армии, а Лю Чжидань — его командиром. К тому времени Гао Ган и особенно Лю Чжидань пользовались заслуженной славой народных героев среди местного населения Северо-Запада. К ним из разных мест стекались революционно настроенные представители интеллигенции, студенчества, крестьяне, солдаты из местных гоминьдановских войск. Вскоре значительно возросла численность 26-го корпуса Красной армии. Гао Гану и Лю Чжиданю удалось укрепить дисциплину и боеспособность корпуса, было открыто военное училище, создана Красная Гвардия. В ротах были организованы партийные ячейки и агитбригады, проводившие пропагандистскую и организаторскую работу.

В соответствии с решением Особого комитета КПК, 26-й корпус Красной армии под руководством Гао Гана и Лю Чжиданя постоянно помогал развертыванию и активизации партизанской борьбы как непосредственно своими действиями, так и кадрами, и оружием.

Хорошо зная взаимоотношения и национально-религиозный быт различных этнических групп — монголов, дунган и др., населявших Северо-Западный Китай, — между которыми часто происходили вооруженные столкновения, отличавшиеся особой жестокостью, Гао Ган проделал исключительно важную работу с целью преодоления националистической и религиозной розни и привлечения их на сторону Советов. В конце концов ему практически удалось свести на нет националистическую и религиозную рознь в Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся. «В этом, — подчеркнул П. П. Владимиров, — его несомненная заслуга»⁵.

Летом 1934 г. главные силы 26-го корпуса Красной армии и партизанские отряды под руководством Гао Гана и Лю Чжиданя разгромили первый «карательный» поход гоминьдановских войск, возглавляемых Ян Хучэном, и укрепили положение советских районов в Шэньси — Ганьсу и Северной Шэньси. В январе 1935 г. на совещании руководящих работников было решено создать Северо-Западный комитет КПК для обеспечения единого партийного руководства советскими районами. Секретарем комитета стал Го Хунтао, для которого были характерны левацкие и вождистские замашки. Во время работы этого совещания Ян Хучэн уже начал подготовку ко второму «карательному» походу против советских районов в Шэньси и Ганьсу, который по своим масштабам был более крупным, чем первый поход. При разработке плана разгрома этого похода на совещании руководящих работников разгорелась бурная дискуссия. Было предложено два плана: план Лю Чжиданя и Гао Гана и план Го Хунтао. Критикуя план Лю Чжиданя и Гао Гана, Го Хунтао обвинил их в правом уклоне, нерешительности, в боязни противника, в тактике бегства и т. п. В предложенном им «стратегическом плане» разгрома второго похода гоминьдановских войск предусматривалось наступление 26-го корпуса Красной армии на укрепленные города и населенные пункты. В ходе дискуссии план Го Хунтао был отвергнут и одобрен план Лю Чжиданя и Гао Гана. В результате второй поход Ян Хучэна был разгромлен. Было уничтожено более 20 батальонов противника, захвачена большая партия оружия, занято шесть уездных городов: Яньчан, Яньчуань, Баоань, Аньсай, Аньдин и Цзиньбянь. Территория советских районов в Шэньси и Ганьсу увеличилась в два раза, число бойцов Красной армии тоже возросло вдвое (был создан 27-й корпус Красной армии), а число партизанских отрядов — втрое. «Строительство советских районов, — писал Гао Ган, — получило небывалое развитие»⁶.

В результате борьбы Гао Гана, Лю Чжиданя и других коммунистов против левацких установок Го Хунтао последний был снят с поста секретаря Северо-Западного комитета КПК на партконференции в мае 1935 г. и переведен на другую работу.

К середине 1935 г. Красная армия и партизанские отряды под руководством Гао Гана и Лю Чжиданя контролировали 22 уезда в провинциях Шэньси и Ганьсу. В них была создана советская власть, учреждены банк и почта, стали выпускаться

⁵ П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, с. 19.

⁶ Гао Ган. Указ. соч., с. 39.

собственные денежные знаки и почтовые марки, создавались начальные школы, стал издаваться еженедельник «Сибэй доучжэн»⁷.

Чан Кайши, напуганный размахом и успехами советского движения в Шэньси — Ганьсу, направил туда летом 1935 г. в помощь Ян Хучэну бывшего правителя Маньчжурии Чжан Сюэляна с его стотысячной армией. Ян Хучэн, не дождавшись прибытия войск Чжан Сюэляна, стал готовиться к третьему «карательному» походу. Для разгрома этого похода Гао Ган и Лю Чжидань разработали стратегический план, предусматривавший концентрацию основных сил для нанесения массированных ударов по войскам противника сначала на восточном фронте, затем на западном и наконец на южном. Осуществляя этот план, части Красной армии и партизанские отряды под руководством Лю Чжиданя и Гао Гана разгромили две бригады и уничтожили два полка противника на восточном фронте, вынудив остатки вражеских войск бежать за реку Хуанхэ, а затем повели наступление на Хэйшань и Вэйхэ. Это было началом разгрома третьего «карательного» похода гоминьдановских войск⁸. Однако успешной борьбе вооруженных сил Лю Чжиданя и Гао Гана по разгрому третьего похода помешали эмигранты Мао Цзэдуна, направленные им в Шэньси вместе с 25-м корпусом Красной армии Сюй Хайдуна, который фактически помог отряду Мао Цзэдуна, бежавшему от Чжан Готао из Сычуань-Сиканского пограничного района, прорваться через провинцию Ганьсу и прибыть в Северную Шэньси.

Опасаясь, что в Советском районе Шэньси — Ганьсу может возникнуть такая же ситуация, как в Сычуань-Сиканском пограничном районе, когда в результате соперничества между Мао Цзэдунем и Чжан Готао в борьбе за власть в армии и партии произошел раскол руководства КПК и ее вооруженных сил, Мао Цзэдун решил воспользоваться представившейся ему возможностью — установлением в провинции Ганьсу контакта с командованием 25-го корпуса Красной армии и находившимся при нем бывшим провинциальным комитетом КПК Хубэй — Хэнань — Аньхой, — и направил специальную группу так называемых представителей ЦК КПК, чтобы подготовить почву для своего прибытия в Советский район Шэньси — Ганьсу вместе с остатками войск бывшего 1-го фронта Красной армии.

По словам военного советника при ЦК КПК Отто Брауна, который в то время находился в отряде Мао Цзэдуна, Гао Ган и Лю Чжидань располагали численным превосходством над 1-й армией Мао Цзэдуна и осуществляли административную власть в Советском районе Шэньси — Ганьсу. «Проще простого было, — писал Отто Браун, — с макиавеллиевской хитростью использовав 25-й корпус против 26-го корпуса, искусственно создать политический кризис, который сразу обеспечит Мао Цзэдуну бесспорный перевес»⁹.

Эти сведения Отто Брауна дополняет и уточняет корреспондент ТАСС П. П. Владимиров. Находясь в Яньани в 1942—1945 гг., он имел возможность выяснить обстоятельства событий, которые имели место осенью 1935 г. в Советском районе Шэньси — Ганьсу. Он записал в своем дневнике: «Мао Цзэдун послал вперед крупную воинскую часть (25-й корпус Красной армии. — А. Т.) для «наведения порядка», то есть полного устранения местного советского и партийного аппарата и создания на основе старой базы новой, где полновластным хозяином и беспрекословным авторитетом был бы только Мао Цзэдун»¹⁰.

Мао Цзэдун в то время не знал ни Гао Гана, ни Лю Чжиданя. Они для него были «чужими». Более того, он опасался, что Гао Ган и Лю Чжидань являлись сторонниками Чжан Готао. В то же время в 25-м корпусе Сюй Хайдуна находился свой человек — Чэнь Цзыхуа, который был направлен в сентябре 1934 г. из Жуйцзиня в Хубэй-Хэнань-Аньхойский советский район с директивой ЦК КПК о перебазировании 25-го корпуса Красной армии на Северо-Запад. Он и возглавил группу так называемых представителей ЦК КПК. Кроме него, в группу входили Чжу Личжи и Не Хунцзюнь. Никто из руководящих работников Советского района Шэньси — Ганьсу в эту группу не был включен. В задачу группы представителей ЦК КПК входили: реорганизация руководства партийных, военных и советских органов, объединение 26-го и 25-го корпусов в 15-ю армейскую группу, а также проведение «чистки» среди руководящих партийных, военных и советских работников Шэньси-Ганьсуского района. Официальным предложением для реорганизации и «чистки» было то, что руководство Советского района Шэньси — Ганьсу в течение длительного времени было оторвано от ЦК КПК, поэтому в нем могли действовать не только оппортунисты вроде Чжан Готао, но и контрреволюционеры.

В соответствии с полученными установками указанная выше группа представителей ЦК КПК по прибытии в сентябре 1935 г. вместе с 25-м корпусом в Шэньси произвела на совещании в Юпине реорганизацию Северо-Западного комитета КПК в Шэньсийский провинциальный комитет партии; на пост секретаря был назначен Чжу Личжи, а его заместителем — Го Хунтао. Реорганизован был местный Реввоенсовет, предсе-

⁷ См.: Лю Дайфэн, Чэнь Годун. Революционная борьба Рабоче-крестьянской Красной армии в провинциях Шэньси и Ганьсу. — Всюду реют красные знамена. М., 1957, с. 61; E. Snow. Red star over China, p. 221—222.

⁸ См.: Гао Ган. Указ. соч., с. 39.

⁹ См.: О. Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, с. 197.

¹⁰ П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 528.

дателем которого стал Не Хунцзюнь. Из 26-го, 27-го и 25-го корпусов была сформирована 15-я армейская группа, командующим которой был назначен Сюй Хайдун, а его заместителем — Лю Чжидань; политкомиссаром 15-й армейской группы стал Чэнь Цзыхуа, а Гао Ган был назначен начальником политотдела.

Как утверждает Сюй Хайдун, который о многом умалчивает и даже извращает факты, 15-я армейская группа была сформирована 18 сентября 1935 г., в четвертую годовщину начала японской оккупации Маньчжурии¹¹. В то время авангардные части Дунбэйской армии Чжан Сюэляна вторглись в Советский район Шэньси — Ганьсу. 15-я армейская группа была вынуждена немедленно выступить против наступавшего противника. Вместе с нею отправился и Гао Ган. В бою у Лаошаня она разгромила большую часть 110-й дивизии Дунбэйской армии. Затем 15-я армейская группа осадила Ганьцюань, но не смогла овладеть им; у Юймэнцяо она разгромила четыре батальона 107-й дивизии Дунбэйской армии. Во время этих боев было захвачено много пленных, большинство которых после проведения среди них разъяснительной работы о том, что «китайцы не должны убивать китайцев», а должны «винтовки обратить против внешнего врага, японских империалистов, которые оккупировали их родину» (Маньчжурию), были отпущены, чтобы вести соответствующую пропаганду в войсках Чжан Сюэляна¹².

В то время, по словам Гао Гана, стало известно, что части 1-го фронта Красной армии, возглавляемые ЦК КПК, продвигаются в Северную Шэньси. Гао Ган и Лю Чжидань, находясь на передовой, обсудили этот вопрос и разработали план, намереваясь, возглавив части Шэньси-Ганьсуской Красной армии, организовать прорыв и выйти навстречу ЦК КПК и частям 1-го фронта Красной армии. Однако группа представителей ЦК КПК воспротивилась этому. Более того, зная, что Красная армия 1-го фронта, возглавляемая ЦК КПК, вот-вот должна появиться в Шэньси, она не стала дожидаться их прибытия, а приступила к развертыванию так называемой кампании «борьбы по искоренению контрреволюции» в советских районах Шэньси — Ганьсу и в 26-м и 27-м корпусах Красной армии¹³. Гао Ган, Лю Чжидань и их сторонники были обвинены в «правом ликвидаторстве» и даже в «контрреволюционной деятельности». При поддержке 25-го корпуса Красной армии и его службы безопасности, возглавляемой Дай Цзинном, группа представителей ЦК КПК спешно начала так называемую «чистку», а в сущности, расправу над местными руководящими кадрами, объявив кампанию «борьбы по искоренению контрреволюции» в Советском районе Шэньси — Ганьсу. По подозрению в контрреволюции были арестованы Гао Ган, Лю Чжидань и другие местные руководящие кадры. В короткий срок было арестовано свыше 200 человек — фактически все руководящие работники партийных, военных и советских органов района Шэньси — Ганьсу.

«В октябре 1935 года передовой карательный отряд Мао Цзэдуна, — писал П. П. Владимиров, — как смерч прошелся по Шэньси. Были поголовно арестованы все местные партийные и советские работники. Командиры и бойцы, заступившие за своих руководителей, были зверски истреблены»¹⁴.

В отношении арестованных, говорил Гао Ган, применялись самые бесчеловечные приемы и пытки. Чжу Личжи, Го Хунтао, Не Хунцзюнь и другие их помощники «хватали людей, не проводили никакого расследования, не искали доказательств, полагались исключительно на признания, полученные под пытками, когда арестованному показывали список имен многочисленных подозреваемых и били его до тех пор, пока он не называл их «контрреволюционерами»¹⁵. Очень многие из арестованных были расстреляны. По позднему признанию ЦК КПК, во время этой кампании «борьбы по искоренению контрреволюции» в «Пограничном районе Шэньси — Ганьсу и в 26-м корпусе Красной армии было расстреляно более 120 лучших кадровых работников, — это не просто ошибка, а преступление против революции»¹⁶.

Вред, который нанесла кампания «борьбы по искоренению контрреволюции» в Советском районе Шэньси — Ганьсу осенью 1935 г., подчеркивал Гао Ган, был огромен. В ходе этой кампании «пострадало много честных партийных товарищей и погибло много старых кадровых работников, которые были основателями и создателями Красной армии и советских районов в Шэньси — Ганьсу. Кроме того, эта кампания произвела крайне удручающее впечатление на бойцов и командиров Красной армии, ослабила ее силы; среди населения возникла паника и началось массовое бегство, советский район уменьшился. Возник серьезный кризис»¹⁷.

Как указывают некоторые источники, методы, применявшиеся во время кампании «борьбы по искоренению контрреволюции», были идентичны тем, которыми пользо-

¹¹ См.: Сюй Хайдун. Соединение войск в Северной Шэньси. — Из искры разгорится пламя. Пекин, 1959, с. 229.

¹² См.: Гао Ган. Указ. соч., с. 51; E. Snow. Red star over China p. 223.

¹³ См.: Гао Ган. Указ. соч., с. 56.

¹⁴ П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 528.

¹⁵ Гао Ган. Указ. соч., с. 57.

¹⁶ Жэнь Биши. Соображения по некоторым вопросам. Доклад на совещании высших кадровых работников Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся, 8—11 января 1943 г. (перевод с китайского, рукопись), с. 76.

¹⁷ Гао Ган. Указ. соч., с. 57.

вался Мао Цзэдун во время так называемых «футяньских событий», в 1930—1931 гг.¹⁸ Факты полностью подтверждают это.

«Карательный отряд, — писал П. П. Владимиров, — схватил Гао Гана, Лю Чжидана и их товарищей в пору зимних холодов. В качестве одной из пыток было держать арестованных на морозе. Когда Гао Ган, Лю Чжидан и их товарищи, слабея, падали, их побоями поднимали на ноги и швыряли по кругу. Еще в Футяни каратели Мао Цзэдуна широко практиковали пытки прижиганиями. В этот раз повторилась та же картина. Арестованных пытали огнем. Все эти годы Гао Ган умалчивает о том, что было, но именно во время пыток его правое бедро было сожжено до кости. Характерный прием Мао Цзэдуна — зверски расправляться с крупными кадровыми работниками, проявляющими самостоятельность и пользующимися чрезмерным, с его точки зрения, авторитетом, а потом отрешиваться от расправ, взваливая вину на технических исполнителей. Так было после футяньских расправ. После расправ по «делу Гао Гана и Лю Чжидана»¹⁹.

По данным П. П. Владимиров, резня в Советском районе Шэньси — Ганьсу «продолжалась и с приходом ядра армии во главе с Мао Цзэдуном»²⁰.

Мао Цзэдун прибыл в Северную Шэньси 19 октября 1935 г. Он обосновался вместе с прибывшими с ним членами Политбюро и ЦК КПК в Ваяобао, который являлся административным центром Советского района в Северной Шэньси.

Как указывает П. П. Владимиров, «действия карательной экспедиции вызвали возмущение членов ЦК КПК. Вина за репрессии падала на Мао Цзэдуна. Сомнений в том, кто отдал приказ, быть не могло... Тогда председатель ЦК КПК обвинил в самоуправстве командиров своей карательной экспедиции»²¹.

По прибытии в Ваяобао Мао Цзэдун поручил комиссии ЦК КПК по партийным делам, которая работала под его непосредственным руководством, заняться проверкой деятельности группы представителей ЦК КПК, возглавляемой Чэнь Цзыхуа, «по искоренению контрреволюции» в Советском районе Шэньси — Ганьсу. Фактически она одобрила деятельность этой группы, указав лишь, что ею были допущены ошибки и перегибы, заключающиеся в том, что некоторые работники были арестованы без достаточных на то оснований. Вина за эти ошибки и перегибы была полностью возложена на Не Хунцзюня и Дай Цзинна, то есть на технических исполнителей. Гао Ган и Лю Чжидан были освобождены из тюрьмы, но не были полностью реабилитированы. Их обвинили в «правом ликвидаторстве и в анархистском подходе в отношении к контрреволюционной группировке», а также в том, что при их потворстве «контрреволюционная группировка смогла вести планомерную деятельность»²².

Гао Ган фактически был отстранен от руководящей работы. Его даже не допустили к участию в работе конференции партийных организаций Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, состоявшейся в мае 1937 г. Все его сторонники, оставшиеся в живых после кампании «борьбы по искоренению контрреволюции», также оказались на низкой работе.

Во время антияпонской войны 1937—1945 гг. Мао Цзэдун, испытывая затруднения в кадрах, знакомых со спецификой и местными условиями работы в Северо-Западном Китае, был вынужден привлечь Гао Гана и другие местные кадры к руководящей работе. В 1939 г. Гао Ган стал председателем Консультативного комитета Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, а затем возглавил Северо-Западное бюро ЦК КПК. Во время пресловутой кампании «по исправлению стиля работы» в 1941—1945 гг. Мао Цзэдун включил Гао Гана в комиссию по проверке партийных и беспартийных кадров, возглавлявшуюся Кан Шэнном. Однако, по свидетельству П. П. Владимиров, в работе этой комиссии Гао Ган проявлял сдержанность, «граничащую с пассивностью»²³.

Характеризуя Гао Гана, П. П. Владимиров писал: «Он приветлив и правдив с нами. Держит себя независимо... Несмотря на трагическое прошлое, Гао Ган общителен. Ни тени угрюмости или недоверия в отношениях с людьми. Он ценит шутку и готов к шутке. Поражает эта его удивительная жизненная стойкость. Не выносливость, а стойкость»²⁴.

Желая заручиться поддержкой Гао Гана и его сторонников во время кампании «чжэнфэнь», Мао Цзэдун разрешил пересмотреть «дело Гао Гана и Лю Чжидана», сфабрикованное по его указанию осенью 1935 г., а также решение по этому «делу» комиссии ЦК КПК по партийным делам от ноября 1935 г., но при условии, чтобы не пала и тень подозрения на его причастность к этим событиям.

По разработанному Мао Цзэдуном сценарию в конце 1942 — начале 1943 гг. состоялось совещание кадровых работников Пограничного района Шэньси — Гань-

¹⁸ In: Warren Kuо. Analytical History of the Chinese Communist Party, Book three. Taipei, 1970, p. 117.

¹⁹ П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 529.

²⁰ Там же, с. 528—529.

²¹ Там же, с. 529.

²² См.: Гао Ган. Указ. соч., с. 59, 76.

²³ См.: П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 534.

²⁴ Там же, с. 116, 534.

су — Нинся, посвященное этим вопросам. Работа совещания контролировалась и направлялась лично Мао Цзэдуном. В своем вступительном слове в день открытия совещания Мао Цзэдун заявил: «Совещание высших кадровых работников должно стать экзаменом в учебе, предметом которой является исправление стиля»²⁵. Это означало, что участники совещания должны критиковать и обвинять кого угодно, только не Мао Цзэдуна. Главными виновниками кровавых событий в Советском районе Шэньси — Ганьсу осенью 1935 г. были объявлены Чжу Личжи и Го Хунтао, то есть технические исполнители указаний Мао Цзэдуна, а также так называемые «левые» оппортунисты Ван Мин и Бо Гу. Так, член Политбюро и секретарь ЦК КПК Жэнь Биши, подводя итоги работы совещания, говорил: «ЦК КПК, проведя повторное расследование вопроса о «борьбе по искоренению контрреволюции» в Северной Шэньси, считает, что основную ответственность за ошибочное проведение «борьбы по искоренению контрреволюции» следует возложить на тт. Чжу Личжи и Го Хунтао, а не на тт. Дай Цзиня и Не Хунцзюня»²⁶.

Объясняя причины, породившие эту «ошибочную» «борьбу по искоренению контрреволюции», Жэнь Биши утверждал, будто эта «ошибочная борьба» явилась результатом существования ошибочной линии левого оппортунизма, «господствовавшей в партии в период от «событий 18 сентября (1931)» до совещания в Цзуньи». «Если политическая линия ошибочна,— говорил он,— то и политическая деятельность не может быть правильной, что может привести к поражению революции»²⁷.

Одновременно Жэнь Биши признал, что линия, которую проводили Гао Ган, Лю Чжидань и другие в 1935 г., «не только не была ошибочной, а была правильной линией, исходившей из принципа учета реальной обстановки». Он также сообщил, что ЦК КПК, проводя повторное расследование по вопросу о «борьбе по искоренению контрреволюции» в Советском районе Шэньси — Ганьсу, считает, что оценки в решении комиссии ЦК КПК по партийным делам от ноября 1935 г. по многим вопросам не соответствуют фактам и ошибочны. Поэтому ЦК КПК «отменяет все наказания, за исключением мер, принятых в отношении Дай Цзиня и Не Хунцзюня, которые по-прежнему остаются в силе».

Следует отметить, что доклад Гао Гана, с которым он выступил на этом совещании, значительно отличается от доклада Жэнь Биши, хотя последний и хвалил «правильные выводы» Гао Гана, имеющие, по его словам, «очень большое воспитательное значение для партии в общегосударственном масштабе»²⁸. В частности, Гао Ган ни разу не упомянул в своем докладе имя Мао Цзэдуна. В отличие от Жэнь Биши Гао Ган главную вину за кровавые события в Советском районе Шэньси — Ганьсу осенью 1935 г. возложил не на «ошибочную левоуклонистскую линию», как была господствовавшая в партии от «событий 18 сентября» до совещания в Цзуньи, а на крайне отрицательные личные качества Чжу Личжи и Го Хунтао. Он говорил: «Можно ли сказать, что борьба между двумя разными линиями непременно должна вылиться в «искоренение контрреволюционеров?» Нет, сказать этого нельзя; решающую роль в перерастании борьбы по вопросам линии в кампанию по искоренению контрреволюции сыграли личные качества, а именно — крайне отрицательные личные качества Чжу Личжи и Го Хунтао...» Кроме того, по словам Гао Гана, перерастанию борьбы по вопросам линии в кампанию «по искоренению контрреволюции» способствовал также приход в Северную Шэньси 25-го корпуса Сюй Хайдуна. «Совершенно очевидно, — подчеркивал Гао Ган, — что, если бы не приход 25-го корпуса, у Чжу Личжи и Го Хунтао не было бы опоры в армии, а посему им было бы нелегко развернуть кампанию «по искоренению контрреволюции»²⁹.

Все это противоречило установкам Мао Цзэдуна, и он, конечно, не мог простить такого непослушания Гао Гану. Во время работы VII съезда партии в 1945 г. Гао Гана при подстрекательстве Мао Цзэдуна обвинили в том, что он в своем докладе на совещании в конце 1942 г. фальсифицировал историю Северо-Запада и приписал себе чужие заслуги³⁰.

Не позволил Мао Цзэдун Гао Гану и другим должным образом наказать его помощников по кровавым событиям в Советском районе Шэньси — Ганьсу осенью 1935 г. — Чжу Личжи и Го Хунтао. Им было сделано лишь «последнее предупреждение», так как, по словам Жэнь Биши, «они не могут нести целиком всю ответственность за ошибочную политическую линию того времени»³¹.

Наряду со славословиями в адрес Мао Цзэдуна и «чжэнфэна» Жэнь Биши все же был вынужден объективно отдать должное Гао Гану. В своем выступлении на совещании он сказал: «В ходе дискуссии по вопросам истории мы узнали, что товарищ Гао Ган не только вождь народных масс Северо-Запада, но и человек в высшей степени принципиальный, овладевший политикой, способный, талантливый, один из немногих в нашей партии стойкий руководящий кадровый работник; он

²⁵ Цит. по: Жэнь Биши. Соображения по некоторым вопросам, с. 2—3.

²⁶ Там же, с. 75—76.

²⁷ Там же, с. 76.

²⁸ Там же, с. 85—86.

²⁹ Гао Ган. Указ. соч., с. 54—55.

³⁰ См.: П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 608.

³¹ Жэнь Биши. Соображения по некоторым вопросам, с. 82—83.

полноценный кадровый работник, отвечающий всем четырем требованиям, выдвинутому товарищем Г. М. Димитровым. Он воспитан и закален в революционной борьбе всех трех этапов китайской революции (великой революции, советской революции, антияпонской борьбы). У него есть опыт вооруженной борьбы и подпольной работы. Он прошел испытания на линии огня и в суде. В период самостоятельной работы он проводил правильную линию... Исторические факты уже доказали, что товарищ Гао Ган как революционер Северо-Запада, как революционный вождь получил всеобщее признание партийных и беспартийных товарищей Пограничного района, широких кругов в Пограничном районе и за его пределами, наших друзей и врагов... Отныне партия, правительство, армия и народ Пограничного района в своей практической работе должны подчиняться такому вождю и преклоняться перед ним»³².

Как ни старался Мао Цзэдун при повторном расследовании вопроса о «борьбе по искоренению контрреволюции» в Советском районе Шэньси — Ганьсу осенью 1935 г. избежать даже намеков на его причастность к этим кровавым событиям, тем не менее хотя и окольным путем, но об этом поведает бывший генеральный секретарь ЦК КПК Чжан Вэньтянь (Ло Фу). Выступая на VII съезде КПК и каюсь в своих «грехах» перед Мао Цзэдуном, Чжан Вэньтянь заявил: «В Шэньси, когда велась борьба с контрреволюцией — арест Гао Гана, — я настаивал, но не до конца, на разборе данного дела. Я не понимал, что Гао Ган и другие были... вождями. После того, как Го Хунтао совершил ошибки и т. п., я отнес их на счет товарища Мао Цзэдуна»³³. Из этого заявления Чжан Вэньтяня явствует, что по прибытии в Северную Шэньси вместе с Мао Цзэдуном осенью 1935 г. он считал главным виновником кровавых событий именно Мао Цзэдуна, а не Го Хунтао и других, а ему как генеральному секретарю ЦК КПК было многое известно.

На VII съезде КПК Гао Ган был избран членом ЦК, а на первом пленуме ЦК — членом Политбюро ЦК КПК. Сразу же после вступления Советского Союза 9 августа 1945 г. в войну против империалистической Японии Гао Ган был направлен на руководящую военную и партийную работу в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), где он был комиссаром и командующим Северо-Восточного военного округа, а затем секретарем Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председателем Народного правительства Северо-Восточного Китая. Он сыграл важную роль в упрочении народно-демократической власти в Северо-Восточном Китае, в расширении и укреплении Маньчжурской Объединенной демократической армии и в подготовке ее к стратегическому генеральному наступлению против гоминьдановского режима, которое сыграло решающую роль в победе китайской революции в 1949 г.

После победы китайской народной революции в 1949 г. Гао Ган стал заместителем председателя Центрального народного правительства КНР, продолжая одновременно возглавлять Северо-Восточное бюро ЦК КПК и Народное правительство Северо-Восточного Китая.

Огромная помощь, которую Советский Союз оказывал народно-демократической власти в Северо-Восточном Китае и Маньчжурской объединенной демократической армии, несмотря на тяжелейшие материальные и людские потери, понесенные в войне против фашистской Германии, еще более убедила Гао Гана в искренности дружеских чувств советского народа и Коммунистической партии Советского Союза к народу Китая. Он стал решительным сторонником укрепления марксистско-ленинского пролетарского влияния в КПК и дружбы с Советским Союзом. Однако это шло вразрез со взглядами и «идеями» Мао Цзэдуна, в основе которых по-прежнему лежали великоханьский шовинизм и антисоветизм. Поэтому Мао Цзэдун и его сторонники решили нанести удар по Гао Гану, а также по Жао Шуши, секретарю Восточнокитайского бюро ЦК КПК, и тем самым приостановить рост влияния пролетарских, интернационалистских сил в КПК, запугать руководящие партийные кадры и подготовить политические и организационные предпосылки для того, чтобы добиться преобладающего влияния в партии и государстве, которое он потерял после победы китайской революции в 1949 г., и пересмотреть генеральную линию партии в духе маоистских установок и «идей». Кроме того, они хотели убрать живых свидетелей своих преступных действий, так как считали, что Гао Ган в конце концов понял, кто был главным виновником его ареста и кровавых событий в Советском районе Шэньси — Ганьсу, а Жао Шуши был соучастником их попыток установить во время антияпонской войны преступную связь с Ван Цзинвэем и японскими оккупантами. Мао Цзэдун опасался, что они могут выступить с разоблачением его антипартийных антинациональных махинаций. При этом Мао Цзэдун использовал уже испытанный метод, натравливая одного руководящего деятеля КПК на другого, в частности он использовал выступления Гао Гана против избрания Лю Шаоци генеральным секретарем ЦК КПК. Так ему удалось в борьбе против Гао Гана привлечь Лю Шаоци, а затем Дэн Сяопина, обещая ему пост генерального секретаря³⁴. Маскируя свои подлинные цели, Мао Цзэдун начал атаку под флагом «укрепления

³² Жэнь Би ши. Соображения по некоторым вопросам, с. 33—34.

³³ Цит. по: П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 537.

³⁴ См.: Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 194—196.

единства партии». Проект соответствующей резолюции был разработан по предложению Мао Цзэдуна на заседании Политбюро ЦК КПК 24 декабря 1953 г. Гао Ган и Жао Шуши были сняты с руководящих постов в Северо-Восточном и Восточном Китае и переведены в Пекин, где были лишены реальной власти, хотя формально получили назначения: Гао Ган — на пост председателя Госплана КНР, а Жао Шуши — заведующего орготделом ЦК КПК.

В феврале 1954 г. состряпанное Мао Цзэдуном и его приспешниками «дело об антипартийном блоке Гао Гана — Жао Шуши» было вынесено на рассмотрение IV пленума ЦК КПК, который, согласно утверждениям маоистов, «сделал участникам этой антипартийной группировки серьезное предупреждение»³⁵.

Тогда же Гао Ган, Жао Шуши и ряд руководящих лиц, работавших вместе с ними, были арестованы. Как утверждает официальная маоистская версия, Гао Ган отказался признать обвинение в «антипартийной деятельности» и «покончил жизнь самоубийством» в тюрьме³⁶. Несмотря на это, в марте 1955 г. «дело Гао Гана — Жао Шуши» было вынесено на рассмотрение Всекитайской конференции КПК. С докладом по этому вопросу выступил Дэн Сяопин. На конференции Гао Ган и Жао Шуши клеветнически были обвинены в заговорщической деятельности «с целью захвата руководства в партии и государстве», в попытке «свергнуть руководящее ядро ЦК партии, возглавляемое Мао Цзэдуном», и т. п. Конференция приняла решение исключить из партии Гао Гана и Жао Шуши и «отстранить их от всех ранее занимаемых ими должностей в партии и вне ее»³⁷.

Во время пресловутой «культурной революции» в хунвэйбиновской печати, которая находилась под полным контролем Мао Цзэдуна и его приспешников, утверждалось, что «сообщник Лю Шаоци, Дэн Сяопин, который провоцировал выступления антипартийной группировки Гао Гана — Жао Шуши, чтобы избавиться от нежелательных пересудов, умертвил Гао Гана». Были замучены до смерти в тюрьме Жао Шуши и ряд арестованных по этому «делу» лиц. Так Мао Цзэдун и его нынешние наследники расправлялись с настоящими коммунистами, беззаветно служившими своему народу, делу революции и социалистического строительства в Китае.

³⁵ См.: Резолюция Всекитайской конференции КПК об антипартийном блоке Гао Гана — Жао Шуши. — «Народный Китай», 1955, № 8. Приложение.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

КУЛЬТУРА

Курахара Корэхито — исследователь русской литературы (фрагмент японского пушкиноведения)

А. И. Мамонов,
кандидат филологических наук

Обложку мартовского номера журнала «Минсю бунгаку» украшает рекламная композиция, посвященная выходу в свет десяти томного «Собрания критических статей Курахара Корэхито». Над фотопортретом автора вертикальные строки нероглифов повествуют о выдающемся вкладе в демократическое литературоведение Японии одного из самых блистательных ее представителей. В связи с 75-летием замечательного критика-марксиста справедливо отмечалось, что это «не только юбилейная дата в его биографии, но и заметная веха в истории современной японской литературы»¹.

Литературно-критическая деятельность Курахара Корэхито служит ярким примером широты переводческого и научного диапазона. Особый интерес для советских читателей представляют его исследования, посвященные русской литературе, в частности поэтическому наследию А. С. Пушкина. Именно этот аспект его творчества и хотелось бы выделить автору данной статьи, много лет собиравшему материалы для книги «Пушкин в Японии». Великий русский поэт предстает перед нами в оценках японского исследователя-русиста как признанный классик русской и мировой литературы: в созвездии величайших имен мировой литературы он занимает свое почетное место.

...Курахара Корэхито, известный деятель Коммунистической партии Японии, теоретик литературы и переводчик произведений русских и советских писателей, родился в 1902 г. В 1923 г. он оканчивает Токийский институт иностранных языков и в 1925 г. направляется в Советскую Россию «для изучения русского языка и русской литературы», как было указано в официальном предписании. В ту пору культурные контакты между СССР и Японией только-только налаживались, в Токио еще не было советского посольства, и молодому ученому пришлось ожидать, пока разрешение на въезд в страну будет подтверждено советским консульством Китая. Двадцатитрехлетний Курахара одним из первых японцев-русистов приехал в СССР и с тех пор навсегда проникся чувствами любви и дружбы к нашей стране.

Критик и переводчик Курахара Корэхито всю свою жизнь неизменно верен коммунистическим идеалам, пройдя тяжелые испытания в годы довоенной реакции (восемь лет он провел в тюрьме), в период послевоенной американской оккупации и позднее, в годы нелегкой борьбы за интересы трудового народа, за подлинно демократическую культуру Японии.

Большое место в его творческой биографии заняла русская литература. «К русской литературе я привязался с детских лет, — вспоминает Курахара. — Она играла большую роль в формировании моих взглядов. В юношеские годы был небольшой период, когда меня влекло модное в то время символистское, декадентское литературное течение, но от этого увлечения мне помог избавиться Белинский. В дальнейшем я познакомился с марксизмом, а в 1925 г. приехал в СССР. Около полтора лет я жил в Москве, где изучал работы Ленина и Плеханова, знакомился с советской литературой и ее теорией. По возвращении на родину я стал участвовать в движении за пролетарскую литературу, вступил в Коммунистическую партию Японии, которая в то время была на нелегальном положении, и с тех пор продолжаю состоять в ней»².

За полтора года пребывания в СССР (1925—1926) Курахара Корэхито собрал изрядное количество материалов о русской и советской литературе. Однако по возвращении на родину ему не пришлось заняться ими в полной мере: он с головой ушел в движение за пролетарскую литературу, развертывавшееся по всей стране, вел ответственную партийную работу, весьма опасную в условиях тогдашней японской действительности, подвергся репрессиям. Во время войны от пожара

¹ «Литературная газета», 16.XI.1977.

² Предисловие Курахара Корэхито к русскому изданию его книги «Статьи о современной японской литературе», пер. с яп., сост. Л. Д. Гришелева. М., 1959. с. 5—6; цитируется в новой редакции по статье К. Рехо (см. прим. 1).

погибла значительная часть привезенных материалов. Дальнейшие же поездки в СССР уже были связаны, по словам Курахара, с делами политическими, а не собственно литературными. Поэтому, скромно пишет он в послесловии к своей книге «Русская революция и литература», хотя его и именуют «русистом», исследователем русской литературы, его русистские работы (кроме переводов) составили всего лишь этот том. Однако японский писатель несправедлив к себе в этой оценке, его творческая биография опровергает им же сказанное.

... Вернувшись на родину, Курахара Корэхито публикует целый ряд работ — очерков, статей, переводов, в том числе «Разгром» А. Фадеева (1928), «Железный поток» А. Серафимовича (1929) и др. В юности и позднее он неоднократно обращается к поэзии А. С. Пушкина, переводит произведения Чехова, Горького, Куприна, как переводчик и составитель активно участвует в двухтомном издании «Ленин о культуре» (1969).

В 1977 г. выходит уже упомянутая книга «Русская революция и литература», о которой хотелось бы рассказать подробнее. В ней собраны исследования и статьи о русской классической и советской литературе, написанные в довоенные годы, в эпоху тогдашнего расцвета пролетарского литературного движения, и в послевоенный период, когда их автор становится одним из признанных вождей новой демократической литературы, ее теоретиком. Статьи написаны, как явствует из послесловия, в течение 1924—1930 и 1947—1968 гг. и систематизированы в пяти частях. В первой из них прослеживается возникновение и развитие литературно-критической мысли в России, начиная с революционных демократов (Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов) и кончая Михайловским и Плехановым, рассматриваются также основные течения русской литературы начала нынешнего века. Во второй части исследуются влияние революции 1905 г. на литературу и связь литературы с революционно-демократическими традициями, показано зарождение и развитие метода социалистического реализма в творчестве Горького и Маяковского. Третья часть почти целиком посвящена Пушкину и Белинскому, в нее включена также интереснейшая работа «Ленин и литература». Четвертая часть, наибольшая по объему, содержит статьи о советской литературе 20-х годов. Пятая — очерковые записи о трех поездках в СССР.

«В последние годы, — пишет Курахара, — изучение русской и советской литературы как в Японии, так и в СССР достигло большого развития, выходит множество замечательных исследований и обзорных работ. Написанное мною, мне кажется, несколько нуждается в пересмотре, если исходить из требований сегодняшнего дня. Но если рассматривать это в «историческом» плане, то, наверно, оно представит собой более или менее ценное пособие для изучающих»³.

К юбилею Курахара Корэхито в 1977 г. выходит еще одна книга — «Собрание русской лирики». В нее вошли 82 стихотворения двадцати шести русских и советских поэтов — от Пушкина (одиннадцать произведений) до Ольги Берггольц. Переводы были сделаны Курахара Корэхито большей частью еще в далекие годы юности, многие из них были опубликованы в начале 20-х годов в журнале «Росия бунгаку» («Русская литература»).

Такахаси Кацуюки, который в юности с увлечением читал этот журнал, спустя полвека в воспоминаниях о нем рассказывает, что наибольшее число переводов (20 произведений) принадлежало перу Курахара Корэхито. Отмечая выдающуюся роль Курахара Корэхито в пропаганде русской и советской литературы в Японии, он ссылается на книгу «Запад и Восток» академика Н. И. Конрада, писавшего о двух периодах распространения русской литературы в Японии, на высокую оценку, данную им многогранной деятельности таких выдающихся литераторов, как Фатабэй Сямэй и Курахара Корэхито, сыгравших большую роль в распространении русской литературы в Японии соответственно в 70—80-е годы XIX в. и в 20-е годы (и позднее) XX в.⁴

В первые годы после второй мировой войны в Токио на базе литературной секции, входившей в «Ассоциацию исследователей СССР» («Собэто кэнкюся кёкай») при издательстве «Иванами сётэн», возник небольшой литературный кружок «Общество Пушкина» («Пусикин-но кай»). В его организации участвовали Курахара Корэхито, Экэмура Еситаро, Канэко Юкихико, Тани Кохэй, Нодзакэ Есно и другие из-

³ Курахара Корэхито. Росия какумэй то бунгаку. Токио, 1977, с. 521.

⁴ См.: Такахаси Кацуюки. Третий период «Росия бунгаку» и Курахара Корэхито. — «Мадо» (Токио), 1977, № 6, с. 24—25, 29—30. «Общество изучения русской литературы» («Росия бунгаку кэнкюкай»), органом которого был этот журнал, намеревалось подготовить отдельное издание «Горя от ума» А. С. Грибоедова в переводе Ясуги Садатоси и «Собрание лирики Пушкина» («Пусикин дзэдзё сямсё»). Первоначально в сборник произведений Пушкина предполагалось включить, помимо лирики, поэмы «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы» под названием «Поэзия Пушкина». Но из-за банкротства издательства «Минта сёбо» этим планам не суждено было сбыться. Катастрофическое землетрясение, уничтожившее почти весь Токио, разорило и издательскую фирму, готовившую сборник. Сборник же лирики увидел свет только пятьдесят с лишним лет спустя, уже в наши дни.

вестные русисты. Кружковцы выступали с докладами, обсуждали новинки, делились переводческим опытом. Профессор Нодзакн Есно, с которым автор данных строк беседовал во время приезда японского гостя в Москву в 1978 г., тепло вспоминает о тех «пушкинских днях» и особенно об одном из них, когда ему довелось выступить с докладом о «Пиковой даме». По его словам, «Общество Пушкина», хотя и насчитывало не больше 15 человек, играло видную роль в пропаганде творчества великого русского поэта в Японии. Такая высокая оценка не была преувеличением: в рядах «Общества Пушкина» были поистине выдающиеся ученые и переводчики, знатоки русской и советской литературы, плоды деятельности которых на избранном ими поприще трудно переоценить.

В 1947 г., когда отмечалось 110-летие со дня смерти А. С. Пушкина, в газете «Акахата», органе КПЯ, была опубликована статья «О Пушкине»⁵. Автор этой небольшой, рассчитанной на массового читателя, но содержащей весьма серьезные размышления публикации — Курахара Корэхито — не ставил, конечно, своей задачей дать исчерпывающую характеристику жизни и творчества великого русского поэта. Зато она любопытна тем, что авторское представление о Пушкине принципиально отличается от того, что было характерно прежде для японского пушкиноведения. Японский читатель, современник этой статьи, узнал из нее несравненно больше, чем могло бы показаться на первый взгляд: в японском пушкиноведении появились новые, немыслимые ранее суждения и оценки. Курахара подчеркнул, что Пушкин не просто национальный поэт, гордость России, но и певец свободы, противник деспотизма, идейно близкий делу декабристов. Была дана и совершенно новая характеристика пушкинской эпохи — времени «самого первого в России практического революционного движения». Читатель смог открыть для себя и то, что после поражения восстания декабристов в 1825 г. наступил «мрачный период реакции в России», что Пушкин, «хотя и испытывал страдания, причиняемые ему императорской цензурой его стихов и притеснениями придворной аристократии, до конца боролся за свое искусство и оставил множество замечательных произведений».

Из пушкинских произведений автором были особо выделены «Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин». Поэма «Руслан и Людмила», писал Курахара, «оказала прямо-таки революционное воздействие на русскую литературу того времени». О романе «Евгений Онегин» автор писал, что герой этой пушкинской поэмы стал первым из серии образов «лишних людей» в русской литературе. И в этом японский автор увидел бесспорную заслугу Пушкина, глубоко познавшего современное ему общество, сумевшего тонко уловить его типические черты.

Статья заканчивается красноречивым свидетельством всемирного признания, пришедшего к поэту, который «в простой национальной форме мог выражать высоко социальное, высоко художественное содержание. Именно за это он любим и сегодня всем советским народом как родоначальник новой русской литературы, как национальный поэт России».

«Пушкин и японская литература» — так озаглавил Курахара Корэхито доклад, который предназначался для прочтения на юбилейных торжествах в Москве, посвященных 150-летию со дня рождения поэта. Однако докладчик не смог приехать в СССР в 1949 г.: американские оккупационные власти запретили ему выезд из Японии. И все же голос японского пушкиниста был услышан и в родной стране, и за ее пределами. В августовском номере журнала «Синнихон бунгаку» был напечатан текст этого доклада, а в советской печати — письмо докладчика, отправленное в Москву на имя председателя Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Это письмо — яркий документ протеста против «холодной войны», сражения которой неизбежно охватывали и сферу мировой культуры. Курахара Корэхито писал: «Выражаю свою глубокую благодарность за Ваше любезное приглашение участвовать в Москве на праздновании 150-летия со дня рождения гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Я надеялся присутствовать на торжестве — на великом всенародном празднике социалистической культуры. Я радовался быть после войны первым среди японцев, получивших возможность собственными глазами увидеть результаты великого строительства социализма в СССР. Готовясь к отъезду, я подал заявление в главный штаб генерала Макартура о разрешении на поездку в СССР. Несмотря на все мои усилия, а также несмотря на настойчивые ходатайства японских демократических организаций, этого разрешения я не получил. Поэтому, к глубокому моему огорчению, участие в великом торжестве в Москве стало для меня невозможным. Будучи здесь, в Японии, душой с Вами, искренне желаю Вам всем успешного проведения торжественного празднования в Советском Союзе»⁶.

По объему доклад Курахара невелик — всего несколько журнальных страниц, и содержание его, естественно, носит специфический, юбилейный характер. Но в те дни и такого рода сообщение не могло не привлечь к себе пристального внимания японских любителей русской литературы. Впервые в японском пушкиноведении (если не считать юбилейной заметки «А. С. Пушкин в Ниппон» Мидзуташи Кэнко,

⁵ «Акахата», 15.II.1947.

⁶ «Звезда», 1949, № 6, с. 183.

изданной на русском языке в сборнике «Россия и Пушкин», Харбин, 1937) принята попытка соотнести творчество Пушкина с японской литературной действительностью, выявить его значение, его непреходящую ценность и для японцев.

Доклад начинается с высокой оценки творчества «Пушкина — величайшего поэта, рожденного Россией, одного из крупнейших представителей мировой литературы». «Мне представляется глубоко символическим тот факт, — писал Курахара, — что юбилейный праздник этого народного поэта, в условиях крепостнической России воспевшего свободу и страстно жаждавшего освобождения народа, проводится в народной стране — СССР, где свершилась великая революция, уничтожена эксплуатация человека человеком, в стране, которая движется вперед по пути к коммунизму».

Отмечая исключительную роль Великого Октября в популяризации пушкинского наследия на его родине, Курахара подчеркнул, что величие поэта признается не только в России, но и в мировом масштабе, не исключая и Японии. «Новая японская литература, — писал он, — развивалась под сильным влиянием русской литературы. Особенно велико влияние на японскую литературу Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького». «Однако, — продолжал Курахара, — самым первым произведением переводной русской литературы стала пушкинская «Капитанская дочка», после которой «множество произведений Пушкина стало известно в Японии, переводилось, читалось». Курахара упоминает пятитомное Полное собрание сочинений, выпущенное издательством «Кайдзося» в Токио в 1936—1937 гг. Еще больше японский читатель узнал о Пушкине в послевоенные годы: «всеобщий интерес и тяга к Пушкину постепенно возрастают не только среди интеллигенции, как это в основном было прежде, но и среди более широких трудящихся масс».

Остановившись вкратце на истории японского пушкиноведения, Курахара называет три работы: «Великий поэт Пушкин» Ясуги Садатоси (1906), специальный выпуск «Пушкин» в серии изданий «Изучение русской литературы» (1947), в который вошли материалы торжественного заседания, проведенного прогрессивной общественностью Токио и посвященного 110-летию со дня смерти поэта, а также книгу Канэко Юкихио «Биография Пушкина» (1948). Последней Курахара дает следующую оценку: «Это замечательный труд, являющий собой подробную биографию поэта, основанную на новейших исследованиях в СССР, и впервые в Японии дающий полное представление о нем как о народном поэте».

Демократическая литературная критика Японии и в послевоенные годы, как видно из работ Курахара Корэхито, активно выступала в защиту достижений мировой классики, в частности русской классики, столь хорошо знакомой и близкой японским читателям. Еще в 30-е годы пролетарский поэт Огума Хидэо в своих статьях призывал коллег-литераторов учиться у Пушкина не только мастерству, но и гражданственности.

Знаменательно высказывание Курахара Корэхито о Пушкине, завершающее его юбилейный доклад: «Мне думается, немало есть чему поучиться у передовой художественной литературы мира, начиная с литературы Советского Союза, и вместе с тем поучиться у классиков художественной литературы, таких, как Пушкин, который стоял на прогрессивных, демократических позициях, писал для народа и родины и соединял в своих произведениях высокую художественность, идейность с широкой массовостью, народностью»⁷.

В 1951 г. в издательстве «Иванами сэтэн» выходит книга переводов Курахара Корэхито «Цыганы», «Медный всадник» и два других произведения», содержащая, помимо упомянутых в названии, поэмы «Бахчисарайский фонтан» и «Полтава». Книга снабжена обстоятельными примечаниями переводчика⁸, в которых поясняется множество исторических событий, реалий быта, названий и т. п. В Комментарий переводчика дается краткий обзор жизни и творчества «великого народного поэта», чья преждевременная кончина была «огромным потрясением для прогрессивной русской общественности», вызвала скорбь по всей России и «особенно среди низших слоев народа»⁹.

Гражданственность поэзии Пушкина, его свободолюбие, его ненависть к самодержавию и крепостничеству отражены японским исследователем весьма убедительно. И сделано это в полном соответствии с задачей, вставшей тогда перед наукой, — оценить объективно и всесторонне сложную фигуру поэта, о котором в японском довоенном пушкиноведении зачастую складывалось искаженное представление. Решению этой задачи служили и первая публикация Курахара Корэхито «О Пушкине» (1947), и книга Канэко Юкихио «Биография Пушкина» (1948), и другие работы японских авторов.

Читатель, знакомящийся с Комментарием Курахара, находил вновь и вновь подтверждение глубоких связей поэта с народом, его близость к лучшим представителям тогдашней России — декабристам. Здесь и «крепостная няня», и поэма «Руслан и Людмила», в которой «уже проявились пушкинские народные и ре-

⁷ Курахара Корэхито. Указ. соч., с. 238, 239—242.

⁸ «Цыганы», «Медный всадник» и два других произведения. Пер. Курахара Корэхито. Токио, 1951, с. 277—289.

⁹ Там же, с. 297.

лирические тенденции», за что «реакция обрушилась на поэму с острыми нападениями». Упоминаются и знаменитая ода «Вольность», и «К Чаадаеву», и письмо «Во глубине сибирских руд», которое поэт «пишет и пересылает томлящимся на каторге декабристам». Читатель узнал о тайном надзоре за поэтом, о его личном цензоре — самом царе, о травле поэта светской чернью, о его трагической гибели, predeterminedной отношением к нему официальной России, и о другой России, любившей и оплакивавшей своего поэта. Естественно и выразительно звучат его строки о Лермонтове, который принял эстафету борьбы за свободу. «Гневные слова, обращенные к аристократическому обществу, убившему Пушкина», — так называет Кураха Лермонтовское «Смерть Поэта».

Осознать подлинное значение Пушкина для судеб русской и мировой литературы стало возможным только после великих революционных перемен в России. Конечно, солнце русской поэзии сияло и прежде. «Однако, — пишет Кураха Корэхито, — подлинная ценность Пушкина стала постепенно проясняться в связи со временем, прошедшим после его смерти. Значение Пушкина как истинно гениального народного поэта, рожденного Россией, как подлинного создателя русского литературного языка, как основоположника самой великой в мире русской реалистической литературы все более и более возрастает сегодня, по прошествии ста с лишним лет после его смерти. В Советском Союзе Пушкин — любимейший народом поэт, его сочинения широко читаются и издаются миллионными тиражами».

Кураха Корэхито сообщает некоторые неизвестные ранее подробности о переводах пушкинских поэм на японский язык. Оказывается, представленный в книге перевод «Медного всадника» — исправленный и уточненный — сделан был еще тридцать лет назад, когда переводчику было всего девятнадцать лет. Однако тогда, в 1921 г., перевод, появившийся в только что основанном журнале «Росия бунгаку», был подписан «Обществом изучения русской литературы», ядро которого составляли студенты-русисты. «В действительности же переводчиком был я», — признается Кураха Корэхито и в связи с опубликованием его имени под обновленным переводом «просит на то разрешения у своих старших товарищей и друзей, участвовавших в деятельности «Общества изучения русской литературы»».

Что касается поэм «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы», то они должны были выйти в свет еще в 1923 г., но, как упоминалось выше, сборник «Поэзия Пушкина» так и не появился.

Не менее интересную историю имеет и перевод «Полтавы». Черновой набросок этого перевода был сделан неким Иваясу Сакэ (из Хиросимы) и отправлен в Токио мастеру-переводчику и пушкинисту Кураха Корэхито, который тщательно, строку за строкой, сверил его с оригиналом. В основном черновик перевода соответствовал подлиннику. Убрав некоторые явные переводческие огрехи, Кураха прошелся, как говорится, уверенной кистью по тексту и сделал это столь мастерски, что печать его стиля легла на всю работу в целом. «Следовательно, — поясняет Кураха, — этот перевод выполнен как бы сообща с Сакэ-куном, но в отношении сделанного мне хотелось бы нести свою полную ответственность».

С присущей японским авторам скромностью переводчик оценивает свою работу следующим образом: «Я стремился, насколько это возможно, соблюсти верность оригиналу и весьма сожалею, что лишь в очень малой степени смог передать по-японски красоту замечательных пушкинских строк. Если читатели благодаря этим переводам смогут хотя бы немного представить себе оригинал и если у них возникнет желание прочитать Пушкина в оригинале, то моя работа не окажется напрасной».

Какими же предстали перед японским читателем начала 50-х годов эти пушкинские произведения в оценках Кураха Корэхито? Сообщая читателю о том, что поэма «Бахчисарайский фонтан» повествует о «любви азиатского деспота к прекрасной польской княжне, о его тоске по юной красавице, автор проводит уникальную литературную параллель: сравнивает произведения, основанные на сходном сюжете, но разделенные многими веками. «Это произведение, — пишет японский исследователь, имея в виду поэму «Бахчисарайский фонтан», — напоминает поэму «Вечная печаль» Бо Цзюи, написанную в Китае более тысячи лет тому назад¹⁰. Оба произведения действительно обладают сходством в целом ряде моментов. Оба произведения изображают властителя с человеческой стороны — его любовь. Но вполне естественно что мы видим большие различия в основной позиции двух авторов. Так, в описании дальних покоев дворца Бо Цзюи цветисто воспевают и, более того, одобряют жизнь гарема... Пушкин же проявляет отчетливо критическое отношение к рабской гаремной системе, описывая безрадостное существование обитательниц гарема, детально воссоздавая жуткий, бесчеловечный облик евнуха, стерегущего ханских жен. С точки зрения реалистичности изображения,

¹⁰ Китайская поэма опубликована в русском переводе. В примечании к ней сказано: «В поэме в соединении с фантазией описана действительная любовь танского императора Сюань-цзуна, правившего с 712 по 756 г., к приближенной его — Ян Гуйфэй — и трагический конец этой любви во время мятежа полководца Ли Лушаня» («Китайская классическая поэзия». В переводах Л. Эйдлина. М., 1975, с. 340).

объемности эпического повествования поэма Пушкина представляет собой огромный шаг вперед по сравнению с произведением Бо Цзюи»¹¹.

Кураха́ра Корэ́хито демонстрирует превосходное знание наследия великого русского критика В. Г. Белинского. В оценке художественных достоинств «Бахчисарайского фонтана» Кураха́ра обращается к его известному исследованию «Сочинения Александра Пушкина». В заключение раздела о «Бахчисарайском фонтане» приводятся еще два высказывания русского критика, содержащие яркую общую характеристику поэмы. Кураха́ра заключает: «Эта оценка Белинского, высказанная сто с лишним лет назад, верна и сегодня». И сообщает любопытную новость, которая, на его взгляд, бесспорно, должна была заинтересовать японских читателей Пушкина: «...Недавно «Бахчисарайский фонтан» положен на музыку Борисом Асафьевым и, став балетом, исполняется на советской сцене».

В разделе, посвященном поэме «Цыганы», дается, как и в других случаях, краткий пересказ произведения. В рассуждения же о самой поэме естественным образом вплетаются элементы биографического порядка. Проводится высказывавшаяся неоднократно ранее мысль об очевидной связи Пушкина с декабристами, а на сей раз в период вынужденного пребывания в Бессарабии: «встречался [будущими] декабристами, вел с ними беседы об идеях, политике, литературе».

Встреча с цыганами, отмечает Кураха́ра, оставляет неизгладимый след в сердце поэта, их вольная, кочевая жизнь противопоставлена в поэме «городской жизни, наполненной ложью господствующего класса». Особенно он выделяет слова из монолога Алеко, в которых содержится «острая критика городской мещанской жизни»:

Там люди, в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

«Цыганы» — романтическая поэма, одновременно знаменующая собой поворот в сторону реализма. Эту ее особенность подчеркивает Кураха́ра, показывающий, как находившийся под влиянием Байрона поэт постепенно отходит от байронических, узко романтических тенденций.

Анализ «Полтавы» предваряется справкой о замысле произведения, о поэмах-предшественниках — «Войнаровский» Рылеева и «Мазепа» Байрона. Негативная оценка деятельности гетмана Мазепы, данная Пушкиным, совпадает с пониманием его роли современными учеными-историками, отмечается в Комментариях. Японский автор вводит читателя в круг событий начала XVIII столетия, на фоне которых разворачивается и протекает бурная, полная причудливых коллизий жизнь героев поэмы, «чьи характеры выписаны великолепно». Анализ взаимоотношений Петра I и изменника-гетмана, славной победы русских над шведами под Полтавой помогает японским читателям понять глубину идейного замысла русского поэта, мыслителя и патриота. Касаясь роли Полтавы как символа победы русского оружия над иноземными захватчиками, Кураха́ра подчеркнул: «Не случайно поэма называется не «Мазепа» и не «Петр I», а «Полтава».

Исключительно высоко оценивает Кураха́ра художественные достоинства поэмы. Он пишет: «В изображении ее характеров, отдельных сцен и украинской природы, в очаровании ее поэтического языка эта поэма являет собой высочайшее художественное совершенство». И в подтверждение этой оценки вновь цитируется В. Г. Белинский — на этот раз его восторженный отзыв о «Полтаве».

Исторически «Полтава» перекликается с «Медным всадником», их объединяют не только титаническая фигура Петра I, но и размышления о судьбах России. По мнению Кураха́ра, «Медный всадник» — одно из превосходнейших в художественном отношении творений наряду с романом в стихах «Евгений Онегин» и трагедией «Борис Годунов».

В рассуждениях о печальной судьбе главного героя поэмы мы читаем: «Пушкин изображает его с глубокой симпатией». Однако, оставаясь на стороне этого героя, автор не отрицает деятельности Петра. Он показывает, что кругозор героя ограничен пределами узко личного счастья, и противопоставляет ему Петра, преодолевшего границы личного и действующего во имя интересов народа и государства. Вступление поэмы — гимн Петру и его деятельности». И это отношение Пушкина к петровским преобразованиям, продолжает исследователь, «почти полностью совпадает с оценкой деятельности Петра, данной впоследствии В. И. Лениным, — «варварскими средствами борьбы против варварства»¹², с позицией, занимаемой в этом вопросе советской исторической наукой и советским писателем Алексеем Толстым, автором романа «Петр Первый». Именно с таких зрелых, верных идейных позиций отражены в «Медном всаднике» деятельность Петра и ее результаты».

¹¹ «Цыганы», «Медный всадник» и два других произведения, с. 299.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.

Курахара выделяет также новаторский дух поэмы, смелое обращение Пушкина к новому типу литературного героя — мелкому чиновнику, «маленькому человеку».

Глубокий анализ «Медного всадника», равно как и других поэм, данный японским исследователем, убеждает нас в том, что Курахара Корэхито, как критик-марксист, рассматривает пушкинские произведения не отвлеченно, а в тесной связи с исторической действительностью, в неразрывном единстве содержания и формы.

Оценивая вклад Курахара Корэхито в пушкиноведение, невозможно обойтись без подробного рассмотрения и его многочисленных обращений к Пушкину в статье на литературные темы. Некоторые из этих работ изданы на русском языке. Выявление связей прогрессивной японской литературной мысли с творчеством великого русского поэта помогает не только уяснению роли Курахара Корэхито в пропаганде пушкинских шедевров в Японии, но и правильному пониманию таких проблем, как роль классического наследия в современной литературной жизни Японии.

В послесловии Н. И. Конрада к сборнику статей Курахара Корэхито о японской литературе особо выделяется мысль, пронизывающая его статьи: в идее национальной литературы японский теоретик видит «ту почву, на которой могли бы объединиться все живые силы литературного мира, без уничтожения — и это он подчеркивает — своеобразия своего творческого направления, своей писательской манеры». Сплочению же писателей на упомянутой основе, отмечается далее, угрожает в числе прочего «и различие в отношении к прошлому литературы, к литературному наследию»¹³.

Нигилистическое отношение к культурному наследию, отечественному и зарубежному, зародившееся под влиянием пролеткультовских лозунгов в Японии 30-х годов, с новой силой проявилось в первые послевоенные годы. В тогдашних дискуссиях о создании национальной литературы Япония демократические писатели остро обсуждали и проблему культурного наследия. Курахара Корэхито, один из ведущих критиков-коммунистов, последовательно отстаивал марксистско-ленинский принцип оценки классического наследия, выступал за конкретно-исторический подход в анализе литературных шедевров прошлого. Насколько острой была борьба, развернувшаяся по этой проблеме среди японских писателей (и дающая знать о себе порой и в наши дни), можно судить по выступлениям Курахара Корэхито в печати 40—50-х годов. Его статьи о современной литературе, отмечал Н. И. Конрад, «очень ярко рисуют, по-видимому, в настоящий момент наиболее важную и все усиливающуюся тенденцию борьбы с распространенным среди демократических писателей и критиков нигилистическим отношением к старой литературе».

Еще в 1949 г., выступая за сплочение демократических сил страны, за создание подлинно национальной литературы, Курахара Корэхито в статье «За развитие демократической литературы» неоднократно апеллирует к именам Пушкина и других русских классиков. Упомянув тех, кто (видимо, в ожидании скорых результатов своей критики) указывает на отсталость демократической литературы, Курахара критикует и тех, кто требует «немедленного и максимального политического эффекта», не считаясь «ни с самой сущностью, ни с историческими возможностями развития литературы».

У литературы свои законы развития. «Шекспир и Пушкин, Бальзак и Горький, а также современная советская литература появились не вдруг, а в результате длительного развития русской и мировой литературы». Отмечая долгий и сложный путь развития литературы, Курахара Корэхито обращается к достижениям европейской классики XVII и XVIII столетий, в частности к творчеству Шекспира, Сервантеса и др. «В дальнейшем, — говорит он, — реализм развили и углубили представители так называемого критического реализма XIX в.: во Франции — Стендаль и Бальзак, в Англии — Диккенс и Теккерей, в Америке — Марк Твен, в России — Пушкин, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Гончаров, Тургенев, Достоевский, Толстой, Островский, Чехов».

Иное дело в Японии. Курахара Корэхито пишет: «Нельзя сказать, чтобы японские литературные традиции, особенно традиции японского демократического реализма, были особенно богаты. У нас нет своих Шекспира, Гёте и Мольера, нет своих Пушкина, Бальзака и Толстого». Правда, он тут же приводит целый перечень известных классиков японской литературы, призывая «возродить в его лучших традициях» реализм этих писателей, искаженный «в силу бедности японской действительности».

В статье «Кобаяси Такидзи и Миямото Юрико» (1951) также содержатся серьезные рассуждения о Пушкине, конкретная критика ошибочных представлений о великом русском поэте.

«К вопросу о национальной литературе» (1953) — одна из наиболее известных статей Курахара Корэхито. По мнению Курахара, для того чтобы можно было широко развернуть движение за национальную литературу, следует различать два взаимосвязанных вопроса: проблему японского и зарубежного литературного наследия и проблему определения национальной литературы как литературы национальной освобождения, литературы сопротивления. Курахара Корэхито отмечает, что

¹³ Курахара Корэхито. Статьи о современной японской литературе, с. 197.

«Из трех периодов истории европейской национальной литературы второй период (XVIII—XIX вв.) «представлен произведениями романтиков и реалистов различных стран»: наряду с именами всемирно известных писателей Франции, Англии, Германии Курахара называет имена и «в России — от Пушкина и Гоголя до Толстого и Чехова».

В рассуждениях о будущей японской национальной литературе автор приводит высказывание писателя Нома Хироси, также относящееся к 1953 г. и отражающее распространенную тогда точку зрения. Нома Хироси писал, что к национальной литературе, которая возникает в борьбе японского народа за окончательное освобождение от американской зависимости, «нельзя подходить так же, как к национальным литературам Европы и России, сложившимся в XVIII—XIX вв. и представленным такими именами, как Диккенс, Бальзак, Стендаль, Пушкин и другие». Курахара, напротив, считает, что именно подобными взглядами объясняется, например, недооценка значения связи новой национальной литературы с японской классикой, а следовательно, и с писателями, придерживающимися ее традиций.

История японской литературы конца XIX в. знает немало выдающихся писательских имен. Курахара категорически против мнения, распространенного также и в послевоенные годы, о том, что этих новых классиков «нельзя признавать национальными», поскольку их произведения «не читались народными массами того времени». Он пишет: «Конечно, национальная литература должна читаться народом, но говорят, что, например, произведения Стендаля широкой читательской публикой почти не читал. Далее, русский мыслитель XIX в. Добролюбов сетовал на то, что выдающиеся художественные произведения Пушкина, Жуковского, Державина, Гоголя, Крылова и других оставались неизвестными народу. Ленин также указывал, что Толстой как художник известен даже в России незначительному меньшинству и что для того, чтобы сделать его достоянием всех, необходимо коренным образом перестроить общественную систему, держащую народ в темноте. Но поскольку этих писателей должен, а при определенных условиях и может читать весь народ, они являются национальными писателями».

В 1954 г. Курахара Корэхито читал университетский курс лекций по русской и советской литературе. Стенограмма одной из них — «Ленин и литература» — была опубликована в дни празднования столетия со дня рождения В. И. Ленина¹⁴, а позже, в 1977 г., вошла в книгу «Русская революция и литература». Показывая глубокие связи вождя пролетарской революции с культурным наследием прошлого, Курахара внимательно прослеживает неослабный интерес В. И. Ленина к художественной литературе — отечественной и зарубежной. Ссылаясь на встречающиеся источники, Курахара указывает, что в трудах В. И. Ленина 925 раз встречаются такого рода обращения к художественной литературе. Наиболее часто цитируются Шедрин, Гоголь, Тургенев, а также Некрасов, Пушкин, Толстой, Крылов и др. Курахара приводит эпизод владими В. И. Ленина и Н. К. Крупской с учащимися, когда, отвечая на вопрос, почему Ильяизна, что читает Пушкина, в отличие от некоторых молодых людей, считавших, что Пушкин «уже устарел».

Группа вульгарных социологов, активно выступавшая в 20-е годы, особенно после смерти В. И. Ленина, нанесла значительный ущерб развитию советской литературы, отмечает Курахара Корэхито. «Усилиями различных представителей группы вульгарных социологов Пушкин объявлялся то аристократическим писателем, то буржуазным писателем или писателем обуржуазившейся аристократии. Однако их теория не объясняла, почему при всей своей буржуазности, при всей своей аристократичности Пушкин и сейчас так широко читается повсюду в Советском Союзе. В сущности, он был писателем, национальным поэтом, отражавшим чаяния народа. Именно поэтому и в настоящее время он пользуется любовью народных масс». Глубокое знание ленинского научного подхода к проблеме культурного наследия и творческое его применение на практике помогли японскому пушкинисту четко определить ошибочные воззрения по поводу эстетической ценности классической литературы.

Курахара Корэхито широко известен в Японии и за ее пределами как видный деятель японской демократической литературы. Его теоретический и практический вклад в развитие современной литературы Японии весьма значителен. Его обширные познания, прочность марксистско-ленинских позиций лежат в основе успеха, с которым он в течение многих десятилетий отстаивает свое понимание задач, стоящих перед демократическим литературным движением страны. Проследивая различные этапы его деятельности, можно с уверенностью сказать, что Курахара Корэхито внес немалый вклад в пропаганду русского классического, в том числе пушкинского наследия в Японии, что среди исследователей и популяризаторов творчества великого русского поэта он занимает одно из почетных мест наряду с такими выдающимися представителями японского пушкиноведения, как Ясуги Садатоси, Канэко Юкихико и др. Своим любовным, не меняющимся со временем отношением к русской литературе, к Пушкину он, безусловно, способствовал пробуждению и усилению интереса к поэту и его творчеству в литературном мире и среди широкой читательской публики, а тем самым — развитию демократической культуры Японии.

¹⁴ «Минсю бунгаку» (Токио), 1970, № 4, с. 85—103

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Э. Сноу и «китайская карта»

*Е. Г. Пащенко,
кандидат исторических наук*

Эдгар Сноу, отнюдь не рядовой и не совсем обычный журналист, сыграл своеобразную роль в американско-китайских отношениях недавних десятилетий благодаря участию в распространении тех оценок истории КПК, которые нашли в последние годы широкое применение в буржуазном Китаеведении США и в американской внешнеполитической пропаганде.

Хотя со времени смерти Э. Сноу прошло более восьми лет, он не забыт ни американскими специалистами по Китаю, ни пекинскими идеологами. Его имя фигурирует в программной статье Ван Си «Коротко о некоторых вопросах из истории китайско-американских отношений», ознаменовавшей коренной пересмотр истории этих отношений с начала XX в., явную попытку позитивно оценить роль США в новейшей истории Китая и противопоставить роль этой империалистической державы роли Советского Союза, которая грубо искажена автором¹. Сетуя на американскую историографию Китая, которой якобы принадлежит определяющая роль в создании представления о Китае на Западе, но которая до сих пор, по словам автора, грешит незнанием китайской истории, неверной интерпретацией фактов, тенденциозной оценкой «китайского коммунизма», Ван Си пишет об Э. Сноу как о «друге» Китая и подчеркивает, что Китай «не забывает старых друзей».

Учитывая известность Э. Сноу на Западе и в Китае, имеет смысл выяснить действительный характер его работ, особенно тех, которые посвящены истории КНР, чтобы разобраться в том, какого же «старого друга» не забывают в Китае².

Э. Сноу был первым буржуазным корреспондентом, который посетил Советский район Северной Шэньси в 1936 г. и встретился там с Мао Цзэдуном. Результатом этой поездки стала книга «Красная звезда над Китаем». Дж. Фэрбэнк позднее отмечал, что эта книга сделала Сноу «истолкователем китайской коммунистической революции. Некоторые критики полагали, что без него это никогда бы не произошло или по крайней мере не стало бы объектом такого внимания»³. Книга Сноу послужила буржуазным Китаеведам одним из основных источников при разработке мифа о маоизме, как специфическом «китайском марксизме» в целях противопоставления компартии Китая международному коммунистическому движению.

Нельзя не согласиться с Дж. Фэрбэнком и в том, что Э. Сноу в 1936 г. находился «на острие американской экспансии в Китае»⁴. Стремление США получить точные сведения о китайской компартии, их интерес к ее политическому курсу и планам совпали со стремлением Мао Цзэдуна приобрести известность в Китае и за его пределами, а также заполучить американскую помощь. Поэтому Э. Сноу вплоть до середины 40-х годов с успехом выполнял роль посредника между руководством КПК и американской стороной. Более того, до самой своей смерти в феврале 1972 г. Э. Сноу был, по существу, неофициальным представителем правящих кругов США в Китае и постоянно искал пути для американско-китайского сближения.

Э. Сноу на Западе был известен как человек, который «сделал возможным» визит президента Р. Никсона в Пекин и который должен был войти в состав группы,

¹ См.: «Шлице лиши», 1979, № 3, с. 12—19; см. также статью В. Н. Никифорова в № 1 нашего журнала за 1980 г.

² Работы Э. Сноу по истории китайской революции рассматривались и критиковались в ряде трудов советских авторов. См.: Л. А. Березный. Зарождение промаоистской концепции китайской революции в американской историографии. — «Историография и источниковедение стран Азии и Африки», вып. 4. Изд-во ИГУ, 1975; Е. Ф. Ковалев. Маоизм на службе буржуазной идеологии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2; А. С. Титов. О политических контактах Мао Цзэдуна с Эдгаром Сноу. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2. Однако до сих пор не подвергались анализу работы Э. Сноу, посвященные КНР, которые и являются объектом нашего внимания в данной статье.

³ J. K. Fairbank. China. The People's Middle Kingdom and the U.S.A. Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1967, p. 84—85.

⁴ J. K. Fairbank. Preface. — In: E. Snow. Red Star over China. New York, 1961.

сопровождавшей президента США в его поездке, но умер за пять дней до начала визита.

Известный американский китаевед Дж. Сервис, хорошо знавший Сноу по работе в Китае еще в 30-е годы, в статье, посвященной его памяти, особо подчеркнул, что Сноу неизменно выступал поборником «американо-китайского сближения», сторонником «дружбы» между двумя странами⁵.

Отношение на Западе к деятельности Э. Сноу фактически скрывает действительную позицию самого Сноу и цели, которым были подчинены его литературная работа и вся его деятельность. Советские авторы убедительно показали, что Э. Сноу еще до победы китайской революции в 1949 г. активно поддерживал и пропагандировал прежде всего национализм Мао Цзэдуна, выдавая его «идеи» за марксизм, якобы творчески развитый в соответствии с «китайской спецификой», что Сноу стремился нащупать в связи с этим пути утверждения влияния американского империализма в Китае в противовес авторитету и популярности СССР, росту революционно-пролетарских, интернационалистских сил в этой стране. Именно потому, что Мао Цзэдуну были близки намерения такого рода, Э. Сноу стал для него одним из лучших «иностранных друзей».

Оправдание маоистского курса, прежде всего перехода китайского руководства на антисоветские позиции, и одновременное усиление антисоветских аспектов позиции самого автора — вот основная черта работ Э. Сноу о КНР.

Эти работы выдержаны в том же беллетризованном стиле, как и его публикации 30—40-х годов: оценки, выводы и анализ разбросаны среди личных впечатлений, описания бытовых подробностей китайской жизни, довольно полных изложений бесед с руководителями КНР и представителями различных кругов китайского общества.

Э. Сноу вновь посетил КНР только в 1960 г. Дата эта, разумеется, не случайная: в 1960 г. уже довольно четко намечался «особый курс» пекинских руководителей, и Сноу прибыл туда в один из критических моментов истории КНР с целью выяснения действительной глубины поворота в политике китайского руководства. Результатом поездки явилась объемистая книга «На другом берегу: Красный Китай сегодня»⁶ — самая крупная из работ Сноу о Китае.

Эта книга (как, впрочем, и предшествующие) не содержала систематического изложения истории на сей раз КНР, но основные ее проблемы автор, естественно, не мог обойти молчанием. Поскольку работа появилась в период, когда раскольнические действия маоистов стали очевидны, основное внимание автор уделит событиям 1956—1960 гг., которые предшествовали открытому отходу пекинского руководства от согласованного курса стран социалистического содружества.

В книге «На другом берегу» Сноу пытается оправдать, обелить внешнюю и внутреннюю политику Мао Цзэдуна. Этого, конечно, нельзя было сделать без клеветы на Советский Союз, без извращения советской внешней политики, всей истории советско-китайских отношений. При таком подходе была неизбежна и противоречивость оценок и взглядов автора (особенно по ключевым проблемам истории Китая), вызванная, как нам представляется, столкновением его общего мировоззрения либерально-буржуазного публициста с его симпатиями (действительными или мнимыми?) к маоистской теории и практике.

В работе о КНР Э. Сноу не мог уклониться от ответа на вопрос о том, почему Китай «стал красным», но сделал это явно непоследовательно. Искусственность его апологетического подхода к маоизму буквально бросается в глаза. С одной стороны, Э. Сноу превозносит «исключительную» роль Мао Цзэдуна в китайской революции и китайском коммунистическом движении (повторяя, в частности, многие положения, высказанные прежде в книге «Красная звезда над Китаем»: тезисы о Мао как «прирожденном революционере», о его «творческом вкладе» в марксизм, о личных качествах Мао⁷). С другой стороны, рассматривая победу китайской революции как историческое явление, Сноу в конечном счете разделяет общую для буржуазной науки оценку этого события как исторической «случайности», порожденной якобы совпадением ряда неожиданных обстоятельств и многообразных факторов.

Для доказательств этого положения «симпатизирующий» китайской революции Э. Сноу не нашел ничего более оригинального, чем, следуя основной традиции американской синологии, выраженной, в частности, в работах Фэрбенга, Барнетта, Джонсона, приписать решающую роль в победе КПК... японской агрессии в Китае. Отметив, что в соперничестве Мао Цзэдуна и Чан Кайши «решающую роль играло время», и тем подготавливая читателя к выводу о якобы существовавшей исторической возможности победы гоминьдана, Сноу утверждал, что именно японский империализм сыграл для коммунистов роль «провидения». Японская оккупация, по мнению Сноу, ослабила позиции буржуазии в городах, «открыла» китайскую деревню для «коммунистиче-

⁵ In: J. S. Service. Edgar Snow: Some Personal Reminiscences.—“China Quarterly”, 1972, № 50, p. 218, 213.

⁶ E. Snow. The Other Side of the River: Red China Today. New York, 1962. Эта книга была позже переиздана автором в слегка сокращенном виде (но с дополнением материала о «культурной революции») под названием «Красный Китай сегодня» (E. Snow. Red China Today, New York, 1970).

⁷ In: E. Snow. The Other Side of the River..., p. 70, 123—145.

ского влияния», расшатала моральные устои гоминьдана. Война, первоначально развернутая Японией под лозунгом «искоренить коммунизм в Восточной Азии», имела, утверждал Сноу, двойной результат: разрушила западное колониальное господство в Китае и предоставила Мао Цзэдуну возможность вооружить китайское крестьянство, возглавленное на сей раз не христианами, как при тайпинах, а коммунистами. По логике автора, если бы не японская агрессия, Китай со временем мог бы найти решение своих проблем на пути капиталистического развития. Ставшая распространенной у буржуазных авторов точка зрения о том, что КПК будто бы «воспользовалась» подъемом патриотических чувств населения в результате японской агрессии, отразилась в следующем положении Сноу: «Мао Цзэдун не создавал и не контролировал силы японского империализма, но понимание им этих сил позволило ему установить свое руководство и контроль над энергией национализма и патриотического сопротивления в интересах достижения победы социальной революции»⁸.

Оценивая период, предшествовавший японской агрессии, Э. Сноу пытался ответить и на более общий вопрос о том, почему марксизм нашел в Китае благоприятную почву. И снова мы видим, что Сноу — друг «коммуниста» Мао Цзэдуна — стал на общую для буржуазных сиологов антикоммунистическую позицию отрицания всемирно-исторического и объективно закономерного характера перехода к социализму. Распространение марксизма в Китае Сноу объяснял теми же причудливыми совпадениями, исключительными условиями в Китае начала XX в.: отсталостью, крайней бедностью населения, господством феодальных пережитков, традиционализмом и т. п. Все это, считал Сноу, и привело к тому, что «Манифест Коммунистической партии» оказал огромное влияние на китайскую интеллигенцию и молодежь. В Китае «Манифест» читался «как Евангелие» еще и потому, размышлял он, что западная демократия ассоциировалась у китайцев с колониальной политикой европейских держав и США⁹.

Подобные рассуждения Э. Сноу в конечном счете сводились к обычным для буржуазной науки банальным попыткам доказать, будто сегодня марксистское учение в лучшем случае применимо лишь в отсталых странах, а в развитых капиталистических государствах почва для него якобы малопродуктивна. Причем Сноу не стеснялся «обосновывать» свои антикоммунистические построения лишь китайским примером, игнорируя историю распространения марксистского учения, его интернациональный характер, нелегкий, но успешный опыт его применения в различных исторических условиях.

Мимоходом Э. Сноу отметил еще ряд факторов, содействовавших, по его мнению, распространению марксизма в Китае. К их числу Э. Сноу отнес то, что диалектический метод К. Маркса оказался якобы созвучен глубоким и древним корням «диалектики» в китайском национальном мышлении; интеллигенция вследствие слабости и раздробленности Китая тяготела, по словам Э. Сноу, к «авторитарной и революционной» доктрине, а гоминьдан, не имевший определенной «моральной альтернативы» коммунизму, «конкурировал» с КПК лишь с позиции силы. Э. Сноу, однако, не мог не признать, что немущая часть крестьянства пошла за коммунистами в результате того, что они осуществили земельную реформу, устранили некоторые из «худших проявлений неравенства», перевернули всю деревенскую иерархию и доказали, что им чуждо стремление к личной выгоде¹⁰. Смешав все эти довольно различные вещи, Э. Сноу далее не без самодовольства напоминал, что еще в 1941 г. в работе «Битва за Азию» он предупреждал «либералов», которые надеялись, что китайские коммунисты заменят революционные методы реформаторскими, что их ждет «величайшее разочарование».

Объясняя переход Китая на новый путь развития, Сноу, таким образом, не выдвинул никаких новых концепций по сравнению с теми, которые к началу 60-х годов заняли господствующее положение в американском Китаеведении. Что же касается истории собственно КНР, то она рассматривалась автором преимущественно через призму поступков Мао на том или ином этапе. При этом Сноу последовательно проводил свою прежнюю линию откровенной, не считающейся с конкретными фактами апологии маоизма.

Примечательна туманно выраженная, но в общем понятная мысль Сноу, будто раскольнические действия пекинского руководства, в частности Мао Цзэдуна, отражают «необходимость, налагаемую исторической безличностью власти». Иными словами, с точки зрения национальных целей Китая, к которым тот всегда стремился на мировой арене, поворот в политике китайских лидеров не должен никого удивлять. Автор подкреплял свою мысль следующим «доводом»: если бы Чан Кайши, а не Мао Цзэдун стоял сейчас у власти, между ними было бы мало различий, особенно в сфере внешней политики, и разнились бы только методы достижения социальных целей¹¹. Итак, получалось, что маоисты действуют не вопреки интересам Китая, а в рамках традиции, относящейся в данном случае к достижению его высших, «вечных» интересов.

Оправданию и приукрашиванию внутренней политики маоистов служили рассуждения Сноу о «гуманном» обращении Мао с оппозиционерами в рядах КПК как до-

⁸ E. S n o w. The Other Side of the River..., p. 40—41.

⁹ Ibid., p. 67—68.

¹⁰ Ibid., p. 69—72.

¹¹ Ibid., p. 120—121.

так и после 1949 г.¹² Однако даже в свете фактов, известных в 1960 г., когда вышла его книга, и даже если отвлечься от более поздней информации о событиях в сфере китайского руководства, попытки Э. Сноу изобразить «мягким» отношение Мао к своим противникам (Ван Мину, Чжан Готао и др.) весьма неубедительны. Аполотия личности Мао Цзэдуна имеет у Э. Сноу непременно антисоветский оттенок: он всячески стремился подчеркнуть, насколько Мао поступал в различных случаях «более правильно».

Э. Сноу приехал в КНР тогда, когда провал «большого скачка», «народных коммун» и «генеральной линии» стал ясен каждому непредвзятому наблюдателю, и все же он с поразительной пристрастностью пытался скрыть действительный характер и последствия социально-экономических авантюр Мао. При всем том, учитывая почти сплошь негативные оценки мировой синологией итогов «большого скачка», Э. Сноу попытался снять главную ответственность за провозглашение (и провал) этого курса с самого Мао Цзэдуна. Привлекает внимание и то обстоятельство, что Э. Сноу предпочитает говорить не о «большом скачке» и не о «политике трех красных знамен» в целом как о явлении, всесторонне отразившем сущность тогдашнего маоистского курса, а главным образом о «народных коммунах», хотя они представляли собой только одну из сторон того же курса. На первый взгляд кажется, писал он, что Мао ответствен за «директиву от 29 августа» (имелось в виду решение о создании народных коммун расширенного совещания политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ 29 августа 1958 г. — Е. П.). Пытаясь отрицать этот бесспорный факт, Э. Сноу апеллировал к демагогическим высказываниям Мао 1955—1956 гг. о том, что «надо хорошо подготавливать каждую битву», что потребуются минимум пять лет, чтобы укрепить недавно созданные кооперативы. В то же время Сноу упорно закрывал глаза на успешность кооперирования деревни в 1955—1956 гг., вызванную инициативой самого Мао, как и на его усилия навязать КПК «особый курс». Попыткой Сноу снять с Мао Цзэдуна ответственность за «большой скачок» и «народные коммуны» служила также ссылка на мнение откровенного антикоммуниста Д. Загория о том, что инициатива в проведении «более радикальной сельскохозяйственной политики» принадлежала «левым» во главе с Лю Шаоци. Загория утверждал это, не имея для того никаких оснований, но Э. Сноу это не беспокоило: для него было важно лишь то, что утверждения Загория укладывались в его, Сноу, схему, позволяя представить Мао в более выгодном свете.

Э. Сноу, весьма бегло и уклончиво упоминая о провале «большого скачка», пытался даже найти в итогах этой политики нечто положительное. Он не мог отрицать некоторые действительные причины краха маоистского эксперимента с коммунами: чрезмерную спешку при их создании, массовую уравниловку, приведшую к исчезновению материальных и моральных стимулов производства, разрушение традиционного семейного уклада, попрание принципа добровольности, — но придавал им значение всего лишь частных.

Попытки снять с Мао Цзэдуна личную ответственность за навязывание китайской компартии и стране политики «трех красных знамен» сочтались у Э. Сноу с общими для буржуазных сиологов рассуждениями об «особой демографической ситуации» и традиционно низкой производительности труда в сельском хозяйстве Китая. Поэтому Сноу называл «теоретически весьма логичным» шагом создание тех же народных коммун «в контексте китайских демографических и аграрных проблем»¹³. Подобная позиция использовалась им в конечном итоге для обоснования вымысла о невозможности применения «советской модели» в Китае. Антисоветизм автора выступал на первый план и в рассуждениях о том, что «революционная ориентация» Китая «отрезала» его от американских капиталов и прочих средств иностранной помощи, тогда как от Советского Союза КНР якобы не получала «свободной» помощи. Этот тезис задолго до Сноу был взят на вооружение буржуазной синологией, но Сноу пошел еще дальше — он не причислял к общему объему советской помощи огромное количество научно-технической документации, патентов, проектов заводов и иных промышленных объектов, помощи специалистами и т. д., он лишь мимоходом упоминал об этом. Между тем, по оценочным данным, только стоимость советской научно-технической документации, переданной китайской стороне в 1949—1966 гг., составила более 22 млрд. руб.

Совершенно противоречило фактам заявление Сноу о том, что СССР после провала «большого скачка» не оказал Китайской Народной Республике никакой действительной и бескорыстной помощи¹⁴.

Э. Сноу далеко не все в новом Китае принимал с одобрением или пониманием. Это явно противоречит характеристике Сноу как «друга» китайского народа, «искренне симпатизировавшего» вступлению Китая на новый путь развития. Подобно другим буржуазным китаеведам, он стремился представить «господство» коммунистов в Китае основанным исключительно на насилии и принуждении. Нотки враждебности звучат в его оценках государственной структуры КНР, ведущей роли КПК в китай-

¹² Ibid., p. 148—150, 332—335.

¹³ Ibid., p. 417.

¹⁴ Ibid., p. 188. См., например: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1977. М., 1977, с. 140—150.

ском обществе, первой конституции КНР (1954 г.), то есть тех сторон китайской действительности, которые в западной синологии рассматриваются в качестве скопированных с «советской модели», а в действительности представляют собой стороны социалистического строительства. Сноу выражал недовольство и явно маонистскими по характеру кампаниями по идеологическому перевоспитанию, но не из-за их антиобщественной сути, а потому, что эти акции он представлял типичным выражением «коммунистической» политики. Сноу полагал, например, что кампания «ста цветов» будто бы показала, что какой бы «демократической» диктатура ни была, она не может безопасно для себя разрешить даже меньшинству народа вести дебаты по «самому больному вопросу»: как совместить «монополию власти» с требованием «свободного и спонтанного единства»¹⁵. Между тем известно, что группа Мао руководствовалась в проведении этой кампании отнюдь не демократическими целями.

Критические замечания, осудительные нотки исчезают в тех разделах книги, где Э. Сноу описывал усиление антисоветских тенденций в политике Пекина. Именно в этих разделах книги антисоветские настроения автора выражаются наиболее полно и определенно, перерастая в неприкрытую клевету на внешнюю политику Советского Союза. Эта клевета полностью заменяет то подобие «аргументов», которыми он оправдывает действия маонистов в других областях. В трактате Сноу истоки китайско-советского раскола прослеживаются два направления: описание теоретических расхождений КПК с КПСС и «анализ» историко-политических причин этого явления. В обоих случаях Э. Сноу определенно стоял на позициях апологии теории и практики маонизма. Совершенно очевидно, что провокационное подыгрывание маонистскому национализму составляло главную цель работы «На другом берегу», как и смысл ее «многозначительного» названия.

Непосредственным поводом для ухудшения отношений между двумя странами, считал Э. Сноу, явилось осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Что до китайской стороны, вещал американский адвокат Мао, то она, стремясь к признанию ее «равного положения» (I) с СССР, хотела заполнить вакуум «теоретического руководства», образовавшийся после смерти Сталина, предложить новую «теоретическую формулу», адекватную новой обстановке¹⁶. Сноу умолял о том, что марксизм-ленинизм надежно гарантирует коммунистов от «теоретического вакуума». Иное дело, что Мао пытался воспользоваться благоприятным, как ему казалось, моментом, чтобы перехватить авторитет, которым пользовался прежде Сталин, но, конечно, не в интересах теории и политики социализма, а в своекорыстных целях.

Э. Сноу положительно отозвался о статье Мао Цзэдуна «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» (декабрь 1956 г.) и его речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (февраль 1957 г.). Тем самым Э. Сноу всецело поддержал антимарксистскую трактовку Мао Цзэдуном проблемы противоречий в социалистическом обществе, расхвалил ее «диалектичность», которая к тому же, по-видимому, вполне соответствовала уровню представлений самого Сноу на сей счет. Он рассуждал о повышении престижа Мао как «ведущего марксистского теоретика», который выдвинул пресловутый тезис «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада», удобный, с точки зрения маонистов, для провоцирования мирового конфликта, а с точки зрения Э. Сноу, — для обнаружения антисоветизма маонистской стратегии. Как известно, маоцзэдуновская оценка мировой ситуации не была принята другими коммунистическими и рабочими партиями. Это не смутило Э. Сноу, который легко и бездоказательно заявил о правоте маонистов и даже присоединился к их мнению о том, что политика других партий, и в первую очередь КПСС, «несомненно» означает «ревизию ленинизма».

Идеологический аспект советско-китайских разногласий, рассматриваемый Сноу в открыто промаонистском духе, дополняется «анализом» истории советско-китайских отношений в духе крайнего антисоветизма. При этом поверхность и описательность в перечислении идеологических расхождений уступает место столь же недобросовестному подходу к вопросу об отношениях между двумя странами, в котором вольное обращение с фактами еще более разоблачает действительную сущность его позиции.

В основе оценки причин и характера расхождений между двумя странами у Э. Сноу лежит все тот же тезис о приоритете «национальных интересов». Сноу подчеркивает, что еще весной 1949 г. он именно с этой точки зрения говорил о возможности советско-китайского раскола, отмечая: «Китай станет первой главной державой, где правят коммунисты, независимой от диктата Москвы. И это само по себе откроет новые перспективы в социалистическом лагере»¹⁷. Ясно, что в таком настойчивом возвеличении националистической политики маонистов выражается авторская позиция Э. Сноу, полностью и неизменно стоявшего на почве антикоммунистических построений, общих для всей империалистической историографии. Никакие претензии Э. Сноу на его особую, «независимую» роль в западной синологии, конечно, несостоятельны.

Э. Сноу полностью игнорирует огромную советскую политическую, экономическую, военную помощь китайской компартии и китайской революции на протяжении дух с лишним десятилетий, предшествовавших ее победе. Стремление представить Совет-

¹⁵ E. Snow. Op. cit., p. 330.

¹⁶ Ibid., p. 381.

¹⁷ Ibid., p. 6—7.

ский Союз, Коминтерн «непричастными» к китайской революции и коммунистическому движению в Китае прослеживается у этого автора весьма четко. Ничего иного, кроме грубой, редкой даже среди буржуазных авторов фальсификации, обнаружить здесь невозможно.

По логике Сноу, «независимость» КПК от международного коммунистического движения после второй мировой войны послужила «естественным» источником расхождений между КНР и СССР. Э. Сноу прямо утверждал, что раскол между СССР и КНР был вызван политикой Советского Союза в отношении Китая, прибегающей к открытой клевете на Советский Союз, повторяя «аргументы» наиболее твердолобых антикоммунистов в буржуазной синологии. К числу этих «доводов» относится, например, дичайшее утверждение, будто СССР не верил в КПК и китайскую Красную армию. Стремление автора представить политику СССР в отношении Китая 40-х годов «предательской» по отношению к КПК сочетается с попытками ошельмовать политику единого фронта, дававшую бесспорные стратегические преимущества китайскому освободительному движению. Э. Сноу пускается в досужие вымыслы о «навязывании» китайской компартии политики единого фронта, о «советах» из Москвы распустить армию китайских коммунистов и т. п. Подобные «аргументы» буржуазного Китаеведения разоблачены советскими авторами, которые к тому же доказали, что эта клевета на политику КПСС исходила от самого Мао¹⁸.

Совершенно не считаясь с фактами, Сноу противопоставляет политике Советского Союза политику США, пропагандируя старый тезис буржуазной пропаганды о США как «верном союзнике» китайского народа в его борьбе за «свободу и демократию». В последнее время даже многие буржуазные историки, особенно вне Америки, не решаются высказывать этот тезис.

Наглядный пример произвольного обращения Сноу с фактами — описание им борьбы по китайскому вопросу в ООН. США — «верный союзник» китайского народа, — как известно, многие годы блокировали решение вопроса о восстановлении законных прав КНР в этой международной организации, но Э. Сноу весь свой критический пыл с неожиданной логикой обрушивает на... СССР, который якобы повел себя в ООН так, что «дал возможность» США занять антикитайскую позицию! До такого уровня фальсификации ныне редко доходят даже буржуазные авторы. В подобном же духе трактовалась Э. Сноу и война в Корее: СССР будто бы «заставил» Китай выступить на защиту КНДР с тем, чтобы между КНР и США возникла враждебность на долгие годы. Пожалуй, наиболее «оригинальное» положение Сноу — это обвинение Советского Союза в том, что, получая от США и других капиталистических государств помощь в годы первых пятилеток, сам он оказывал якобы «очень незначительную» помощь «одиноким» китайской революции. Вряд ли есть необходимость опровергать такие совершенно фантастические домыслы.

С подобной недобросовестной позицией Э. Сноу реагировал на ширившееся расхождение между КНР и СССР на рубеже 50 — 60-х годов.

Вместе с тем книга Э. Сноу «На другом берегу» свидетельствует об определенной инфляции его взглядов. Если в 30-е годы Э. Сноу стал фактическим соавтором Мао по фальсификации истории китайской революции, одним из первых пропагандистов сформировавшегося маоизма, то в 60-е годы он уже не имеет прежней громкой репутации автора сенсаций. Заложенные им основные принципы фальсификации истории коммунистического движения в Китае, равно как и выявленный еще в 30-е годы национализм маоистских лидеров, к началу 60-х годов давно уже эксплуатировались буржуазными Китаеведами в их академических трудах по новейшей истории Китая. Пожалуй, в начале 60-х годов сам Э. Сноу с точки зрения концепции исторического развития Китая шел уже за этими профессиональными Китаеведами, повторяя их аргументы, нацеленные на оправдание маоистской внутренней и внешней политики, и в полной мере разделяя противоречивость и предвзятость их позиции.

Э. Сноу остался верен себе в одном — в превознесении Мао Цзэдуна. Только в новых условиях апология Мао оказалась у Сноу еще более антисоветской, а в трактовке китайской революции ее «друг» не брезговал самыми низкопробными антикоммунистическими измышлениями. Прежнее его стремление изобразить Мао великим «теоретиком» и «революционером» в 60-е годы невыгодно выделяло его даже в буржуазном Китаеведении, которое, пусть неосознанно, вынужденно, но признало отрицательные для Китая последствия маоистского курса.

Указанные черты позиции Э. Сноу стали особенно заметны с началом так называемой «культурной революции», когда, как мы считаем, наметился новый этап «творчества» этого автора. Э. Сноу (он посетил КНР еще раз в 1965 г.) оказался одним из немногих буржуазных авторов, которые сразу же открыто поддержали контрреволюционный поход против компартии Китая под видом «культурной революции». Весной 1969 г. Сноу заявил, что «культурная революция» — это «революционный захват власти» с целью борьбы против бюрократизма, установления истинной «линии масс» в отношении с населением¹⁹. Одновременно он поспешил переиздать свою книгу «На другом берегу», с тем чтобы в новом предисловии к ней представить разгром

¹⁸ См.: О. Б. Борисов и Б. Т. Колосков. Указ. соч., с. 41—42.

¹⁹ In: E. Snow. Mao and the New Mandate. — "New Republic", May 10, 1969, pp. 17—21.

партийных и государственных органов в КНР и установление военно-бюрократической диктатуры «мудрым», «решительным» шагом Мао Цзэдуна, якобы стремившегося сохранить и усилить «революционный дух» населения, особенно молодежи²⁰. Концепция Э. Сноу полностью слилась с маоистской.

Очередной визит в Китай Сноу совершил сразу же после окончания «культурной революции», в 1970 г. На сей раз результатом поездки стала книга «Продолжительная революция»²¹, которую он не успел закончить (книгу дорабатывала его жена). Сравнительно длительное на этот раз (около полугода) пребывание Э. Сноу в Китае было посвящено знакомству с положением в стране после «культурной революции» в целях зондажа по поводу сближения между Китаем и США в условиях, когда пекинские руководители, окончательно порвав с социалистическими странами, всеми средствами старались представить Советский Союз в качестве «врага номер один». Выяснение реакции Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая на стремление правящих кругов США «урегулировать» свои отношения с КНР было оценено на Западе как главная заслуга Э. Сноу.

Последняя книга Э. Сноу характеризовалась тем же оправданием «культурной революции», причем автор прямо пользовался маоистской терминологией, непосредственно опираясь на маоистские тезисы и положения. Порой приходится удивляться тому, насколько «рабски» Сноу следовал официальной маоистской версии этих трагических событий и насколько в связи с этим его позиция лишена интереса и оригинальности. Он пытался представить «культурную революцию» как решительную борьбу «председателя Мао» против бюрократизма, против «перерождения» и «опасности реставрации капитализма»; утверждал, что основная цель Мао заключалась в «пролетаризации» мышления партии, в подготовке «революционных преемников»; заявлял, будто Мао хотел предотвратить движение против по «ревизионистскому», то есть советскому, пути, к образованию в Китае «нового класса» бюрократических кадров и т. п.

Э. Сноу не делал самостоятельных попыток разобраться в причинах появления оппозиции Мао Цзэдуну, в характере этой оппозиции, не пытался выяснить, что ее объединяло. В данном вопросе автор не задумываясь следует за официальными заявлениями китайских идеологов, стремясь вслед за ними убедить читателя, что корень всех зол — «советское влияние».

Прежней осталась и трактовка Э. Сноу истоков и причин советско-китайского раскола. Все так же автор стремился обойти вопрос о разрушительных последствиях «большого скачка», предпочитая настаивать на том, что этот шаг маоистов был якобы «оправдан» в китайских условиях, несмотря на его очевидно катастрофические последствия.

Тенденциозность оценки Э. Сноу «культурной революции» была ясна с самого начала. В настоящее время эта тенденциозность разоблачается с еще большей полнотой в свете выступления председателя Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньяна по случаю 30-летия КНР, который был вынужден признать, что в период «культурной революции» Китай был ввергнут «в атмосферу кровавого террора», что в стране насаждалась «диктатура насквозь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма»²².

Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в речи по случаю 60-летия Казахской ССР, «уже сейчас некоторые маоистские концепции и в теории, и в практике внутреннего развития страны, не имеющие ничего общего с социализмом, подвергаются в Китае открытой или негласной критике. Пресловутую «культурную революцию», например, там теперь открыто оценивают как величайшую катастрофу для китайского народа»²³. Тем не менее китайское руководство не стесняется по-прежнему расхваливать Э. Сноу в качестве «старого друга» Китая, вновь демонстрируя сближение с американским империализмом на основе антисоветизма.

Книги Э. Сноу о КНР — яркое свидетельство готовности обеспечить внешнеполитические интересы американского империализма с помощью националистических сил паразитирующих на китайском коммунистическом движении, и связанной с этим склонности к фальсификации истории и даже апологии маонизма. Последние работы Э. Сноу особенно поучительны для полного выяснения того обстоятельства, что прежние заверения этого автора в сочувствии национально-освободительному движению в Китае были лишь маской его истинной позиции империалистического антикоммунистического политика и публициста.

²⁰ Ип: E. Snow. Red China Today. New York, 1970, p. 33—36.

²¹ E. Snow. The Long Revolution. New York, 1972.

²² «Правда», 4.X.1979.

²³ «Правда», 30.VIII.1980.

ВОСПОМИНАНИЯ

Беседы о Лу Сине

(Из записок 30-х годов)

В. Н. Рогов

В 1939 г. друзья Лу Синя отметили третью годовщину смерти писателя большим собранием в одном из кинотеатров Чунцина.

Первая годовщина не отмечалась: она совпала с боями на шанхайском фронте. Мне все же удалось с женой писателя и несколькими его близкими друзьями посетить могилу. Вторая годовщина в дни эвакуации Ухани была отмечена небольшим собранием в редакции коммунистической газеты «Синьхуа жибао» в Ханькоу. На нем я не присутствовал.

С первых дней антияпонской войны Лу Синь стал знаменем борьбы за национальную независимость для всех передовых людей страны — сторонников единого антияпонского национального фронта. Они хорошо помнили слова, сказанные им 9 июня 1936 г., незадолго до смерти и за год до начала войны сопротивления, в условиях свирепой антикоммунистической цензуры: «Тех, кто крепко стоит на твердой почве, проливает кровь и борется за существование китайцев, я считаю своими товарищами (то есть коммунистов. — В. Р.) и горжусь этим».

...Зал чунцинского кинотеатра переполнен молодежью и интеллигенцией: писатели, журналисты, художники, среди них несколько человек в военной форме. Присутствуют гоминьдановцы и коммунисты. На сцене — большой портрет Лу Синя. Звучат антияпонские песни «Вставайте все, кто не хочет быть рабом», «Моя родина на Сунгари» и другие.

Первым выступал Пань Гунчжань, один из лидеров реакционной группы «сиси», член ЦИК гоминьдана, до войны возглавлявший гоминьдановскую организацию в Шанхае, инициатор полицейской травли Лу Синя. С его именем связан приказ комитета гоминьдана провинции Чжэцзян об аресте Чжоу Шужэня (Лу Синя), который оставался в силе вплоть до похорон писателя.

Публика с напряжением ждала, что скажет этот заклятый враг ее любимого писателя. Пань Гунчжань не решился на открытые выпады. Под гробовое молчание зала он пустился в рассуждения о том, что «Лу Синь был настолько национален как писатель, что его творчество недоступно для иностранцев и они по нему неправильно судят о Китае, а его публицистика написана под влиянием иностранцев».

С решительной отповедью Пань Гунчжаню выступил представитель компартии Ван Мин. Его слова о том, что «творчество Лу Синя принадлежит всему передовому человечеству», были встречены громкими аплодисментами почти всех присутствовавших. Ван Мин приводил факты мировой популярности Лу Синя, данные о распространении его произведений за границей, и особенно в СССР. Заключительные его слова: «Нам дорога память о великом революционном писателе, и мы храним ее! Лу Синь умер, но он с нами!» — потонули в бурной овации. В зале снова запыли: «Вставайте все, кто не хочет быть рабом!»

После Ван Мина выступил левый гоминьдановец Шао Лицзы. Он отрекомендовался шаосинцем, земляком Лу Синя, и говорил, что называется, и нашим и вашим. Кто-то крикнул: «Пань Гунчжань тоже земляк Лу Синя, а отдал приказ об аресте его!» После закрытия собрания все разошлись, горячо обсуждая случившееся.

На этом собрании я встретил близких друзей писателя: переводчика русской литературы Цао Цзинхуа и писательницу Сяо Хун. Мы договорились о встречах, в дальнейшем Чунцине открывалась возможность продолжать сбор материалов к биографии Лу Синя.

Первым, с кем в Чунцине мне довелось разговаривать о Лу Сине, был мой старый друг еще по дням «политической весны» 1937 г. в Шанхае, известный публицист, издатель и крупный общественный деятель Цзоу Таофэн. Мы часто встречались, одно время он брал уроки русского языка у моей жены. К сожалению, наши встречи были отрывочными и короткими, он был слишком занят. Мы каждый раз надеялись на более подробную беседу, но она так и не состоялась. У меня сохранились только короткие записи его воспоминаний о Лу Сине и составленная им для меня большая библиография вопроса.

Такие же отрывочные беседы о Лу Сине были у меня и с писательницей Сяо Хун. В свое время Лу Синь своим вниманием, советами и редактированием помог ей достичь известности. Последние годы жизни писателя она жила у него в семье.

В Чунцине, как и девять лет назад в Харбине, я попросил ее вновь быть моим сяньшэном (учителем китайского языка). Признаюсь, уроки под вой сирен и разрывы бомб чаще всего сводились к разговорам о нашем любимом писателе. После моего отъезда из Чунцина Сяо Хун издала наши беседы в форме воспоминаний отдельной небольшой книжкой. К сожалению, она вышла небольшим тиражом, у меня ее нет, и я не знаю, насколько она совпадает с моими записями. Думаю, что в книге Сяо Хун материала значительно больше и он лучше обработан, чем мои записи. Приведу несколько наиболее интересных моментов так, как они сохранились у меня.

Первая беседа с Сяо Хун состоялась 22 декабря 1938 г. в отделении ТАСС в Чунцине. На беседе присутствовал писатель Дуаньму Хунлянь, ее муж.

— Расскажите о вашей первой встрече с Лу Синем.

— Это произошло в октябре 1934 г. Мы вместе с моим первым мужем, писателем Тянь Цзюнем, тайно бежали из оккупированного японцами Харбина в Пекин. Я мечтала поступить в университет, впрочем, это мне так и не удалось. Я была рада, что вырвалась из японского плена и что мне удалось «контрабандой» провезти в банке с чаем рукопись моей первой повести «Поле жизни и смерти» — о событиях в оккупированной Маньчжурии. Мы сразу написали письмо Лу Синю в Шанхай с просьбой встретиться. Через некоторое время он ответил: «Торопиться не следует. Сразу встречаться нельзя».

Наша первая встреча состоялась лишь через месяц в маленьком шанхайском кафе на Сычуань-род. Я спросила Лу Синя, можно ли напечатать мою книгу? «О чем она?» — «О японцах на Северо-Востоке». — «Такую книгу сейчас вряд ли удастся издать. Наше правительство не желает говорить о японцах, как будто ничего не случилось». Лу Синь в тот вечер все же взял мою рукопись. Помню, он говорил, что даже в такое время наша литература должна быть бодрой, боевой. Он предупредил нас, чтобы мы были настороже, а главное, не сходились с незнакомыми людьми, особенно с русскими белогвардейцами, большинство которых живет доносами. Они могут нас принять за «люй сюэшэн» (учащихся за границей), приехавших из СССР. Расходились мы с предосторожностями, первыми ушли Лу Синь с женой, и только через час — остальные.

После этой встречи мы не виделись несколько месяцев. Но вот однажды получили от него приглашение в ресторан. За ужином Лу Синь попросил рассказать о Маньчжоу-го и внимательно выслушал нас. Потом сказал, что прочел наши рукописи (кроме моей, у него была рукопись повести Тянь Цзюня «Деревня в августе»). Лу Синь рассказал нам, что, несмотря на трудности издания, тяжелое положение писателей, цензуру и полицейские преследования, он передал мою повесть в издательство общества «Вэньсюэ». Наша беседа затянулась далеко за полночь.

Моя рукопись полгода провалялась в цензуре, но так и не была разрешена для издания. Тогда Лу Синь решил напечатать обе книги на собственные деньги, для чего было создано фиктивное издательство «Нули» («Рабы»). Он потратил несколько ночей на чтение моей рукописи, объемом восемьдесят тысяч иероглифов, и внес в нее исправления. Наконец, обе книги с его предисловиями вышли в свет и быстро разошлись¹.

— Что, по вашему мнению, — спросил я далее Сяо Хун, — необходимо отметить в биографии Лу Синя шанхайского периода?

— Ответить на этот вопрос трудно. Шанхайский период жизни и борьбы Лу Синя особенно богат крупными событиями. В эти годы он стал революционным писателем. Главным было — дружба с Цюй Цюбо, именно в этом ключ к пониманию шанхайского периода.

В Шанхае Лу Синю приходилось тяжело, семья жила бедно. Тогда издательства выплачивали гонорар неаккуратно и только за проданные книги, а книги Лу Синя почти всегда конфисковала полиция. Ему платили, как и всем писателям, по три юаня за тысячу иероглифов. Другого заработка, кроме литературного, не было. По своей натуре он не мог входить в коммерческие сделки в ущерб интересам литературы, не мог ужиться с издателями, которых называл «продавцами литературы». Одно время он редактировал журнал «Ивэнь» («Переводная литература»), но потом журнал этот был закрыт. В журнале «Вэньсюэ» («Литература») к нему относились враждебно и не печатали его произведений.

Лу Синь был тяжело болен. Доктора советовали ему уехать из Шанхая с его вредным климатом, но у Лу Синя не хватало денег даже на отдых в деревне. В 1934 г. Лу Синь получил приглашение из Москвы на съезд советских писателей. Мы убеждали его, что в Москве он сможет подлечиться и отдохнуть. Но он категорически заявил, что из Шанхая ему сейчас уезжать нельзя. Думаю, он опасался, что

¹ Книга Тянь Цзюня «Деревня в августе» о партизанском движении на Северо-Востоке вышла на русском языке в 1929 г. с предисловием поэта Эми Сяо. Книга Сяо Хун «Поле жизни и смерти» на эту же тему с предисловием Лу Синя на русском языке не издавалась. В предисловии к повести Лу Синь писал: «Книга насыщена такой здоровой цельностью, что не пройдет бесследно даже для тех, кто ненавидит литературу и стремится к личной выгоде». Он считал, что «Поле жизни и смерти» придаст борцам стойкость и силу в борьбе (Лу Синь. Собр. соч., т. III. М., 1955, с. 377—379).

вернуться домой не удастся, так как китайское правительство не выдаст обратную визу. Очевидно, ему не хотелось оставлять и литературную борьбу, и работу в общественных организациях².

— Какие отношения были у Лу Синя с Цюй Цюбо?

— Самые близкие, — ответила Сяо Хун. — Они были единомышленниками. Помню, я жила в семье Лу Синя, когда появился «Человек с Севера», как его называли. Цюй Цюбо был на нелегальном положении, и даже от меня скрывали его настоящее имя и кто он такой. Потом я поняла, что он приехал из Советской России. Позже Лу Синь говорил о нем: «Цюй Цюбо лучший из китайцев. Его гибель — такая потеря, которую никогда не восполнить». Цюй Цюбо оказал большое влияние на Лу Синя. После расстрела Цюй Цюбо мы даже избегали говорить о нем, чтобы не огорчать Лу Синя.

— Когда они познакомились? Знали ли они друг друга в Пекине?

— Не могу сказать. Видимо, в Пекине они не встречались, но уже тогда слышали друг о друге, читали то, что каждый из них публиковал.

— Кто из китайцев хорошо знает жизнь Лу Синя?

— По-моему, таких людей двое: его земляки профессор Сюй Шоучан и президент Академии наук профессор Цай Юаньпэй. Они его старые друзья, знают всю его жизнь, еще с Шаосина. Вместе учились в Японии, а по возвращении на родину вместе работали в Пекине. Конечно, много знают о нем его жена Сюй Гуанпин и два младших брата: Чжоу Цзюжэнь, буржуазный писатель-декадент, который сейчас стал предателем и является министром просвещения японского марионеточного правительства Северного Китая в Пекине, и Чжоу Цзяньжэнь. С Чжоу Цзюжэнем Лу Синь идейно давно разошелся. Второй брат, Чжоу Цзяньжэнь, — человек крайне аполитичный и литературой никогда не интересовался. Сейчас еще живы многие друзья Лу Синя по Пекину, хотя некоторых, например его земляка, ученика, друга и соратника Вэй Суюаня, Сунь Фуюаня и других уже нет. Из живущих назову писателя Тай Цзиннуна, который легко читает лусиневские рукописи, подражавшего Лу Синю прозаика Сюй Цзиньвэня, уроженца Шаосина, и его сестру Сюй Цису, бывшую студенткой у Лу Синя. Брат и сестра были близкими друзьями семьи Лу Синя, особенно его матери. Они живы, но куда их забросила война, я не знаю.

Пекинский период хорошо знает профессор русского языка Цао Цзинхуа, знаменитый переводчик русской и советской литературы. Шанхайский период и последние годы лучше всех знал Цюй Цюбо, который мог бы стать прекрасным биографом Лу Синя, но его уже нет. Сейчас лучше других шанхайский период знает его старый друг, литератор-коммунист Фэн Сюэфэн, который всегда защищал Лу Синя от нападок буржуазных литераторов и троцкистов, от разных «левых»...

Последний раз я встретился с Сяо Хун 24 декабря 1939 г. В начале 1940 г. я вернулся в Москву, а она была вынуждена вскоре уехать в Гонконг, где затем, в первые дни 1942 г., погибла в японском концлагере. Моего замечательного друга и «сяньшэна» не стало. У нее я многому научился и сердечно ей благодарен. С ней, моей учительницей, я впервые начал читать в Харбине в 1930 г. произведения Лу Синя, с ее помощью проник в смысл «Подлинной истории А-Цю». Потом мы встречались в Ухани и Чунцине. Находясь в начале войны вместе с мужем на Северо-Западе, она подверглась заушательской критике самого Мао, обвинившего ее в аполитичности. После этого в Ухани и Чунцине Сяо Хун постоянно подвергалась нападкам сторонников Мао Цзэдуна, ее произведения перестали печатать в левых изданиях. Она не могла печататься в гоминьдановских изданиях из-за своих политических убеждений, а тем более не могла уехать на оккупированную японцами территорию, поэтому вынуждена была бежать в Гонконг, где и погибла.

Американская писательница Агнес Смэдли прочувствованно писала о Сяо Хун: «На свирепой накаленной войны выковывались новые китайские женщины, во многих отношениях более передовые, чем американские женщины. С одной из таких женщин я некоторое время жила вместе в загородном доме уханьского епископа. Ее звали Сяо Хун, у нее была очень типичная судьба. Она бежала из Маньчжурии, когда в 1931 г. произошло первое вооруженное вторжение Японии. Бежала она не только от японцев, но и от богатых родителей, которые хотели насильно выдать ее за муж. С тех пор она всегда оказывалась впереди японского продвижения, жила в Пекине, затем в Шанхае, Ханькоу и Чунцине. Ее первая книга «Поле жизни и смерти» была рекомендована читателям не кем иным, как Лу Синем, который говорил, что это одна из наиболее сильных повестей, написанных женщиной. После этого писательница публиковала книги и рассказы о войне. Как большинство современных китайских писателей, она жила в постоянной нищете. Ее заработок равнялся заработ-

² В письме поэту Сяо Саню (Эми Сяо), жившему в Москве, Лу Синь писал тогда: «Я давно хотел побывать на съезде, но по сложившимся обстоятельствам мне трудно покинуть дом, ведь стоит только выехать, а потом трудно будет вернуться, не говоря уже о возможности публикации моих заметок (о съезде — В. Р.). А раз так, то нет смысла [ехать], ведь обо всем буду знать только я один и не смогу ни с кем поделиться своими впечатлениями. Лучше уж оставаться здесь и по-прежнему писать статьи» (Лу Синь. Собр. соч., т. IV. М., 1956, с. 238).

ку кули. К тому же Сяо Хун, как многие ее сотоварищи, страдала туберкулезом. Я помогла ей устроиться в госпиталь королевы Марии и помогала ей до конца. Через несколько дней после захвата японцами Гонконга она умерла. Ей было всего 28 лет»³.

Следующим моим собеседником был литературный критик и философ Пань Цзынянь (брат руководителя шанхайской организации компартии Пань Ханьняня), коммунист, издатель газеты «Синьхуа жибао», один из видных деятелей Лиги левых писателей. В беседе, состоявшейся в редакции газеты, я попросил его рассказать о деятельности Лу Синя в Лиге.

— Работа по созданию Лиги левых писателей, — рассказывал Пань Цзынянь, — началась после поражения революции 1924—1927 гг. Проходила она под лозунгом компартии «За пролетарскую литературу!». Я знаю только о первом этапе борьбы за объединение революционных писателей, так как до начала войны сопротивления Японии был арестован и три года просидел в гоминьдановской тюрьме. О последних годах работы Лиги и о предвоенных годах ничего не знаю.

Лу Синь в августе 1926 г. вынужден был бежать от преследований из Пекина сначала в Амой, а через полгода в революционный Кантон, где его и застал контрреволюционный переворот Чан Кайши. В октябре 1927 г., после падения уханьского правительства левого гоминьдана, Лу Синь приехал в Шанхай. В литературном отношении он тяготел к писателям-реалистам из Общества изучения литературы. Формально Лу Синь продолжал числиться главой группы писателей журнала «Юйсы» («Словесные нити»), который с 1924 г. выходил в Пекине в противовес реакционному журналу «Современное обозрение», возглавляемому профессором Чжан Шижао.

После переезда Лу Синя в Шанхай тамошние враждующие литературные группы «Творчество» и «Солнце» также вели совместную борьбу против Лу Синя и журнала «Юйсы», называли произведения, там публиковавшиеся, бесклассовой «литературой без дела». Мне кажется, вспоминал Пань Цзынянь, что поводом для этой борьбы было то, что в журнале «Юйсы» продолжали участвовать буржуазные писатели — декадент Чжоу Цзожэнь и Линь Юйтан — сторонник развлекательной литературы. В годы революции 1924—1927 гг., когда журнал выходил в Пекине, они выступали вместе с Лу Синем за новую современную литературу против реакционных литераторов из журнала «Современное обозрение», а после поражения революции стали писать в угоду вкусам буржуазии. Это вызвало раскол в группе «Юйсы». С 1928 г. журнал «Юйсы» стал издаваться в Шанхае уже под знаменем декадентства и развлекательной литературы. Лу Синь окончательно порвал связи с группой «Юйсы» и решительно стал критиковать ее за отрыв от реальной жизни.

Однако «левые» критики из «Творчества» и «Солнца» (Чэн Фану, Чжэн Боци, А Ин и др.) не унимались. Выдавая себя за «стопроцентных революционеров», они продолжали критиковать Лу Синя за то, что его художественные произведения посвящены старому обществу, утверждали, что «эпоха А-Q прошла», обвиняли его в «уходе от революции», называли мелкобуржуазным писателем, индивидуалистом и даже анархистом. Однако действительность, разгул контрреволюции и белого террора показывали, что времена А-Q не прошли, наоборот, появились «акьюобразные революционеры». Нападки на Лу Синя велись поверхностно и необоснованно до абсурда. Например, усиленную работу Лу Синя, Цюй Цюбо и Цао Цзинхуа над переводами советской литературы называли пустопорожним занятием, даже приклеили им ярлык «три бездельника».

В этом литературном разброде большое значение имело то обстоятельство, что компартия находилась в глубоком подполье или вдали от Шанхая, практически не имела возможности повседневно оказывать влияние на левые литературные круги Шанхая.

Биение горячего сердца писателя-реалиста чувствовалось в бескомпромиссных выступлениях Лу Синя против безыдейности буржуазной литературы и реакционного национализма гоминьдановской литературы, в его трезвых критических оценках «левого» фразерства, чем отличались его непосредственные литературные противники. Свою борьбу он подкреплял собственными переводами марксистских трудов о литературе и искусстве (А. В. Луначарского, Г. В. Плеханова) и документов литературной политики ВКП(б). С тех пор прошло много времени, и теперь стало совершенно ясно, что в критике «левых» фразеров из «Творчества» и «Солнца» Лу Синь был прав. Писатели этих групп не были настоящими марксистами и были оторваны от масс.

В Шанхае Лу Синь занимался боевой публицистикой, воспитал плеяду молодых писателей и активно участвовал в массовых революционных организациях. Стремясь объединить прогрессивных писателей, в 1930 г. он возглавил Лигу левых писателей Китая, работавшую под руководством коммунистической партии.

— Вы были одним из организаторов Лиги левых писателей, расскажите подробнее, как она была создана?

³ A. Smedley. Battle Hymn of China. New York, 1945, p. 524.

— Впервые мысль о создании организации писателей, оставшихся на позициях национально-освободительной революции, возникла еще в 1927 г. у писателей, поэтов и литераторов, вернувшихся из Японии и Советского Союза. После поражения революции 1924—1927 гг. осуществить ее сразу было трудно. Вместо одной организации появилось несколько литературных групп. Среди вернувшихся из Японии было несколько поэтов и литераторов, ранее входивших в общество «Творчество», объединявшее сторонников романтизма и символизма, во главе с известным поэтом Го Можо. Эта организация, так же как и другая организация — «Общество изучения литературы», объединявшая писателей-реалистов (Мао Дунь, Ван Тунчжао, Чжэн Чжэньдо, Е Шаоцунь, Сюй Дишань и др.), возникла в результате так называемой «литературной революции» 1915—1916 гг., когда профессор Пекинского университета Ху Ши, Чэнь Дусю и др., учившиеся в свое время за границей, выступили против старой феодальной литературы на языке взъянь за новую современную литературу на живом разговорном языке байхуа. Борьба усилилась после студенческого антиимпериалистического и антифеодального «движения 4 мая» (1919 г.), идеологическое острое которого было направлено против старой феодальной культуры и конфуцианства. Оба эти литературные общества вели борьбу за новую современную литературу еще до революции 1924—1927 гг. Руководитель тогдашнего общества «Творчество» Го Можо оставался в Японии (он вернулся в Китай только в 1937 г. — В. Р.), а члены общества, вернувшиеся на родину, воссоздали, по существу заново, другое общество «Творчество». Главными его деятелями стали Фэн Найчао, Ли Чули, Чэн Фану (вернувшийся из СССР) и молодая поэтесса Фэн Кэн. «Творчество» отвергло застывшие формы древней китайской поэзии, в основном оставаясь на прежних позициях старого «Творчества», сформулированных в свое время их теоретиком Фан Чэну: «писать свободно и раскованно, создавать новые формы с новым содержанием». В творческом плане сторонники нового, так же как и старого, «Творчества» были под влиянием западноевропейской и японской романтической поэзии и литературы.

Писатели, вернувшиеся из СССР, создали новое литературное общество «Солнце» под руководством поэта-коммуниста Цзян Гуанцы. В группу «Солнце» вошли Цянь Синлунь (литературный псевдоним А Ин), Ян Цуньжэнь и др. Сторонники «Солнца» находились под влиянием советской революционной поэзии и литературы, выступали как продолжатели традиции поэтов революции 1924—1927 гг. коммунистов Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Юнь Дайина. Цзян Гуанцы, автор известной в свое время книги «Партия коротких штанов», выдвинул лозунг: «Мы выступаем за литературу сочувствующую пролетариату». Это дало буржуазным литераторам повод называть презрительно всех пролетарских писателей «короткоштанниками». Как я только что рассказал, между писательскими группами «Творчество» и «Солнце» велись ожесточенные споры по вопросам художественного метода, и обе группы выступили против Лу Синя. Добавлю только, что в этой борьбе появился новый тезис о «литературе крови и железа», то есть о том, что литература должна стать орудием революции. В литературно-идеологических вопросах большой разницы между ними не было. В отличие от «Общества изучения литературы» в политическом отношении они были очень активными и готовы были объединиться, но у них не было еще четливых представлений о задачах революционной литературы. Ученик и последователь Лу Синя литератор Фэн Сюэфэн выдвинул предложение об объединении их в одну организацию, и оно было осуществлено.

В конце концов произошло объединение прогрессивных писателей всех трех групп: «Творчества», «Солнца» и «Общества изучения литературы». Фэн Найчао, Чэн Фану, Ли Чули, молодая поэтесса Фэн Кэн и Фэн Сюэфэн возглавили течение левых революционных писателей. 2 марта 1930 г. на нелегальном собрании в американском морском клубе христианской молодежи была создана Лига левых писателей Китая. С программной речью выступил Лу Синь. Вместо прежних теоретиков Чэн Фану, Ли Чули, А Ина «литературной душой», теоретиком и официальным лидером Лиги стал Лу Синь, тесно сотрудничавший с одним из руководителей компартии Цюй Цюбо.

— Сколько человек присутствовало на учредительном собрании Лиги?

— Около двадцати товарищей. Издавать книги и журналы, — продолжал Пань Цзынянь, — из-за гоминьдановской цензуры было совершенно невозможно. Лу Синь в те годы вел в буржуазной газете «Шэньбао» отдел «Свободный разговор», в котором печатал свои короткие публицистические заметки, памфлеты и фельетоны. Это было единственное место в большой прессе, где теплилась живая мысль. Появившиеся благодаря энергии Лу Синя журналы Лиги левых писателей часто после третьего-четвертого, а иногда после первого номера закрывались полицией. Первыми такими журналами были: «Тохранчжэ» («Воздельватель целины», под редакцией Фэн Найчао) и «Дачжун взъянь» («Литература и искусство масс», под редакцией Юй Дафу). Потом появлялись новые и новые издания, они существовали недолго, но имели широкое распространение.

Главная работа Лиги велась в университетах и школах. Работало несколько кружков среди студентов. Была поставлена задача идти к рабочим в окрестности Шанхая и в деревни для политического воспитания масс. Было создано и развивало свою деятельность «Общество изучения литературы и искусства». Появилось «Объединение драматургов» (Тянь Хань, Ся Янь, Ян Ханьшэн), объединявшее работников театра, «Общество изучения гравюры» во главе с Лу Синем, «Общество латинизации

письменности» под руководством Цюй Цюбо. Для молодежи также были созданы Школа искусств во главе с Фэн Найчао и Академия искусств, в которой активно работали драматурги Тянь Хань и Ху Шэнь. Руководителем Лиги, как вы знаете, был Лу Синь, активную повседневную работу вели также Фэн Найчао, Фэн Сюэфэн, Ван Сюэвэнь и я. После 18 сентября 1931 г. из Японии вернулся Мао Дунь и активно включился в работу Лиги.

В 1932 г. меня арестовали. Лига просуществовала всего три года. Окончательный ее разгром произошел в 1933 г. Многие члены Лиги были арестованы и расстреляны, остальные ушли в глубокое подполье или уехали в советские районы Китая⁴.

Интересные беседы произошли у меня в Чунцине с крупнейшим переводчиком и знатоком русской и советской литературы профессором Пекинского университета Цао Цзинхуа. В молодости он изучал русский язык в этом университете у А. А. Иванова и С. М. Третьякова, потом несколько лет жил и работал в СССР, преподавал китайский язык в ленинградском Институте востоковедения, постоянно переписывался с Лу Синем.

В СССР я с ним не встречался, первая наша встреча произошла в Нанкине в 1937 г., где он жил после эвакуации из Пекина. Тогда мы о Лу Синем не говорили. Я был увлечен малоизученной темой «Горький в Китае», и он помог мне составить большую библиографию китайских переводов А. М. Горького, которая до сего времени лежит у меня неопубликованная⁵.

Цао Цзинхуа — один из самых известных переводчиков русской и советской литературы. Наиболее известны были его переводы «Железного потока» А. Серафимовича, «Андрона Непутевого» А. Неверова (под редакцией Лу Синя), «Донских рассказов» М. Шолохова, «Сорок первого» Б. Лавренева, «Правонарушителей» Л. Сейфуллиной, «Тринадцати трубок» И. Эренбурга, «Аристократки» М. Зощенко и многие другие. По единодушному признанию, это были блестящие работы истинного мастера, который не только отлично знал русский язык и литературу, но и жизнь нашего народа.

За три дня до своей смерти в предисловии к книге переводов Цао Цзинхуа «Сборник семи советских авторов» Лу Синь писал: «Люди, работавшие без шума, казались тогда отсталыми, зато не исчезли вместе с шумом, а составили крепкий костяк. Цзинхуа — один из тех, кто переводил молча, без перерыва. За двадцать лет работы он прекрасно изучил русский язык и без шума издал немало книг. Он не рекламировал себя и до сих пор не создал себе имени. Эго преследовали и запрещали, а он все так же отработывал свои старые переводы, которые сейчас живут в сердцах читателей... Они, как и прежде, без шума принесут несомненную пользу китайскому читателю. Я же был счастлив, получив возможность сделать этот грубый набросок»⁶.

Приведу запись и этой нашей беседы.

— Когда вы познакомились с Лу Синем?

— Это произошло в Пекине в 1924 г. во время создания литературного общества «Вэйминшэ» («Общество без названия»). До этого я только слушал лекции Лу Синя в Пекинском университете, когда был студентом русской секции литературного факультета. Организатором этого литературного общества был Лу Синь, увлекавшийся русской и советской литературой. Меня пригласили в него вступить потому, что тогда я переводил «Три сестры» и «Вишневый сад» А. П. Чехова. Основными деятелями там были Лу Синь, писатель Тай Цзиннун и литератор и переводчик Вэй Сюань, земляк и ученик Лу Синя. В 1921 г. он учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, хорошо знал русский язык, перевел «Преступление и наказание» и «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. К сожалению, талантливый Вэй Сюань в 1932 г. умер от туберкулеза. Лу Синь тяжело переживал утрату своего близкого друга. Входили в общество также ведавшие издательскими делами литератор Вэй Пуну и переводчик русской литературы с английского языка Ли Цзие. Он частично перевел «Войну и мир» Л. Толстого и некоторые произведения Леонида Андреева, которые вышли под редакцией Лу Синя. Ну и, наконец, я, тогда начинающий переводчик. Сотрудничал с обществом и Гэн Цзичжи, известный переводчик с русского языка прозы Пушкина, основных произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова и других русских классиков. Однако в обществе он состоять не мог, так как служил в министерстве иностранных дел, а служащим этого министерства общественная деятельность не разрешалась. «Вэйминшэ» вело борьбу за новую ли-

⁴ Потом Лига левых писателей была восстановлена под руководством Мао Дуня и действовала до 1936 г., когда объявила о самороспуске.

⁵ По возвращении в Москву я опубликовал обзорную статью «Горький в Китае» («Интернациональная литература», 1940, № 7—8). В этой статье приводятся высказывания китайских писателей и переводчиков о М. Горьком.

⁶ Лу Синь. Собр. соч., т. II, М., 1955, с. 385.

тературу на языке байхуа и широко пропагандировало русскую и советскую литературу. Нет необходимости говорить, что все переводы были на языке байхуа и пользовались большой популярностью.

— Какова судьба писателя Тай Цзиннуну — друга Лу Синя?

— Тай Цзиннун родился в 1901 г. в семье зажиточного крестьянина в провинции Аньхуэй. Он мой земляк, и мы вместе учились в Пекинском университете. В 1924 г. он окончил литературный факультет, слушал лекции Лу Синя и был оставлен при кафедре китайской литературы. Тай Цзиннун писал рассказы из крестьянской жизни⁷. Два его первых сборника рассказов «Сын земли» и «Строитель башни» были изданы издательством «Вэйминшэ». Сборники эти были сразу конфискованы. Он три раза подвергался тюремному заключению: два раза при Чжан Цзолине в Пекине «за связь с революционной организацией» и третий раз в 1934 г. по обвинению в «связях с коммунистами». Его отправили в нанкинскую тюрьму, где он просидел полгода. О третьем аресте я больше ничего не знаю. Близкий друг Лу Синя и активный участник «Вэйминшэ», он был профессором китайской литературы в католическом университете в Пекине, в Амойском университете и в Шаньдунском университете в Циндао. Лу Синь до конца жизни переписывался с ним.

В то время Тай Цзиннун работал в правительственном бюро переводов. В журнале «Теория и практика» под псевдонимом Кун Цзя он опубликовал статью «Успехи изучения древней литературы Лу Синем» и в последнем номере журнала «Культура Китая и СССР» поместил статью «Ван Цзинвэй в глазах Лу Синя», подписанную псевдонимом Цзян Чао.

— Какие, по вашему мнению, важные моменты в биографии Лу Синя нужно осветить прежде всего?

— Лу Синь был искренний и принципиальный человек. Он не щадил своих друзей, если они изменяли своим убеждениям и переходили на сторону реакции. Такой человек словно отлит из стали. Расскажу о некоторых из моих встреч и о сотрудничестве с Лу Синем. Начиная с 1916 г. Лу Синь участвовал в известном журнале «Синь циннянь» («Новая молодежь»). Этот журнал, как известно, сыграл большую роль в развитии новой литературы и культуры. Кстати говоря, после отказа Советской России от «боксерской контрибуции» и передачи русской доли на нужды народного просвещения Китая Пекинский и другие университеты получали деньги из этой крупной суммы, в том числе получал деньги на свое издание и журнал «Синь циннянь». Он появился в годы так называемой «литературной революции», о которой в СССР мало известно. В 1915—1916 гг. профессора Пекинского университета, получившие европейское образование, Ху Ши и Чэнь Дусю выступили за реформу китайской письменности, против мертвого книжного языка взъянь, на котором в те годы издавались литературные произведения. Они предложили заменить малодоступный язык взъянь живым, понятным разговорным языком байхуа и создавать на его основе новую современную литературу. Организаторы журнала «Синь циннянь» профессор Ху Ши, Чэнь Дусю, два брата Шэн Имай и Шэн Цзянши, литератор-лингвист Цянь Сюаньтун (друг Лу Синя), писатель-декадент Чжоу Цзожэнь (брат Лу Синя), все носители европеизированного либерализма, были идеологами китайской национальной буржуазии, развитием которой после первой мировой войны препятствовал царящий в стране феодальный милитаризм, поддерживаемый империалистическими державами, главным образом Японией и Англией. В политическом плане журнал под влиянием общего национального подъема выступал против феодалов-милитаристов и против иностранного вмешательства во внутренние дела Китая. В вопросах литературы и культуры он отстаивал новую современную литературу и современную науку и отвергал конфуцианство, вековую отсталость и феодальные устои старого общества. Общественное мнение считало его органом, пропагандирующим достижения передовой науки и демократии.

В № 4 за 1918 г. Лу Синь опубликовал свой первый рассказ «Дневник сумасшедшего», написанный на языке байхуа и впервые подписанный псевдонимом Лу Синь, который стал его писательским именем. «Дневник сумасшедшего» разоблачал чело-веконенавистническое феодальное общество. В следующем, 1919 г. на страницах журнала были опубликованы сорок публицистических произведений, объединенных общим названием «Разные настроения», вошедшие позднее в сборник «Горячий ветер» (1925 г.). Эти очерки и фельетоны были посвящены реформе семьи, раскрепощению женщин и детей, школьному образованию и т. д.

Антиимпериалистическое и антифеодальное выступление пекинских студентов 1919 г., вошедшее в историю как «движение 4 мая», всколыхнуло всю страну. Журнал «Синь циннянь» оказался в центре внимания общественности, реакционеры разного толка повели нападки на него. Статьи Лу Синя перекликались с бурными событиями, многие его рассказы, особенно «Дневник сумасшедшего», называли манифестом «движения 4 мая».

До 1922 г. журнал «Синь циннянь» оставался прогрессивным изданием, в нем принимали участие и авторы-коммунисты. Затем журнал под воздействием Ху Ши,

⁷ На русский язык переведены его рассказы «Раненый» («Ленинград», 1930, № 5—6), «Вчера вечером» и поэма «Мы строим» («Литература мировой революции», 1931, № 7).

Чжоу Цзожэнь, двух Шэнов и впоследствии Чэнь Дусю, исключенного из компартии за соглашательство и оппортунизм, становится реакционным. Из группы «Синь циньянь» последовательным, стойким бойцом до конца остался один Лу Синь. Вместе с писателем Линь Юйтаном он создал журнал «Юйсы» для борьбы против реакционных литераторов, противников новой литературы, сгруппировавшихся вокруг журнала «Сяньдай цинлунь» («Современное обозрение»), во главе с реакционерами Чэнь Юанем (Чэнь Ситаном) и Чжан Шичжао, сторонником движения «фугу юндун» («возвращение к древности»). Они выражали взгляды части национальной буржуазии, пошедшей на сговор с феодалами-милитаристами и с империализмом. Профессор Чжан Шичжао был тогда министром просвещения прояпонского правительства Дуань Цижуя, по его приказу 18 марта 1926 г. была расстреляна антиимпериалистическая демонстрация пекинских студентов, во время которой 40 студентов и студенток были убиты. Группа «Современное обозрение» была близкой к властям и пользовалась услугами полиции.

Больше десяти лет Лу Синь служил в министерстве просвещения, но, как только он стал открыто выступать против группы «Современное обозрение» в защиту студенческого движения, его уволили из министерства, и его имя попало в «черный список 50 большевиков». Чтобы избежать ареста, Лу Синь в августе тайно бежал из Пекина в Амой, где преподавал китайскую литературу и продолжал борьбу против реакции. Меньше чем через год ему снова пришлось бежать и оттуда, на этот раз в революционный Кантон.

О журнале «Юйсы» я не могу рассказать подробно, потому что в пору его расцвета меня не было в Пекине. Расскажу только то, что знаю о его создании. Участниками журнала были Лу Синь, писатели Линь Юйтан, Чжоу Цзожэнь, литераторы братья Сунь Фуюань и Сунь Фуси, профессора Шэн Имай и Шэн Цзянши из группы журнала «Синь циньянь». Наряду с Лу Синем наиболее активным был прогрессивный поэт Лю Фу (Лю Баньнун), один из первых реформаторов современной поэзии, выступавший против старой канонической системы стихосложения (пяти или семи слов в строке) за разнообразие поэтических форм. По словам Лу Синя, основным принципом журнала был следующий: «Сотрудники пишут по собственному желанию обо всем, а не под мечом издателя-хозяина и не стремятся своими произведениями делать себе карьеру». Было решено, что журнал даже не будет иметь главного редактора, хотя все же им фактически был друг Лу Синя, его земляк и ученик Сунь Фуюань.

Я хорошо знаю, что предшествовало появлению журнала «Юйсы». До этого в Пекине издавалась газета «Бэйцзин чэньбао» («Пекинская утренняя газета»), в которой выступали как именитые деятели культуры и литературы Лян Цицао и профессор Ху Ши, так и первый китайский марксист профессор Пекинского университета Ли Дачжао. Газета не допускала на своих страницах никаких антисоветских выступлений. В октябре 1920 г. «Чэньбао» послала своего собственного корреспондента в Москву. Им был молодой литератор, поэт и переводчик русской литературы товарищ Цюй Цюбо, ставший впоследствии одним из видных руководителей компартии. У газеты было литературное приложение, в котором участвовали многие писатели и поэты, в том числе Лу Синь, Се Бинсинь, Чжоу Цзожэнь и др. Известная повесть Лу Синя «Подлинная история А—Q» была написана для этого приложения.

— Стало быть, можно предполагать, что товарищ Цюй Цюбо был знаком с Лу Синем еще в Пекине?

— Точно утверждать не могу. Цюй Цюбо с 1917 г. учился в Пекинском институте русского языка⁸, в 1919 г. был одним из организаторов «движения 4 мая» — активным членом объединенного комитета пекинских студентов, сотрудничал в газете «Чэньбао». В это время Лу Синь жил в Пекине, участвовал в общественной жизни и тоже сотрудничал в «Чэньбао». Конечно, они знали друг о друге и, возможно, встречались, но я не знаю, дружили ли они.

Вернемся к журналу «Юйсы». Журнал пользовался большим успехом. Читатели особенно ценили его сатирические выступления против реакции. Способствовала этому также начавшаяся в 1924 г. революция. После поражения революции в 1927 г. литераторы, сотрудничавшие в журнале, вынуждены были замолчать. В 1928 г. издание журнала было перенесено в Шанхай, где под руководством Линь Юйтана он превратился в обычный буржуазный развлекательный журнал. В этом же году Лу Синь окончательно порвал с ним всякие связи.

С октября 1927 г. после скитаний в Амои и Кантоне Лу Синь не мог вернуться в Пекин и осел в Шанхае. Начался новый, тяжелый и очень важный шанхайский период его жизни. Мы говорим и пишем «шанхайский период», на самом же деле он жил и работал на территории международного селтльмента Шанхая и на китайской территории этого города появляться не мог. Еще раз повторяю, это было тяжелое время. Многие тогда отошли от прежних прогрессивных и революционных позиций, но Лу Синь оставался им верен и стал подлинно революционным писателем. Большую роль в этом сыграла его дружба с товарищем Цюй Цюбо. Они стали верными друзьями

⁸ Институт русского языка в Пекине был создан в годы первой мировой войны для обучения русскому языку китайских служащих КВЖД. Обучение в нем было бесплатное. Цюй Цюбо учился в институте по рекомендации своего дяди инженера Пекин-Ханькоуской ж. д.

и соратниками по борьбе. В семье Лу Синя Цюй Цюбо не раз спасался от полицейских преследований. Они активно работали в Лиге левых писателей, писали статьи, переводили марксистскую и советскую литературу.

— Расскажите об отношении Лу Синя к русской и советской литературе.

— Об этом можно написать целую книгу! Основные его высказывания хорошо известны в Советском Союзе, я коснусь только некоторых малоизвестных деталей, характеризующих литературные взгляды писателя. Как я уже сказал, созданное Лу Синем литературное общество «Вэйминшэ» занималось переводами и изданием русской и советской литературы. В зрелые годы любимыми русскими писателями Лу Синя были Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов и Горький. Много лет, до последнего дня своей жизни, Лу Синь с особенной любовью относился к Гоголю. Пожалуй, никто так много не переводил Гоголя на китайский язык, как Лу Синь.

В 1934 г. Лу Синь начал переводить «Мертвые души». Это был гигантский труд, подлинный подвиг писателя. Он перевел и издал первый том, но не успел закончить перевод второго тома. О том, как он работал над переводом, рассказала его жена Сюй Гуанпин в послесловии к переводу «Мертвых душ», написанном 26 мая 1938 г. Вот эти волнующие строки.

«Беру в руки книгу «Мертвые души», и в глубине моего сердца возникает чувство, словно я беру тяжелый кусок свинца. Невольно возникают воспоминания о Лу Синя. Перевод напоминает о его тяжелой работе. Весь его стол был завален книгами. С предельной преданностью и серьезностью докапываясь до самой сути, два с лишним года целиком отдавался переводу. Когда встречались трудности в передаче отдельных слов и выражений и в китайских словарях нельзя было найти соответствующего выражения, он мучительно отыскивал подходящие слова, и это было равно научному открытию.

Лу Синь окончил перевод третьей главы второго тома «Мертвых душ» 15 мая 1936 г. Приступая к этой работе, он переборол слабость своего организма, после чего выдержал еще больше двух лет. Однажды вечером, когда была завершена часть перевода, он с облегчением сказал: «Теперь отдохну, что-то плохо себя чувствую». Я настойчиво советовала ему скорее начать лечиться. Вскоре он заболел и слег. Рукописи перевода лежали у его кровати. Как только наступало небольшое улучшение, он тотчас обращался к своей незаконченной работе, думал взяться за кисточку. Я видела, с какими невероятными трудностями дается перевод такому больному человеку, и неоднократно говорила ему об этом. В октябре Лу Синь согласился, что здоровье не позволяет продолжать работу. Он разобрал рукописи и отослал их в редакцию. 16 октября (за три дня до смерти. — В. Р.) перевод был опубликован в журнале «Ивэнь». В опубликованном виде Лу Синю не привелось его увидеть — человеческая жизнь оказалась тоньше и слабее бумаги. Это грустное напоминание, несомненно, вызовет сочувствие у читателя. Незаконченный автором второй том «Мертвых душ» остался незаконченным и в переводе Лу Синя. Это всего-навсего случайное совпадение».

В годы увлекательной и тяжелой работы Лу Синя над переводом «Мертвых душ», — продолжал Цао Цзинхуа, — у меня установилась с ним дружеская переписка. В письмах он часто спрашивал меня об отдельных словах, которых не было в японских и китайских словарях, вроде «семинарист», «фитюк», «скалдырник», «пришпандорить» и др., о трудных для перевода местах и об отдельных идиоматических выражениях. У меня сохранилось около шестидесяти его писем. В одном из них он писал: «Гоголь — лучший художник слова из всех иностранных писателей, которых я знаю». В другом письме говорилось: «Его типы из «Мертвых душ», такие, как Чичиков, Манилов, Собакевич, до сего времени живут в Китае. А сколько у нас китайских городничих, добчинских, бобчинских и других чиновников из «Ревизора!»

Выскажу одно мое критическое замечание. Мне кажется, что китайские авторы до сего времени недооценивают значение переводов Лу Синя по вопросам марксистской теории литературы и искусства. Еще в 1928 г. ему удалось издать сборник своих переводов «Литературная критика», в который вошли переводы материалов в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) мая 1924 г. о литературной политике коммунистической партии СССР. В 1929 г. вышел в его переводе сборник А. Луначарского «Об искусстве», и в 1930 г. появилось еще два сборника: Г. В. Плеханов «Об искусстве» и А. В. Луначарский «Литература и критика». Как он писал, эти сборники были переведены и изданы им с целью показать теоретическую несостоятельность критиков из группы «Творчество» и других крайне «левых» литераторов, нападавших на него. Я не ошибусь, если скажу, что эти переводы марксистских трудов помогли нам создать Лигу левых писателей, признанным руководителем которой стал революционный писатель Лу Синь.

Политический портрет лидера антиимпериалистической борьбы индонезийского народа

В истории каждого народа есть деятели, в судьбе которых как бы персонифицируется целая эпоха. К их числу принадлежит и выдающийся идеолог и руководитель антиколониальной освободительной борьбы индонезийского народа, первый президент Индонезии Сукарно, чьей политической биографии посвящена рецензируемая книга М. С. Капицы и Н. П. Малетина*. Отражая объективный этап социально-политического вызревания населения своей страны и развития антиимпериалистической борьбы народа Индонезии, Сукарно в то же время представляет собой типичного политического лидера заключительного этапа непосредственно антиколониальной борьбы и первых десятилетий самостоятельного политического существования прежде колониальных и зависимых стран Азии и Африки.

Типичность эта определяется прежде всего тем, что Сукарно вслед за Сунь Ятсеном и Ганди в одновременно с Неру осознал, что свергнуть колониализм усилиями даже самых выдающихся одиночек невозможно, что с чужеземным гнетом может быть покончено лишь в результате целенаправленной и организованной борьбы масс.

Сукарно является выходцем из традиционной политической элиты, но на арене политической борьбы он появился в то время, когда для отпрысков «благородных фамилий» уже не было места в разрушенной колонизаторами традиционной общественной структуре и еще не было места в складывающихся новых социальных отношениях колониально-капиталистического типа. Несмотря на свое социальное происхождение, Сукарно вошел в ряды разночинной интеллигенции. Большой заслугой авторов

---

* М. С. Капица, Н. П. Малетин. Сукарно. Политическая биография. М., «Мысль», 1980, 332 с., с илл.

рецензируемой книги является то, что они раскрыли конкретные условия становления Сукарно как личности, реконструировали обстановку, в которой происходило складывание Сукарно как политического деятеля. Совершенно справедливо отмечается в книге значение для формирования Сукарно лет проведенных им в доме общепризнанного лидера антиколониальной борьбы того времени Чокроаминото, который, как пишут авторы, «стал идеалом для юного Сукарно а его дом — своего рода политическим университетом». В этом доме Сукарно получил возможность непосредственно общаться с выдающимися индонезийскими политическими лидерами, выступавшими за политический суверенитет страны.

Подробно раскрывается в книге процесс формирования идейных позиций и политической программы Сукарно. Авторы показывают, что одним из определяющих моментов в формировании идейно-политической платформы Сукарно была победа Великой Октябрьской социалистической революции, то обстоятельство, что в результате деятельности В. И. Ленина и Коммунистического Интернационала, первых успехов социалистического строительства в СССР, «эхо Интернационала, — как говорил Сукарно, — из Европы донеслось до Азии».

Авторы прослеживают пути воздействия социалистической революции в России и воодушевлявшего ее ленинского учения на Сукарно, который впоследствии неоднократно отмечал: «Огромное влияние на угнетенные народы оказал антиколониальный характер ленинской политики Советского государства, принцип самоопределения наций». «После победы Октябрьской революции в России борьба народов Азии за национальную независимость, против гнета захватчиков разгорелась с новой силой. Эта борьба стала более организованной, ее цель стала ясной и непримиримой, именно: независимость и немедленно», — писал Сукарно.

В книге детально аргументируется положение о том, что Сукарно навсегда вошел в историю революционной антиимпериалистической борьбы как первый в Индонезии деятель национально-освободительного движения, доведший идею национального единства до необходимости сотрудничества с коммунистами. Всю или почти всю свою жизнь Сукарно выступал против «коммунистической фобии». В 1926 г. он формулирует положение, ставшее стержнем всей его последующей политической деятельности. «Мы должны исходить из того, — писал он в статье «Национализм, исламизм, маркс-

изм», — что только единство приведет нас к достижению нашей цели, нашей мечты — независимой Индонезии».

Сукарно первым из деятелей антиколониальной борьбы — и это подробно раскрывается в книге — понял значение идей марксизма-ленинизма для освободительной борьбы угнетенных империализмом народов, значения реального социализма как фактора, меняющего соотношение сил на международной арене в пользу демократии и национального освобождения. Им было сформулировано положение о том, что антиимпериалистический национализм не может одержать победы без той или иной формы союзнических отношений с победившим социализмом, без опоры на определенные положения марксизма-ленинизма, без взаимодействия определенных элементов организации. Историческая роль Сукарно определяется также тем, что он, будучи лидером страны, провозгласил в качестве одного из пунктов государственной идеологии принцип НАСАКОМ — принцип сотрудничества трех основных течений в борьбе за достижение и укрепление государственного суверенитета: национализма, сил, выступающих под знаменем религии, и коммунистического движения.

Велика роль Сукарно в становлении и упрочении на антиимпериалистических позициях движения неприсоединения, ставшего одной из влиятельных сил современности.

Раскрывая положительные стороны в деятельности Сукарно, авторы его политической биографии сумели избежать однобокости в его трактовке, что придает большую ценность проделанной ими работе. В книге обоснованно выделяется непосредственность и мелкобуржуазная иллюзорность позиций Сукарно, который, будучи одним из очень немногих деятелей антиколониальной борьбы, отдававших себе отчет в том, что независимость не является самоцелью, что она лишь средство, условие ликвидации экономической и культурно-технологической отсталости, так и не смог предложить реальной программы развития экономики и улучшения жизни народа.

Историческая ограниченность Сукарно особенно рельефно показывается М. С. Капицей и Н. П. Малетиным на примере того, что идейно-политически Сукарно так и не смог сделать качественного скачка с позиции лидера антиколониальной оппозиции на позицию главы страны и государства. «Привыкнув» в 20—30-е годы к выдвижению лозунгов и программ, направленных на разрушение колониальной системы, Сукарно и как президент выдвигал лозунги и программы, направленные на разрушение, а не на созидание. Характерно, что слова «долгой» и «сокрушить» так и остались преувеличенными в его политическом словаре, не уступив места призывам, а главное, реалистическим, обоснованным программам развития отдельных отраслей и народного хозяйства в целом.

В книге хорошо показано соотношение социальных и политических сил в Индонезии

и в ее руководстве. Мощи прогрессивных патриотических сил, как правило, хватало для принятия прогрессивных законов и распоряжений, но они каждый раз сталкивались с таким сопротивлением, что законы либо совсем не осуществлялись, либо их реализация растягивалась на многие годы. Сукарно оказался совершенно не в состоянии противостоять волне коррупции, охватившей страну и захлестнувшей высшие эшелоны власти. В этих условиях особенно губительным для судьбы страны оказалось ограничение демократических прав и свобод трудящихся и деятельности выражавших их интересы партий и организаций в рамках так называемой направляемой демократии. Пользуясь полной зависимостью политических партий от отношения к ним президента страны, высший эшелон индонезийской бюрократии превратил свои посты в системе государственного управления в источник личного обогащения, первоначального накопления капитала. «Направляемая демократия» Сукарно, поставив бюрократию вне контроля демократических институтов и организаций, тем самым взрвала силы, взорвавшие эту систему и отбравшие политическое лидерство у Сукарно.

М. С. Капица и Н. П. Малетин сумели рельефно показать то обстоятельство, что так называемые силы «нового порядка», пришедшие к руководству страной после 1965 г., являются порождением того, что они называют «старым порядком», что именно по их вине экономика страны при Сукарно находилась в стадии стагнации.

Еще одним большим и важным достоинством рецензируемой книги является то, что она вносит вклад в идейно-политическую борьбу, развернувшуюся вокруг наследия Сукарно. Прежде всего в ней показана несостоятельность трактовки роли Сукарно в индонезийской истории и его идейно-политических позиций буржуазными авторами различных направлений, показано, в силу каких обстоятельств они сознательно искажают его позицию по ряду вопросов. Не менее важно то, что М. С. Капица и Н. П. Малетин в своей книге проливают свет на подлинную роль маоистского руководства Китая в трагедии, которую пришлось пережить индонезийскому народу в 1965—1967 гг. и последствия которой не преодолены еще до сих пор. Авторы обращают внимание на то, что, ограничивая демократические права и свободы своего народа, Сукарно воодушевлялся примером Китая, где, как он говорил, вернувшись из Пекина в 1956 г., люди работают, как муравьи, и ничего не требуют за свой труд. В последующие годы маоистские руководители Китая всячески подыгрывали амбициозным устремлениям первого индонезийского президента, внушали ему ни на чем не основанные представления о его якобы единолично руководящей роли в движении неприсоединения, убеждали Сукарно в том, что те или иные его акции могут коренным образом изменить обстановку в мире. При этом они, добываясь руками, авторитетом и именем Сукарно своих гегемонистских

целей, делали все, для того чтобы поссорить Индонезию с ее подлинными друзьями.

Подводя итог этому периоду деятельности Сукарно, М. С. Капица и Н. П. Малетин обоснованно утверждают: «...Отказ от социально-экономических преобразований, от чистки погрязшего в коррупции государственного аппарата закономерно привел к перерождению индонезийской мелкобуржуазной демократии. Превратившись в замкнутую политическую группировку, связанную личными отношениями, правящая элита во главе с Сукарно объективно задерживала развитие страны, обрекала ее на застой» (с. 241).

Вместе с тем в книге показано, что после смерти Сукарно, когда его негативные практические шаги стали достоянием прошлого, он вновь предстал фигурой общенационального значения, причем каждая из противоборствующих на политической арене Индонезии сторон пытается обратить его наследие в свою пользу. Популярность Сукарно обусловлена тем, говорится в книге, что и в начале своей политической деятельности, и вплоть до конца 50-х годов он дальше всех лидеров антиколониальной освободительной борьбы первого поколения пошел по пути выражения коренных интересов формирующейся индонезийской нации, в том числе ее трудящихся слоев и находящегося в стадии становления пролетариата, что до конца своих дней он оставался символом государственного единства и очень много сделал для осознания общиндонезийской общности представителями более чем ста этнических групп, населяющих Индонезию. В историю индонезийской революции Сукарно вошел также и потому, что он еще в середине 20-х годов лучше своих коллег понял роль и значение рабочего класса в политической борьбе и разработал программу, в определенной мере учитывавшую интересы рабочих.

Рецензируемая книга в значительной степени носит оригинальный характер. Авторам это удалось потому, что они, опираясь на труды предшественников, освещавшие или иные аспекты идейно-политической жизни Индонезии, мобилизовали значительный новый материал, еще не подвергшийся анализу в советском востоковедении.

Удачна и композиционная компоновка книги, которая позволила создать достаточно широкий политический фон, внутри индонезийский и международный, на котором происходило складывание Сукарно к политическому борца, разворачивалась его деятельность на посту президента Республики Индонезии.

Конечно, не все годы из тех сорока лет в течение которых Сукарно находился в центре политической борьбы в своей стране, нашли равное отражение на страницах рецензируемой работы. Например, страницы, на которых описывается деятельность Сукарно в годы японской оккупации, и слишком убедительны. Авторам не удалось подробно объяснить и роль Сукарно в «событиях 30 сентября». Однако слабые стороны книги имеют, скорее, частный характер и обусловлены в том числе и тем, что эти периоды в истории антиколониальной освободительной борьбы вообще и в истории Индонезии в частности еще не получили должной разработки.

В целом же рецензируемая книга занимает достойное место среди политических биографий и портретов лидеров антиколониальной освободительной борьбы. Она внесла весомый вклад в уточнение наших представлений о прошлом и настоящем политической жизни Индонезии, всех прежде колониальных и зависимых стран.

Ю. Н. Гаврилов

Монография о важном идейно-политическом течении в Китае в конце XIX в.*

Первое издание книги члена-корреспондента АН СССР С. Л. Тихвинского появилось более двух десятков лет тому назад, в 1959 г., и сразу же стало заметным событием нашей научной жизни, ибо она бы-

* С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. Изд. 2-е, дополненное. М., «Наука», 1980, 360 с.

ла первым в послевоенные годы фундаментальным исследованием по истории Китая в новое время. Вместе с тем высокие научные достоинства этой книги сделали ее своеобразным образцом изучения идейно-политической жизни Китая и положили начало целой серии публикаций ряда советских авторов (Белов Е. А., Борох Л. Н., Григорьев А. М., Калюжная Н. И., Костяева А. С., Хохлов А. П., Чудодеев Ю. И. и др.), усилиями которых к настоящему времени достигнут большой прогресс многосторонним изучением истории Китая в новое время, что нашло, в частности, свое выражение в публикации такой обобщающей работы, как «Новая история Китая» (1972).

Повторное издание этой монографии именно в настоящее время вполне оправдано, ибо отвечает возросшему интересу нашей научной общественности к истории общественной мысли и прежде всего к проблемам генезиса китайского национализма. Надо, конечно, оговориться, что в то время

Когда писалась рецензируемая книга, автор поставил, естественно, задачи исследования происхождения и критики китайского национализма. Такая задача, как тогда казалось, фактически отнюдь не была. Однако глубокое проникновение в проблематику идеологической жизни Китая конца XIX в., тогда, как реакция на превращение некогда далекого Китая в полуколонию, начинается на фоне ускорившегося капиталистического развития страны бурный процесс складывания китайского национализма, позволяет автору осветить многие вопросы духовной и политической жизни Китая того времени, имеющие непосредственную связь с истолкованием генезиса и развития национализма в Китае, в том числе и национализма современного. Правда, автор не воспользовался переизданием для «современивания» своей книги, и, думается, он поступил правильно, ибо тема реформаторского движения сама по себе представляет огромный научный интерес. И особенно в том ракурсе, который был избран автором для освещения этой темы.

Автор раскрывает тему через анализ двух важнейших аспектов реформаторского движения — политической борьбы Кан Ювэя и его сподвижников за осуществление ряда реформ и духовного развития передовой части китайского общества. Такая широкая постановка исследовательской проблемы потребовала от авторы обращения к очень широкому кругу источников и литературы. Наиболее важный и наиболее достоверный источник — это сочинения Кан Ювэя, подлинного организатора и идейного вдохновителя реформаторского движения. Этот весьма трудный для перевода и истолкования источник впервые в нашей историографии был столь основательно привлечен к исследованию и приоткрыт перед читателем книги широкий и богатый духовный мир выдающегося китайского мыслителя. Были использованы труды сподвижников Кан Ювэя, а также его идейных противников, что сделало картину идейно-политической борьбы того времени широкой и полной, а саму борьбу — зримой. Автором также была использована вся основная китайская, японская, западная и советская литература, посвященная реформаторскому движению. Рецензируемое издание было дополнено интересным и важным разделом, посвященным критическому анализу литературы по данной теме, вышедшей за последние два десятилетия, когда интерес к этой теме значительно возрос, особенно в США. К сожалению, автор не имел возможности сослаться ни на одну советскую публикацию, в которой была бы выполнена работа, начатая С. Л. Тихвинским более двух десятилетий тому назад¹.

Широкое привлечение автором китайских первоисточников, глубокое знание литературы вопроса сделали его книгу убедительной и доказательной.

Вместе с тем хотелось бы указать в этой связи на одну особенность этого исследования. Автор часто прибегает к цитированию используемых документов, причем подчас (особенно в главах 3 и 8) весьма обильному, затрудняяшему, на первый взгляд, чтение книги. Конечно, «легкому» чтению это не способствует, однако заинтересованному читателю эта манера автора дает возможность приобщиться к труднодоступным источникам, позволяет следить за авторской интерпретацией исследуемого текста и тем самым заставляет соглашаться (или наоборот — спорить) с авторскими выводами с весомыми аргументами в руках. Для данного исследования такая манера письма представляется весьма удачной и даже необходимой.

Подчеркивая, что автор рассматривает проблематику реформаторского движения как бы в двух важнейших аспектах, мне бы не хотелось создать впечатление, что в книге имеет место разрыв между показом политической и идейно-теоретической борьбы. Скорее наоборот, автору удалось показать взаимосвязь и взаимовлияние этих двух важнейших факторов общественной жизни.

Большое место в книге занимает глубокий анализ причин возникновения самого реформаторского движения. Автору удалось убедительно показать, что главной причиной, заставившей передовых представителей господствующего класса выступить с требованиями широких политических и экономических преобразований, было национальное унижение, явившееся результатом агрессии капиталистических держав и превращения Китая в полуколонию. В конце XIX в. эта новая историческая ситуация была осознана Кан Ювэем и другими патриотами как национальный кризис, угрожавший самому государственному существованию Китая. Но не только. Для Кан Ювэя и других реформаторов важным стимулом являлся естественный для выходцев из помещичьей среды страх перед народными выступлениями в обстановке распада традиционной государственности. «С раннего возраста Кан Ювэй воспитывался в духе неприязни к участникам движения тайпинов, посягнувшим на священные основы помещичьего землевладения, и проникся страхом перед народными восстаниями» (с. 47). — так пишет автор о становлении мировоззрения своего героя, а несколько ниже дает мотивацию его первого самостоятельного политического шага: «Страх перед восстанием крестьян был, видимо, одной из важнейших причин, побудивших Кан Ювэя написать свой меморандум» (с. 57). Таким образом автор обосновывает стремление Кан Ювэя и его сторонников реформировать общественное устройство страны и тем самым спасти свое господствующее положение в этой модернизированной структуре. Отметим также интересный авторский прием как бы «высвечивания» действительной социально-политической позиции реформаторов:

¹ Если в первое десятилетие после выхода книги С. Л. Тихвинского отказ советских историков от изучения названной проблемы так может еще быть объяснен (и тем самым как-то оправдан) значительностью сделанного первого шага в исследовании реформаторского движения, то в последующие годы этот отказ не может быть оправдан.

для контраста автор кратко показывает реакцию на национальный кризис Сунь Ятсена и его сторонников, стремившихся к спасению родины через революционное ниспровержение маньчжурского деспотизма, а не через реформирование и укрепление маньчжурской империи, как этого хотели Кан Ювэй и другие реформаторы.

Обращает на себя внимание также глубокий анализ позиции императора Цзай Тяня, переход которого на идейно-политические позиции реформаторов автор объясняет прежде всего реакцией на политику капиталистических держав и стремлением к модернизации и укреплению власти династии: «Цзай Тянь рассуждал на то, что реформы укрепят положение маньчжурского двора и императорскую власть, поднимут его авторитет и принесут ему широкую известность. Реформаторы активно поддерживали эти честолюбивые расчеты императора» (с. 169). Впервые в нашей (да и в зарубежной) историографии дано многостороннее и глубокое истолкование политической позиции императора, столь важное, как мне представляется, для правильного понимания событий «100 дней реформ».

В книге показано нарастание недовольства среди представителей господствующего класса антинациональной политикой правящей династии, которое стало важнейшим социально-политическим фактором давления на императора и на верхи цинской администрации, одной из причин обращения императора Цзай Тяня к политике реформ. Вместе с тем автор отнюдь не преувеличивает политического влияния реформаторов, высоко оценивает их политическое бессилие, показывает активную борьбу маньчжурско-китайской реакции во главе с императрицей Цыси против любых попыток изменить сложившиеся социально-политические порядки. Такой глубокий анализ общей ситуации позволяет лучше понять культурно-идеологический момент реформаторского движения — «100 дней реформ» и согласиться с выводом автора, что «хотя движение за реформы осенью 1898 г. и было жестоко подавлено маньчжурским двором, все же оно значительно способствовало росту национально-освободительного движения в Китае» (с. 299).

Большое место в книге занимает идейно-теоретическая проблематика реформаторского движения. Автор подробно рассматривает теоретическое обоснование Кан Ювэем необходимости реформ, которое носило своеобразный характер, детерминированный многовековым господством конфуцианской идеологии. Кан Ювэй выступил с серией научных работ, в которых на основе историко-филологического анализа утверждал, что классические конфуцианские книги являются «подделкой», сознательно искажены, и это искажение, проведенное много веков тому назад некоторыми конфуцианскими учеными в угоду недалеким властителям, стал в дальнейшем главной причиной разложения и упадка китайского общества. Возвращение к «подлинному» тексту, который, как его толковал Кан Ювэй, требовал постоянного об-

новления форм общественной и государственной жизни, позволял заимствовать полезное в других странах, могло стать идейной основой возрождения Китая. Это была своеобразная идеологическая подготовка реформаторского движения. Автор показывает, что эта пропаганда оказала определенное воздействие на умы многих представителей господствующего класса, но одновременно встретила теоретическую и политическую возражения основной части правящих верхов.

Большим достоинством этих разделов книги является весьма трезвая оценка реальной степени научности канювэйевской критики «поддельных» текстов. Автор приводит авторитетные свидетельства китайских и зарубежных ученых, показавшие необоснованность утверждений Кан Ювэя о подделке, и тем самым выявляет сугубо прагматический подход Кан Ювэя к теории столь характерный для китайской политической традиции. Представляется, что в этот весьма содержательный авторский анализ теоретической подготовки реформаторского движения имеет значение, далеко выходящее за рамки рассматриваемой проблематики, ибо (возможно, впервые нашей литературе) очень убедительно вскрывает некоторые коренные специфические черты китайской традиционной политической культуры, придававшей (и придающей сейчас) огромное значение «правильному» толкованию текстов как основе «правильной» политики. Все это вместе с упомянутым прагматизмом придавало и придает своеобразный характер идейно-теоретической борьбе в Китае во многом объясняет ее ожесточенность и низинизм.

В книге уделено много внимания рассмотрению программы реформ, предложенной Кан Ювэем и его сподвижниками, и смотря на то, что реформы эти остались на бумаге. И это вполне справедливо, ибо в истории Китая эта программа сыграла огромную роль. По сути дела, она легла в дальнейшем в основу не только конституционно-реформаторского, но во многом и революционно-демократического движения. Она стала важнейшим источником экономических, социальных и политических идей и программных установок различных течений китайского национально-освободительного движения и тем самым во многом предопределила духовный климат страны в XX в.

Особое место в книге занимает изложение и анализ утопической социальной теории «Великого Единения» («Датун»), разработанной Кан Ювэем в середине 80-х годов и сыгравшей огромную роль в идейно-теоретической жизни китайского общества. Опираясь прежде всего на китайские традиционные утопические концепции, нашедшие отражение в конфуцианских классических книгах, Кан Ювэй создал собственную детально разработанную социальную утопическую систему, реализация которой, как он полагал, сделает людей всего мира счастливыми и равными, а средство достижения этой великой цели он видел прежде всего

в упразднении семьи, частной собственности и государства. Испытав определенное влияние буддизма, даосизма, христианства, канъювевская утопия восходила прежде всего к конфуцианской традиции, и поэтому вполне естественно, что свою во многом оригинальную социальную утопическую теорию Кан Ювэй стремился представить под видом новой, более «правильной» интерпретации идей Конфуция и его последователей. Теория «Великого Единения» была изложена в книге «Датуншу», которая, хотя и была опубликована только после победы Синьхайской революции 1911 г., в рукописи, как подчеркивает автор (с. 255), была хорошо известна ученикам Кан Ювэй и многим сторонникам движения за реформы. Не отразившись прямо на идейно-политических событиях, связанных с кульминацией реформаторского движения («100 дней реформ»), теория Кан Ювэй оказала огромное воздействие на всю духовную жизнь страны первой половины XX в., став своеобразным связующим звеном между китайской традиционной мыслью и идейными поисками китайских патриотов, стремившихся найти пути и средства обновления и возрождения Китая в принципиально новых условиях XX в., существенно повлияв на восприятие идей социализма и марксизма. Монография С. Л. Тихвинского была и, к сожалению, остается пока единственным в советской историографии изложением и анализом этого выдающегося памятника китайской политической мысли.

Рецензируемая книга многопланова и ставит ряд сложных вопросов истории Китая в новое время, и некоторые из них, как представляется, требуют дальнейшего обсуждения и исследования. К ним, в частности, относится вопрос о социальной направленности реформаторского движения, классовой позиции Кан Ювэй и его сподвижников. Автор рассматривает Кан Ювэй как «представителя молодой китайской буржуазии и либеральных помещиков» (с. 80 и др.). Объективно выполнение программы реформ способствовало бы, конечно же, буржуазному развитию Китая, но только это (а других аргументов в пользу этого тезиса в книге, по сути дела, нет), как мне кажется, не делает еще Кан Ювэй представителем буржуазии, представителем интересов капиталистического развития Китая. Главная мотивация всего поведения Кан Ювэй (и это подробно освещено в книге) — стремление к укреплению существующего общественно-политического устройства путем его определенного реформирования, защита коренных классовых интересов китайских помещиков и шэньши и даже попытка спасти пошатнувшийся тропианьчжурской династии. Вся политическая и теоретическая деятельность Кан Ювэй после провала «100 дней реформ» также подтверждает этот тезис. Не случайно Кан Ювэй принимал активное участие в попытке восстановления маньчжурской монархии

в 1917 г., всегда оставался последовательным противником республики. Об этом же свидетельствует и его теоретическая деятельность и прежде всего «Датуншу». Представитель буржуазии не мог быть столь последовательным критиком частной собственности, как об этом неоднократно пишет автор, не мог столь решительно осуждать уже существовавший капиталистический строй, хотя о нем он знал и не так уж много (см. с. 267). Представитель буржуазии, наконец, не мог быть автором такой социальной утопии, как «Датун», а вот представитель традиционных эксплуататорских классов вполне мог быть им, ибо, несмотря на всю свою устремленность в будущее, эта утопия во многом оставалась в рамках традиционной китайской мысли.

Материалы рецензируемой книги позволяют высказать предположение, что складывавшаяся молодая китайская буржуазия не имела еще своих политических представителей, способных отстаивать ее классовые интересы. Из-за традиционной устремленности предпринимательских слоев от политической деятельности китайская буржуазия в конце XIX в. не имела еще реальных возможностей воздействовать на политическое развитие страны, и в том числе на движение за реформы (а может быть, она еще и не имела такой потребности). Не случайно в книге нет никаких материалов об отношении торгово-промышленных кругов к реформаторскому движению.

Первая публикация книги С. Л. Тихвинского более двадцати лет тому назад, когда усилия советских китаеведов были сосредоточены на изучении истории революционного движения, привлекла внимание к нереволюционным участникам китайского национально-освободительного движения, доказала принципиальную важность исследования реформаторского движения как неотъемлемой и существенной части духовной и политической истории Китая. Повторная публикация этой книги представляет несомненный интерес для научной общественности, ибо она обладает подлинной научной актуальностью и может стать стимулом для новых исследований, особенно по истории китайской общественной мысли нового времени. Хотелось бы надеяться, что возросший интерес научной общественности к реформаторскому движению в Китае и его лидеру Кан Ювэй, в ответ на который и появилось новое издание книги С. Л. Тихвинского, подтолкнет наших ученых к продолжению работы, в частности к переводу и исследованию «Датуншу», без которых наши представления об истории китайской политической мысли в новое время, наше понимание генезиса и развития китайского национализма все еще остаются весьма неполными.

А. В. Меликсетов,
профессор

Южная Корея в планах империализма

Освобождение Кореи Советской Армией от японского колониального ига в августе 1945 г. открыло перед корейским народом путь к свободе и независимости. В соответствии с союзническими соглашениями территория Кореи была временно разделена по 38-й параллели на две зоны ответственности — Советской Армии (на Севере) и американской армии (на Юге) для принятия капитуляции японских войск и содействия демократическим преобразованиям. Советско-американская совместная комиссия по Корее, образованная из представителей командования союзных войск, должна была содействовать образованию временного общекорейского демократического правительства. Однако США сорвали работу этой комиссии и повели дело к созданию на Юге сепаратного государства. В мае 1948 г. в Южной Корее в обстановке террора были инспирированы сепаратные «выборы» в Национальное собрание, а 15 августа 1948 г. в Сеуле было провозглашено создание так называемой Корейской Республики. Это положило начало расколу Кореи и господству империализма в южной части Корейского полуострова.

Вот уже более трех десятилетий власть в Южной Корее осуществляют марionеточные диктаторские режимы — вначале полицейская диктатура Ли Сын Мана, а затем, с 1961 г., военно-бюрократический режим Пак Чжон Хи. Убийство диктатора Пак Чжон Хи его подручными в октябре 1979 г. не изменило, да и не могло изменить, ни положения внутри страны, ни ее внешнеполитического курса. Пост президента занял ближайший сподвижник Пак Чжон Хи, бывший премьер-министр Цой Кю Ха. Внешнеполитические обозреватели единодушны во мнении, что решение сменить марionетку было принято в Вашингтоне, поскольку, как писала «Нью-Йорк таймс», «его жесткая линия во внутренней политике, которая навлекла все большую критику со стороны Вашингтона, стала причиной беспокойства и ставить в затруднительное положение два крупных центра организованной власти в стране — вооруженные силы и разведывательное управление»¹.

Особое внимание империализма к Южной Корее объясняется многими причинами, и в первую очередь ее важным военно-стратегическим положением, позволяющим постоянно поддерживать в этом регионе очаг «холодной войны», а также благоприятными условиями для экономической экспансии. В последние годы ее значение для империалистических сил еще более возросло в связи с «нормализацией» американо-

китайских и японо-китайских отношений и отнюдь не бесплодными попытками США пристегнуть Пекин к давно сложившейся военной оси Вашингтон — Сеул — Токио, поскольку геомонистские устремления Пекина чужды интересам корейского народа. Исследованию этих вопросов и посвящена рецензируемая книга*.

Стратегическая цель политики Соединенных Штатов в Азии, заключающаяся в сколачивании здесь антисоветского альянса, прямо связана с их усилиями по укреплению сеульского режима. Если в период «политики сдерживания» Южная Корея рассматривалась как плацдарм США для «отбрасывания коммунизма», то с начала 70-х годов Сеулу отводится главным образом буферная, связующая функция выдвинутого на континент «оборонного рубежа» Японии. Именно отсюда и вытекает система взаимоотношений Вашингтон — Сеул — Токио, определяющая рост американской и японской помощи Южной Корее в достижении ею «военной самостоятельности», то есть в дальнейшей милитаризации страны.

Военное сотрудничество трех сторон осуществляется как в виде поставок оружия и военного снаряжения Сеулу с целью «модернизации» его армии, так и путем отработки взаимодействия вооруженных сил. Так, например, в 1977 г. были проведены южнокорейско-японские военно-морские учения, а летом 1978 г. — крупнейшие американо-южнокорейские маневры под кодовым названием «Тим спирит». В начале текущего года сеульские власти предоставили свою территорию для маневров подразделений интервенционистского «корпуса быстрого реагирования». С Окинавы в Южную Корею было перебросено около 4 тыс. морских пехотинцев, которые, по заявлению министра обороны США Г. Брауна, должны стать костяком «корпуса».

Как известно, в ходе предвыборной кампании президент США Дж. Картер обещал вывести в течение пяти лет американские войска из Южной Кореи. Были даже опубликованы наметки плана вывода сухопутных войск. Однако в 1979 г. Дж. Картер отказался от своего предвыборного обещания, в чем уже тогда просматривалась подспудная подготовка нынешней washingtonской администрации к переориентации ее внешнеполитического курса на замораживание процесса разрядки. Как полагают, изменению планов президента США способствовала и негативная позиция Пекина в отношении свертывания американского военного присутствия в этом районе мира².

Озабоченность пекинского руководства по поводу возможного вывода американских сухопутных войск с Юга Кореи прямо следует из активной антисоветской политики правящей группировки Китая, ее

* В. А. Мариннов, А. В. Торкунов. Южная Корея — база империализма на Дальнем Востоке. М., «Международные отношения», 1979, 131 с.

² См. «Правда», 8, 21.I.1979.

¹ Цит. по: «Правда», 4.XI.1979.

курса на блокирование с империалистическими силами для борьбы против мирового социализма. И хотя истинные интересы Пекина не составляют особого секрета, обнаруживать свою позицию Китай не решается, поскольку это противоречило бы его заявлениям в «поддержку» объединения Кореи, главным препятствием на пути к которому является американское военное присутствие на Юге. По словам консультанта госдепартамента США проф. Д. Загория, в союжении вывода американских войск из Южной Кореи «Пекин практикует два подхода — публичный и приватный. Последний, который он не может высказать открыто, состоит в поддержке присутствия этих войск в Южной Корее»³. Этой же точки зрения придерживается и другой американский специалист — Г. Хигтон, отмечающий, что «Пекин проявляет осторожность, не признавая открыто совпадение своих интересов в Корее с интересами Соединенных Штатов»⁴.

Очередное доказательство двурушничества пекинских лидеров мировой общественности получила, знакомясь с результатами визита в КНР в начале нынешнего года министра обороны США Г. Брауна, в ходе которого обсуждалось положение на Корейском полуострове. Как стало известно, курс Соединенных Штатов на активизацию их военного присутствия в этом районе мира и закрепление раскола Кореи нашел полное одобрение у нынешнего китайского руководства⁵.

Существо китайской позиции, подводят итог авторы, «заключается в том, что сокращение американского присутствия в континентальной Азии уменьшает шансы Пекина спровоцировать здесь столкновение между СССР и США. Провоцируя нагнетание международной напряженности в целом, Пекин не заинтересован в разрядке на Корейском полуострове, которой объективно способствует вывод отсюда иностранных войск» (с. 30).

Планы империализма в отношении Южной Кореи преследуют не только политические, но и экономические цели. Огромная экономическая «помощь» США сеульскому режиму, которая только в 1953—1961 гг. составила около 2,3 млрд. долл. (с. 43), подготовила внутренние условия для широкого проникновения монополистического капитала, для вовлечения страны в международное капиталистическое разделение труда на основе так называемой экспортной стратегии развития.

Согласно этой стратегии, накопления от внешней торговли, образуемые за счет преимущественного развития экспортных отраслей, должны стать материальной основой создания национального хозяйственного комплекса. Научно-техническая революция требует от монополий специализации производства, которую они находят на пу-

тях расчленения производства, с тем чтобы трудоемкие, но технологически простые виды работ организовывать там, где имеется дешевая рабочая сила, то есть в зависимых странах. Этим монополиям не только обеспечивают себе сверхприбыли, но и имеют возможность держать экспортно-ориентированную экономику зависимой страны в сфере своего влияния.

Сеульский режим обеспечил иностранным, в первую очередь американским и японским, монополиям самые благоприятные условия, создав соответствующий инвестиционный климат и введя драконовское рабочее законодательство. С 1971 г. рабочие лишены права прибегать к каким-либо коллективным действиям — от заключения трудовых договоров до забастовок, участие в которых наказывается семилетним тюремным заключением. Правительство наделено правом распускать любой профсоюз, если он «представляет угрозу для безопасности». Заработная плата трудящихся Южной Кореи — одна из самых низких в мире, причем только 13 % рабочих получают больше установленного правительством минимального прожиточного уровня, а 54 % рабочих зарабатывают лишь половину этой суммы. Женщины в Южной Корее получают только 44 % зарплаты мужчин. Рабочая неделя повсеместно составляет не менее 60 часов (с. 71, 72).

Что касается привилегий иностранных монополий, то им разрешено беспрепятственно ввоз оборудования и сырья, свободный перевод из страны всех полученных доходов. Первые пять лет предприятия, построенные на средства зарубежных инвесторов, полностью освобождаются от налогов, а три последующих года облагаются только в половинном размере.

Представление об экспансии иностранного капитала в экономику Южной Кореи дает характер распределения прямых капиталовложений. По сумме инвестиций на первом месте находится текстильная промышленность — основная экспортная отрасль страны (36 % всего экспорта в 1976 г.), на втором месте — электронная промышленность, на третьем — индустрия туризма. Далее идут металлургия, химия и нефтехимия, автомобилестроение и транспортное оборудование, станкостроение. Таким образом, иностранный капитал захватил «наиболее перспективные экспортные отрасли Южной Кореи» (с. 67).

Выборочное развитие экспортных отраслей промышленности привело, как и следовало ожидать, к прямо противоположным результатам. Поступления от экспорта фактически не могут быть использованы на накопление, так как они почти полностью расходуются. В первую очередь из года в год растут затраты на импорт, темпы роста которого опережают рост экспорта. Если в 1972 г. дефицит торгового баланса составлял 0,89 млрд. долл., то в 1978 г. он возрос уже до 2,2 млрд. долл. По подсчетам авторов, начиная с 1973 г. более половины импорта Южной Кореи в той или иной форме идет на удовлетворение нужд экспортного сектора экономики (с. 63).

³ «Korea Newsreview», 1978, August 5, p. 8.

⁴ Major Powers and Peace in Korea. Seoul, 1979, p. 110.

⁵ См. «Правда», 10.1.1980.

Кроме того, застой в импорт-замещающих отраслях, определяемый преимущественными ассигнованиями на развитие экспортных отраслей, приводит к тому, что растущие потребности внутреннего рынка приходится удовлетворять за счет импорта.

Утечка валютных поступлений происходит также в виде растущих выплат по полученным из-за рубежа займам и кредитам. В 1974 г. эти выплаты равнялись 500 млн. долл., а в 1977 г. — 1,4 млрд. долл. Отток капитала происходит также в форме нарастающего ввоза доходов иностранными фирмами. При общей сумме прямых капиталовложений в экономику Юга за 1967—1977 гг. в 712 млн. долл. сумма вывезенных прибылей за этот период составила 173 млн. долл. В то же время растет зависимость Южной Кореи от иностранного капитала. Если в период третьего пятилетнего плана экономического развития (1972—1976) в Южную Корею поступило в общей сложности 6,3 млрд. долл. иностранного капитала, то для покрытия расходов текущего, четвертого пятилетнего плана (1977—1981) потребуется не менее 10 млрд. долл.⁶

В заключительных разделах книги анализируются внешнеполитическая деятельность сеульских властей, проблема взаимоотношений между КНДР и Южной Кореей. Авторы подчеркивают, что «махровый антикоммунизм, а отсюда — агрессивность и авантюризм во внешней политике были всегда присущи режиму... видоизменялась лишь тактика...» (с. 111), и выделяют четыре основных направления деятельности Южной Кореи на международной арене. Во-первых, всемерное укрепление отношений с США на основе военного союза, оформленного договором 1953 г., причем сохранение американских баз рассматривается как фундамент этого союза. Во-вторых, развитие отношений с Японией как в экономической, так и в военно-политической сферах. В-третьих, поиск союзников и партнеров на основе антикоммунизма, а также консолидация связей со всеми реакционными режимами. В-четвертых, активное противодействие КНДР на международной арене, проведение курса на «окружение и изоляцию» КНДР. Эти направления внешней политики Сеула определяются его основополагающей линией на закрепление раскола Кореи.

Последовательный курс КНДР на смягчение напряженности на Корейском полуострове и достижение мирного демократи-

ческого объединения страны без иностранного вмешательства не находит отклика в Сеуле. Этот курс, сформулированный в конкретных предложениях южнокорейским властям, заключается в том, чтобы вывести американские войска из Южной Кореи, являющиеся главным источником напряженности и основным препятствием на пути объединения, и сократить после этого численность вооруженных сил Севера и Юга до 100 тыс. чел.; прекратить наращивание вооруженных сил и гонку вооружений; прекратить ввоз из-за границы оружия и военных материалов; объявить недействительным американо-южнокорейский договор о взаимной безопасности, а также другие договоры, заключаемые между Южной Кореей и другими странами, идущие вразрез с интересами корейского народа; заключить мирное соглашение между Севером и Югом вместо шаткого соглашения о перемирии.

В начале 1980 г. Трудовая партия Кореи и правительство КНДР вновь выступили с призывом возобновить прерванный диалог Севера и Юга. Этот призыв содержится в письмах, которые были направлены представителям властей, политическим партиям, общественным и религиозным организациям Южной Кореи⁷. В этих документах отмечается, что, несмотря на существующие между Севером и Югом различия в общественном строе, необходимо возобновить начатый в 1972 г. мирный диалог и тем самым открыть путь к мирному объединению страны самими корейцами.

Однако, предав забвению подписанное в 1972 г. Совместное заявление Севера и Юга, южнокорейские власти и их империалистические покровители продолжают наращивать военные приготовления. В начале января 1980 г. в Южной Корее вблизи военно-демаркационной линии с КНДР начались маневры американских войск «Мэй жэкс-80», которые газета «Нодон синмун» справедливо расценила как «недопустимый агрессивный акт, ставящий под угрозу мир в Кореи, Азии и во всем мире»⁸.

Борьба корейского народа за мирное демократическое объединение без какого-либо вмешательства извне является вместе с тем и борьбой за освобождение Южной Кореи от империалистических пут. Она способствует ликвидации опаснейшего очага военной угрозы, служит делу обеспечения безопасности всех стран Азии. И эта борьба увенчается успехом.

В. И. Андрианов

⁶ In: «Asian Survey», 1978, № 1, p. 55; № 4, p. 372.

⁷ См. «Нодон синмун». 13—15.I.1980.

⁸ Там же, 8.I.1980.

Японские социалисты о Советском Союзе

Мутному потоку антисоветских измышлений буржуазных советологов, который затопил в последнее время прилавки книжных магазинов Японии, прогрессивные издательства противопоставляют честные, объективные работы ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей, которые стремятся рассказать читателям правду о жизни великого соседа Японии. Одна из таких книг — сборник статей, подготовленный группой членов Общества социализма в нее входили М. Саканаси, Т. Футзита, С. Такахаси и И. Сайто* в результате поездки делегации японских социалистов в СССР в июле 1978 г.

В предисловии к сборнику отмечается, что главная цель поездки делегации в Советский Союз состояла в детальном ознакомлении с деятельностью местных органов власти в СССР и практическим осуществлением положений конституции страны развитого социализма. По словам авторов, необходимость рассмотрения такого рода проблем была продиктована, в частности, тем, что структура и механизм действия местных административных органов Советского Союза и других социалистических стран почти не изучены в Японии.

Стремясь наиболее полно осветить тему исследования, составители сборника обращаются к истории СССР и подчеркивают, что идея Советов родилась в огне революции 1905—1907 гг. Хотя первая русская революция, отмечают они, потерпела поражение, опыт ее позволил в 1917 г. свергнуть царское самодержавие, а затем и господство буржуазии. Авторы пишут, что Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась под лозунгом «Вся власть Советам!», что без создания Советов победа пролетариата в России оказалась бы невозможной.

В книге японских социалистов дается достаточно полная и верная трактовка основ общественного строя СССР. Отмечается (с. 23—24), что вся структура государственной власти в Советском Союзе базируется на трех системах — экономической (существование общественной собственности на средства производства), социальной (сохранение нерушимого союза рабочих, крестьян и интеллигенции) и политической (функционирование механизма Советов народных депутатов).

Большое место уделено в сборнике описанию и анализу системы выборов в органы власти Советского Союза. В связи с этим авторы решительно выступают про-

тив антикоммунистической пропаганды, утверждающей, что в СССР якобы «нет свободы», что «на избирателей оказывается давление» и т. д. Составители сборника подчеркивают, что реальная действительность полностью опровергает подобные измышления (с. 30). Право голоса, отмечают авторы, предоставлено в Советском государстве всем лицам, достигшим 18 лет. Депутатами Верховного Совета СССР могут быть избраны граждане, достигшие 21 года. Выборы депутатов во все Советы народных депутатов производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В предвыборных собраниях в СССР участвуют массы рабочих и служащих предприятий и учреждений. В ходе собраний широко обсуждаются все выдвинутые кандидатуры народных депутатов. Авторы приходят к выводу, что в «Советском Союзе избирательная кампания проводится на несравненно более высоком уровне демократии, чем в Японии» (с. 149).

Опираясь на положения новой Конституции СССР, составители сборника акцентируют внимание на том, что на протяжении всей истории Советского государства Советы в центре и на местах осуществляют деятельность, непосредственно связанную с социалистическим строительством.

При рассмотрении вопросов, касающихся работы местных Советов народных депутатов, авторы подчеркивают, что они, представляя центральную власть на местах, в конкретных формах проводят в жизнь политический курс всего государства и вместе с тем выполняют важную роль в деле повышения благосостояния населения, проживающего на территории их районов.

В книге отмечается, что в Советском Союзе прилагаются большие усилия для всеобъемлющего развития социалистической демократии, в частности расширяются полномочия местных Советов. В отличие от местных административных органов Японии местные Советы СССР служат интересам народных масс и являются «средством преодоления всякого рода бюрократических барьеров» (с. 130—131). Иллюстрируя это положение, составители сборника подробно останавливаются на характеристике распространенной в СССР системы «наказов». Авторы подчеркивают, в частности, что каждый депутат местных Советов, получивший от трудящихся в ходе избирательной кампании «наказы», приобретает индивидуальную программу действий, которая охватывает все сферы общественной жизни — от экономики до культуры — и отражает повседневные нужды населения. В книге положительно оценивается ставшее в Советском Союзе традицией широкое обсуждение всеми слоями трудящихся деятельности Советов народных депутатов. Авторы отмечают, что в соответствии с законом депутаты местных Советов обязаны не менее двух раз в год отчитываться перед своими избирателями. Таким образом, делается вывод, воплощается на практике указание В. И. Ленина о необходимости при-

* Масахиро Саканаси (ред.), Социально-тихо дзэнги (Местные административные органы в СССР). Токио, «Ариэсу сёбо», 1979, 169 с.

влечения народных масс к работе местных Советов и участия всего населения в управлении государством (с. 48—49).

Значительная часть сборника посвящена роли КПСС в жизни Советского государства. Разъясняется, в частности, что однопартийная система сложилась в СССР исторически и что Коммунистическая партия, будучи руководящей и направляющей силой советского общества, осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с профсоюзами, комсомолом, другими общественными организациями и беспартийными массами (с. 34). Под руководством КПСС, отмечается в книге, сформировалась органическая связь между Верховным Советом СССР, Верховными Советами союзных республик и местными Советами народных депутатов. Благодаря этой связи, подчеркивают авторы, социалистическое строительство в стране успешно продвигается вперед (с. 74).

В сборнике подвергается критике утверждение буржуазных идеологов о том, что в местных административных органах Советского государства якобы наблюдается «безраздельное господство коммунистов». Авторы вскрывают полную необоснованность этого утверждения и указывают, в частности, на тот факт, что в РСФСР — самой большой по площади и по населению республике Советского Союза — численность членов партии в местных Советах составляет 46,3%, а беспартийных — 53,7% (с. 36—37).

В книге обращается внимание на огромную роль профессиональных союзов в процессе социалистического строительства в СССР. Подчеркивается, что профсоюзы охватывают фактически все трудоспособное население страны и принимают самое широкое участие в управлении производством (с. 35, 96).

Особое место в работе отведено освещению деятельности органов народного контроля в различных сферах политики и экономики советского общества. Авторы отмечают, что вопрос о целесообразности введения в стране народного контроля был поставлен В. И. Лениным одновременно с победой в России Великой Октябрьской социалистической революции и установлением диктатуры пролетариата. Развивая эту идею в произведении «Государство и революция», В. И. Ленин, подчеркивают составители сборника, глубоко разъяснил важность системы народного контроля на всех этапах строительства социализма. В ходе построения нового общества органы народного контроля усиливались, совершенствовались и вносили неопределимый вклад в дело борьбы с бюрократизмом и укрепления социалистической законности.

Во время пребывания в Советском Союзе делегаты японского Общества социалистов не только изучали структуру и механизм действия местных административных органов СССР, но и стремились получить представление о повседневной жизни рядовых советских граждан. Благодаря личному общению с представителями трудящихся Москвы, Ленинграда, Вильнюса и Кауна у авторов сборника сложилось впечатление, что в Советском государстве открыты и ограниченные возможности для широкого расцвета демократии, экономики и культуры. «Нам, живущим в капиталистическом обществе, в условиях разгула антисоветской, антикоммунистической пропаганды, говорится в книге, — трудно представить себе, что рабочий класс Страны Советов является подлинным хозяином своей судьбы; однако в период нашего посещения СССР мы смогли убедиться, что именно социалистическое общество стоит на страже свободы и истинной демократии» (с. 93—94).

К числу важных достижений советского социального строя японские социалисты относят предоставленные гражданам СССР право на труд, право на отдых, право на охрану здоровья, право на материальное обеспечение в старости и др. Особой заботой, подчеркивают составители сборника, окружены в Советском Союзе женщины и дети. В отличие от Японии в СССР женщины за равный с мужчинами труд получают равную заработную плату. Кроме того, советские женщины наравне с мужчинами участвуют в управлении государством (с. 104). Авторы с удовлетворением отмечают, что в основе идеологического воспитания молодого поколения Страны Советов лежит провозглашение необходимости мира и труда (с. 120).

В заключение составители сборника в полемической форме подводят читателя к выводу, который прозвучал еще в вводной части и затем красной нитью проходит по всем главам книги: подлинное народное государство, демократизм системы выборов в Советском Союзе обеспечивают неоспоримое преимущество социалистического строя над капиталистическим (с. 7, 155).

Авторам на большом фактическом материале удалось показать достижения реального социализма, подготовить правдивый очерк о советской действительности, о жизни и труде граждан СССР. Рецензируемая книга, несомненно, вызовет интерес у широкой японской общественности, будет встречена с удовлетворением теми ее представителями, которые стремятся к разрыву и углублению дружбы и всестороннего сотрудничества с советским народом.

Г. Д. Спекторов

Экспансионизм Пекина на морских рубежах

Вот уже более 20 лет мировая общественность пристально следит за тем, как националистическое руководство Китая, прикрываясь лозунгами борьбы против гегемонизма «сверхдержав», на деле все активнее проводит политику великодержавия.

В региональном масштабе гегемонизм Пекина начал проявляться в форме провоцирования погранично-территориальных конфликтов уже во второй половине 50-х годов. Сближение с США и Японией в 70-е годы используется в Пекине для значительного расширения сферы гегемонистских устремлений: экспансионизм теперь все острее проявляется не только на сухопутных границах, но и на морских рубежах. Анализ форм и методов великодержавной политики Китая на морских рубежах посвящена книга Е. Д. Степанова*.

Основу работы составляют четыре следующие раздела, в которых предметно разоблачаются великодержавие и экспансионизм Китая за последние 25 лет. Автор показывает, что националистическое крыло в руководстве КНР, по существу, никогда не отказывалось от традиционной политики гегемонизма императорского Китая. Хотя, понятно, оно вынуждено было какое-то время маскировать свои устремления. Уже в первые годы после народной революции 1949 г. в ряде выступлений представителей этого крыла, в целом выдержанных в духе новой государственности, закладывались, так сказать, первые камни в фундамент будущих притязаний на соседях на суше и море. В качестве одного из таких выступлений автор не без оснований называет заявление министра иностранных дел КНР Чжоу Эньляя в августе 1951 г. по поводу американско-азиатского проекта мирного договора с Японией и конференции в Сан-Франциско. В нем утверждалось, что острова Южно-Китайского моря — архипелаги Сиша, Наньша, Чжунша и Дунша — «всегда являлись территорией Китая» (с. 28). В дальнейшем, как показывает автор, китайская сторона будет ссылаться на это заявление как на действительно общепризнанное свидетельство «извечной» принадлежности этих островов Китаю. В заявлении Чжоу Эньляя никаких доводов в подтверждение названного утверждения приведено не было. Абсолютная беспечность в подобных суждениях, затрагивающих интересы большого числа стран, сама по себе есть проявление великодержавия, а в устах китайских националистов это еще и потенциальная возможность перерастания его в открытый экспансионизм. Автор выявляет эту

взаимосвязь гегемонизма и экспансионизма на многочисленных примерах.

Как известно, националистическому крылу в руководстве КПК в конце 50-х годов удалось навязать партии и государству авантюристический курс во внутренней и провокационный курс во внешней политике. Именно к этому времени относятся и активизация великодержавной, экспансионистской политики Пекина на сухопутных границах и морских рубежах. Так, весной 1959 г. китайской стороной была до предела обострена обстановка в районе Парасельских островов, которые до этого фактически, по удачному выражению автора, были «молчаливо поделены» между южновьетнамской администрацией и Китаем (с. 31). 15 лет спустя, используя сближение с США, Пекин в январе 1974 г. спровоцировал военный конфликт на этих островах, и вся группа островов оказалась под контролем китайской армии (с. 38).

На большом фактическом материале автор показывает, что после смерти Мао Цзэдуна позиция Китая по вопросу о принадлежности островов Южно-Китайского моря не изменилась (с. 48). Об этом свидетельствуют не только выступления представителей нынешнего руководства Китая, но и притязания «на последний клочок суши, расположенный в Южно-Китайском море и никогда ранее не фигурировавший в списке территориальных притязаний», — риф Скарборо, или Саут Рок, выдвинутые «пока неофициально» в конце 1977 г. (с. 50).

Автор отдает себе отчет во всей сложности размежевания морских рубежей в Южно-Китайском море, являющемся районом хозяйственной деятельности многих стран этого бассейна. Однако он справедливо отмечает, что любые сложности могут и должны быть преодолены заинтересованными сторонами мирным путем, в ходе деловых и конструктивных переговоров. Помехой этому являются попытки китайских националистов присвоить себе право быть повелителями во всем регионе, их оголькие претензии на все острова этого моря (с. 54).

Читатель найдет в книге материал по проблеме принадлежности островов Сенкаку, что находятся в Восточно-Китайском море (с. 54—75). Он вновь убедится в великодержавии Пекина, теперь уже не в отношении малых и средних стран, а в отношении одной из могущественных держав капиталистического мира — Японии. С тем, однако, существенным отличием, что на данном этапе в Китае считают вполне достаточным совершенно определенно и, конечно, однозначно обозначить саму проблему, отложив ее решение до наступления более выгодных обстоятельств.

«Притязания Китая на острова омывающих его морей, — метко формулирует автор глубину экспансионистских замыслов Пекина, — это лишь верхняя, видимая часть того айсберга, каким можно представить все его притязания на морских рубежах...» (с. 76). После 1949 г. в Китае очень своеобразно стали обозначаться «морские границы»: в них включалась вся акватория,

* Е. Д. Степанов. Экспансионизм Китая на море. М., 1980, 157 с.

заклученная между континентом и внешней вающих Китай морей. Автор показывает кромкой островов, не принадлежащих Китаю, а являющихся всего лишь объектом его притязаний. Тщательно проанализировав все терминологические уловки и «хитрости» китайских гегемонистов, автор делает вывод: «Таким образом, можно констатировать, что изображение морских границ Китая, традиционно принятое в китайской картографии после 1949 года, не соответствует требованиям международного морского права и является не чем иным, как актом «картографической агрессии», объектом которой служат не только, а может быть, даже не столько острова Южно-Китайского моря, сколько сама акватория открытого моря» (с. 81). По мере укрепления своей мощи, используя им же спровоцированные конфликты в региональном или глобальном масштабе, Китай непременно будет стремиться реализовать и эту часть программы экспансии.

Этот вывод автора заслуживает тщательного внимания еще и в том смысле, что Китай намерен посягнуть при удобном случае на права всех стран, пользующихся морями, омывающими Китай, для судоходства и всякого рода хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствует ряд фактов, которые уже имели место в практике Пекина. Автор, в частности, приводит заявление главы делегации Китая на заседании Экономического и Социального Совета ООН в мае 1976 г., который выступил с протестом против работ международной гидрографической комиссии по Южно-Китайскому морю. Автор вскрывает за словесными ухищрениями в выступлении китайского представителя откровенные притязания Пекина на всю акваторию Южно-Китайского моря (с. 84—85). Автор далее приводит факты, говорящие о том, что акватория Восточно-Китайского моря в этом отношении не является исключением (с. 86).

И все-таки, как показано в рецензируемой работе, притязания Пекина на суверенитет над открытым морем — вовсе не последнее слово в экспансионистских замыслах китайских националистов на морских рубежах. Сегодня таким словом, полагает автор, являются столь же беспечелляционные претензии на исключительные права Китая на весь континентальный шельф омы-

что данные притязания не остаются на словах. Они уже сегодня актуализируются стремлением Китая помешать какой бы то ни было из стран бассейна Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей осваивать ресурсы континентального шельфа, по крайней мере без ведома и согласия Китая.

Автор аргументированно показывает, что такая позиция китайского руководства находится в явном противоречии с положениями Женевской конвенции 1958 г. о континентальном шельфе. «Курс Пекина», пишет автор, — направлен на приобретение юрисдикции над зонами, на которые Китай не имеет никаких прав, а потому и является откровенно экспансионистским (с. 107).

Хорошо известно, что Пекин любит давать себя за защитника прав и интересов развивающихся стран. Правда, за истекшие 20 с лишним лет было много фактов, облачающих спекулятивный характер позиции Китая по вопросам, касающимся положения ранее отсталых стран в современном мире. Более того, с начала 70-х годов Пекин все определеннее встает на путь империалистической политики, выступая как враг национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Автор на примере работы III Конференции ООН по морскому праву убедительно разоблачает своекорыстие китайской стороны, ее стремление поддерживать любые «максималистские» предложения, которые отвечают целям его великодержавной политики на морских рубежах (с. 120—140).

В заключение автор отмечает, что в своих экспансионистских планах «Пекин» прежде всего обращает взоры на Юго-Восточную Азию и стремится захватить выгодные плацдармы, с которых он мог бы контролировать обстановку во всем регионе и угрожать расположенным здесь странам» (с. 151). Великодержавная, экспансионистская политика пекинского руководства является источником серьезных конфликтов, угрожающих делу мира и стабильности в Азии.

Г. А. Алексеев

Из истории борьбы в руководстве КПК

Воссоздание подлинной истории революционного, в частности коммунистического, движения в Китае требует преодоления больших трудностей. В значительной степени это объясняется тем, что в публикациях

КНР история КПК основательно искажена: в угоду культу личности Мао Цзэдуна, многие вопросы и события или освещены крайне тенденциозно, или просто замалчиваются. Начиная с бесед Мао Цзэдуна с американским журналистом Э. Сноу и «Решений по некоторым вопросам истории нашей партии» (1945), история Коммунистической партии Китая неоднократно произвольно обновлялась, а освещение отдельных периодов, проблем, исторических личностей менялось в соответствии с конъюнктурой. Сейчас даже некоторые китайские авторы признают, что фальсификация истории получила широкое распространение

язывавая, правда, это явление с деятельностью Линь Бяо и «четверки».

За последние 10—15 лет советские ки-
шведы немало сделали для того, чтобы
показать, как в действительности разви-
вился революционный процесс в Китае. Среди
публикаций по этой проблематике заметное
место занимают статьи А. С. Титова,
посвященные разоблачению в историческом
плане националистического характера полити-
ки Мао Цзэдуна, важным событиям в
истории КПК (например, совещаниям в
Янцзы и Цзуньни), борьбе за создание и
сохранение единого фронта, жизни и дея-
тельности видных китайских коммунистов.
Многие из этих статей опубликованы на
страницах нашего журнала. Характерной
особенностью большинства научных работ
А. С. Титова является введение в научный
оборот новых важных исторических фак-
тов, что подчас дает автору возможность
о новомому оценить уже изучавшиеся со-
бытия.

Эти достоинства в полной мере проявил-
ись в новой книге А. С. Титова, посвя-
щенной внутрипартийной борьбе в КПК в
середине 30-х годов*. В центре моногра-
фии — сложные события, которые происхо-
дили в КПК во время отступления Красной
армии Китая из советских районов в доли-
не Янцзы, именуемого в КНР Великим по-
ходом. Внимание автора привлекает в пер-
вую очередь ожесточенная борьба, развер-
нувшаяся между Мао Цзэдуном и Чжан
Готао за власть в партии и армии, кото-
рая нанесла большой урон делу китайской
революции. Однако содержание книги шире
и во временном и в проблемном плане. Оно
включает и освещение событий, происхо-
дивших в районе действий руководимых
Чжан Готао войск 4-го фронта Красной
армии Китая до отступления и соединения
тех с войсками 1-го фронта, возглавлявши-
хся Мао Цзэдуном, и историю отступле-
ния войск КПК под давлением гоминьдан-
овской армии. Автор воссоздает яркую
картину той общей исторической обстанов-
ки, в которой разворачивалась борьба Мао
Цзэдуна за власть в армии и партии, пе-
редает общую атмосферу тех лет, показы-
вает взаимоотношения между отдельными
руководителями КПК.

Несомненным достоинством рецензируе-
мой книги является использование автором
широкого круга источников и литературы.
При этом наряду с глубоким изучением уже
хорошо известных специалистам сборников
документов и материалов («Советы в Ки-
тае», «Стратегия и тактика Коминтерна в
национально-колониальной революции на
примере Китая») привлечены и малоизвест-
ные источники (например, «Дискуссия в
Президиуме ИККИ о лилсаневской ли-
нии»). Широко использованы автором вос-
поминания и другие произведения Ван Ми-
ина, Пэн Дэхуая, Чжан Готао, а также ра-
ботников Коминтерна — Отто Брауна и
С. А. Далина. Учтены достижения совет-

ской историографии и работы буржуазных
авторов. Почерпнутые из разнообразных
источников сведения критически изучены и
тщательно проанализированы автором. В
результате этой работы советское китаеве-
дение обогатилось исследованием, осветив-
шим одно из «белых пятен» в истории КПК.

Несомненной удачей автора представля-
ется сравнительная характеристика взгля-
дов, роли и влияния Чжан Готао и Мао
Цзэдуна в КПК до середины 30-х годов,
когда развернулась анализируемая в книге
борьба. При этом становится ясно, что хотя
до поражения компартии в 1927 г. один
из них (Мао Цзэдун) допускал правооппор-
тунистические ошибки, а другой (Чжан Го-
тао) — ошибки левоуклонистского харак-
тера, между ними было немало общего. Это
общее заключалось прежде всего в стрем-
лении «соединить» марксизм-ленинизм с
национализмом, использовать коммунисти-
ческое движение в националистических це-
лях. «Таким образом, — пишет А. С. Ти-
тов, — и Мао, и Чжан примкнули к зарож-
давшемуся в Китае коммунистическому
движению из националистических сообра-
жений и, как показало дальнейшее, по су-
ществу, остались националистами, не смогли
стать по-настоящему на позиции маркши-
зма-ленинизма» (с. 7). После 1927 г., как
говорится в книге, «Чжан Готао и Мао
Цзэдун поменялись ролями: Чжан Готао
круто повернул вправо, а Мао Цзэдун —
влево» (с. 10). Но общим для них остава-
лось пренебрежение к теории, непонимание
глубинной сущности научного социализма,
роли различных классов в революции, ле-
нинских принципов партийного строитель-
ства и методов внутрипартийной борьбы,
властолюбие и групповщина. Ярким тому
свидетельством явилась и практическая дея-
тельность обоих. Мао Цзэдун и его сторон-
ники организовали истребление несоглас-
ных с ними партийных и военных кадров
в Юго-Западной Цзянси («футяньские со-
бытия», конец 1930 г., и последующие мас-
совые репрессии) и в Западной Фуцзяни
(борьба с «социал-демократами» и «Анти-
большевистским союзом», 1931 г.). Анало-
гичные акции предпринял и Чжан Готао
в ходе борьбы с так называемыми контре-
волюционерами в Хубэй-Хэнань-Аньхуэй-
ском Советском районе в 1931 г. Практи-
чески одинаковой была и позиция обоих по
вопросу о власти. «Есть армия — есть
власть», — говорил Мао. «Сущность власти
на 90 % состоит из вооруженной силы», —
заявлял Чжан Готао (с. 15).

В рецензируемой монографии приво-
дятся интересные данные о советском дви-
жении и самоотверженной борьбе Рабоче-
Крестьянской Красной армии Китая против
гоминьдановских войск. Привлекает внима-
ние значительный фактический материал о
положении в Сычуань-Шэньсийском совет-
ском районе. Это тем более важно, что в
исторической литературе, особенно в ра-
ботах общего характера, в основном при-
водятся сведения о центральных советских
районах.

Немалой заслугой автора рецензируемой
книги следует признать критический анализ
одного из основных источников — мемуа-

* А. С. Титов. Из истории борьбы и
раскола в руководстве КПК. 1935—1936 гг.
М., 1979, 152 с.

ров Чжан Готао. На конкретном фактическом материале А. С. Титов показывает, что многие утверждения и положения, содержащиеся в этих воспоминаниях, преднамеренно крайне запутаны и явно далеки от исторической правды. И это не случайно, поскольку Чжан Готао выполнял социальный заказ своих новых хозяев. Как справедливо отмечает А. С. Титов, основной целью воспоминаний Чжан Готао, написанных в период, когда автор давно отошел от коммунистического движения, было стремление «угодить определенным кругам Запада, чьим интересам отвечает антикоммунистическая, антикоминтерновская и антисоветская направленность его мемуаров» (с. 144).

Выводы, к которым приходит автор монографии в результате проведенного исследования, вполне однозначны. «Факты показывают, — пишет он, — что в беспрецедентной фракционной борьбе за власть в китайской Красной армии и партии победу одержал Мао Цзэдун не потому, что он отстаивал «более правильную линию», как утверждает маонистская историография. Между Мао Цзэдуном и Чжан Готао принципиальных расхождений не было, оба они были людьми одного направления, были подвержены сходным ошибкам, одинаково страстно жаждали господства в КПК» (с. 144). Борьба между группировками Мао

Цзэдуна и Чжан Готао, приведшая в середине 30-х годов к расколу в руководстве КПК и нанесящая большой урон революционному движению в Китае, явилась отражением определенных слабостей, присущих в тот период Компартии Китая. В их числе можно назвать и наличие субъективистских тенденций в руководстве, и чрезмерную роль военно-административных методов, облежавших выдвижение «сильных личностей» и их борьбу за гегемонию. Объективными причинами этих слабостей, как справедливо отмечает А. С. Титов, «следует считать малочисленность и недостаточную зрелость китайского пролетариата, очень сильное влияние на КПК мелкобуржуазной стихии, недостаточный контакт с международным рабочим движением» (с. 144).

Книга А. С. Титова, освещающая одну из наименее исследованных периодов новейшей истории Китая, стала новым вкладом в дело разоблачения маонистской историографии и спекулятивных концепций буржуазных промаонистских авторов. Она способствует дальнейшему распространению концепций советских историков, углублению исследований истории КПК китайскими марксистами.

*В. В. Арунов,
М. Ф. Юрьев,
профессор*

Научный симпозиум по критике и разоблачению великодержавной шовинистической политики пекинского руководства в отношении МНР

В Улан-Баторе 24—25 июня 1980 г. состоялся организованный Институтом истории и Институтом востоковедения АН МНР научный симпозиум на тему «Критика и разоблачение великодержавной политики китайских руководителей в отношении МНР» с участием видных монгольских ученых — китаеведов, экономистов, историков, археологов, этнографов, географов, философов, юристов и филологов. В симпозиуме приняли участие и советские ученые.

Симпозиум открыл вступительной речью президент АН МНР Б. Ширендыб, вел заседание вице-президент Ш. Бира. С основными докладами выступили заместитель директора Института востоковедения АН МНР, доктор исторических наук Н. Ишжамц на тему «Политика пекинского руководства в отношении МНР — составная часть его политики против мирового социализма» и директор Института истории АН МНР академик Ш. Нацагдорж — «Истинная цель маоистской фальсификации истории МНР». На симпозиуме было заслушано также 12 других докладов и научных сообщений, в которых было убедительно показано, что правящие круги Китая продолжают проводить великодержавную политику в отношении МНР, а также населяющих Внутреннюю Монголию и другие национальные районы Китая неханьских народов.

На симпозиуме рассматривался широкий круг проблем истории отношений Монголии и Китая, социально-экономические, политические и идеологические вопросы современного положения МНР и КНР, была дана марксистско-ленинская научная оценка нынешней политики китайского руководства и тенденций ее развития.

В докладах было обращено внимание на то, что сейчас в Китае издан целый ряд работ по истории Монголии, в том числе о сюнну, сяньби, тюрках, уйгурах и киданях. Совсем недавно в КНР опубликован выдающийся монгольский памятник «Сокровенное сказание монголов». В прессе Китая регулярно появляются обширные статьи об известных исторических деятелях, особенно о Чингисхане. Китайцы давно ведут археологические исследования вдоль границы с МНР. Издание указанных работ и статей преследует цель «научно» доказать, будто монголы искони жили на землях Китая, будто с древних времен существовала «единая китайская семья народов», а завоевание монголами Китая было «внутренним делом» страны, будто неханьские народы не имели своей культуры и приобщились к цивилизации только благодаря китайской культуре и т. п. На симпозиуме было убедительно доказано, что подобные наукообразные изыскания противоречат историческим фактам.

Историками МНР и СССР проделана большая работа по разоблачению маоистских фальсификаций. Совместная монголо-советская историко-культурная экспедиция внесла вклад в изучение древней культуры монголов и своими исследованиями способствует разоблачению антинаучных концепций маоистских историков. Совместные труды — третье издание «Истории МНР», «Цивилизация кочевых народов Центральной Азии», «История монголо-советских отношений. 1917—1977» и другие содержат многочисленные фактические данные, разоблачающие маоистских фальсификаторов.

Участники симпозиума рассмотрели также проблемы новейшей истории и международных отношений, связь их с современностью. Так, было отмечено, что Мао Цзэдун и другие националистически настроенные лидеры КПК занимали негативную позицию в вопросе о независимости МНР. Группа Мао Цзэдуна в руководстве КПК даже в период 1949—1960 гг., в условиях все развивавшихся межгосударственных отношений двух стран, за спиной монгольского народа и его правительства неоднократно ставила вопрос о присоединении МНР к Китаю.

Китайское руководство в 60—70-х годах не выполнило своих обязательств по межправительственным соглашениям, до сих пор не передало договора о монголо-китайской границе на регистрацию в ООН (правительство МНР лишь в одностороннем порядке зарегистрировало договор). В настоящее время Пекин усиливает пропагандист-

скую, политическую и научную работу, направленную против МНР, наращивает антисоветизм и происки против стран социализма.

В докладах и сообщениях директора Института экономики АН МНР, доктора экономических наук Х. Дашдондова, ученого секретаря Института истории, доктора исторических наук Н. Сэр-Оджава, ученого секретаря Института востоковедения, кандидата исторических наук Ч. Далая, научных сотрудников Института философии, социологии и права Д. Сангиданзана и Ц. Хандсурэна, научного сотрудника Института востоковедения А. Дамдинсурэна и других содержался глубокий анализ современной экономической, социальной и национальной политики Пекина, новейших данных археологических изысканий. Советские ученые доктор исторических наук С. Д. Дылыков и кандидат исторических наук Р. М. Неронов представили симпозиуму доклады о китайско-монгольских пограничных отношениях и модификации внутренней политики Пекина в национальных районах КНР.

Из научных сообщений привлекли к себе внимание выступления члена-корреспондента АН МНР Б. Гунгадаша на тему «Картографическая агрессия пекинского руководства против МНР», члена-корреспондента АН МНР Ч. Жугдэра и кандидата философских наук Т. Содномдаргия — «Враждебные происки маоистов в движении буддистов за мир». С интересом симпозиум принял выступления филологов: директора Института языка и литературы АН МНР, члена-корреспондента А. Лувсандэндэва на тему «Устный народный роман «Пламя гнева»,

члена-корреспондента П. Хорлоо и научного сотрудника Института востоковедения М. Зэнээ — «Отражение борьбы монгольского народа против маньчжуро-китайского ига в устном народном творчестве», а также заведующего сектором Института языка и литературы Х. Сампилдэндэва — «Критика китайской великодержавно-шовинистической и экспансионистской политики в современной монгольской литературе».

Обращаясь к собравшимся, президент Академии наук МНР Б. Ширендыб подчеркнул, что на современном этапе Пекин продолжает попытки принизить международный авторитет МНР, дискредитирует в глазах развивающихся стран исторический опыт монгольского народа по переходу к социализму, минуя стадию капитализма. В Китае грубо фальсифицируют историю Монголии. Эта работа сейчас проводится по детально продуманному плану и реализуется силами нескольких сотен научных работников-монголоведов и китаеведов. Пекин претендует на руководящую роль в центрах мирового монголоведения и изучения цивилизаций Центральной Азии.

Президент АН МНР призвал монгольских ученых в содружестве с китаеведами и монголоведами социалистических стран углубленно исследовать современные проблемы истории, экономики, культуры и других разделов науки для аргументированного отпора маоистским фальсификаторам, для разоблачения великоханьской шовинистической политики Пекина по отношению к МНР.

Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук

• • •

Памяти ГЕРОНТИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ЕФИМОВА (1906—1980)

3 июня 1980 г. после тяжелой болезни на 75-м году жизни скончался заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета Ленинградского университета, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Геронтий Валентинович Ефимов. Советское востоковедение потеряло крупного исследователя, высококвалифицированного вузовского педагога, активного общественника, горячего патриота своей родины.

Геронтий Валентинович Ефимов родился 3 апреля 1906 г. в Воронежской области в семье сельских учителей. Трудовую деятельность он начал в редакции воронежской областной газеты. В 1929 г. Г. В. Ефимов стал студентом восточного отделения Ленинградского университета, с которым был связан в течение более полувека. С 1941 г. он бессменный руководитель кафедры истории стран Дальнего Востока, в 1949—1952 гг. был деканом восточного факультета, в 1961—1965 гг. — проректором ЛГУ.

Г. В. Ефимов являлся одним из ведущих советских историков Китая. Его научное наследие составляет около 140 работ, в том числе более 10 книг. При всем многообразии научных интересов главное внимание он уделял истории революционного движения китайского народа. Стержневой темой его научного творчества явилось изучение деятельности выдающегося революционера-демократа Сунь Ятсена. Ему были посвящены первые публикации ученого, его кандидатская диссертация, последующие многочисленные труды, в том числе монография «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911—1913). Факты и проблемы» (1974), а также книга о наиболее слабо изученном периоде жизни и деятельности Сунь Ятсена (1913—1922), рукопись которой сдана автором в издательство. Параллельно и в связи с темой Сунь Ятсена им разрабатывались вопросы Синьхайской революции, нашедшие отражение в цикле трудов Г. В. Ефимова, включая книгу «Революция 1911 г. в Китае» (1958). Постоянное внимание и пристальный интерес ученого привлекали также проблемы международных отношений на Дальнем Востоке и внешней политики Китая на рубеже XIX—XX вв. В ряду его трудов по данной теме — монография «Внешняя политика Китая (1894—1899 гг.)» (1959) и др. Широкому кругу советских и зарубежных читателей Г. В. Ефимов известен как автор или как главный редактор целого ряда обобщающих научных работ и крупных учебных пособий, в их числе «Очерки по новой и новейшей истории Китая», «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», «Новейшая история стран зарубежной Азии и Африки», разделы и статьи в Большой Советской Энциклопедии и Советской исторической энциклопедии.

Геронтий Валентинович явился одним из зачинателей советских историографических исследований истории стран Востока. Его перу принадлежат многочисленные работы по историографии истории международных отношений Китая в новое и новейшее время, истории национально-освободительного движения китайского народа, историографические очерки по новой и новейшей истории стран зарубежной Азии и Африки, историко-библиографические обзоры по новой и новейшей истории Китая. Он явился инициатором ставших традиционными историографических конференций, которые регулярно раз в два года проводятся на восточном факультете ЛГУ.

Г. В. Ефимов являлся членом ряда проблемных советов Академии наук СССР, ученых советов различных востоковедных центров, в том числе Института Дальнего Востока, был членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» и других периодических изданий. Он неоднократно представлял советскую науку за рубежом.

Научную работу Геронтий Валентинович сочетал с большой и плодотворной педагогической деятельностью. Им были разработаны и читались многие оригинальные курсы по истории Китая. Его лекции неизменно пользовались большой популярностью. Как заведующий кафедрой и преподаватель он внес заметный вклад в подготовку кадров для отечественной науки и практической работы. Среди его учеников немало кандидатов и докторов наук.

Коммунист Г. В. Ефимов постоянно вел многообразную общественную работу. Он избирался членом Ленинградского горкома КПСС, членом бюро Василеостровского РК КПСС Ленинграда, секретарем партийного комитета Ленинградского университета, был делегатом XXI съезда КПСС. Г. В. Ефимов входил в состав президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, являлся заместителем председателя Ленинградского комитета защиты мира, председателем правления ленинградского отделения Общества советско-китайской дружбы. За эту многолетнюю и активную деятельность он был удостоен медали «Борцу за мир».

Педагогическая, научная и общественная деятельность Г. В. Ефимова отмечена высокими правительственными наградами — орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Знак Почета, медалями.

Геронтию Валентиновичу были присущи высокая партийная ответственность, редкостная энергия и трудолюбие, постоянная увлеченность делом, незаурядные организаторские способности.

Светлая память о Геронтии Валентиновиче Ефимове навсегда сохранится в сердцах его учеников, товарищей по работе, всех советских востоковедов.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1980 ГОД

Статьи

- БОРИСОВ О. Б. Мощный плацдарм революционных сил Китая, № 3 (35).
Борьба Советского Союза за мир и разрядку, № 4 (36).
ИВАНОВ С. П. Благородная миссия армии-освободительницы, № 3 (35).
К 35-летию разгрома империалистической Японии во второй мировой войне, № 3 (35).
Ленинизм и проблемы Китая, № 2 (34).
СЛАДКОВСКИЙ М. И. В освобожденной Маньчжурии, № 3 (35).

«Круглый стол» журнала

Некоторые проблемы внешней и внутренней политики Пекина, № 1 (33).

Экономика и политика

- АГРАНОВ Ю. В. Афганская революция и предательский курс Пекина, № 2 (34).
АКИМОВ В. И., ПОТАПОВ В. И. Экономика КНР в 1979 году, № 1 (33).
АЛЕКСАНДРОВ В. А. Районы Сибири и Дальнего Востока в преддверии XXVI съезда КПСС, № 3 (35).
АНДРЕЕВ В. И., БЕРЕЗКИН Н. М. Решение социальных вопросов в Корейской Народно-Демократической Республике, № 4 (36).
БОРИСОВ В. Н. Пекин: деструктивная политика, № 2 (34).
ГРАЧЕВА В. Г. Ближневосточная политика КНР до и после Кэмп-Дэвида, № 1 (33).
ГРИШИН В. К. Пекин: курсом нагнетания напряженности, № 4 (36).
ГУДОШНИКОВ Л. М., АХМЕТШИН Н. Х. Кодексы КНР — оружие «узаконенных» репрессий, № 3 (35).
ГУДОШНИКОВ Л. М., НЕРОНОВ Р. М. Относительно некоторых модификаций внутренней политики Пекина, № 4 (36).
ГУСАЧЕНКО В. К. XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН и Пекин, № 2 (34).
ЕГОРОВ К. А. Об изменениях в государственной структуре КНР, № 3 (35).
Испытанный авангард вьетнамского народа, № 1 (33).
КАПРАЛОВ П. Б., КРУГЛОВ А. М., ОСТРОВСКИЙ А. В. Некоторые тенденции

- в социально-экономической политике китайского руководства, № 4 (36).
КИРИЧЕНКО В. П. Япония — Латинская Америка: дзайбацу наступают, № 1 (33).
КОВАЛЕНКО И. И. Бандунг: история и современность, № 2 (34).
КОВАЛЕНКО И. И. Борьба Коммунистической партии Японии против великодержавного вмешательства Пекина, № 4 (36).
КОВАЛЕНКО И. И. Борьба КПЯ за демократические преобразования, № 1 (33).
КОВАЛЬ М. В. Современная американская историография о китайско-американских отношениях в 1928—1937 гг., № 4 (36).
КОНОВАЛОВ Е. А. Об эволюции общественно-экономических укладов в КНР, № 3 (35).
КОНОВАЛОВ Е. А., МОИСЕЕВ Л. М., МОРОЗОВ А. П. Об итогах III сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, № 4 (36).
КРИВЦОВ В. А. Антисоциалистический курс внешней политики КНР в отношении развивающихся стран, № 2 (34).
КУДРЯВЦЕВ А. В. Политика Пекина в Латинской Америке, № 1 (33).
МИХАЙЛОВ Б. М. 35 лет советско-китайского сотрудничества, № 3 (35).
НИКИТИН И. Н. Маньчжурия после вывода советских войск (1946—1947 гг.), (Из записок советского дипломата), № 4 (36).
НИКИФОРОВ В. Н. Современные пропагандисты политики «открытых дверей», № 1 (33).
ПЕТУХОВ В. И. Сближение Пекина и Вашингтона — угроза миру и безопасности народов, № 2 (34).
ПОПОВ К. М. Япония: тяжелый груз экономических и политических проблем, № 2 (34).
РЕМЫГА В. Н. Характер изменений в системе управления народным хозяйством КНР, № 4 (36).
СПАНДАРЬЯН В. Б. Советско-японские торгово-экономические отношения, № 3 (35).
ТАМГИНСКИЙ И. И. Япония в тисках противоречий, № 3 (35).
ТИТОВ А. С. К вопросу о реабилитации героя китайской революции Пэн Дэхуая, № 2 (34).

- УКРАИНЦЕВ М. С. Акция, противоречащая интересам мира и социализма, № 1 (33).
 ФЕТОВ В. Н. К итогам пленума ЦК КПК, № 2 (34).
 ФИЛАТОВ Л. В. Стоимостная оценка советско-китайского научно-технического сотрудничества (1949—1966), № 1 (33).

Идеология

- АСЛАНОВ Р. М., БОЛОТИН Б. А. Идеино-политический крах маоистских группировок, № 2 (34).
 АСЛАНОВ Р. М., БОЛОТИН Б. А. Поражение маоизма в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, № 4 (36).
 ПЕРЕЛОМОВ Л. С., АБАЕВ Н. В. Буддизм в Китае: исторические тенденции и современность, № 3 (35).
 ПОСПЕЛОВ Б. В. Антимарксистские концепции японских буржуазных обществоведов о сущности классов и классовой борьбе, № 2 (34).
 СЕНИН Н. Г. Философия наследников Мао Цзэдуна, № 1 (33).
 ФЕОКТИСТОВ В. Ф., ЯЩЕНКО Г. Н. Идеологическая борьба в Китае на современном этапе, № 1 (33).

История

- МИРОВИЦКАЯ Р. А. Страницы пролетарской солидарности, № 2 (34).
 ТИТОВ А. С. К 25-летию гибели Гао Гана, № 4 (36).
 ТИТОВ А. С. Расправа Мао Цзэдуна со своими противниками в 1930—1931 гг., № 1 (33).
 ЦВЕТОВ П. Ю. Историческая наука Вьетнама сегодня, № 3 (35).
 ШЕВЕЛЕВ К. В. Из истории образования Коммунистической партии Китая, № 4 (36).
 ЯСЕНЕВ В. С., КРУЧИНИН А. Г. Правда о территориальном размежевании между Россией и Китаем, № 2 (34).

По страницам печати братских стран

- Пекин бряцает оружием, № 1 (33).

Комментарии

- НИКОНОВ С. Н. О планах создания новой региональной организации стран бассейна Тихого океана, № 2 (34).

Культура и наука

- ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. Дело Дэн То: реабилитация или присвоение авторитета? № 1 (33).
 ЛОНЩАКОВ Г. С. Печать КНР — средство манипулирования общественным сознанием, № 3 (35).
 МАМОНОВ А. И. Курахара Корэхито — исследователь русской литературы (Фрагмент японского пушкиноведения), № 4 (36).
 НИКУЛИН Н. И. Нгуен Чай — национальный герой и поэт Вьетнама, № 3 (35).

- ФЕДОРЕНКО Н. Т. Проблемы китайской драмы, № 3 (35).
 ЧЕГОДАРЬ Н. И. Основные этапы развития послевоенной японской литературы, № 2 (34).

Борцы за великое дело

- КОБЕЛЕВ Е. В. Хо Ши Мин — патриот, коммунист, человек, № 1 (33).

Очерки и сообщения

- БЕЛОУСОВ С. Р. Цзоу Таофэнь — поборник китайско-советской дружбы, № 1 (33).
 ПАЩЕНКО Е. Г. Э. Сноу и «китайская карта», № 4 (36).
 ПОСТРЕЛОВА Т. А. Образ В. И. Ленина в изобразительном искусстве МНР, № 3 (35).

Говорят они сами

- Из доклада Дэн Сяопина 16 января 1980 г. на совещании кадровых работников в Доме народных собраний в Пекине, № 3 (35).

Воспоминания

- РОГОВ В. Н. Беседы о Лу Сине (Из записок 30-х годов), № 4 (36).
 ШЕВЕЛЕВ К. В. Воспоминания Лю Цзэжуна о В. И. Ленине, № 2 (34).

Критика и библиография

- АЛЕКСЕЕВ Г. А. Курсом на милитаризацию страны, № 2 (34).
 АЛЕКСЕЕВ Г. А. Экспансионизм Пекина на морских рубежах, № 4 (36).
 АНДРИАНОВ В. И. Южная Корея в планах империализма, № 4 (36).
 АРУНОВ В. В., ЮРЬЕВ М. Ф. Из истории борьбы в руководстве КПК, № 4 (36).
 АРХИПОВ В. А. Три десятилетия — три полттики, № 2 (34).
 ГАВРИЛОВ Ю. Н. Политический портрет лидера антинимпериалистической борьбы индонезийского народа, № 4 (36).
 ДОЛМАТОВ В. А. Маоизм — идейный и политический противник мирового революционного движения, № 3 (35).
 КОЗИН В. П. Индийский океан: зона мира или театр военных действий?, № 1 (33).
 КРИВЦОВ В. А. Монография об освободительной борьбе китайского народа, № 3 (35).
 ЛАППО Ф. Ф. Китай после «культурной революции», № 3 (35).
 ЛИ В. Ф. Исследование социальной стратегии колониализма, № 3 (35).
 МАМОНОВ А. И. Ощущение Японии, № 1 (33).
 МЕЛИКСЕТОВ А. В. Монография о важном идейно-политическом течении в Китае в конце XIX в., № 4 (36).
 МОСКАЛЕВ А. А. Полезное пособие, № 1 (33).
 ПОПОВ М. Д. От великого похода до агрессии, № 1 (33).

- РЫБАКОВ П. И. Против возрождения японского милитаризма, № 1 (33).
- СОРОКИН В. Ф. Становление прогрессивной литературно-критической мысли в Китае, № 3 (35).
- СПЕКТОРОВ Г. Д. Японские социалисты о Советском Союзе, № 4 (36).
- СПЕШНЕВ Н. А. Эволюция образа в китайской классике, № 3 (35).
- СТАСОВ С. К. СССР, США и народная революция в Китае, № 2 (34).
- УКРАИНЦЕВ М. С. Против маоистских извращений истории Центральной Азии, № 2 (34).
- ХЛЫНОВА Р. Д. Рыбное хозяйство Японии, № 1 (33).
- ЯКИМОВА Т. А. Опыт развития по некапиталистическому пути, № 2 (34).

Научная жизнь

- КАПУСТИН Д. Т. Международный молодежный семинар в Находке, № 1 (33).
- КРИВЦОВ В. А. Советско-японская конференция «Круглого стола» в Токио (декабрь 1979 г.), № 1 (33).
- Научно-теоретическая конференция «Характер и особенности экономического и социального развития КНР на современном этапе», № 2 (34).
- НЕРОНОВ Р. М. Научный симпозиум по критике и разоблачению великодержавной шовиннистической политики пекинского руководства в отношении МНР, № 4 (36).
- Политика Китая в отношении развивающихся стран, № 2 (34).
- Памяти Геронтия Валентиновича Ефимова (1906—1980).

Сдано в производство 9/Х 1980 г. Подписано к печати 2/ХI 1980 г. А 14722 от 21.XI.80.
 Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6,5 Печ. л. 13,0 Уч.-изд. л. 21,33 Изд. № 31434

Цена 50 коп. Заказ 2561 Тираж 21 017 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
 Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
 Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области